ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГБ1
Б983г

ДЖ. БЬЮКЕНЕН

ГБ1
Б983-2

МЕМУАРЫ ДИПЛОМАТА

СО СТАТЬЕЙ
А. КЕРЕНСКОГО:
„ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ"

Ст 4(14)

2-е издание

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

Воспоминания и исторические документы

Авдеев, Н. и Владимирова, В. Революция 1917 г. Том I. Ц. 1 р. 40 к. Том II. Ц. 2 р. 50 к. Том III. Ц. 3 р. Том IV. Ц. 3 р. 50 к.

Антанта и Врангель. Сборник статей. Ц. 90 к.

Бисмарк, О. Вильгельм II. Воспоминания и мысли. Пред. М. Павловича. Ц. 75 к.

Белов, В. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутьи. Ц. 50 к.

Его же. Белая печать. Ц. 30 к.

Бекстон, Ч. Р. В русской деревне. С пред. Ф. Ротштейна. Ц. 35 к.

Большевистские тайные типографии в Москве и Московской области. Ц. 50 к.

Борьба за Петроград. 15 октября—6 июля 1919 г. Ц. 2 р.

Бройде, С. В советской тюрьме. С пред. Н. Л. Мещерякова. Ц. 80 к.

Булацель, А. На родину из стана белых. Ц. 90 к.

Вильсон, Вудро. Мировая война. Версальский мир. Пред. М. Павловича. Ц. 1 р. 50 к.

Виллиам, Г. Распад добровольцев. („Побежденные".) Из материалов белогвардейской печати. Ц. 45 к.

Вильямс, А. Очерки русской революции. С 9 фотогр. снимками. Ц. 1 р. 20 к.

Витте, С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т. I. Ц. 2 р. 25 к. Т. II. Ц. 2 р. 25 к. Т. III. Ц. 3 р.

Волконская, М. П., кн. Записки. Библиотека мемуаров под ред. П. Е. Щеголева. Ц. 50 к.

Гуль, Р. Ледяной поход (с Корниловым). Пред. Н. Л. Мещерякова. Ц. 50 к.

Дело Бориса Савинкова. С пред. Ем. Ярославского, статьями Луначарского, Радека, Милютина и примечаниями Шубина. Ц. 55 к.

Дневник П. А. Кропоткина. Пред. А. А. Борового. С портр. Кропоткина. Ц. 1 р.

Кайо, Ж., бывш. французск. премьер. Куда идет Франция? Куда идет Европа? Вводная статья М. Павловича. Ц. 85 к.

Камский Русские белогвардейцы в Китае. Ц. 25 к.

Кон, Ф. Сорок лет под знаменем революции (Воспоминания.) Ц. 80 к.

Курлов, П. Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира корпуса жандармов. Ц. 75 к.

Лелевич, Г. В дни самарской учредилки. Ц. 6 к.

Его же. Стрекопытовщина. Страничка из истории контр-революц. выступлений в годы гражданской войны. Ц. 60 к.

Лемке, Мих. Политические процессы Изд. 2-е. (По архивным документам.) Ц. 3 р.

Лепешинский, П. На повороте. Воспоминания. Ц. 40 к.

Лопухин, А. А. Отрывки из воспоминаний. (По поводу воспоминаний С. Ю. Витте.) Пред. М. Н. Покровского. Ц. 40 к.

Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне. 1914—1918 г. г. Перев. с 5-го нем. изд. Под ред. Я. Свечина. Т. I. Ц. 4 р. 50 к. Т. II. Ц. 2 р. 50 к.

Максаков, А. и Нелидов, М. Хроника революции. Вып. I. Ц. 50 к.

Мартынов, В. Мои украинские впечатления и размышления. Ц. 20 к.

Мемуары германского кронпринца. Пред. В. Кряжина. Ц. 75 к.

Моризэ, А. У Ленина и Троцкого. Ц. 50 к.

Нансен, Ф. Россия и мир. С пред. Н. Л. Мещерякова. Ц. 60 к.

Новиков, В. Воспоминания подпольщика. 1900—1913 г. г. Ц. 60 к.

Носке, Г. Записки о германской революции. От восстания в Киле до заговора Каппа. Ц. 60 к.

Ольминский, М. Три года в одиночной тюрьме. Ц. 60 к.

Его же. Из прошлого. Сборник статей. Ц. 25 к.

М Е М У А Р Ы

Джордж Бьюкенен
БЫВШ. АНГЛИЙСКИЙ ПОСОЛ В РОССИИ

Мемуары Дипломата

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
С. А. АЛЕКСЕЕВА и А. И. РУБЕНА
ПРЕДИСЛОВИЕ В. ГУРКО-КРЯЖИНА

С приложением статьи
А. Керенского
„Временное Правительство и царская семья"

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

К. 1924
П

ГБ1
Б 983 2

БИБЛИОТЕКА
Ин-та Марксизма-Ленинизма
при ЦК КПСС
109821

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№
БИБЛИОТЕКА

172 1924 109821

сф
39904

Гиз. № 7897. Главлит. № 25780. Москва. Напеч. 5000 экз.

Госиздат. 1-я Образцовая типография, Пятницкая, 71.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Война и революция в изображении английского дипломата 7
Предисловие автора 27
Глава I. **1876 — 1880.** 31
Вена. — Рим. — Мое путешествие через Америку. — Впечатления от этого путешествия. — По дороге в Токио.
„ II. **1880 — 1888** 39
Токио. — Снова Вена. — Австро-Русское соперничество на Балканах. — Обзор положения в Болгарии. — Отречение князя Александра и избрание князя Фердинанда.
„ III. **1888 — 1900.** 45
Берн-Дармштадт и Карлсруэ. — Мои личные отношения с королевой Викторией.
„ IV. **1898 — 1903.** 49
Представитель в Венецуэльском третейском трибунале. — Советник в Риме и Берлине. — Англо-Германские отношения. — Генеральный представитель и консул в Софии.
„ V. **1887 — 1904** 55
Обзор правления князя Фердинанда. — Женитьба князя. — Эра личного управления. — Переход в православие князя Бориса. — Болгария и македонское повстанческое движение.
„ VI. **1904 — 1908.** 62
Мой прием у князя Фердинанда. — Отношение Болгарии к Греции. Сербии и Румынии. — Визит князя Фердинанда в Лондон. — Германское, австрийское и русское влияние. — Лучшие отношения с Россией.
„ VII. **1908 — 1910.** 70
Болгария и младо-турецкое движение. — Признание державами князя Фердинанда в качестве короля. — Моя миссия в Нидерландах. — Мое назначение послом в Петербург.
„ VIII. **1911** 77
Отношение России к Германии и Австрии. — Моя первая беседа с императором Николаем. — Потсдамское соглашение и его происхождение. — Персидский кризис. — Претензии России на расширение ее морской юрисдикции. — Случай с Поваже.
„ IX. **1912 — 1914.** 87
Визит Британской парламентской делегации в Санкт-Петербург. — Улучшение англо-персидских отношений. — Персидский вопрос. — Действия русских консулов в Персии. — Беседа об этом с императором. — Трансперсидский железнодорожный путь.

Глава X. **1912—1913** 92
Австро-русские отношения. — Растущая разруха на Балканах. — Сербо-болгарский договор в феврале 1912 года. — Образование Балканской конфедерации. — Балканский кризис. — Совещание в Бальморале. — Первая Балканская война. — Позиция России по отношению к Балканским государствам. — Сербский порт на Адриатическом море. — Опасность австро-руского конфликта. — Миссия принца Гогенлоэ в С.-Петербурге. — Ослабление напряжения. — Албания. — Конференция по вопросу о болгаро-румынской границе.

„ XI. **1913—1914** 101
Обзор русской политики за время первой Балканской войны. — Недостаток солидарности у Тройственного Согласия по сравнению с Тройственным Союзом. — Выступление Сазонова за англо-русский союз. — Мне предлагают посольство в Вене. — Вторая Балканская война. — Бухарестский договор. — Назначение генерала Лиманафон-Сандерса командиром первого армейского корпуса в Константинополе.

„ XII. **1896—1914** 109
Мои отношения с императором и императорской семьей. — Императрица Александра. — Первые аудиенции у императора в 1896 г. — Его большая личная привлекательность. — Императрица Мария. — Великая княгиня Мария Павловна. — Великая княгиня Виктория и великая княгиня Ксения. — Великий князь Николай Михайлович.

„ XIII. **1914** 114
Германская критика Антантовской политики. — Желание России и Великобритании сохранить хорошие отношения с Германией. — Представление австрийского ультиматума в Белграде.

„ XIV. **1914.** 121
Беседа во французском посольстве. — Сазонов настаивает на том, что войну можно предупредить лишь заявлением Великобритании о полной солидарности с Францией и Россией. — Великобританское правительство берет на себя роль посредника. — Примирительная позиция России. — Ход переговоров. — Австрия об'являет войну. — Мобилизация в России. — Германия угрожает России. — Ультиматум и об'явление войны.

„ XV. **1914.** 131
Опровержение некоторых утверждений относительно моей позиции по отношению к участию Великобритании в войне. — Манифест императора о войне. — Об'единение нации вокруг трона. — Патриотические сцены в Москве. — Наступление в Восточной Пруссии. — Танненбергская битва. — Польская кампания. — Недостаток боевых припасов и оружия в России. — Мирная кампания графа Витте.

„ XVI. **1914—1915** 138
Вступление Турции в войну. — Закрытие проливов. — Россия просит санкции возможного присоединения Константинополя. — Мое свидание по этому вопросу с императором. — Переговоры с Болгарией. — Просьба к Сербии об уступках в Македонии. — Союзники и Сербия. — Политическое соглашение с Румынией.

„ XVII. **1915** 146
Русские в Карпатах. — Германские мероприятия против этого. — Маккензен принимает на себя командова-

ние.— Сдача Варшавы и других крепостей.— Император берет на себя верховное командование.—Влияние, жизнь и характеристика Распутина.— Отставка реакционных министров.—Дума.—Резолюция Земского Союза о правительстве, пользующемся доверием нации.—Первые разговоры о мире.

Глава XVIII. **1916** 156
Улучшение в военном положении. — Успех наступления Брусилова.—Румыния опаздывает со вступлением в войну.—Назначение Штюрмера председателем совета министров.—Я получаю почетное гражданство города Москвы.

„ XIX. **1916** 162
Польский вопрос. — Отставка Сазонова. — Назначение Штюрмера министром иностранных дел. — Штюрмер и германофилы.— Мое обращение к императору по вопросу о внутреннем положении.

„ XX. **1916** 172
Анти-британская кампания германцев. — Назначение Трепова председателем совета министров и Покровского министром иностранных дел. — Политика императрицы и ее мотивы.— Убийство Распутина.— Перемена правительства в Англии.

„ XXI. **1917** 180
Отставка Трепова. — Назначение Голицына председателем совета министров.—Моя последняя аудиенция у императора. — Союзная конференция и ее исход.

„ XXII. **1917** 189
Моя телеграмма с отчетом о положении в России для информации обще-имперской конференции.—Начало революции.—Телеграмма Родзянко императору.— Позиция правительства и Дума. — Император решает назначить военного диктатора и возвратиться в Петроград.—Назначение Думой Исполнительного Комитета. — Образование Совета. — Запоздалое предложение уступок со стороны императора.—Отправление делегата в г. Псков с требованием отречения императора.—Назначение Временного Правительства. — Временный отказ великого князя Михаила Александровича от престола.

„ XXIII. **1917** 200
Арест императора и императрицы. — Роковое влияние императрицы. — Характер и воспитание императора.— Обзор его царствования.—Его фатализм и твердая вера в промысел божий.

„ XXIV. **1917.** 210
Наше признание Временного Правительства.—Выдвинутое против меня обвинение в поощрении русской революции.

„ XXV. **1917** 220
Восстановление порядка в Петрограде.— Подрыв дисциплины в армии. — Временное Правительство. — Борьба между правительством и Совтом.—Взгляды Керенского.— Выступление на сцену Ленина.

„ XXVI. **1917.** 229
Борьба между Милюковым и Керенским.—Цели войны.— Столкновение с Советом. — Правительство одерживает моральную победу.—Назначение Керенского военным и морским министром. — Социализм у власти. — Кадеты.— Социалисты-революционеры. — Социал-демократы.—Большевики.

Глава XXVII. **1917.** 240
Миссия Гендерсона, ее происхождение и цели. Созыв Всероссийского Съезда Советов Рабочих Депутатов.— Большевистская пропаганда против войны.—Предложение Терещенко Союзной конференции.—Большевистское восстание в Петрограде.

„ XXVIII. **1917** 249
Назначение Керенского министром-председателем. — Стокгольмская конференция.— Московское Совещание и его результаты.

„ XXIX. **1917.** 261
Слухи о контр-революционном движении.—Разрыв между Керенским и Корниловым.—Керенский отклоняет переговоры с Корниловым и объявляет его изменником.—Приказ Корнилова войскам о наступление на Петроград.— Остановка движения.—Корнилов подчиняется.

„ XXX. **1917.** 268
Совет получает перевес. — Демократическое Совещание принимает коалиционное правительство.—Беседа с Терещенко и Керенским. — Правительство созывает Временный Совет республики в качестве совещательной палаты. — Представительство России на Парижской конференции.

„ XXXI. **1917** 277
Слухи о большевистском восстании.—Поражение правительства во Временном Совете.—Выступление большевиков. — Исчезновение Керенского. — Бомбардировка Зимнего дворца.— Арест министров.— Образование большевистского правительства.—Конец Керенского.—Большевики становятся хозяевами севера России.

„ XXXII. **1917.** 286
Предложение перемирия Троцким.—Его нападки на союзников. — Троцкий отказывает британским подданным в разрешении на выезд из России.

„ XXXIII. **1917—1918** 297
Моя беседа с журналистами о нашем отношении к переговорам о перемирии.—Подписание перемирия.—Разрастание анархии в Петрограде.—Призыв Троцкого к союзным народам. — Цели большевиков. — Последний день в Петрограде.

„ XXXIV. **1918—1922** 306
Наше путешествие на родину через Финляндию.—Телеграмма военного кабинета. — Моя неофициальная работа по русскому вопросу.—Англо-русский клуб.—Мои взгляды на положение в России и на политику интервенции.

Приложение: А. Ф. Керенский. Временное Правительство и царская семья 310

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ В ИЗОБРАЖЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ДИПЛОМАТА

1

Мемуары Джорджа Бьюкенена, недавно вышедшие в двух томах в Англии [1]), несомненно, представляют большой исторический интерес. В течение почти полувека Бьюкенен нес дипломатическую службу в Европе, кочуя из Австрии в Германию, из Софии в Петербург и т. д. Особое значение представляют его воспоминания благодаря тому, что дипломатическая служба Бьюкенена главным образом протекла в Болгарии (с 1904 по 1910) и в России (с 1910 по 1918). Являясь представителем Англии в этих странах в наиболее критические годы, Бьюкенен наблюдал, вернее, сам принимал участие в подготовке мировой войны, находился в центре сложных балканских и русско-английских отношений и, наконец, очутился в водовороте сначала февральской, а затем и Октябрьской революции.

Всякие воспоминания, конечно, неизбежно отличаются суб'ективностью. Необходимо поэтому прежде всего в общих чертах уяснить: какова же физиономия самого Бьюкенена? Мемуары дают чрезвычайно много материала для ответа на этот вопрос. Мы имеем перед собой типичнейшего представителя европейской дипломатии накануне мировой войны; недаром сам же Бьюкенен, шутя, заявляет, что, подобно поэтам, он «родился» дипломатом. Полувековая беспрерывная служба, ряд отличий, ответственные дипломатические посты — все это доказывает, насколько высоко ценило английское правительство Д. Бьюкенена. И вот, присматриваясь к этому бесспорному участнику мировых событий, мы видим

---

[1]) G. Buchanan «My Mission to Russia and other diplomatic memories», L. 1920. I—II.

чопорного сноба, избалованного жуира и льстивейшего царедворца. Десятки страниц «Воспоминаний» заполнены описанием великосветских балов, охот, придворного флирта и т. п. Эти развлечения, однако, далеко не всегда отличались изысканным характером: так, автор рассказывает, как однажды он 13 раз выпил перед завтраком; в другой раз придворное общество было настолько пьяно, что лишь трое были в состоянии возвращаться с праздника верхом и т. п. Поверхностность нашего дипломата доходит часто до комических размеров. Приезжая в Нью-Йорк, он делает, напр., глубокомысленное наблюдение, что «тамошние кафе могут вполне сравниться с парижскими»; много лет спустя, побывав в Зимнем дворце на обеде, он с негодованием замечает, что последний «не оправдал возлагаемых на него надежд... ни с гастрономической точки зрения, ни по сервировке он не мог сравниться с королевскими обедами в Букингамском замке...».

Напыщенный дендизм, гордость собственным заводом пони, болезненная страсть к орденам — все эти штрихи дополняют характеристику Бьюкенена.

Правда, лишь обладая всеми этими данными, можно было с успехом нести дипломатическую службу в довоенной Европе. Ряд забавных черточек, целых картинок, даваемых Бьюкененом, доказывает, насколько щекотливым и деликатным было положение дипломатов. Старые монархические дворы Европы смотрели на них не как на представителей великих держав, а как на придворных лакеев, обязанных подчиняться всем правилам этикета. Бьюкенен, не замечая унизительности своего положения, спокойно рассказывает, напр., как какой-то мелкий немецкий князь в сердцах послал его к чорту на придворном ужине за допущенную им ошибку в этикете. Что касается до России, то Бьюкенен принужден даже отметить, что при царском дворе дипломатов иногда трактовали, как слуг, конечно, придворных. Как же реагирует на это Бьюкенен, этот представитель великой свободолюбивой Англии? Как истый царедворец, он просто не чувствует всего того холопства, низкопоклонничества, которое он буквально расточает в течение всей своей дипломатической карьеры. Чего стоит, напр., рассказ, как он на одном званом вечере пытался обратить на себя внимание Нико-

лая II, трижды становясь в комнате так, чтобы непременно попасть на глаза царю, и в результате добился лишь царского рукопожатия и пожелания доброй ночи.

На-ряду с чисто дипломатическими поручениями Бьюкенену приходится исполнять и более интимные. Так, напр., находясь в Дармштадте, он обязан был секретно сообщать королеве Виктории интимные сведения о жизни ее внуков — великого герцога Гессенского и его жены. Эти шпионские функции казались Бьюкенену, впрочем, довольно тяжелыми, и он с очаровательной наивностью замечает, что на нем «лежала обязанность сообщать королеве о всех их шагах и ошибках — задача весьма незавидная, особенно, принимая во внимание величайшую любезность их королевских высочеств по отношению к нам и знаки интимной дружбы, какие они проявили, допустив нас в свой семейный круг».

Однако эта детективно-дипломатическая служба в Дармштадте несомненно сыграла крупную роль в карьере Бьюкенена: у него завязываются личные связи с королевой Викторией, после чего перед ним открывается широкое служебное поприще.

2

Около половины книги Д. Бьюкенена посвящено балканскому вопросу и вытекающим отсюда международным осложнениям. Эта часть имеет чрезвычайно крупное значение для выяснения генезиса мировой войны. Мы видим яркую картину балканской действительности,—увы!—мало изменившуюся и в настоящее время. Конечно, Бьюкенен, как это вытекает из его общей характерности, не может дать сколько-нибудь серьезной концепции развертывающихся перед ним событий. Политическая обстановка целиком обусловливается для него личными отношениями балканских монархов, например, неприязнью Карла румынского к Фердинарду болгарскому и т. д. Но вместе с тем Бьюкенен дает ряд очень колоритных картинок. Он рисует нам Фердинанда болгарского, этого умнейшего из балканских монархов, превратившего в марионетки своих министров и цинично заявлявшего, что он дает им по-очереди «поглодать кость». Мы наблюдаем беспрерывные национальные столкновения между сербами, болгарами и греками из-за

Македонии, как известно, не прекращающиеся и по настоящее время. Но самое главное, мы можем проследить по воспоминаниям посла ожесточенную борьбу на Балканах великих держав, главным образом Австрии и России, явившуюся как бы прологом к мировой войне.

Наиболее критическим моментом этой борьбы была Балканская война 1912—1913 г.г., которая, казалось, неизбежно превратится в общеевропейский конфликт. Этот эпизод европейской истории чрезвычайно мало освещен в литературе. В сущности, имеется лишь одна ценная работа — это книга Гешова «Балканский союз», и поэтому новые материалы, сообщаемые Бьюкененом, имеют первостепенное значение.

Характер русско-австрийской борьбы на Балканах был всегда совершенно ясен. Россия стремилась создать блок всех балканских государств, который, под ее руководством, составил бы несокрушимую преграду для движения Австро-Германии на Ближний Восток. Австрия, наоборот, в качестве «часового Германии» на Балканах, всячески натравливала балканские народы друг на друга и таким путем пролагала себе путь на Салоники к Эгейскому морю, а Германии—дорогу через Константинополь в Малую Азию и Месопотамию.

Образование Балканского союза, происшедшее по инициативе и при ближайшем участии России, и война его с Турцией сыграли роль молнии, попавшей в пороховой погреб. Австро-германская ближневосточная программа стремительно рушится, и мы видим, как Австрия и Германии с оружием в руках собираются защищать ее остатки. Происходит ряд конфликтов из-за границ Албании, из-за предоставления Сербии выхода к Адриатическому морю, из-за включения в территорию Черногории Скутари и т. д. Все эти конфликты имеют сами по себе ничтожный характер. Они являются как бы пробными ударами, которыми обмениваются борцы, приготовляющиеся вступить в ожесточенную борьбу. Действительно, Австрия концентрирует войска на Галицийской границе и производит половинную мобилизацию армии; Россия отвечает ей тем, что удерживает под ружьем 350.000 резервистов. Вся Европа раскалывается на два враждебных лагеря: на одной стороне мы видим Австро-Венгрию и Германию, на другой—Россию, Францию и Англию; уже за полтора года до начала мировой войны окончательно кристаллизуются два

враждебных блока европейских держав..: Германия осведомляется у России, не собирается ли та произвести Kraftprobe, т.-е. «пробу сил».

Как известно, Россия в тот момент отступила. Здесь сыграли роль два обстоятельства: во-первых, ее военная неподготовленность и, во-вторых, страх перед Болгарией, которая после побед над турками явно стремилась к захвату Константинополя вместо того, чтобы подарить его признанной «защитнице славянства» — России. Отношения России к Болгарии стремительно ухудшаются, она проектирует даже, вразрез с концепцией панславизма, послать интернациональный флот в Дарданеллы, но ряд военно-политических событий разряжает политическую атмосферу.

Воспоминания Бьюкенена ярко рисуют события этого загадочного периода европейской истории, получающего часто новое освещение благодаря опубликованию автором бывших ранее секретными дипломатических документов. Мы лишний раз убеждаемся, что Балканы действительно заслужили название «инкубатора» всех европейских конфликтов в течение последних десятилетий.

В то же время мы ясно нащупываем генетическую связь между событиями 1912—1913 г.г. и мировой войной: столкновение Австрии с Сербией; стремление империалистической России к Константинополю,—все это впервые ясно обнаружилось как раз в эпоху Балканских войн. Именно поэтому последние явились как бы увертюрой, в которой были даны в зародыше уже все темы наступающего мирового конфликта.

3

Воспоминания Бьюкенена проливают свет еще на одну проблему международной жизни, а именно — на англо-русские отношения в связи с мировой войной.

И здесь у Бьюкенена отсутствует какая-либо общая точка зрения, а также углубленный подход к изображаемым событиям. Сложную проблему возникновения мировой войны он рисует по привившемуся трафарету, принятому всеми воюющими державами и представляющему одну и ту же формулу, где варьируются лишь буквенные обозначения. Единственной виновницей войны, конечно, является Германия.

«Именно ее политика нагромождения вооружений с целью навязать свою волю Европе заставила Великобританию, Францию и Россию соединиться для защиты своих интересов». Точно такую же концепцию мы встречаем у Пурталеса, Вильгельма, Бетман-Гольвега и др., только у них вместо Германии стоит Франция или Россия, «философия» же исторического процесса остается та же самая.

В связи со всей общей концепцией Бьюкенен живописует Россию и Англию проникнутыми исключительно духом миролюбия. Что касается до России, то ему приходится, правда, преодолевать довольно значительные затруднения. Как выясняется из его записок, в эпоху балканских войн Россия была настроена ярко агрессивно. Уже в начале 1912 г. Николай II в беседе с Бьюкененом указывает, что Россия в случае осложнений на Балканах не сможет остаться нейтральным зрителем. Он подсказывает, что для держав Тройственного Согласия необходимо заранее «выработать единый план действий» на случай возможных осложнений. В дальнейшем, как мы уже видели, позиция русских милитаристов несколько раз грозила вызвать общеевропейскую войну. Недаром, охотясь в Спале в компании таких ярых милитаристов, как великий князь Николай Николаевич и др. генералы, Николай вызывает к себе Сазонова и об'являет ему, что он «намеревается оказать балканским государствам максимальную поддержку», т.-е., иными словами, вовлечь Россию в войну. Дополняя данные Бьюкенена, мы должны указать, что несколько позже в Петербурге происходит особое совещание по ближневосточным делам, на котором решается бесповоротно вопрос о войне с Тройственным Союзом для получения Константинополя и проливов.

И вот при наличии этих бесспорных фактов Бьюкенену приходится сделать сальто-мортале и облечь Россию в белоснежную тогу пацифизма. В вопиющем противоречии с сообщаемыми им же фактами он заявляет, что в эпоху балканского кризиса Россия не желала войны, и что «сохранение мира являлось ключем ко всей ее политике». Дальнейшая политика России изображена как чисто оборонительная; Николай же получает черты царя миротворца, исключительно пекущегося (вместе с Сазоновым) о сохранении мира, «совместимого с честью и интересами России».

Если так живописуется ярко-империалистическая политика России, то роль Англии получает совершенно идиллический характер; Бьюкенен не отрицает, что вся Европа постепенно превратилась в два вооруженных лагеря, но между ними с пальмовой ветвью в руках летал ангел мира в виде сэра Эдуарда Грея. Действительно, в эпоху острого балканского кризиса именно вмешательство Англии помогло ликвидировать назревающий конфликт чисто дипломатическим путем на Лондонской конференции. Накануне мировой войны директива, полученная Бьюкененом от Э. Грея, сводилась к внушению России наивозможной умеренности; в трагические дни, предшествующие об'явлению мировой войны, Англия одна сохраняет хладнокровие, остерегает Россию от преждевременной мобилизации и т. д.

Я не буду разбирать всего построения Бьюкенена о «виновниках» мировой войны. Анализ политико-экономической жизни Европы давно доказал, что мировая война явилась неизбежным результатом тех империалистических конфликтов, в которые были вовлечены решительно все европейские державы. Мы видели, что собственно уже Балканские войны явились как бы преддверием к мировой войне, и начало ее можно смело датировать не 1914, а 1912 годом. Миролюбие держав Антанты было таким же мифом, как самозащита Германии. Избрание апостола реванша — Пуанкаре — президентом уже означало войну: Poincare c'est la guerre — говорили в Париже на другой день после его избрания. Недаром в эпоху Балканской войны он высказывал Извольскому удивление, что Россия не использует такого благоприятного случая, чтобы расправиться с Австро-Германией. Действительную позицию России мы уже отмечали; несколько труднее обстоит дело с выяснением политической тактики Англии.

Причины ее вражды к Германии хорошо известны, чтобы на них следовало здесь останавливаться. В течение целого тридцатилетия ее мировые интересы повсюду сталкивались с интересами Германии: на Дальнем Востоке, в Персидском заливе, в сфере торговли, военного кораблестроения, ж.-д. строительстве, особенно в вопросе о великом Багдадском рельсовом пути, — повсюду старая Англия наталкивалась на быстро растущее сопротивление немецкого крепыша. Для борьбы с последним Англия и создает враждебное «окруже-

ние» его (encerclement) путем сближения с Россией и Францией и создания Тройственного Согласия. Английские же милитаристы и джингоисты, как это хорошо отмечают мемуары лорда Хольдена, которые скоро выйдут на русском языке, не хуже Пуанкаре или Тирпица проповедывали идею сокрушения врага бронированным кулаком.

Положение Англии было при этой фатально складывающейся политической ситуации чрезвычайно затруднительным. Борьба против Германии неизбежно сближала ее с Россией, между тем, последняя в течение всего XIX века была ее опаснейшим врагом на Ближнем и Среднем Востоке. Военное сотрудничество с Россией означало поэтому для Англии в значительной степени капитуляцию перед ее империалистической программой на Востоке. В самом деле, мы знаем, что результатом этой совместной борьбы против Германии явился вынужденный отказ Англии в пользу России от Константинополя и вообще крушение догмы неделимости Турции, так энергично защищавшейся ею в течение полутора столетия. Мемуары Бьюкенена ярко рисуют другой подводный камень, угрожающий русско-английским отношениям, а именно — вопрос о Персии.

Известный английский договор 1907 г. разделял всю Персию на зоны влияния России и Англии, оставляя между ними нейтральную территорию. Каждая держава получала право проявлять в своей зоне экономическую и финансовую инициативу. Россия, впрочем, воспользовалась новым положением, чтобы проявить в Северной Персии, главным образом свою политическую инициативу. Воспользовавшись смутным положением Персии, только что пережившей революцию и контр-революцию, и всячески усиливая последнюю, Россия оккупировала войсками почти всю Сев. Персию и начала понемногу превращать ее в русскую провинцию. Не ограничиваясь этим, она всячески усиливала свое политико-экономическое влияние в нейтральной зоне, открыто угрожая интересам Англии. Последняя не могла, конечно, остаться равнодушной к этой тактике царского правительства, и мемуары Бьюкенена показывают, до какого обострения доходили отношения между дружественными державами. Начиная с 1911 года и вплоть до 1914, русско-английским отношениям неоднократно угрожало «крушение». Дипломатии при-

ходилось все время сглаживать «трения» и взаимное «непонимание». Накануне войны, в июне 1914 года, Бьюкенен заявляет Николаю, что «Британское правительство не сможет сохранить русско-английского соглашения (1907г.), и что, к сожалению, симпатии либералов и консерваторов одинаково утеряны благодаря событиям в Северной Персии».

Русское правительство, впрочем, не маскировало своих планов по отношению к Персии. С циничной откровенностью оно предлагало поделить эту страну, уничтожив всякую нейтральную зону. Но именно этого-то и боялась Англия. Ведь после уничтожения нейтральной полосы ее владения в Средней Азии впервые соприкасались с русской территорией, а это вновь вызывало опасения русского похода в Индию, превращая последний из химеры во вполне реальную возможность. Именно поэтому в ответ на выгодное предложение русского правительства англичане упорно твердили о своем намерении сохранить целость и независимость Персии. Этот конкретный пример лучше всяких рассуждений об'ясняет чрезвычайно затруднительное международное положение Англии. Мировая война неминуемо ниспровергала ту систему неустойчивого равновесия, которую она с таким трудом поддерживала на Ближнем и Среднем Востоке. Боязнь предоставления неминуемых компенсаций России в проливах и в Персии и заставляла ее стремиться к сохранению мира, не к разрешению, а к отсрочке надвигающегося мирового конфликта. Пасифизм Англии носил, таким образом, вынужденный характер. Лишь боязнь слишком дорого заплатить за «братство на войне» удерживала Англию от войны с Германией, хотя многие ее политические деятели, и в том числе и сам Бьюкенен, соглашались, что «нейтралитет означал для нее — самоубийство» и «потерю всех друзей в Европе».

4

Для русского читателя совершенно особый интерес представляет та часть мемуаров Бьюкенена, которая посвящена революциям: февральской, а затем отчасти Октябрьской. В настоящее время уже имеется довольно большая мемуарная литература, в значительной степени принадлежащая участ-

никам событий. Многотомные «Записки о революции» Н. Суханова, отрывки мемуаров Мстиславского, «Воспоминания» В. Набокова, печатающиеся сейчас в «Revue des deux Mondes», «Записки» графини Палей дают ценнейший, хотя подчас и крайне суб'ективный материал для изучения великой русской революции. Но, конечно, совершенно особый интерес представляют данные, сообщаемые Бьюкененом, который по своему положению имел особые источники информации и, кроме того, играл свою роль в развертывающихся событиях.

Точка зрения Бьюкенена на русскую действительность, конечно, отличается свойственной ему поверхностью и чудовищной наивностью, заставляющей вспомнить о знаменитой «развесистой клюкве» Дюма-отца.

Русская общественная и политическая жизнь остается совершенно непостижимой для этого золочоного дипломатического лакея. Русское революционное движение 1905 г., например, для него сводится к «волнениям среди учащихся, направляемым Парижскими комитетами»; Столыпина он без всяких обиняков называет гениальным человеком; отдельные характеристики вообще составляют слабое место Бьюкенена: так, сетуя на отсутствие настоящих вождей в феврале 1917 г., он указывает, что лишь Чхеидзе был «господином положения»; июльское наступление постигла неудача, конечно, по вине немецкой и большевистской пропаганды, большевики, разумеется, были подкуплены немцами и т. п. Наблюдения Бьюкенена над общественной жизнью иногда превращаются буквально в анекдот: в 1916 г. он совершает поездку по Крыму и констатирует огромный патриотический под'ем у населения. Это было немудрено, впрочем, сделать, так как в Ялтинском яхт-клубе английского посла приветствовали гимном «God save the King», в православном храме он услышал ектению, в которую было включено моление об английском короле и королеве, и, наконец, после посещения одной виллы он обнаружил в своем автомобиле «патриотический» дар, а именно дюжину бургонского.

Каково же было отношение Бьюкенена и английского правительства к русской революции? Этот вопрос представляется необходимым поставить во всей широте. Дело в том, что и в Англии, и в России на Бьюкенена сыпались обвинения, что это именно он стимулировал русскую революцию, что у

него были интимные связи с к.-д., что на его поддержку опиралось Временное Правительство и т. п. Как же на самом деле происходило дело?

Конечно, смешно говорить о Бьюкенене не только как о «революционере», но даже как о прогрессисте. Типичный дипломат, бюрократ, опытный царедворец, смотрящий на Россию исключительно из окон английского посольства или Зимнего дворца, он был лишь послушным агентом Британского кабинета, маленьким колесиком, приводимым в движение из «Foreign office». Если принимать во внимание его личные политические симпатии, то он был законченным монархистом. По отношению к Николаю II у него было, как он сам признается, «чувство глубокой привязанности», основанное на отношениях интимного характера. Давая общую характеристику Николая, он всячески старается реабилитировать его. Не вина Бьюкенена, если этот написанный с большим пиэтетом портрет монарха все же, в конце концов, походит на карикатуру. Из апологии Бьюкенена мы, например, узнаем, что Николай был убежденным фаталистом, суеверным человеком, доходящим до того, что все свои заключения он приписывал случайному падению на землю ордена св. Андрея во время коронации; подчеркивая любовь Николая к России, Бьюкенен все же не может не отметить «злосчастного доверия, питаемого им к беззастенчивым авантюристам» типа Безобразова и Абазы; говоря о тактичности царя, он в то же время упоминает, что он обычно обращался с министрами, как с прислугой и т. п. Причину горячей любви и преданности Бьюкенена к Николаю понять нетрудно: «Я надеюсь установить в настоящем труде, что мы (т.-е. англичане) никогда не имели более преданного друга и союзника, нежели император Николай».

Эту характеристику Николая нужно всегда иметь в виду при оценке русско-английских и еще более того русско-французских отношений во время мировой войны.

Материалы военные и дипломатические, опубликованные в настоящее время, неопровержимо доказывают ту истинную роль, которую, по замыслам Англии и Франции, Россия играла во все время мировой войны.

Благодаря своим огромным человеческим резервам она должна была оттягивать от западного фронта немецкие силы,

Библиотека Института В. И. Ленина

принимая на свои почти безоружные армии те удары, которые немцы подготовляли против англо-французов. Именно таков был смысл Восточно-Прусской операции 1914 г., огромного наступления весной 1916 года, утонувшего, по словам Людендорфа, «в болоте и крови», Брусиловского прорыва и т. п. Книга А. Маниковского «Боевое снабжение русской армии», сборник документов «Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914—1918 г.г.» (состав. Н. Валентиновым) и др. вполне убедительно показывают, с какой несокрушимой настойчивостью проводили союзники этот план во время войны. Мемуары же М. Палеолога с циничной прямотой рассказывают, как этот французский Шейлок изо дня в день требовал от русского правительства новых и новых поставок человеческого мяса взамен выданных миллиардов. С точки зрения этой программы союзников ясно, какое огромное значение имела для них преданность Николая, беспрекословно оплачивавшего все кровавые векселя, пред'являемые английским и французским генеральными штабами.

На 3-й год войны одной царской лояльности и преданности уже оказалось мало. Затянувшаяся война требовала огромной общественной инициативы для организации производства боевых припасов, для обслуживания армии, наконец, для широкой пропаганды продолжения войны. Сделать это в условиях царизма, конечно, не представлялось возможным. Мало того, на третий год войны мы видим усиление реакции в России, идущее попутно с ростом германофильского влияния. «Старый друг» Англии—Сазонов—вынужден уйти в отставку, его сменяет открытый германофил, сторонник сепаратного мира — Штюрмер. При дворе усиливается влияние «германской клики», действующей через Распутина на правительство и царицу, которая после от'езда Николая в ставку фактически управляет Россией.

При таких условиях Англии приходится действовать, и вот мы видим, как Бьюкенен, очевидно, вспоминает, что он—сын парламентской Англии, и выступает в качестве интимного конституционного советника Николая. В частных беседах он внушает ему мысль о необходимости сближения с народом, о назревшей потребности внутренних реформ и т. д. В противном случае он открыто грозит ему революцией и

гибелью династии. «Вам стоит, государь, лишь поднять Ваш мизинец, и они (т.-е. подданные) вновь склонятся к Вашим ногам...»

Какова же цель этих реформ и уступок? Бьюкенен говорит об этом без всяких обиняков: по его мнению, лишь они могут вернуть армии боеспособность, а стране, — готовность вести войну «до победного конца». Как мы видим, либерализм Бьюкенена целиком продиктован нуждами мировой войны.

Однако царизм явно становится неспособным выполнять далее ту «историческую роль», которая была поручена ему союзниками. И вот мы видим, как Бьюкенен из мирного реформиста превращается почти в сторонника пронунциаменто. Получается совершенно невиданная картина: посол дружественной державы произносит публичные речи, резко критикующие внутреннее положение дел в России, и открыто предостерегает от «коварного врага, находящегося внутри нашего дома». Положение Бьюкенена в то время, впрочем, настолько усилилось, что он не без гордости воспроизводит данную ему немцами кличку «некоронованный король России»; действительно, помимо советов царю, он, например, агитирует за уступку японцам Сахалина, ходатайствует о возвращении Бурцева, — одним словом, предпринимает ряд шагов, более подходящих для русского министра иностранных дел, нежели для английского посла.

Производя давление на Николая II, Бьюкенен в то же время завязывал связи с думской оппозицией главным образом с кадетами и более правыми группами. К сожалению, чтобы не скомпрометировать себя перед английской публикой, Бьюкенен чрезвычайно глухо говорит об этих связях, но они, несомненно, существовали. Накануне своей последней аудиенции у императора он принимает Родзянко, чтобы выслушать от него пожелания Государственной Думы; он принужден признать, что лидеры кадетов и октябристов были частыми гостями английского посольства, об'ясняя это тем, что, «как посол, он должен был соприкасаться с лидерами всех партий». Наконец, — и это самое замечательное, — Бьюкенен рассказывает, как к нему однажды явился Протопопов с оригинальной просьбой: использовать свое влияние на Родзянко для предотвращения личных нападок в Государственной Думе. Один этот факт доказывает, насколько серь-

езны и, можно сказать, интимны были связи Бьюкенена с думскими прогрессистами и либералами.

Несомненно, что в эти дни полного разложения царизма английское правительство задумывалось о целесообразности совершения военно-дворцового переворота для предупреждения народной революции. Лишь таким путем можно было обновить гнилое правительство и вновь привить истекающей кровью России волю к войне. Но такова же была и идеология кадетов. — «Во имя чего велась борьба»? — задает вопрос в своих воспоминаниях один из лидеров их В. Набоков. Очевидно, прежде всего, так сказать, ex professio во имя создания в России такого правительства, которое было бы способно исправить уже сделанные ошибки и заблуждения и успешно организовать снабжение и пополнение армии. *Другими словами, борьба имела целью поставить такую власть, которая бы лучше умела воевать.* Утверждение же такой власти кадеты, по словам того же Набокова, представляли в виде «наших дворцовых переворотов XVIII в.».

Ясно, что подчеркнутые мною слова были буквально золотыми словами для Бьюкенена, и он готов был предоставить всяческую поддержку высказывающим их.

После всего вышесказанного неудивительно, что февральская революция, поставившая у власти русскую буржуазию, встретила полное признание со стороны Бьюкенена. Важно отметить, что, вполне доверяя своим думским друзьям, Бьюкенен все же ставит их в известность, что признание нового правительства со стороны Англии обусловлено готовностью его «вести войну до победного конца и восстановить дисциплину в армии».

Для нас не представляет интереса рассматривать в деталях ту роль, которую играл Бьюкенен в эпоху Временного Правительства. Его заветной целью попрежнему являлось удержание России в рядах воюющих, для чего все средства представлялись дозволенными. Необычайно характерно, что Бьюкенен скоро поворачивается спиной к своим старым друзьям — Милюкову и Гучкову, убедившись в их политической невлиятельности. Его излюбленным человеком теперь становится Керенский, умеющий, по утверждению посла, «импонировать» и даже «гипнотизировать» своим красноречием. Керенский клянется в своей готовности продолжать

войну; кроме того, этот «заложник демократии» нравится английскому послу своим враждебным отношением к Совету. Маневры Бьюкенена скоро увенчиваются полным успехом, и этот преданный друг Николая II с удовлетворением замечает, что он постепенно стал другом Керенского, который «сначала подозрительно относился к моим действительным чувствам по отношению к революции». Не один Керенский, впрочем, был обольщен опытным английским царедворцем. Когда возник вопрос об откомандировании Бьюкенена, ввиду его непригодности при новом строе, ему был вынесен «вотум доверия от всех, включая даже социалистических министров»...

Позиция Бьюкенена оставалась при этом совершенно той же, как и с самого начала войны: менялись лишь «методы» дипломатической работы. Впрочем, он сам с характерным цинизмом заявляет об этом: «Если я с горячностью говорил о вновь завоеванной Россией свободе, которая уже вырождалась в своеволие, так это, чтобы сделать более приемлемыми мои последующие призывы к поддержанию дисциплины в армии и к продолжению борьбы вместо братания с немцами. Моей единственной же мыслью было— как удержать Россию среди воюющих».

История повторяется... и вот мы видим, как Бьюкенен вновь выступает в качестве политического советника русского правительства, предупреждая его об опасности на этот раз со стороны большевиков. Последние являлись, понятно, самыми злейшими, самыми опасными врагами для Бьюкенена, и он не жалеет своих усилий для борьбы с ними. Уже в апреле 1917 года он предупреждает Временное Правительство, что «Россия никогда не выиграет войны, если Ленину будет позволено призывать солдат к дезертирству, к захвату земель и к убийствам». Далее он возлагает все надежды на Корнилова, которому необходимо дать все возможности для восстановления дисциплины, но, увы, неудачно. Все энергичнее и энергичнее становятся призывы Бьюкенена к беспощадной борьбе с большевизмом, но Керенский, которого он приглашает стать «спасителем своей страны», или обходится с ним «по-кавалерийски», т.-е. с полным пренебрежением, или же хвастает, что он в один прием «раздавит» большевизм.

Неизбежное совершается. Происходит Октябрьский переворот, приводящий к полному краху всю английскую программу в России. Самое изображение Октябрьской революции под пером Бьюкенена не представляет интереса. Он воспроизводит лишь слухи, кое-какие беглые наблюдения, сопровождая их обильными комментариями на тему о «подкупленности большевиков немцами», о «произволе пьяной черни» и т. п. Впрочем, и это звучит у Бьюкенена чрезвычайно курьезно, но не может не согласиться, что «Ленин и Троцкий оба являются необычайными людьми».

Однако английская дипломатия даже в этих, казалось бы, безнадежных условиях не сидит сложа руки. Прежние методы дипломатического воздействия на русское правительство, конечно, неприменимы к Советской власти, и вот Бьюкенен выбирает второй выход — прямую борьбу с большевиками. Уже в конце ноября посольство посещают Скобелев и Чайковский и уведомляют Бьюкенена, что формируется новое социалистическое правительство, которое включит представителей «казачьей демократии» и будет опираться на поддержку кадетов. «На мой вопрос, как они думают ниспровергнуть большевиков, они отвечали: силой». Одновременно Бьюкенен, очевидно, поддерживает оживленные сношения и с Комитетом Спасения, хотя он, понятно, говорит об этом весьма лаконично. В конце декабря в посольство конспиративно приходят Руднев (городской голова Москвы), городской голова Петрограда и Гоц (которого Бьюкенен, кстати, всюду называет Гольцем). Разговор идет у них об Учредительном Собрании и о возможном отношении Англии к заключению Россией мира, если это окажется необходимым.

Повторяю, излагая свои сношения с анти-советскими группами, Бьюкенен становится весьма лаконичным и передает дело так, как будто все заключалось в обмене информацией; но, конечно, после деятельности Локкарта, кстати получающего самую лестную оценку от Бьюкенена, можно не сомневаться, что и эти ночные визиты в английское посольство преследовали более серьезную цель, — а именно организацию совместной борьбы с Советской властью. Для историка русской контр-революции эти связи английской миссии с эс-эрами и другими соглашательскими группами,

рассказанные самим же послом, представляют, конечно, огромный интерес. Бьюкенен, впрочем, не оставляет никаких сомнений относительно своего отношения к Советской власти. Возвратившись в Англию, он стал самым ярым сторонником вооруженной интервенции. По его словам, он, конечно, не проектировал посылку большой английской экспедиции в Россию, но защищал необходимость самой широкой поддержки Деникина и других «анти-большевистских генералов». Недостаточность этой поддержки и обусловила, по его мнению, крах интервенции. Любопытно отметить, что, отводя возражения финансового свойства, Бьюкенен цинично указывает, что «после достижения цели предприятия деньги, которые были вложены в него, окажутся хорошо помещенными».

Если мы примем во внимание, что, возвратясь из России, Бьюкенен до некоторой степени стал экспертом английского правительства по русским делам и одновременно инспирировал в нужном направлении английское общественное мнение, мы поймем крупный интерес, который представляют его политические взгляды и проекты.

В настоящем издании воспоминания Бьюкенена подвергнуты лишь незначительным сокращениям. Выпущена только одна глава XII, посвященная внутреннему положению России между 1910 — 1914 г.г., написанная исключительно на основании газетных данных и имеющая интерес лишь для английского читателя. В дальнейшем сделаны небольшие сокращения лишь там, где Бьюкенен говорит о своих личных, служебных или семейных делах. Все эти чисто биографические мелочи, на которые, кстати, очень щедр Бьюкенен, конечно, лишь засорили бы русское издание. Оба тома подлинника соединены в настоящем издании в одну книгу.

В. Гурко-Кряжин.

МЕМУАРЫ ДИПЛОМАТА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сейчас составляют очень много книг. Если и я сейчас этим займусь, то не столько затем, чтобы рассказать все виденное и сделанное мною за 45 лет дипломатической деятельности, сколько из желания попытаться дать новое освещение некоторых крупных политических событий, с которыми прямо или косвенно я был связан. Наиболее важными, с точки зрения политической работы, моими постами были София и Петроград, которыми занята большая часть моей книги, хоть я даю очерк моей деятельности и до Болгарии и России. За время пятилетнего пребывания в первой из них я присутствовал при об'явлении независимости Болгарии и при последовавшем затем признании князя Фердинанда королем. В России же, где я провел больше семи лет, я был свидетелем начала мировой войны, крушения империи, возникновения и падения Временного Правительства и большевистской революции.

Я впервые встретил князя Фердинанда в Вене, где я был вторым секретарем посольства. Он был тогда офицером австрийского кавалерийского полка. Там же мне пришлось узнать, что он в 1887 году выставил свою кандидатуру на болгарский престол, освободившийся вследствие отречения князя Александра. Так как лишь немногие помнят сейчас о том, что происходило на Балканах 40 лет тому назад, то я дал краткий обзор истории Болгарии между 1885 и 1904 годами, — когда я был назначен генеральным агентом и консулом в Софию — с тем, чтобы стало более понятным ее дальнейшее развитие и те смешанные чувства благодарности и подозрения, с какими многие болгары смотрели на Россию. Этот очерк так же, как и главы, посвященные моему пребыванию там, основан на моих официальных отчетах того времени, при чем я целиком придержи-

вался выраженных в этих отчетах взглядов, не позволяя себе изменять их в соответствии с той ролью, какую князь Фердинанд и его страна играли во время войны. Я держался, впрочем, такого метода во всей книге, так что, описывая Россию и русских, не менял нисколько взглядов, выраженных в моих официальных отчетах или частной переписке за время пребывания в Петрограде.

Я покинул Софию в 1909 году и после годичного перерыва — времени моей службы в Гааге — снова был брошен в водоворот балканской политики, когда принял в конце 1910 года назначение послом в Петроград. В течение, примерно, первого года Балканы оставались более или менее спокойными, и я мог посвятить свое непосредственное внимание вопросам, касающимся сохранения англо-русских дружеских отношений. Широким кругам читателей могут показаться мало интересными главы, посвященные так называемому Потсдамскому соглашению и часто повторявшимся спорам о Персии. Но они имеют несомненный исторический интерес, так как были, как я показал, моменты, когда оба этих вопроса грозили уничтожением этих дружеских отношений, что могло бы совершенно изменить весь ход современной истории. К счастью, положение было спасено благодаря неутомимым усилиям сэра Эдуарда Грэя и г. Сазонова. Когда же в 1912 году снова наступила острая стадия Балканского вопроса, то оба правительства работали совместно и вполне дружески над сохранением европейского мира.

Я обозрел все последовательные фазисы этого кризиса: сербо-болгарский союзный договор 1912 г.; образование балканской конфедерации; первую балканскую войну; столкновение австрийских и русских претензий, едва не вовлекшее в конфликт всю Европу; заключение мира на условиях, представлявших триумф славянского дела, и последовавшую затем безумную ссору балканских союзников из-за добычи; вторую балканскую войну и Бухарестский мир, уничтоживший все, что было достигнуто после первой войны. Я показал, как России, колебавшейся между желанием содействовать славянским интересам и боязнью международных осложнений, пришлось не раз пересматривать свою политику. При всем нежелании критиковать моего старого друга и

коллегу по работе, я все же отметил некоторые ошибки, какие Сазонов, по моему мнению, совершил.

Я отметил, с другой стороны, с удовлетворением его поведение во время переговоров, последовавших за пред'явлением австрийского ультиматума в Белграде, при чем я могу как непосредственный свидетель удостоверить, что он сделал все возможное, желая избежать разрыва. Я опроверг вместе с тем обвинения некоторых германских писателей и показал всю необоснованность их представлений о том, будто Россия желала войны, а мы ее к тому возбуждали, обещая нашу вооруженную поддержку. Что касается самой войны, то я касался течения военных операций лишь затем, чтобы показать их влияние на внутреннее положение, в особенности после того, как армия, оставленная почти без защиты перед неприятелем, терпела в 1915 году поражение за поражением.

Невеселая задача — изображать постепенный упадок великой империи: контраст между многообещавшим энтузиазмом первых дней войны и последовавшей затем депрессией и прогрессивным разгромом; картина об'единенной нации, собравшейся вокруг самодержца в преданной лойяльности, и вид той же нации, уставшей от страданий и лишений, принесенных ей крайне неумелым правлением, и восстающей против того же самодержца, свергая его с престола. Не менее печально рисовать шаги императора и видеть, как он, с его прирожденным фатализмом, добровольно выбирает путь, неминуемо ведущий его и его родных к могиле. Я не пытался затушевывать его ошибки; я изобразил его таким, каким я его знал: любезным человеком со многими хорошими качествами, верным и лойяльным союзником, преданным в душе истинным интересам своей страны, как бы внешне ни казалось обратное. Касаясь роли императрицы, я показал, что она, хоть и была хорошей женщиной, действовавшей по самым лучшим мотивам, послужила орудием, ускорившим наступлением окончательной катастрофы. Ее фатальное непонимание кризиса, который переживала Россия, позволило ей навязывать императору министров, не имевших никаких других рекомендаций, кроме готовности выполнять ее реакционную политику. Те мои читатели, которые ждут от меня новых и сенсационных разоблачений

о деятельности Распутина при русском дворе, будут разочарованы. Я рассказал о нем лишь то, что я считаю правдой, устранив все необоснованные сплетни, сложившиеся вокруг его имени.

Я детально описал развитие революции, образование Временного Правительства, его длительную борьбу с Советом, его неспособность приостановить разложение армии, его достойную сожаления слабость по отношению к большевикам, его бестактное поведение во время корниловского эпизода и его окончательное крушение под напором большевиков. Мой труд по освещению этого периода был облегчен, благодаря любезному разрешению сэра Эйр Краун—пользоваться официальной перепиской, находящейся в архивах министерства иностранных дел, а также благодаря ценной поддержке, любезно оказанной архивариусом г-ном Гэзли в этом вопросе. Благодаря тому, что Временное Правительство и старое самодержавие исчезли со сцены, я мог рассказать историю своего пребывания в России с гораздо большей откровенностью, чем было бы возможно при другом положении. Я рассматривал весь вопрос об'ективно и пытался в своих суждениях о людях и вещах играть роль беспристрастного наблюдателя, взгляды которого на великую российскую трагедию могли бы сослужить некоторую службу будущему историку.

Ответственность за то, что я придал этой книге форму мемуаров и говорил о себе больше, чем раньше думал, лежит на моем друге Эдмонде Госсе, этом великом мастере критики. Он так интересовался развитием моего труда и так доказывал мне важность личных обстоятельств, что я был вынужден переделать некоторые главы, лишь бы удовлетворить его просьбам о «новых личных чертах». Хотя мне не удавалось никогда заставить его вдохнуть жизнь своим магическим пером в мою бедную прозу, он все же мне много помог своим ободрением, в котором я нуждался, за что я всегда буду ему благодарен.

Дж. Б.

Января 25-го, 1923 г.

ГЛАВА I

1876—1880

Вена.—Рим.—Мое путешествие через Америку.—Впечатления от этого путешествия.—По дороге в Токио.

Хотя о дипломатах нельзя сказать так, как о поэтах, что они рождаются, а не становятся, я в известном смысле могу сказать, что родился в мире дипломатии. Я родился в Копенгагене в помещении миссии, во главе которой стоял тогда мой отец. Он начал свою карьеру при лорде Стрэдфорде де Радклиф, когда последний был назначен в 1825 году послом в Константинополь. Когда же через полвека — в апреле 1876 года — для меня открылись двери дипломатической службы, великий Эльки, помнивший о вышеприведенном факте, прислал за мной и дал мне свое благословение, пожелав мне покровительства господня на всю жизнь. Поразительной красоты человек, несмотря на свои девяносто лет, он все еще оставался той властной личностью, которая плохо ли, хорошо ли так долго была доминирующим фактором в Оттоманской империи.

В мое время поступление на дипломатическую службу происходило по назначению с поверочным испытанием, пред'являвшим слишком суровые требования к уму кандидата: работа же, которая поручалась вновь приглашенному атташе во время его предварительной подготовки при министерстве иностранных дел, была чисто канцелярского характера, напр., снимать копии с извещений и зашифровывать и расшифровывать телеграммы. Компенсацией за это, однако, была новизна и интерес, живые и интересные переживания, доставленные возможностью побывать за сценой и познакомиться с внутренней работой дипломатии, в особенности в такой момент, когда восточный вопрос ярко разгорался на горизонте, а князь Бисмарк составлял знаменитый Берлинский меморандум, не посоветовавшись предварительно с правительством Великобритании. Я помню, что королева (Виктория) так негодовала по поводу игнорирования князем Бисмарком ее правительства, что тотчас же дала выход своим чувствам. Я читал об этом в то время в сообщении из Берлина: «Князь Бисмарк обращается

с Англией так, будто она третьестепенная держава: это крайне волнует королеву».

Я оставался в министерстве иностранных дел лишь несколько недель, после чего мой отец, срок полномочий которого в качестве посла в Вене подходил к концу, попросил, чтобы меня прикомандировали к этому посольству. Вена была тогда прелестным постом для молодого атташе, особенно для такого, как я, имевшего в качестве сына посла доступ в ее избранное общество, где были или на ты со всеми видными современниками, или не обращали на себя почти никакого внимания. Венцы так любили танцовать, что я помню бал у князя Шварценберга, начавшийся в 11 часов утра и закончившийся лишь в 6 часов вечера. Но модные тогда танцы и сопровождавший их этикет едва ли напоминали в какой-либо мере фокстротты наших дней. На балах при дворе запрещен был даже танец «trois temps», как «peu convenable»; на каждом балу имелась комната под названием «Comtessën Zimmer», куда не допускались вовсе замужние женщины. Здесь шла беседа девиц с кавалерами в промежуток между танцами, при чем ревниво и зорко следили за заблудшими сестрами, осмелившимися переступить границы самого невинного флирта.

Больше того, приглашения на танцы производились вперед на целый сезон, так что на каждом балу у каждой был определенный состав кавалеров. Если же кто-либо не попадал на бал, то должен был озаботиться приисканием себе заместителя для танцев.

Несмотря, однако, на некоторые старомодные привычки и обычаи, я сохраню всегда самые приятные воспоминания об австрийском обществе, о его милом и благородном гостеприимстве, о его Gemüthlichkeit (непереводимое венское выражение, неимеющее подобного же на английском [1]) языке). Кроме прекрасной общественной жизни, Вена может похвастать и некоторым числом перворазрядных театров, являющихся для столь страстного театрала, как я, источником бесконечных наслаждений. Бург-театр был тогда еще в старом помещении, примыкавшем к дворцу, где, несмотря на небольшую величину старой постройки, артисты чувствовали себя более уютно и в своей тарелке, чем в более обширном и роскошном театре, выстроенном для них через несколько лет. Зонненталь и г-жа Вольтер были тогда в зените своей славы в качестве драматических артистов. С ними и целой труппой первоклассных артистов Бург-театр был достойным соперником великого французского театра на улице Ришелье.

---

[1]) И на русском языке. *Примеч. переводчика.*

Развлечения не ограничивались Веной, так как осенью мы с отцом часто отправлялись на охоту в Гедолле, близ Будапешта, где даже скромный атташе, вроде меня, приходил в непосредственное личное соприкосновение с императором и императрицей и злосчастным кронпринцем Рудольфом. На охоте можно было часто встретиться и с графом Андраши и с целым рядом венгерских магнатов, так что мой отец соединял дело с удовольствием, а я по вечерам большей частью зашифровывал результаты его бесед с императором и канцлером. Но из всех участников охоты больше всего привлекала внимание императрица с ее блестящей красотой, прекрасной посадкой на лошади и изумительной фигурой. Лошади и забота о своей фигуре — вот два главных ее интереса в жизни. Любовь ее к лошадям доходила до того, что она сама участвовала в скачках при своей частной школе верховой езды в Гедолле.

Лошади являлись также главным содержанием ее разговоров, так что моя мачеха, не очень уважительно относившаяся к высоким персонам, заметила, однажды, сухо, послушав, как императрица говорит об этом: Est-ce-que Votre Majesté ne pense qu'aux chevaux?» [1]). История не сохранила ответа ее величества, но я представляю себе, что разговор сразу закончился!

Прослужив год в качестве атташе в Вене, я вернулся в министерство иностранных дел и был в 1878 году назначен третьим секретарем в Рим, где я провел 1½ счастливых года под прекраснейшим и приятнейшим руководством сэра Августа Пэджета.

Рим всегда будет чаровать тех, кто попадет в пределы его холмов, но Рим 45 лет тому назад был еще более привлекателен, чем сейчас. Он не стал еще тогда крупной современной столицей и в большей степени был еще Римом папских времен. Новый город, окружающий сейчас древний Рим, был тогда еще в зародыше. Прекрасные площади Виллы Людовизи не превратились еще в бесчисленные улицы с банальными домами. Строитель не положил еще своей святотатственной руки на Кампанью, простиравшуюся тогда почти до холмов. Раскопки в Форуме, прибавившие столь много интересного к нашим познаньям о классических временах, еще только, правда, начинались, но с чисто эстетической точки зрения Форум был даже живописнее, чем сейчас.

Наше посольство помещалось уже тогда в теперешнем помещении Виллы Торлонии, но экономное правительство не продало еще нижней части великолепного сада, который был тогда почти вдвое больше теперешнего. Окаймлен-

[1]) «Разве ваше величество думаете только о лошадях?» *Прим. перев.*

ное с одной стороны холмом Аврелия, оно находилось на небольшом расстоянии от Порта Пиа, так что, проехав верхом через эти ворота, можно было попасть на Кампанью и пуститься галопом на целые мили по этой огромной равнине. Не будучи перебременен работой и зимой, я обычно два раза в неделю охотился, хотя после танцев до пяти часов утра не всегда с одинаковым удовольствием вставал рано для далекого путешествия. Рим, несмотря на разделение общества на Белых и Черных, был весьма веселым пунктом. Громадные аристократические дворцы, большая часть которых теперь закрыта, были тогда ареной постоянных развлечений, особенно в последние десять дней перед великим постом. когда устраивался карнавал. Еженощно устраивались пиры и балы, а после полудня веселился на Корсо царь карнавала, теперь давно уже умерший естественной смертью. Вся улица была увешена великолепными тканями, при чем с одного из многочисленных балконов можно было смотреть и участвовать в битве цветов и конфетти в то время, как другие участники в одеждах всевозможных степеней причудливости проезжали мимо в весело убранных колесницах. Затем, после ухода с Корсо празднества заканчивались любопытным зрелищем скачки лошадей без всадников, известной под именем «Ба́рбери».

В конце 1879 года наступил срок моей службы в более отдаленном месте, и я был назначен вторым секретарем в Токио. Как ни огорчала меня необходимость покинуть Рим, я все же был захвачен мыслью о Дальнем Востоке и о пребывании в течение двух месяцев по дороге туда в Соединенных Штатах. Одним из многих добрых намерений, какими вымощен ад, у меня было ведение дневника. Но так как, однако, путешествие в Японию было одним из немногих случаев, когда я выполнял это намерение, то я могу теперь отметить некоторые из впечатлений, испытанных мной 40 лет тому назад в Соединенных Штатах. Вашингтон как город мне не нравился, хотя Торнтоны, у которых я остановился в посольстве, были сама любезность. Гораздо больше понравился мне Нью-Йорк. Я отметил, что его кафэ могут вполне сравниться с парижскими, а общественная жизнь его была мне гораздо более по вкусу. Для меня устраивали обеды, водили по театрам и балам и представляли всем интересным молодым девицам. Как многие из моих земляков, я пал жертвой их очарования и менее чем через две недели был помолвлен — но лишь на двадцать четыре часа. Мой будущий тесть, которого до этого я никогда не видал, сказал мне после того, как меня ввели в его спальню, где он лежал с тяжелым приступом подагры, что не считает нужным удовлетворить мою просьбу о благословении. Он

прибавил при этом, что я всегда буду ему за это благодарен. Так оно и случилось.

Покинув Нью-Йорк, я провел несколько дней у знакомых близ Бостона. Америка, к моему несчастью, не была тогда сторонницей трезвости, так что мне приходилось в соответствии с понятиями моего хозяина о гостеприимстве ездить с ним по разным клубам и барам и пить коктэйль с его друзьями. Однажды — это было в день какого-то национального праздника — я пил тринадцать раз до завтрака или, вернее, в течение утра, так как в этот день меня не увидали за завтраком.

Из Бостона я отправился на Ниагару, где ко мне присоединился мой друг Сидней Кэмпбелль, который сопровождал меня в Японию. Отдавши дань искреннего восхищения водопадам, мы отправились вместе в Чикаго. Здесь мы соприкоснулись с деловой стороной американской жизни и посвятили наше короткое пребывание там посещениям товарных бирж и контор. Продолжая свое путешествие, мы пересекли Миссисипи и Миссури и скоро оказались в открытой прерии — на огромной равнине, без признака жизни, кроме пасущегося кое-где скота и попадающейся время от времени группы деревьев или случайного дома фермера. «Это напоминает мне, — писал я в своем дневнике, — Кампанью в большом масштабе, но лишенную всей ее красоты — развалин, акведуков, раскаленных горячим итальянским солнцем холмов и великолепного купола глубокой синевы небес. Здесь все холодно, серо и тоскливо — и так монотонно. Вы просыпаетесь утром и оказываетесь как раз там, где вы были накануне вечером. Впрочем, вчера вечером, когда зажглись некоторые крупные огни прерии, разогнавшие однообразие бесконечной равнины, она выглядела несколько лучше». Пройдя Шейен, мы впервые увидали Скалистые горы — приятная перемена после прерий — и начали затем подниматься, пока не достигли Шермена — более 8.000 футов над уровнем моря. До Огдена и города Соляного озера пейзаж был весьма живописен со своими ярко-красными песчаниками и рядом прекрасных скал.

Я извлекаю следующее описание города мормонов из своего дневника:

«Это чистое, цветущее место со скромными, чистыми домами, окруженными огородами или садами. На утро после приезда мы наняли извозчика, который оказался англичанином и служил нам гидом и информатором. Сначала мы отправились в Дом Десятины, куда все мормоны, включая даже дам полусвета, должны платить десятую часть своих заработков. Затем мы посетили «Храм» — гранитное здание, которое будет закончено через 4 — 5 лет, — после чего посетили «Священную палатку». Это длинное, безобразное де-

ревянное строение около 250 футов в длину, продолговатой формы, с низкой крышей. В нем может поместиться двенадцать тысяч человек, при чем акустические свойства его так замечательны, что мы слышали звук падения брошенной нашим проводником булавки на расстоянии 70 ярдов от того места, где мы стояли. Вся крыша увешана фестонами из листьев, чтоб избежать малейшего эхо. Из «палатки» мы отправились к г. Тэйлору, президенту мормонов, в Дом Львов. Президент, лет 60 — 70, ничем особенным не отличался. Он принял нас весьма вежливо и беседовал с нами минут двадцать. Он прибыл из Вестморланда и сидел в тюрьме вместе с Джоэ Смитом, когда последний был убит чернью в Нову. Самому ему удалось, к счастью, спастись. получив лишь пулевую рану.

«К нему, как к президенту, относятся без того ужаса и почтения, какое внушал его предшественник. Брайэм Юнг в противоположность г-ну Тэйлору был человеком железной воли и гениальный. Получив мантию пророка после смерти Джоэ Смита, он решил осуществить великое переселение на Запад, где мормоны могли бы жить в мире, не преследуемые чернью. Чтобы осуществить этот план, ему пришлось провести их через прерии Небраски, по горным тропинкам скалистых гор, через великую американскую пустыню. Он выполнил все это весьма успешно и достиг в 1847 году, в июле месяце, земли обетованной, хотя и потеряв немало жизней. Он снова обнаружил свою мудрость при выборе места оседлости, а исключительное процветание, какого достиг город Соляного озера, обязано его энергии, хитрости и организаторскому таланту. Он был исключительным человеком, но грубым и совершенно не считавшимся со средствами, какие он употреблял для сохранения своего автократического правления. Со времени его смерти начинается падение влияния мормонских вождей на свой народ.

«Брайэм Юнг имел 16 жен и почти столько же «закрепленных» за ним — выражение, означавшее, повидимому, что они хоть и не были его женами в точном смысле слова, на этом свете, но желают стать ими на том свете. Таким образом жена может быть «закреплена» за одним мужем на этом свете и за другим — в загробной жизни. В настоящее время никто, повидимому, не имеет больше 4 жен. Большинство довольствуется двумя, так как увеличились расходы по их содержанию с тех пор, как «язычники» стали вести более расточительный образ жизни, чем раньше. Там, где живут две жены, дом разделен на две совершенно обособленные половины. Наш проводник показал нам дом, из которого жена № 1 изгнала жену № 2 и преследовала ее по улице в ночной рубашке. Брайэм Юнг выстроил для своей последней фаворитки прекрасный дом, названный, по ее

имени, дворцом Амалии. Это единственный в своем роде дом в городе.

Утаха не представляет собою особого штата. Это — территория, куда правительство Соединенных Штатов назначает губернатора. Здесь издаются собственные муниципальные законы, на которые может наложить вето губернатор. Пьянство карается штрафом в 5—10 долларов, а в случае невозможности выплатить штраф провинившийся обязан отработать на мощении улиц наложенную на него сумму. Если судить, однако, по состоянию дорог, то в мормонских краях или мало бедных людей, или совсем не пьют».

Продолжая путешествие в Сан-Франциско, мы пересекли Сиерра-Неваду, где были задержаны снежным обвалом и вынуждены были провести 16 часов в помещении скверной маленькой станции, засыпая или пытаясь спать на голых скамейках. Одним из любопытных явлений в Сан-Франциско тех дней был китайский квартал, куда нас однажды ночью водил полисмэн. Китайцы жили здесь совершенно обособленно, в собственном городке, с собственными мясниками, булочниками, аптекарями, ювелирами и т. п. Хотя было уже после десяти часов вечера, все лавки были открыты. Заглянув в некоторые из них, мы посетили храм, театр и женский квартал.

24 апреля мы отправились в экскурсию в Езмитскую долину, хотя нас предупреждали, что нам помешает глубокий снег. Первую ночь мы провели в Мерседе и затем поехали, наняв пару лошадей, в коляске в Марипозу, где прошла вторая ночь. Здесь мы сели верхом, перевалили через гору и, отдохнув в небольшой деревушке, прекрасно проскакали через Мерседский каньон в долину. Привожу свои впечатления, как они были отмечены в дневнике того времени:

«Тропинка вела мимо деревьев, склонившихся к реке, которая свергалась по скалам пятидесятью футами ниже. Блестящая зеленая трава искрилась на солнце, все деревья цвели, цветы всех оттенков покрывали землю, а все кругом оживлялось и окрашивалось кустами, носившими удачное название «красных почек». Перед нами были лютики нежно желтого цвета, колокольчики цвета голубых незабудок, красные, белые, пурпуровые цветы всех оттенков радуги. Холмистая сторона реки против нас горела ярко-оранжевым пламенем, но из-за расстояния мы не могли различить, какой это цветок. По мере приближения к Езмиту пейзаж становился более диким, пока мы не стали спускаться по узкой каменистой тропинке с отвесными сторонами и скалами вместо травы. В три часа мы вступили в долину. Первым впечатлением моим было разочарование. Я не понимал, как можно было бредить этими большими скалами, так прямо высящи-

мися к небу; они были огромны и дики, но в чем их очарование? Я в первый момент не заметил и их размеров. Но очень скоро я понял и познал их единственную в своем роде красоту. С каждым часом я все больше увлекался ею, особенно в вечернем освещении. В той части долины, где помещается отель Бернарда, скалы еще подавляют и пленяют, но на две мили ниже по реке долина становится шире. Мы остановились на небольшом песчаном островке у подножья «Эль Капитана» и, позавтракав, отдыхали около часу. Лежа здесь и глядя на гигантскую скалу, подымающуюся на три тысячи футов с лишним прямо в небо, и на почти такие же скалы против нас, составлявшие как бы рамку для простиравшейся за ними земли, на темные сосны, четко вздымающиеся к бледно-голубому небу и покрытые густым слоем яркого золота, я почувствовал, как неверно было мое первое впечатление и как в действительности недостаточно все, что говорят об этой долине».

Перечитывая приведенное описание Езмита через сорок с лишним лет, я задался вопросом, так ли повлияла бы на меня его красота, если бы я теперь туда попал, и дал ли бы я такое же поэтическое выражение своим чувствам, как в дни молодости. Сэнт-Бэв писал однажды:

«Il existe, en un mot, chez les trois quarts des hommes,
Un poète mort jeune, à qui l'homme survit». [1])

Альфред де-Мюссе ответил на это сонетом, подтверждавшим истину этого изречения. Призвав Сэнт-Бэва к ответу за богохульство «dans la langue des dieux» [2]), он напомнил

«Qu'en nous il existe souvent
Un poète endormi, toujours jeune et vivant». [3])

Я, тем не менее, боюсь, что, как правило, поэт внутри нас так крепко засыпает с годами, что лишь весьма глубокое душевное волнение, радостное или печальное, может вывести его из состояния дремоты.

Возвращаясь из долины, мы пытались проехать в Мерцед другой дорогой через горы, но снег был так глубок, что мы сошли с лошадей и, проведя их часа три черепашьим шагом, отказались от своего первоначального намерения. Благодаря потерянному таким образом времени мы достигли подножия горы, отделяющей долину Мерцеда от деревушки,

---

[1]) Три четверти всех людей переживают в себе, можно сказать, поэта, умирающего молодым. *Примеч. переводчика.*

[2]) Языком богов. *Прим. пер.*

[3]) Что в нас живет часто уснувший поэт, всегда молодой и живой *Прим. перев.*

лишь поздно вечером, так что нам пришлось ехать по узкой гладкой тропинке по краю пропасти, местами глубиной в 2.000 футов. Стояла такая темень, что мы погнали лошадей вперед, а сами шли за ними, так как они гораздо легче нас находили путь. Смертельно усталые и полуголодные, мы лишь в 11 часов вечера достигли деревушки.

ГЛАВА II

1880—1888

Токио. — Снова Вена. — Австро-русское соперничество на Балканах. — Обзор положения в Болгарии. — Отречение князя Александра и избрание князя Фердинанда.

Выехав из Сан-Франциско на борту «Города Пекина», мы прибыли в Иокагаму 24 мая после скучного, однообразного двадцатидневного путешествия. Япония находилась тогда в переходном периоде: хотя она уже вступила на тот путь, который привел ее в невероятно короткий срок к тому высокому положению, какое она сейчас занимает среди великих держав, она не была еще в такой мере европеизирована, как сейчас, и сохраняла еще много живописного очарования старой Японии. Кроме линии Токио-Иокогама, не было вовсе железных дорог. Несмотря на ограниченность пространства для путешественника, можно было гораздо больше насладиться видами страны, передвигаясь на джин-рикшах или пешком, чем по железной дороге. Во время длительных экскурсий в глубь страны, какие я производил каждое лето, я провел одну ночь на вершине Фуджи-Ямы, бесподобной горы, величественно подымающейся более чем на 12.000 футов над равниной; взбирался на Азама-Яму, большой действующий вулкан; посетил Киото, прежнюю столицу, Никко и другие священные места; любовался водопадами на некоторых реках и исходил сотни миль по стране, куда только ни влекло меня воображение, при чем случайно заходил в такие места, где никогда ни видали европейцев. Кроме одного случая, когда хозяин чайного домика проявил прежние чувства против иностранцев и отказался впустить нас, нас повсюду встречали весьма дружески, и в деревнях, где мы проводили ночь, нам отводили всегда самые лучшие комнаты. Мой туземный повар и лакей сопровождали меня во время этих похождений, и, хотя обычно они совершенно не привыкли ходить, они никогда не отказывались из-за усталости прекрасно накормить меня даже после под'ема на Азама-Яму, когда мы шли 17 часов, так как наши проводники сбились с пути и спустили нас по крутой стороне горы.

Во время моего пребывания в Токио туда прибыли на борту «Baccante» теперешний король, тогда принц Георг Уэль-

ский, со старшим братом, покойным герцогом Кларанским. Прием, оказанный в честь их, был почти такой же, как тот, какой был недавно оказан теперешнему принцу Уэльскому. Им показали новый для нас спорт — ловлю диких уток особыми сетями в тот момент, когда они подымались с водяных каналов, куда их заманивали; японское поло; обеды à la japonaise и обед на открытом воздухе при дворце. Микадо оказал им также особое внимание, отправившись, если я не ошибаюсь, впервые на борт чужого военного корабля, будучи приглашен на завтрак на «Baccante». Я сопровождал их в поездке к известному бронзовому Будде у Камакуры в 15 или 20 милях от Иокогамы. Мы выехали туда верхом большой компанией, но после роскошного пикника никто, кроме двух молодых принцев, не решился возвращаться верхом и я имел честь возвращаться с ними вечером один.

Жизнь в Японии была тогда очень дешева, и среди других излишеств у меня был небольшой завод скаковых пони. В Иокогаме, где находились английская и другие иностранные колонии, ежегодно устраивались скачки отдельно для японских и китайских пони, так как последние гораздо лучше первых. Японцы, очень любившие скачки, старались всегда помешать закупке лучших пони иностранцами. Тем не менее я осенью 1882 г. выиграл на главных японских скачках в третий раз на одном и том же пони и получил приз в 100 ф. ст. Тогда же я выиграл на скачках с тяжелым весом, а мой лучший китайский пони мог бы выиграть на скачках пони китайской породы, если бы его не попортил японец жокей. На мою жалобу в правление жокей-клуба, последнее допросило его и, так как он упорно отрицал и протестовал против обвинения, разрешило ему участие в скачках.

Сэр Гарри Паркс, тогдашний посол в Токио, был способным человеком с длинным прекрасным послужным списком. Будучи в качестве атташе при миссии лорда Эльджина в 1860 г., он был предательски арестован китайцами и провел в тяжелых цепях одиннадцать дней. Он отказался купить свободу на условиях, которые могли бы повредить успеху переговоров лорда Эльджина, и был приговорен к смерти. После взятия летнего дворца приказ об его расстреле был отменен, и он был освобожден. Назначенный в 1865 г. послом в Японию, он оказал большую помощь микадо в первые годы нового режима и не раз едва избегал смерти. Характер у него был не из лучших, и он часто доставлял неприятности своей канцелярии. Однажды — это было до моего приезда — служащие не могли найти потребовавшегося ему письма. Он зашел с папиросой во рту в канцелярию, вытащил из шкафов все бумаги, бросил их на пол, разбросал по комнате и, обращаясь к секретарям, сказал:

«Это научит вас держать архив в порядке и находить бумаги, раз они мне нужны». Когда я прибыл в Токио, он был в отпуску и получил в Лондоне от министерства иностранных дел замечание, что с канцелярией следует лучше обращаться. По возвращении он совершенно переменил тактику и во всех делах со мной был воплощенной вежливостью. Он был со мной очень любезен и не давал мне ни разу повода жаловаться, кроме разве длины его извещений. Переписав однажды письмо в 400 страниц, я был готов напомнить автору его то, что Шеридан сказал однажды Гиббону, когда последний благодарил его за то, что был назван в Палате Общин «блестящим писателем Гиббоном»: «Не блестящий — сказал я, а об'емистый!» [1]).

В начале 1883 года я уехал из Японии и вернулся в Англию, остановившись на пути в Гонконге, Цейлоне, Каире, Мальте и Гибралтаре. После длительного отпуска я снова отправился в Вену, куда был назначен вторым секретарем. Мое удовольствие по поводу возвращения на старое место усугубилось еще переездом в то же время туда из Рима семьи Пэджетов.

Политический интерес службы в г. Вене заключался в борьбе между Австрией и Россией на Балканах; так как я ниже буду много говорить о балканской проблеме, то не мешает для выяснения ее дальнейшего развития дать сейчас краткий очерк состояния острого кризиса, в котором она находилась в тот момент.

Со времени освободительной войны (1877—1878 г.г.) Россия стремилась постоянно к превращению Болгарии в свою провинцию. Для этого она поставила правительство Болгарии под контроль избранных ею генералов. При всякой попытке князя Александра оспаривать их права, ему напоминали, что он представляет собою лишь орудие в руках царя. Это продолжалось до тех пор, пока, уяснив себе невыносимость положения, он не заключил соглашения с либеральной партией, надеясь освободить таким путем свою приемную родину от русского господства.

В сентябре 1885 г. удачное восстание в Филиппополе привело к присоединению Восточной Румелии к Болгарии и к принятию князем Александром титула князя северной и южной Болгарии. Это было таким явным нарушением Берлинского договора, что Европа не могла с ним согласиться, а Россия немедленно отказалась признать присоединение, произведенное без ее вмешательства. Царь выразил свое неодобрение тем, что вычеркнул имя князя Александра из списков русской армии и отозвал всех русских офицеров

---

[1]) Непереводимая игра слов: «luminous» (блестящий) и «voluminous», (об'емистый). *Прим. переводчика.*

из Болгарии. Через посла в Константинополе он в то же время толкал султана на восстановление status quo ante в Восточной Румелии силой оружия. Мысль о турецком походе нашла поддержку у коллег России по Drei Kaiser Bund'у (Союз трех императоров), но твердая позиция британского правительства, считавшего более выгодным иметь сильную Болгарию против возможных будущих выступлений, помешала этому плану.

Если б Австрия заняла более смелую позицию и признала бы состоявшееся присоединение, как совершившийся факт, она могла бы заменить Россию в Софии. Но единственным желанием графа Кальноки было предупредить опасность разрыва с Россией, при чем он вместе с тем боялся ослабить, благодаря поддержке Болгарии, влияние Австрии в Белграде. Греция и Сербия, обеспокоенные мыслью об увеличении Болгарии, деятельно готовились к пред'явлению своих прав на территориальную компенсацию. Хотя первая, — благодаря вмешательству держав была вынуждена примириться с положением, вторая—об'явила в ноябре 1885 г. Болгарии войну. Положение болгарской армии, дезорганизованной отозванием русских офицеров и расположенной в большей части восточной Румелии, казалось почти безнадежным. Небольшое число войск было, однако, расположено близ сербской границы; форсированным маршем князю Александру удалось привести на помощь всю остальную армию и нанести поражение сербской армии после трехдневного боя под Сливницей. Воспользовавшись победой, он занял Пирот. Но от похода на Белград ему пришлось отказаться, так как ему был пред'явлен Австрией ультиматум такого рода, что при дальнейшем продвижении ему придется иметь дело с австрийскими войсками. Наконец, после длительных переговоров, конференция держав в Константинополе приняла формулу, назначающую болгарского князя вообще, а не лично князя Александра, генерал-губернатором Восточной Румелии на 5 лет в соответствии со статьей XVII Берлинского договора, по которому для возобновления этого решения требуется согласие всех держав.

Россия сразу воспользовалась личным характером этого решения, чтоб подорвать власть князя и представить его единственным препятствием для реального присоединения Румелии, которое она хочет предоставить Болгарии. Через несколько месяцев военный заговор, действовавший по ее указаниям, устранил Александра и вынудил у него отречение. Восстановленный в правах, последовавшей почти немедленно контр-революцией, он высадился в Рущуке и обратился с последней, но фатальной телеграммой к царю, где, извещая о своем возвращении, заканчивал словами: «Россия дала мне корону. Я готов вернуть ее в руки ее самодержца». Ответ

царя был весьма сокрушительный для князя. Он отрицательно отнесся к возвращению князя и об'явил о полном своем воздержании от вмешательства в дела княжества, пока его высочество остается в Болгарии. Не видя возможности править при оппозиции России и убедившись в распространенности симпатий к недавнему заговору, князь Александр отрекся и, назначив регентство в составе Стамбулова и двух других, уехал 8 февраля 1886 г. из Болгарии.

Затем последовал длительный кризис, чреватый опасностями для европейского мира. Россия отказалась признать регентство и послало в Софию генерала Каульбарса с поручением терроризовать болгар, чтоб заставить их подчиниться. Несмотря на признание им выборов недействительными, Великое Собрание все же собралось и занялось трудной задачей подыскания князя, который согласился бы принять опасную корону, от которой отказался князь Александр. Князь Владимир Датский, хотя и был избран, отклонил от себя эту честь, а князя Мингрельского, кандидата России, которого предложила Порта, категорически отверг Стамбулов.

Австрия, хотя и была самой заинтересованной непосредственно из всех держав, держалась выжидательной позиции, так как граф Кальноки лелеял мысль, что Россия, будучи предоставлена самой себе, навсегда восстановит против себя Болгарию. Британское правительство, с другой стороны, было серьезно озабочено продвижением России к Константинополю, и сэр Август Пэджет постоянно получал инструкции в том смысле, чтоб вызвать австрийское правительство на шаги, которые устранили бы опасность окончательного подчинения Болгарии русскому влиянию, и чтоб подчеркнуть значение совместных выступлений обоих правительств. Граф Кальноки дружески отнесся к этим предложениям, но установил, что пока нет нарушений международного положения Болгарии, и что время для вмешательства наступит лишь в случае таких нарушений. Британское правительство ответило перечислением всех незаконных деяний, совершенных генералом Каульбарсом, желая доказать этим, что наступило уже время для об'единенного действия Европы.

Граф Кальноки не очень доверял, однако, действительной поддержке, которую ему обещала Великобритания, чтоб вызвать его на политику активного вмешательства. Хотя оба правительства считали свои интересы совпадающими, они не пришли к определенному соглашению. Он стал, однако, относиться несколько доверчивее после речи лорда Салисбюри на банкете в Гильдхолле 9 ноября о том, что Великобритания сумеет сама себя защитить, если будут затронуты ее непосредственные интересы, и что в вопросах, в которых она не затронута непосредственно, позиция Австрии может оказать большое содействие политике велико-

британского правительства. К счастью, около этого момента положение несколько разрядилось вследствие того, что Каульбарс прервал дипломатические отношения с болгарским правительством. Регенты воспользовались его от'ездом, чтоб послать делегацию в разные столицы для прекращения междуцарствия. Когда она прибыла в Вену, то князь Фердинанд Кобургский по собственной инициативе, движимый мотивами личного тщеславия, предложил себя кандидатом на вакантный престол, хотя ни император, ни граф Кальноки не дали ему предварительного согласия на этот шаг. Последний, впрочем, заметил в частном разговоре, что у князя слишком много сходства во внешности и манерах со «vieille cocotte» (старой кокоткой), чтоб быть достойным преемником князя Александра.

Князь Фердинанд выставил сначала условием принятия им княжеской короны утверждение Порты и одобрение держав, что было почти равносильно отказу. Лишь через 6 месяцев, в июле 1887 года, он был избран формально князем Болгарии. Россия воспротивилась его избранию, как нарушению статьи III Берлинского договора, по которой было условлено, что князь избирается «добровольно»; по ее представлению, в данном случае выборы произошли под диктовку тиранического регентства, являющегося к тому же незаконным учреждением, и производились незаконно составленным собранием, так как в него включены были депутаты от Восточной Румелии. Граф Кальноки стал на одинаковую с британским правительством позицию. Он считал, что Великое Собрание действовало точно в пределах своих законных прав, но выражал сожаление по поводу того, что выбор не пал на лучшего кандидата. За несколько дней до от'езда князя Фердинанда в Софию он убеждал его выполнить свое первоначальное намерение и выждать согласия держав, подчеркивая, что, если он отправится, не дождавшись этого согласия, то он будет играть роль авантюриста и не получит законного признания. Германия стала за позицию теоретической поддержки России. По мнению князя Бисмарка, было желательно, чтоб состоялось соглашение между Австрией и Россией о их сферах влияния на Балканах с тем, чтоб первая была доминирующим фактором в Сербии, а вторая добилась бы в Болгарии того же положения, какое имела до 1885 года. Единственным его стремлением было лишить Россию всякого предлога для недовольства Германией. Он считал, на основании бесчисленных ошибок, совершенных Россией при политическом разрешении болгарского вопроса, что чем больший простор для действия у нее, тем вернее выроет она себе там могилу. Ключ к его позиции заключался в убеждении, что Франция никогда не осмелится напасть на Германию, раз она не будет в состоянии войны

с Россией, и поэтому он был готов на многое, лишь бы сохранить дружеское отношение с последней. Он сообщил, однако, графу Кальноки, что нет надобности «prendre au sérieux» (принимать всерьез) ту теоретическую поддержку, какую он (князь Бисмарк) мог бы оказать тем или иным предложениям России, так как единственной его целью является сохранение с ней хороших отношений, при чем он уверен, что никакое русское предложение не сможет пройти в жизнь, раз против него серьезно выскажутся Австрия, Великобритания и Италия. Его доверие к энергичным действиям этих держав было, однако, не достаточным, чтоб он рискнул в какой-либо мере затронуть Россию.

ГЛАВА III

1888—1900

Берн-Дармштадт и Карлсруэ. — Мои личные отношения с королевой Викторией.

Летом 1888 года я перевелся в министерство иностранных дел и работал здесь до конца следующего года, когда был назначен в Берн. В конце 1892 г. я был произведен в секретари посольства. Мне предложили место поверенного в делах в Кобурге. Мое назначение, однако, задержалось, так как в связи с прежним образом жизни тогдашнего герцога королева (Виктория) противилась посылке женатого человека в Кобург. Пока вопрос обсуждался королевой и министерством иностранных дел, умер внезапно наш посол в Дармштадте, что облегчило разрешение дилеммы, и я был назначен в Дармштадт со званием поверенного в делах.

Дармштадт во всех отношениях был более желанным назначением, так как благодаря его центральному положению и близости к Франкфурту и Гамбургу можно было войти в соприкосновение с внешним миром и увеличить круг знакомства далеко за пределы этого, по существу небольшого, гарнизонного городка. Несмотря, однако, на свои ограниченные общественные ресурсы, Дармштадт имел в качестве местожительства много хороших сторон. Можно было без конца ездить верхом по окружавшим его лесам; можно было на сравнительно небольшом расстоянии охотиться почти на на все виды дичи: оленей, ланей, диких кабанов, фазанов, куропаток, зайцев и даже белок; не будучи занятым ничем иным, можно было провести вечер в дворцовом театре, где поочередно ставились пьесы или оперы.

Хотя после выхода принцессы Алисы Гессенской замуж за русского императора Дармштадт приобрел определенное политическое значение, вследствие частых посещений их

величеств, это все же был только, как часто говорится, «семейный уголок». И великий герцог и великая герцогиня были внуками королевы Виктории; первый через свою мать, принцессу Алису, а вторая, через отца, герцога Эдинбургского и Кобургского. Королева, устроившая этот брак, весьма интересовалась всем, что их касалось, так что в течение шести лет, проведенных в Дармштадте, я пользовался привилегией непосредственной переписки с ее величеством и честью приглашения вместе с женой в Виндзор и Осборн всякий раз, когда мы бывали в Лондоне. Обратная сторона медали заключалась, однако, в том, что делало мое положение далеко не легким: великий герцог и великая герцогиня, независимо от своего положения в жизни, подобно многим молодым супругам, шли своей дорогой и часто не выполняли многого, что следовало сделать, и делали многое, что, пожалуй, лучше бы не делать. Когда случалось что-либо подобное и особенно, когда они не отвечали на письма или не обращали достаточного внимания на кого-либо из старших родственников, приезжавших к ним, на меня неизменно падало бремя переговоров с ними об этом. На мне, кроме того, лежала обязанность сообщать королеве о всех их шагах и ошибках — задача весьма незавидная, особенно принимая во внимание величайшую любезность их королевских высочеств по отношению к нам и знаки интимной дружбы, какие они проявили, допустив нас в свой семейный круг.

Среди многих царственных особ, с которыми мы часто встречались, будучи в Кронберге, были герцог и герцогиня Спартанские (впоследствии король и королева греческие) и князь Фридрих-Карл Гессенский с княгиней, которая, подобно герцогине Спартанской, была дочерью императрицы Фредерики. Муж ее был младшим братом великого герцога Гессенского, имя которого вызывает в моей памяти случай, весьма типический для характера некоторых немцев. Принц Уэльский поручил мне представлять его на крещении одного из детей княгини, крестным отцом которого он был. В назначенный день я явился во дворец, где должна была происходить церемония крещения. Присутствовало около сорока человек. Зная немецкую аккуратность, я постарался быть представленным, как мне казалось, всем без исключения. За завтраком герцог вступил со мной в разговор. По окончании завтрака он спросил меня, люблю ли я охотиться. На мой утвердительный ответ, он сказал: «Тогда приезжайте охотиться на фазанов в декабре», не указав при этом определенного дня. В это время я случайно уже решил взять отпуск в конце ноября. Сказав ему об этом, я выразил сожаление, пытаясь об'яснить невозможность последовать его приглашению. Как вдруг он повернулся ко мне спиной со словами: «Можете отправляться к ч...». Я был, естественно, несколько

ошеломлен и, видя рядом господина, которого я принял за его придворного конюшего, я подошел к нему, чтобы об'-ясниться и посетовать на происшедшее. Злой случайности угодно было, чтоб это лицо не только не оказалось конюшим, но было единственным из всей компании, которому я, по недосмотру, не был представлен. Оглядев меня с ног до головы, он холодно прервал мои об'яснения и заметил: «Сэр, обычно в Германии джентльмен не беседует с другим, не будучи предварительно ему представленным третьим джентльменом». Затем он тоже повернулся ко мне спиной. Я был совершенно ошеломлен этим уроком немецкого приличия. Ко мне подошла, однако, фрейлина княгини и сказала: «Г. Бьюкенен, я случайно слышала оба ваших разговора и могу только сказать, что мне стыдно за моих соотечественников». Княгиня потом прислала за мной и очень извинялась за случившееся.

Двор в Карлсруэ, к которому я также был аккредитован, представлял во всех отношениях полную противоположность Дармштадтскому. В то время, как в последнем этикет соблюдался скорее поневоле, чем из почтения, его в первом проводили весьма сурово и доводили почти до степени искусства. На завтрак к семье великого герцога надо было являться во фраке с черным галстуком; я помню, как однажды, в день празднования семидесятилетия со дня рождения великого герцога, мне пришлось с восьми часов утра пробыть до 7-ми вечера в голубом мундире с желтыми пуговицами. Но больше всего утомляли бесконечные приемы после обеда во дворце, когда приходилось стоять часа два—три на ногах, пока великий герцог и великая герцогиня обходили гостей. Даже в своих комнатах не оставляли вас в покое. Меня разбудил однажды в 8 часов утра лакей от герцога с сообщением, что так как я без сомнения в 10 ч. 30 мин. пойду в английскую церковь, то великая герцогиня распорядилась показать мне в 10 часов близко от нее помещающуюся больницу. Это звучало приказанием и выбора не было.

Нигде не было такой скуки, как в Карлсруэ. Город отражал невыносимую тоску двора.

Не прибавило, разумеется, больше приятности то обстоятельство, что в последние годы девятнадцатого века, особенно после начала войны в Южной Африке, началось сильное анти-британское движение в Германии, так что не редкость было услышать весьма неприятные вещи об Англии. Великий герцог Баденский был, однако, слишком большим джентльменом для этого. Ученик старой школы, он был воплощением вежливости. Говоря, во время наших бесед, об охлаждении отношений между Германией и Великобританией, он всегда выражал скорее сожаление, чем раздраже-

ние, и относил все происходящее за счет безответственного языка британской и германской прессы. Он развивал даже по одному поводу весьма фантастическое предложение о том, чтобы державы заключили между собой соглашение в целях уничтожения для прессы возможности причинять зло, по которому не обращалось бы внимания на мнения иностранной прессы по международным вопросам, при чем правительства отказались бы от пользования прессой для официальных заявлений по этим вопросам. К несчастью, он был убежден, что Великобритания обязана своей выгодной позицией в международном масштабе дальновидной и макиавелистской политике всех британских правительств. Он не принял всерьез моего замечания, когда я сказал, что наша дипломатия не заслуживает его комплиментов, так как британские правительства не имеют обыкновения заглядывать далеко вперед. Оно скорее, прибавил я, приспособляет свою политику к требованиям момента, и его практика работы от случая к случаю оказалась в общем успешной.

Великая герцогиня, дочь старого императора Вильгельма, была, наоборот, гораздо менее сдержанной и давала простор своим чувствам. Как ультра-немка, она считала, что Германия не может быть неправой, и что, следовательно, надо во всем обвинять Великобританию, раз отношения между правительствами оставляют желать лучшего. Напрасно я пытался убеждать ее, что ошибки возможны с обеих сторон, и что, раз обе страны желают сохранить дружбу, надо оказывать должное внимание национальным интересам той и другой. Однажды — накануне или после об'явления Бурской войны — она отчитала меня перед всем двором и в знак неудовольствия не подала мне руки для поцелуя, как обычно делалось на таких официальных приемах.

Вскоре после этого, будучи в отпуску в Англии, я был несколько раз приглашен в Осборн и присутствовал один за обедом королевы. Она, беседуя со мной об анти-британских настроениях в Германии, вдруг сказала к моему величайшему изумлению: «Милая великая герцогиня Баденская — единственный наш друг в Германии». Я осмелился возразить, что такое мнение можно было себе составить лишь в том случае, если наш друг искусно скрывал свои истинные чувства. Затем я рассказал о своем недавнем визите к Карлсруэ и о том, как великая герцогиня постаралась мне показать, что она целиком разделяет взгляды на Великобританию, преобладающие в Германии. Королева была совершенно потрясена этим, а когда я рассказал ей, как в Карлсруэ и Дармштадте толпы на улицах радостно приветствовали телеграммы о наших поражениях, вывешенные в окнах почтамта, то она произнесла: «Этого нельзя забыть».

В июле 1898 г. лорд Салисбюри предложил мне место британского представителя в Венецуэльском третейском трибунале. Место это стало вакантным благодаря назначению Михаэля Герберта послом в Вашингтон. Так как королева желала, чтобы я совмещал эти обязанности с постом поверенного в делах в Дармштадте, то я заехал в Лондон, чтобы выяснить наиболее целесообразное распределение своей работы.

Я, к счастью для меня, пользовался с самого начала ее доверием. После несколько волнующей встречи, когда я ждал ее при прохождении к обеду в Осборне, чтобы пасть на колено и поцеловать ее руку в связи с назначением меня в Дармштадт, мне больше не приходилось волноваться. Я был сразу очарован ее чудесной улыбкой и всегда чувствовал себя совершенно естественно и свободно в беседах с ней. Я почти всегда встречал в королеве живого и подвижного собеседника. Когда я ей рассказал однажды, что по курьезному совпадению 25 ноября — день рождения не только герцога и герцогини Гессенских, но и мой, она спросила: «А вы родились в том же году, что и они?» Улыбаясь, я ответил, что это было бы для меня большой честью, но я, к несчастью, настолько стар, что гожусь великому герцогу в отцы. «Ах, как глупо с моей стороны», засмеялась королева по поводу своей ошибки.

Последний раз я видел королеву в октябре 1900 года в Бальморале, когда я покинул Дармштадт. Через несколько месяцев великая королева, всегда внушавшая мне чувство почтения и преданности и искренней благодарности за постоянное оказываемое мне внимание, скончалась.

ГЛАВА IV

1898 - 1903

Представитель в Венецуэльском третейском трибунале. — Советник в Риме и Берлине. — Англо-германские отношения. — Генеральный представитель и консул в Софии.

Немногие, думаю, помнят теперь о нашем споре с Венецуэлой по поводу границы между ее территорией и британской колонией Гвианой, хотя тогда вопрос этот имел жгучий интерес. Острота его обязана тому факту, что президент Клэвеланд затронул его в своем послании Конгрессу в 1895 г., так что он грозил осложнить наши отношения с Соединенными Штатами Америки. После длительных переговоров, состоялось соглашение в феврале 1897 г. в Вашингтоне, по которому великобританское и венецуэльское правительства передавали вопрос на разрешение третейского суда.

Когда я в июле 1898 г. принял назначение в качестве британского представителя при третейском трибунале, то обе заключившие соглашение стороны уже обменялись своими доводами; произошел также обмен документальными данными, состоявшийся к концу года. После предварительного совещания в Нью-Йорке в начале следующего года по позоду разных технических вопросов трибунал собрался в Париже 15 июня 1899 г. Составлен он был из двух британских судей (Верховный судья лорд Рёссель и судья лорд Генн Коллинс), двух американских (Мельвиль Вебстер Фуллер, верховный судья Соединенных Штатов, и Давид Бруйэр, судья Верховного суда) под председательством известного русского юриста г-на де-Мартенса.

История спорной территории восходит к концу шестнадцатого столетия. В качестве наследницы Испании Венецуэла претендовала на всю территорию между Ориноко и левым берегом Эссеквибо; мы же оспаривали это на том основании, что в течение двух столетий большая часть этой территории находилась последовательно под контролем голландцев и англичан, и что со времени нашей формальной оккупации колонии в 1814 году Великобритания, а не Венецуэла, содействовала ее развитию. Венецуэла настаивала затем на том, что, хотя согласно 4-го параграфа Вашингтонского соглашения фактическое обладание другой стороны давало законное право на владение, но правило это должно применяться к пятидесяти годам до 1814 года, а не к 50 годам до подписания соглашения. Это составило бы столь серьезное изменение условий, на которых британское правительство согласилось на арбитраж, что, в случае принятия американской интерпретации данного вопроса, мы отказались бы от третейского суда.

Генеральный прокурор, которому пришлось выступить первым перед судом, изложил британскую точку зрения в мастерской речи, занявшей тринадцать заседаний, изложив все говорящие в нашу пользу факты с исключительным талантом. Он сделал, однако, ошибку в том отношении, что пустился в слишком большие детали, и, как я осмелился заметить в свое время, он разрушил наш дом, чтобы показать, из каких хороших кирпичей он построен. Это дало возможность представителям Венецуэлы воспользоваться слабыми пунктами нашей аргументации и показать низкое качество некоторых из наших хваленых кирпичей. Когда сэр Роберт Рейд стал отвечать двум представителям Венецуэлы, говорившим в течение 22-х дней, то положение было мало обещающим. В блестящей и краткой притом речи он перевел, однако, дискуссию на более высокий уровень и сконцентрировал всю сущность британских домогательств. Ему, кроме того, удалось представить в смешном виде перво-

начальные права Испании, составлявшие фундамент всей аргументации Венецуэлы, и изобразить яркий контраст между действиями Испании и Венецуэлы, с одной стороны, и Голландии и Британии, с другой. После него говорил г-н Асквит, которого сменил генерал Трэси от имени Венецуэлы. Заключительное слово от имени Великобритании снова произнес генеральный прокурор, а генерал Гаррисон закончил эти выступления речью, которая, несмотря на силу и искусность ее, не произвела на суд серьезного впечатления. Отсутствие положительных доводов заставило генерала ограничиться обоснованием притязаний Венецуэлы исключительно, как наследницы Испании, облеченной первоначальным и высшим правом на спорную территорию, и критикой британских аргументов.

Если бы вопрос рассматривался внепартийным судом, который решал бы на основании данных, изложенных сторонами, то вся спорная территория, несомненно, была бы присуждена нам. Как бы то ни было, установленная трибуналом граница не приносила ни в чем существенном в жертву британских интересов, хотя устье Баримы и не было оставлено, как мы ждали, в абсолютном владении Великобритании. Третейский трибунал, в котором тяжущиеся стороны представлены собственными арбитрами, а председатель нейтрален, имеет всегда тенденцию обеспечить единогласие сторон некоторым компромиссом. Такого единогласия не состоялось во всех третейских разбирательствах со времени претензий Алабамы в 1873 г. и до вопроса о рыболовстве в Беринговом море на двадцать лет позже, так что у г. де-Мартенса было особенно много оснований добиться его в случае с Венецуэлой. Первая Конференция Мира, созванная по инициативе императора Николая, собралась в Гааге в июле месяце, и он старался поддержать своего монарха на пути мира, добившись единогласного приговора с тем, чтобы этим повлиять на другие государства в смысле передачи ими своих разногласий на третейское рассмотрение. Подобное желание похвально само по себе, но средства, к которым он прибегал, чтобы добиться своего, были не безупречны. Определив про себя некоторую границу, на которую могли бы согласиться обе спорящие стороны, он поочередно беседовал с участниками суда с каждой стороны и говорил им, что если его план не будет принят, то он будет голосовать за крайнее предложение другой стороны.

Устные показания заняли 54 заседания суда, при чем вина за это лежит на Венецуэле, представители которой говорили на 10 дней больше, чем наши. Хотя между всеми нами сохранялись самые сердечные отношения во все время суда, не обошлось и без острых стычек сторон. Генеральный прокурор, несмотря на умелое ведение дела, не любил

итти напролом и всегда старался отвечать уклончиво на неприятные вопросы. Эта тактика надоела генералу Гаррисону настолько, что он в одном случае поднялся и доставил суду большое развлечение, заявив: «Генеральный прокурор напоминает мне большую птицу, усевшуюся на слишком тонкую для нее ветку; она распускает крылья и машет ими, чтобы удержаться на месте». Генерал махал при этом руками вверх и вниз, подражая птице, и повторял это каждый раз, когда генеральный прокурор пытался затушевывать поставленный ему вопрос.

С некоторым колебанием принял я пост агента при трибунале, так как, кроме новизны работы, положение агента при крупном разбирательстве представляет известную аномалию, если не хотеть оставаться круглым нулем. Подготовка и проведение всего дела, естественно, находится в руках крупных юристов, участвующих в нем, и, хотя я принимал участие во всех их совещаниях, моя роль ограничивалась информацией правительства о результатах обсуждения и о линии аргументации, какую предполагалось проводить. Генеральный прокурор был, однако, всегда готов выслушать мое мнение, и когда, как порой случалось, я не бывал с ним согласен по некоторым существенным вопросам, то, не колеблясь, заявлял об этом и не раз проводил свою точку зрения. Во время заседаний суда в Париже, наши функции не были четко разграничены. Генеральный прокурор обычно говорил обо мне «мой агент», на что судья лорд Коллинс советывал мне в отместку за то, что он называет агента правительства с в о и м, отвечать ему словами: «Мой генеральный прокурор» — чему, конечно, я не последовал.

Кроме забот о помещении для всех членов британской делегации в Париже, на мне лежала еще обязанность выяснить в министерстве финансов размер их жалованья и дополнительного вознаграждения. Это было крайне неблагодарной задачей, так как мы обычно ценим свои услуги несколько выше, чем правительство. Делая охотно уступки министерству финансов в мелочах, я обычно добивался того, что мне было нужно.

Самой трудной задачей для меня в Париже было составление для министерства иностранных дел отчета о каждом заседании в отдельности, так как в подобных сложных и длинных обстоятельствах было не легко передать в кратком сообщении резюме всех речей и оценить силу приводимых аргументов. Я был вознагражден за эту работу, между прочим, тем, что был назначен в конце 1900 года в Рим, где лорд Кэрри был тогда нашим послом, 4 из 11 месяцев, проведенных здесь, я замещал его в должности. Рим в эти дни был очень легким постом. Политический интерес концен-

трировался тогда на вопросе о Крите, разбиравшемся на конференции непосредственно заинтересованных держав под председательством итальянского министра иностранных дел, сеньора Принетти. Tempora mutantur — в наши дни бури и натиска с завистью вспоминаешь о том времени, когда нашим главным занятием был вопрос о правительстве Крита.

Осенью 1901 года я был переведен в посольство в Берлин, куда я просился еще в самом начале. Мне хотелось туда не только потому, что Франк Лассель, наш посол, был моим старинным приятелем, но и вследствие того, что Берлин в этот момент представлял собой наиболее важное наше посольство. Все, кто читал замечательные разоблачения барона Эккартштейна, вспомнят, как повторные попытки нашего правительства к соглашению и заключению чего-то в роде оборонительного союза с Германией не удавались из-за безумия и неискренности англофобской клики с Вильгельмштрассе. Великобритания была тогда на распутьи, так как стало больше немыслимым продолжать политику «of splendin isolation» (блестящей изолированности). Ей надо было или стать на сторону Тройственного Союза или связать свою судьбу с Францией и Россией. За время англо-бурской войны англо-германские отношения дошли чуть ли не до разрыва благодаря таким инцидентам, как задержание и обыск германских пароходов «Bundesrath», «General» и «Herzog». Возмущение, вызванное этими инцидентами в Германии, и угрожающая позиция германского правительства в свою очередь вызвали в официальных кругах Лондона контр-возбуждение. Несмотря на это, однако, британское правительство не оставило мысли об оборонительном соглашении с Германией, и лорд Лэнсдоун снова выдвинул этот вопрос весной 1901 года. Но прием, оказанный этому предварительному предложению, оказался неудовлетворительным, и последовавшие затем переговоры послужили лишь тому, что наше правительство убедилось в безнадежности расчета на Германию, как на возможного союзника.

Вскоре после моего прибытия в Берлин, в октябре 1901 г., сэр Франк ушел в отпуск, и мне пришлось вследствие этого его замещать. То был момент острого напряжения. В прессе циркулировала клевета всякого рода относительно поведения наших войск в Южной Африке, а в рейхстаге их называли наемниками и обвиняли в том, что они сражаются, поставив впереди себя женщин и детей. В речи, произнесенной в конце октября и опровергавшей эти необоснованные обвинения, Чемберлен привел случаи из времен войны 1870 г., не делавшие чести германской армии. Эти контр-обвинения подлили масла в огонь и вызвали новую анти-британскую кампанию в рейхстаге, при чем граф Бюлов, только что сменив-

ший князя Гогенлоэ на посту канцлера, произнес речь, где в самых сильных выражениях критиковал г. Чемберлена.

Поверенный в делах имел мало случаев видеться со столь высокой персоной, как имперский канцлер; но граф Бюлов, которому меня рекомендовал мой друг и коллега по Риму, барон Ягов, любезно пригласил меня на обед; я воспользовался беседой, которую мы с ним вели после обеда, чтобы коснуться недавних дебатов в рейхстаге. Я готов допустить, высказался я, что в качестве боевой силы английская армия не выдерживает сравнения с германской. Нашей первой линией обороны является флот, армия же наша относительно невелика; но это не мешает нам гордиться как ею, так и ее великими традициями. Нас возмущает, когда о ней говорят, как об армии наемных убийц, нас еще более возмущает, когда, как в рейхстаге, ее осыпают клеветой. Люди, добровольно пошедшие на действительную службу, люди, готовые по собственной доброй воле положить свою жизнь за короля и страну, по моему мнению, гораздо выше людей, принуждаемых к этому какой-либо системой обязательной повинности. Я убежден, что канцлер не верит тем историям, которые рассказывали о наших войсках в рейхстаге. Поэтому я апеллирую к нему в интересах поддержания хороших отношений между нашими странами для того, чтобы он вмешался в прения и исчерпал бы весь инцидент, раз'яснив, что рейхстаг был неправильно информирован о поведении наших войск. Граф Бюлов подтвердил, что он лично не верит справедливости этих историй, при чем говорил с характерной для него любезностью и вежливостью. Но он был недостаточно твердым человеком, чтобы плыть против течения, и поэтому не внял моим предложениям, заявив, что он не может выступить в рейхстаге и сказать что-либо по этому поводу.

В декабре 1901 года в Берлин прибыл по пути в Лондон маркиз Ито. Япония все еще колебалась между союзом с Россией и союзом с Великобританией. Естественно, что я был озабочен выяснением результатов его переговоров с графом Витте во время пребывания в С.-Петербурге. Я знал маркиза, когда был секретарем нашей миссии в Токио в 1880 г. Возобновив знакомство на приеме в японской миссии, я попытался перенести разговор на его путешествие. Но японские государственные деятели очень мало общительны. Маркиз, сохранявший во все время нашей беседы положение человека, вынужденного поддерживать разговор, оборвал меня таким сокрушительным замечанием: «Я совершил крайне интересное путешествие, но нигде не позволял себе давать интервью».

Англо-японский договор, подписанный недель через шесть, и окончательный отказ от идеи оборонительного со-

юза с Германией открыли путь к соглашению с Францией, которое последовало через несколько лет. Новое направление британской иностранной политики не могло улучшить наших отношений с Германией, и, хотя внешне они оставались нормальными и дружескими, они все больше проникались чувствами взаимного недоверия. Кроме вопроса об ее морской программе, составлявшей прямую угрозу нашему превосходству на море, повторные разногласия возникли в связи с вызывающим поведением Германии в Китае. Особенной остроты достигло положение осенью 1902 г., когда я замещал посла. Помню, что я поспешно вернулся из короткого визита в Лондон, чтобы дать представление о том скверном впечатлении, какое произвели на британское правительство некоторые шаги Германии в Янг-цзы. Я сделал это в такой форме, что барон фон-Рихтофен, секретарь министерства иностранных дел, обычно самый вежливый человек, вышел из себя и дал выход всем своим чувствам в горячих и злобных выражениях, не имевших никакого смысла.

Из всех моих постов Берлин, несмотря на свой политический интерес, мне меньше всего нравился, а так как я был послан сюда по собственной специальной просьбе, то порой чувствовал вместе с Чарльзом Кинглей, что «проклят тяжестью исполненной молитвы». Берлин, как город, был мало привлекателен, и, кроме узкого круга интимных друзей, проявлявших по отношению к нам много любезности, в его общественной жизни с тоскливыми дневными приемами и чопорными официальными обедами все было скучно до последней степени. Вот почему я нисколько не жалел, когда покидал его, будучи в конце 1903 г. назначен генеральным консулом и агентом в Софию с личным рангом полномочного посла.

ГЛАВА V

1887—1904

Обзор правления князя Фердинанда. — Женитьба князя. — Эра личного управления. — Переход в православие князя Бориса. — Болгария и македонское повстанческое движение.

14 августа 1887 года князь Фердинанд принял присягу перед Великим Собранием в Тырнове, древней болгарской столице, и в тот же день выпустил прокламацию, в которой извещал «наш свободный народ», что он занял престол славных болгарских царей. Обстоятельства его избрания были уже освещены. Я дам в настоящей главе краткий очерк его карьеры, как балканского князя, до момента моего прибытия в Софию в начале 1904 года.

В первые семь лет он царствовал, а Стамбулов управлял. Только после падения в 1894 году этого всемогущего министра, он взял бразды правления в собственные руки. Первый из этих двух периодов отличался явной враждой к России, постоянной опасности оккупации с ее стороны и последовательными заговорами на жизнь Фердинанда. Признав его в 1896 году и возобновив затем дипломатические сношения, Россия оставила свою открытую враждебную позицию и попыталась завоевать более коварными средствами то положение, которое она потеряла по собственному безумию. Общим для того и другого периода было следующее: на одной стороне — уязвленная гордость России, притязавшей в силу жертв в освободительной войне на право использования курса болгарской политики в собственных интересах, а на другой — молодая, мужественная и демократическая нация, борющаяся за сохранение своей самостоятельности и решившая определять собственную судьбу без вмешательства иностранных держав. Фердинанд стремился сначала примирить эти борющиеся силы, так как он был убежден, что ни Болгария, ни ее правитель не смогут долго существовать без согласия России. До приезда в Софию он пытался даже заигрывать с Россией через русского посла в Вене, но безуспешно. Россия была неумолима и в течение ближайших шести месяцев дважды пыталась побудить Порту, чтоб она настояла на оставлении трона, незаконно им занятого.

К счастью для князя Фердинанда, Великобритания, Австрия и Италия живо видели опасность восстановления панславистского режима в Болгарии и не только удерживали султана от шагов, которые могли бы привести к применению силы Россией или Турцией, но уполномочили даже своих представителей в Софии, чтоб они вошли в частные и неофициальные сношения с Фердинандом. Хотя таким образом он продолжал править в качестве фактического суверена с неофициальной поддержкой так называемых дружественных держав, его положение долго было непрочным. Армия не была ему никогда верна. Весной 1890 года был раскрыт большой военный заговор, имевший целью свергнуть его с престола. Сомнительная лойяльность армии заставила Стамбулова добиваться признания князя султаном, но из-за оппозиции России все его представления в Константинополе оставались без ответа. Но ему удалось, однако, получить разрешение на назначение болгарских епископов в Охриду, Ускюб, Велес и Неврокоп. Это был твердый человек, от которого все зависело и который диктовал политику правительству. Не колеблясь, если нужно было действовать на султана скрытыми угрозами, он в общем вел примирительную политику. Он ограничил свои требования той авто-

номией, которую Македония получила по Берлинскому договору, не сомневаясь, что, получив такую автономию, она так же естественно и неизбежно соединится с Болгарией, как и Восточная Румелия.

Риск цареубийства, вызываемый постоянными заговорами руссофильской партии, требовал женитьбы царя и основания им династии. В 1892 году начаты были переговоры с герцогом Пармским о руке его дочери, принцессы Марии-Луизы. Так как герцог настаивал, чтоб дети от этого брака оставались католиками, то Стамбулов попытался обеспечить пересмотр статьи 32-й конституции, по которой наследник престола должен принадлежать к православной церкви. Россия немедленно заявила протест против шага, который она считала противоречащим религиозным чувствам болгарского народа. Идея эта была непопулярна и в самой стране. Но Стамбулов считал ее столь необходимой из-за брака князя, что, взяв на себя весь одиум этой меры, он вынудил Собрание принять ее. Весной 1893 года состоялась женитьба князя Фердинанда. Последовавшая в конце того же года смерть его единственного соперника, князя Александра, весьма укрепила его положение. Она сделала в то же время для него невыносимой опеку человека, который мог сломить любое сопротивление своей воле, будь то даже оппозиция собственного монарха. Чувствуя, что он достаточно силен уже, он решил избавиться от министра, которого считал главным препятствием официальному признанию его державами. Давно уже существовавшее между ними напряженное отношение дошло до высшей степени благодаря инциденту, связанному с отставкой военного министра. Стамбулов подал в отставку, которая немедленно была принята.

Падение Стамбулова отметило поворотный пункт в конституционной истории Болгарии и привело к эре личного управления князем, особенно в сфере иностранных дел. Во главе коалиционного правительства стал лидер консервативной партии, г. Стойлов, при чем князь дал тут же понять, что хочет быть сам министром иностранных дел. Одним из первых его шагов была расчистка пути для сближения с Россией. Он обменялся телеграммами с императором Николаем по случаю смерти в ноябре 1894 года императора Александра III и послал в июле следующего года депутацию во главе с архиепископом Климентием в С.-Петербург, чтоб возложить венок на могилу покойного императора. Прием, оказанный депутации, отличался подчеркнутой холодностью. Единственным его результатом было уяснение того, что императору было бы приятно приобщение князя Бориса к православной церкви, и что просьба о посылке русского представительства в Софию могла бы подвергнуться милостивому обсуждению. Но, пытаясь таким обра-

зом восстановить добрые отношения с Россией, он потерял из-за отставки Стамбулова прежние симпатии Вены и Лондона к Болгарии. Дважды предупрежденное об опасности, которой подвергается жизнь этого государственного деятеля, княжеское правительство не только не приняло мер для его защиты, но даже отказало ему в разрешении на выезд в Карлсбад, а циническая индифферентность, проявленная этим правительством после его убийства в июле 1895 года, дает право возлагать на него моральную, если не непосредственную, ответственность за это убийство.

Другой причиной разногласий между западными державами и Болгарией была та терпимая позиция и даже активная поддержка, какую правительство последней оказывало с момента падения Стамбулова повстанческому болгарскому движению в Македонии. Это движение в противоположность движению греков и сербов было по существу македонским в своем происхождении. Это было протестом против географических границ, проведенных Берлинским договором вопреки национальным стремлениям, пробужденным не только Сан-Стефанским договором, но и решениями конференции в Константинополе накануне русско-турецкой войны. В «Projet du Règlément pour la Bulgarie» Европа признала этнографические претензии болгарской расы на три северных округа Адрианопольского вилайета, на княжество, образованное впоследствии Берлинским договором, на санджаки Ускюба, Монастыря (кроме двух его южных округов), на три северных округа Сереса и на округа Струмницы и Касторий. Опубликование Берлинского договора немедленно вызвало два неудачных восстания в долине Струмы, а в 1880 году был раскрыт более серьезный заговор в Охриде. В течение десяти с лишним лет не было вовсе никаких попыток к восстанию, хотя бродячие банды, всегда существовавшие в Македонии, проявляли случайные признаки жизнедеятельности. Но движение было лишь в подполье, а идея возможной, хотя бы и отдаленной, эмансипации поддерживалась постоянным потоком эмиграции в Болгарию. Национальные чувства усиливались к тому же распространением влияния церкви экзарха. До 1870 года во всех религиозных и схоластических вопросах высшим авторитетом был патриарх, политически являвшийся могучим орудием эллинизации. Со времени уничтожения в 1767 году епископства в Охриде исчезли последние следы болгарской церкви. Все православные христиане по необходимости стали сторонниками патриарха, при чем совершенно ошибочно стали считать такое отношение к патриархату признаком принадлежности к греческой нации. Фирманом 1870 года экзарх получил, однако, право назначать епископов в некоторые определенные приходы на юге до Флорины, в которых две трети

православного населения признает его юрисдикцию. Это право оспаривалось первоначально весьма энергично патриархом. Возникший таким образом конфликт стал скорее расово-политическим, чем церковно-религиозным. Экзарх при поддержке Стамбулова стремился обеспечить преобладание болгарских элементов путем назначения епископов, священников и учителей. В 1893 году группа молодых македонцев сочла, однако, метод мирного проникновения слишком медленным и основала «Внутреннюю Организацию». В Македонии она могла существовать лишь в виде тайного комитета, но зато создала правильную политическую организацию среди македонцев, живущих в Болгарии. Пока у власти находился Стамбулов, дела организации развивались медленно. С его падением, однако, началась более активная работа, и в 1895 году основан был в Софии Македонский Центральный Комитет. Методы его были явно революционными. Он собирал деньги, организовывал дружины и проповедывал восстание, при чем правительство оставалось пассивным зрителем всего этого, ничего не делая для того, чтоб его остановить, пока серьезные представления держав не вынудили его принять некоторые меры.

Тем временем возросло течение в пользу соглашения с Россией, и стал открыто обсуждаться вопрос о религии наследника. Сделав таким образом вопрос об обращении князя Бориса в православие предметом политических программ, князь Фердинанд не рассчитал ни силы религиозных воззрений семьи своей жены, ни того политического давления, которое, повидимому, и заставило его считаться с ними. В результате того, что он взял в свои руки бразды правления, оппозиция направила все свои действия против него лично, и на него стали смотреть как на препятствие к осуществлению национальных стремлений. Раскрыт был ряд заговоров на его жизнь, так что пришлось принять исключительные предосторожности, чтобы обеспечить его безопасность. Стал угрожать правительственный кризис. Собрание вотировало пожелание нации о переходе князя Бориса в православие. До того, как принять окончательное решение, князь Фердинанд отправился на поклонение в Рим в надежде уоедить папу снять с него обязательство, которое он принял на себя при женитьбе. Но его святейшество оказалось неумолимым. По возвращении в Софию князь Фердинанд, притворившись сначала, будто он замышляет отречение, подписал воззвание о том, что князь Борис примет причастие по православным обрядам. Император Николай взял на себя обязанности крестного отца, при чем Чарыков был назначен русским дипломатическим агентом в Софию. В то же время султан признал Фердинанда князем Болгарии и генерал-губернатором Восточной Румелии; другие

державы дали свое согласие, чем было формально урегулировано положение князя Фердинанда. Признание держав было куплено, однако, ценой такой моральной жертвы, которая, хотя в большей мере и была вызвана соображениями высокой политики, была тем не менее принесена главным образом ради личного честолюбия. Нарушив торжественное обещание, которое одно только сделало возможным его женитьбу, или, как он предпочитал изображать это, пожертвовав своим сыном ради блага Болгарии, он разрушил свои связи с собственной семьей и западными державами. «Запад, — сказал князь Фердинанд Собранию, — об'явил мне анафему. Заря с Востока освещает своими лучами мою династию и наше будущее».

Вернемся, однако, к Македонии, где неустанно работала Внутренняя Организация. В 1897 г. закончился период пятилетней тайной подготовки. Наступил период действия, при чем комитет преобразовался в террористическую организацию, решения которой выполнялись дружинами. Каждый год приносил новые эксцессы турок и новые репрессии комитетов. Позиция последовательных болгарских правительств по отношению к повстанческому движению отличалась только по степени: осуждая его преступную практику, все они симпатизировали его целям. При всяком надвигавшемся кризисе державы делали в Софии неизбежные представления. Но Россия и Австрия не всегда действовали искренне, а позиция Бахметьева, русского дипломатического агента, и панславистских агентов на Балканах не всегда совпадала с заверениями официальной России в Петербурге. Присутствие русского великого князя и генерала Игнатьева на празднествах осенью 1902 года в память взятия Шипки еще больше разожгло македонские комитеты, а речи генерала Игнатьева прямо призывали к действию.

В декабре Софию посетил сам граф Ламсдорф, при чем он дал ясно понять, что Россия не может позволить комитетам втянуть ее в вооруженное вмешательство на Балканах. Возвращаясь через Вену, он выработал вместе с графом Голуховским план реформ, сущность которых заключалась в назначении Хильми-паши главным инспектором трех македонских вилайетов. Этот план, вошедший в силу в феврале 1903 г., далеко не удовлетворил общественное мнение Болгарии, а стамбуловистское правительство, пришедшее вскоре после того к власти, решило продолжать традиционную политику своей партии в смысле сохранения хороших отношений с Турцией, пытаясь вырывать уступки, пользуясь ее страхом перед иностранным вмешательством. Русское правительство, однако, противилось прямому соглашению вассала с сюзереном, так что болгарская миссия, посланная

в Константинополь с целью добиться такого соглашения, вернулась ни с чем. Тем временем в Македонии шли поспешные приготовления к всеобщему восстанию, и в августе дан был сигнал.

Болгарское правительство не было готово к войне. Несмотря на сильное возмущение методами репрессий, к которым прибегала Турция, оно так не доверяло России, вследствие колебаний ее политики, что старалось избежать разрыва с Турцией. Россия, по его мнению, вела двойную игру. Русский посол в Константинополе отстаивал суровое подавление повстанцев, а русский агент в Софии стоял на стороне повстанцев, и оба старались, повидимому, вызвать разрыв между Болгарией и Турцией, чтоб дать России повод к вмешательству. Единственным результатом восстания оказалось то, что Европа уяснила себе серьезность положения и необходимость принятия более целесообразных и более практических мер. Благодаря в большей степени инициативе лорда Лэнсдоуна, граф Ламсдорф и граф Голуховской разработали в октябре в Мюрцштеге план более широких реформ. Главными пунктами его было назначение русского и австрийского гражданских агентов на ряду с Хельми-пашей, реорганизация жандармерии путем привлечения иностранных офицеров, реформа юридических учреждений, финансовая помощь возвращающимся беженцам и т. д.

Хотя некоторые из этих мер были приняты болгарским правительством с удовлетворением, весь план в целом был испорчен в его глазах тем фактом, что проведение его возлагалось на Австрию и Россию, на двух наиболее реакционных и эгоистических членов европейского концерта держав. Таково было положение вещей к тому моменту, когда вспыхнула русско-японская война, позволившая болгарскому правительству пересмотреть свою позицию. Несмотря на страх перед намерениями России, оно всегда лелеяло успокоительное убеждение в том, что, в случае поражения в войне с Турцией, Болгария получит помощь от России; в данный же момент, кроме боязни самоизоляции на случай поражения, правительство Болгарии было озабочено мыслью о том, что, воспользовавшись русской разрухой, Австрия оккупирует северные округа Македонии. Начаты были поэтому переговоры о непосредственном соглашении с Турцией, и в апреле 1904 г. было подписано соглашение, которое послужило к установлению более дружественных отношений между вассалом и сюзереном, хотя благодаря оппозиции России оно не обеспечило распространения Мюрцштегских реформ на Адрианопольский вилайет, чего очень хотела Болгария.

Переговоры эти еще продолжались, когда я прибыл в Софию вскоре после начала русско-японской войны.

ГЛАВА VI

1904—1908

Мой прием у князя Фердинанда. — Отношения Болгарии к Греции, Сербии и Румынии. — Визит князя Фердинанда в Лондон. — Германское, австрийское и русское влияния. — Лучшие отношения с Россией.

Что касается моих личных отношений с князем, то я начал свою миссию при благоприятных ауспициях. Подписывая свое согласие на назначение меня генеральным агентом и консулом Британии, князь Фердинанд написал одну из тех красивых фраз, на которые он был большой мастер: «Рад получить сына своего отца, бывшего другом моего (отца)». Официальные отношения, наоборот, характеризовались с некоторых пор охлаждением между двумя правительствами благодаря крайней руссофильской политике, начатой князем Фердинандом. Эти отношения еще более ухудшились благодаря инциденту, повлекшему за собой личную неприязнь между дворами обеих стран. Узнав о смерти королевы Виктории, князь Фердинанд посетил миссию и заявил о своем намерении присутствовать на похоронах, при чем требовал, чтоб с ним обращались как с правителем Болгарии, а не как с младшим из дома Кобургов, как это делали во время празднования бриллиантовой свадьбы. Князю сообщили тогда, что данный случай крайне неподходящ для обсуждения подобных вопросов и что не будет произведено никаких изменений в уже утвержденной церемонии. Тогда князь Фердинанд отменил все приготовления к от'езду. Он послал вместо себя депутацию, а сам провел день похорон в Филиппополе, где праздновал день рождения князя Бориса со смотром и парадным завтраком, на который был специально приглашен русский представитель в Софии. Этот «печальный эпизод», как князь Фердинанд его охарактеризовал, считая его личной обидой, естественно восстановил против него короля Эдуарда.

Я всегда считал Болгарию наиболее важным фактором на Балканах, а вследствие новой ситуации, созданной русско-японской войной, я более чем когда-либо стремился, если возможно, оторвать ее от слишком большой зависимости от России. Представляя поэтому свои верительные грамоты, я подчеркнул с согласия лорда Лэнсдоуна ту симпатию и интерес, с которыми британское правительство следило за моральным и материальным прогрессом Болгарии под управлением князя Фердинанда, и изложение его дружественного чувства по отношению к болгарскому народу. Взаимное согласие двух правительств могло быть достигнуто только тем, что личные отношения между князем Фердинандом и Сен-Джемским двором сделались бы более интимными, тем

более, что князь старался сам направлять внешнюю политику Болгарии и естественно склонялся бы на сторону того правительства, которое сумело бы польстить его тщеславию.

Перед от'ездом из Англии я имел честь быть приглашенным на несколько дней в Виндзор. Там я пытался получить от короля Эдуарда дружеское послание к принцу Фердинанду, которое могло бы способствовать успеху моей миссии. Король, однако, не согласился. «Вы можете сказать князю, — сказал он, — что я не забыл того факта, что он мой кузен, но, пока он продолжает свою теперешнюю двуличную политику, он не может рассчитывать на мою поддержку». Такое сдержанное послание было не очень одобряющим, и во время обеда, данного в честь меня в Софийском дворце вскоре после моего прибытия, я был в недоумении, что ответить на тост в честь короля, предложенный князем в очень дружеских выражениях. Я не осмелился передать полностью слова его величества, так как это произвело бы впечатление разорвавшейся бомбы. Я поэтому воспользовался для ответа указанием его величества на родственные отношения, существовавшие между его величеством и князем, и, поговорив на эту тему, сказал несколько теплых слов по адресу князя и Болгарии, не давая понять выражал ли я чувства короля или свои собственные.

Когда я сел на свое место, Фердинанд пожал мне руку и заметил: «Дело обстоит не так плохо, как я думал». Минуту спустя, он посмотрел на меня и сказал: «Покойный лорд Салисбюри считал меня всегда убийцей Стамбулова». Я слабо протестовал и воспользовался случаем, чтоб рассказать князю в сокращенной и наиболее придворной форме историю, которую мне однажды рассказал лорд Сандерсон относительно посещения его княжеским высочеством Лондона во время празднования бриллиантовой свадьбы. Лорд Салисбюри, — сказал я, — был не очень хорошего мнения о людях и не любил тратить время на то, что он считал бесполезными разговорами. Когда ему было указано, что он должен нанести визит его княжескому высочеству, он всячески противился этому, и только после значительного давления удалось его убедить согласиться на этот визит. Он вернулся, однако, в совершенно другом расположении духа и в разговоре с лордом Сандерсоном сказал, подобно Наполеону после свидания с Гёте, относительно его княжеского высочества: «Вот это—человек». Князь был в восторге и больше не делал никаких намеков относительно его предполагаемого участия в убийстве Стамбулова. Но он не был бы так доволен, если б я ему рассказал, что лорд Салисбюри к словам «вот это — человек», действительно им сказанным, прибавил: «но я не хотел бы быть его первым министром».

Хотя подписание турецко-болгарского соглашения смягчило предшествующее напряженное состояние, атмосфера в Софии была наэлектризована, и ни одна зима не проходила без часто повторяемого предупреждения, что как только снег на Балканах растает, мы сделаемся свидетелями взрыва долгожданной войны. В настоящий момент, однако, болгарское правительство было озабочено тем, чтоб провести обещанные реформы, и, из других соображений, старалось оказать сдерживающее влияние на вождей повстанцев. То состояние истощения, до которого были доведены болгарские элементы в Македонии дезорганизацией, царившей в рядах комитетов, побудило греков набрать на Крите и в Греции банды, которые благодаря снисходительности местных турецких властей сумели нанести сокрушающие удары своим болгарским соперникам. Их главный подвиг — разрушение весной 1904 г. деревни Загоричани и зверское убийство большинства ее жителей — вызвало серьезное антигреческое движение в Болгарии, результатом которого явилось закрытие многих церквей греческого патриархата.

С другой стороны, отношения Болгарии с Румынией начали несколько улучшаться. Хотя обоим государствам одинаково угрожала опасность русского вмешательства, доброе согласие, установленное в царствование князя Александра, не поддерживалось в правление его преемника. В самом деле, было бы странно, если б люди столь различных характеров, как король Карл и принц Фердинанд, оставались бы друзьями; оба государя питали личную неприязнь друг к другу и не доверяли политике друг друга. Падение Стамбулова завершило разрыв. Румынии, с одной стороны, приписывалось стремление улучшить стратегическую линию своей границы расширением последней насчет Болгарии; Болгария же, полагалось, имеет виды на Добруджу, чтоб парализовать стремление румынизировать болгарское население. Король Карл порицал князя Фердинанда за то, что он позволил завлечь себя в сети своего старого врага России, оставив своих прежних друзей — Австрию и Румынию; с другой стороны, князь Фердинанд подозрительно относился к румынской военной конвенции с Австрией и отзывался о короле Карле, как об игрушке в руках австрийского и германского императоров и как об их часовом на Дунае. Король, однако, был энергичным противником идеи увеличения территории, которое могло бы нарушить равновесие Балкан, и даже однажды сказал князю, что если болгарская армия перейдет Родоп, румынская армия займет Силистрию. С 1902 г., когда король Карл нанес свой долго откладываемый обратный визит в Софию, личные отношения между обоими государями, как и официальные отношения обоих правительств, улучшились, и недавние события

в Македонии, когда и куцо-влахи и болгары подверглись нападению греческих банд, способствовали более тесному сближению обеих стран.

Хотя соглашение Болгарии с Сербией было сопряжено с еще большими трудностями, свидание князя Фердинанда с королем Петром летом 1904 года в Нише и официальный визит последнего в Софию зимою того же года пробили путь к установлению лучших отношений. Во время этого визита я нечаянно навлек на себя серьезное недовольство князя, выразившееся очень характерным образом. Так как британское правительство еще не признало короля Петра, я был избавлен от обязанности присутствовать на правительственном банкете, данном в его честь; но в день прибытия его величества любопытство побудило меня наблюдать за королевской процессией с балкона дома моего друга. На пути к вокзалу принц Фердинанд дружески приветствовал меня рукой. При возвращении во дворец вместе с королем, он опять посмотрел на балкон и, не заметив меня, так как я отступил назад, пока процессия проходила мимо дома, начал оглядываться по сторонам; наконец, заметив меня, он улыбнулся и мигнул мне глазами. Я был так поражен, что мое лицо, вероятно, выражало мое крайнее удивление, но больше не задумывался над этим инцидентом.

На следующий день у меня обедал болгарский агент в Лондоне. Так как я слышал, что накануне вечером во время обеда во дворце отношение к русскому представителю было совершенно различное от отношения к представителям других держав, я воспользовался случаем, чтобы выразить протест против подобного различного отношения, и заметил, что если князь Фердинанд будет относиться к г-ну Бахметьеву, как к русскому вице-королю, то он не должен ожидать встретить со стороны британского правительства симпатии и поддержки. Два дня спустя, г-н Цоков, который, как я позже узнал, передал князю мои замечания, был прислан ко мне с указанием, что взгляд, которым я посмотрел на его королевское высочество в день прибытия короля Петра, князь считает личным оскорблением. Так князь Фердинанд выразил недовольство моим откровенным разговором с г. Цоковым. Я, однако, должен был серьезно отнестись к его словам и написал ему частное письмо с выражением моего прискорбного удивления по поводу такого необоснованного обвинения, говоря, что я могу лишь просить прощения в оскорблении, которого я не наносил. Положение становилось еще более пикантным в виду того, что за несколько дней до того я пригласил князя на обед в день рождения английского короля, в то время, как он размышлял, не просить ли ему о моем отозвании. В конце концов, он принял мое приглашение, и во время обеда наше маленьк-

кое недоразумение не было помянуто ни одним словом. Наоборот, мы наговорили друг другу комплиментов и обменялись изящными спичами, в которые, по выражению лорда Биконсфильда, «лесть подавалась лопатами».

Вскоре, однако, я вновь был занесен князем на черную доску. Летом 1904 г. князь Фердинанд встретился в Мариенбаде с королем Эдуардом, и в аудиенции, которую я получил по прибытии в Лондон в феврале следующего года, я намекнул, что его величество должно скрепить это примирение приглашением его королевского высочества на короткое пребывание в Букингемский дворец. Король согласился и, уполномачивая меня передать приглашение князю, прибавил: «Посоветуйте ему только привезти поменьше свиты, — чем ничтожнее князь, тем больше свита». Зная, как чувствителен князь Фердинанд в вопросах этикета, я с большими трудностями получил разрешение короля встретить его по прибытии в Дувр и приготовить все к его приему. На обеде, данном в честь его в Букингемском дворце, князь сказал моей жене, что в первый раз его принимают с почестями, подобающими его сану, и что он никогда не забудет того, что я для него сделал. На следующий день происходил обычный обмен орденами, и его королевское высочество выказал мне свою благодарность, прислав мне второстепенный болгарский орден, задетый тем обстоятельством, что английский король по моему совету наградил болгарского агента только орденом К. С. V. О. После того, как я сообщил его величеству, что большая часть моих коллег вне Софии имеет первостепенные болгарские ордена, почему я предпочитаю не принимать данного мне отличия, его величество переговорил с князем, в результате чего я успел получить орден Большого Креста во-время, чтобы одеть его на обед, данный принцем Уэльским во дворце Мальбро. При выходе из столовой после обеда король сказал, проходя мимо меня: «Я так рад, что все в порядке»; но князь Фердинанд, который не расслышал этого замечания, не был так доволен и, одев пенсне и смотря в потолок, не обращал на меня внимания. Хотя ему пришлось переносить мое общество во время обратной поездки в Дувр, он не разговаривал со мною еще в течение полугода по моем возвращении в Софию. Тем не менее визит оказался полезным, несмотря на то, что князь был не вполне доволен своим разговором с лордом Лэнсдоуном, который, по его словам, был слишком «застегнут на все пуговицы».

Тем временем князю Фердинанду удалось установить лучшие отношения как с Австрией, так и с Германией. Единственным желанием Австрии было разобщить Болгарию и Сербию и внушить первой, что в ее собственных интересах отказ от всякого экономического и политического союза

с этим королевством. Благодаря давлению, которое ей удалось оказать в Белграде, так называемый сербско-болгарский союзный договор, заключенный в 1905 году, не был ратифицирован Скупщиной, несмотря на то, что он был принят единогласно Собранием, и что князь Фердинанд обязался выступить вместе с Сербией, если бы последняя была вовлечена в тарифную войну с двойственной монархией (Австро-Венгрией). В результате Болгария, которая была на пороге разрыва коммерческих сношений с Австрией, выработала modus vivendi на основе договора о наибольшем благоприятствовании. Австрия же, оставив политику холодной сдержанности, прониклась дружественным интересом к болгарскому княжеству. Германия тоже прониклась убеждением, что Болгария, как наиболее обещающее из Балканских государств, достойна самого серьезного внимания. Германский император сделался более чем вежливым с князем, а германское правительство выставляло себя наиболее бескорыстным другом Болгарии. В Софии был учрежден германский банк, армия была снабжена горными орудиями и артиллерийскими припасами, и германский капитал был приглашен помочь экономическому развитию страны. Князь Фердинанд, с другой стороны, надеялся привлечь на свою сторону услуги германской дипломатии и использовать влияние друга султана для поддержки болгарских требований в Македонии. Его стремление к связи с Германией было еще усилено тем, что Россия в этот момент была бессильна помочь ему. Ключем к его политике была скорее боязнь России, чем любовь к ней, особенно после падения Стамбулова, так как он всегда был преследуем страхом испытать судьбу своего предшественника или пасть жертвой какого-либо заговора. Ослабление России благодаря тому повороту, который приняли события на Дальнем Востоке, принесло ему поэтому желанную радость. Русское влияние постепенно уменьшалось после падения руссофильского кабинета Данева в 1903 г.; и следующий инцидент, ничтожный сам по себе, но постепенно принявший интернациональный характер, показывает, как низко пал престиж России в 1905 году.

В этом году я был президентом Унион-клуба, и г-н Бахметьев (который не раз старался причинить мне неприятность) написал мне однажды, что он уничтожил последний номер Simplicissimus,a из-за карикатуры на императора Николая, помещенной там. Он заключал письмо просьбой, чтобы я, как президент, перестал выписывать этот журнал для клуба. Я ответил, что в Simplicissimus'е часто появляются карикатуры и на других государей, и что если в интернациональном клубе, подобном Унион-клубу, члены будут в праве уничтожить те издания, которые им не нравятся, в библиотеке останется очень мало нетронутых изданий. Если

бы, прибавил я, он прислал мне данную карикатуру и просил бы из'ять Simplicissimus, я передал бы вопрос на рассмотрение комитета, и я даже сейчас готов это сделать, если он сознается, что поступил неправильно. Он отклонил это, а также и другие предложения, которыми я облегчал ему возможность совершить благородное отступление. Он даже говорил мне, что стоит ему поднять мизинец, и все члены клуба болгары поддержат его. Наконец, после того, как инцидент продолжался десять дней, он написал мне, чтобы я вычеркнул из списков клуба, президентом которого я состою, его и весь дипломатический корпус. Не желая подвергнуться обвинению в том, что я умышленно заставил русский дипломатический корпус выйти из членов клуба, я тут же послал свой отказ от президентства, и моему примеру последовали все члены комитета. Было назначено общее собрание для выборов нового президента и нового комитета, и после того, как я коротко доложил о случившемся факте, мы все были вновь избраны большинством всех против одного — секретаря греческого посольства. Г-н Бахметьев, конечно, был раз'ярен и после этого игнорировал меня. К счастью, он в следующем году был переведен в Токио, и после назначения в 1907 г. русским дипломатическим агентом г-на Сементовского, а особенно после ревельского свидания мои отношения с русским дипломатическим агентством носили самый сердечный характер.

Довольно трудно проследить иностранную политику князя Фердинанда, потому что он, как правило, не проводил определенной линии поведения. Как оппортунист, руководствующийся всегда своими личными интересами, он предпочитал вести политику «качелей», заигрывая то с одной, то с другой державой в зависимости от того, что он считал более выгодным. Когда в 1907 году настойчивые усилия Сербии поделить Македонию на сферы влияния привели к угрозе войны между этими двумя государствами, он обратился к Австрии, так как он не имел желания, чтобы поход болгарской армии на Белград был остановлен, как это было в 1885 году, вмешательством второго графа Хевенгюллера. Его попытки были приняты благосклонно; но когда угроза войны прошла, его мысли обратились по другому направлению.

Князь Фердинанд очень долго питал честолюбивое намерение превратить княжество в независимое королевство, и двадцатая годовщина его восшествия на престол, которая должна была быть ознаменована созывом в Тырнове большого национального собрания, составленного из всех депутатов, когда-либо заседавших в Собрании, казалось, должна была представить благодарной нации подходящий случай для того, чтобы предложить своему князю королевскую корону. Его высочество, как он имел обыкновение в подобных

случаях, постарался отойти на задний план и предоставил другим вести необходимую предварительную работу. Было зондировано мнение иностранных представителей, и обрабатывание общества началось, чтобы подготовить его к тому, что должно произойти. Хотя мысль об удовлетворении княжеского тщеславия улыбалась только нескольким генералам и политическим деятелям, все тем не менее ожидали, что он будет провозглашен королем на одном из многих банкетов, которыми должна была быть отпразднована годовщина, и что он подчинится этому приятному насилию. Австрия, однако, план аннексии Боснии и Герцеговины которой еще не созрел, считала, что еще не наступил психологический момент для такого открытого нарушения Берлинского трактата. Она поэтому потребовала категорического ответа на вопрос, будет ли об'явлена независимость Болгарии, и предупредила князя, что император никогда не признает такого изменения в положении княжества. Его королевское высочество, будучи в это время за границей, опубликовал манифест, в котором уверял своих подданных, что их князь «занят своими обязанностями по отношению к народу и не считается с пустыми вопросами формальностей, титулов и личного удовлетворения». Он последовательно повторил эти уверения и императору в Ишле и барону Эренталю в Вене. Тырновские торжества были отменены, и юбилей князя был скромно отпразднован в Софии. Запретив провозглашение независимости Болгарии, австрийский император позаботился позолотить пилюлю тем, что пожаловал князю титул полковника австрийского полка, но эта награда не смягчила нанесенного ему оскорбления. К нему отнеслись, как он жаловался одному другу, «недостойным образом», и он постарается, чтобы в случае наступления благоприятного момента для об'явления независимости Болгарии никто не мог вмешаться заранее в его планы.

Пока князь Фердинанд заигрывал таким образом с Австрией, он не забывал и России. В Новый год по старому стилю русский император, уловив слабую струнку характера князя, пожаловал ему бриллианты к ордену св. Андрея Первозванного, а в сентябре следующего года его величество послал великого князя Владимира на открытие памятника, воздвигнутого болгарским народом в память царя-освободителя. Политическое значение этого визита заключается главным образом в том факте, что он явился первым со времени русско-японской войны признаком возобновления активного интереса России к делам Ближнего Востока и желания восстановить свое влияние в Болгарии. Поэтому радушный прием, оказанный русским гостям всеми классами населения, был очень симптоматичен. Он показал, что, несмотря на интриги, которыми Россия подкапывалась под независимость

Болгарии, основным фактом остается то, что только России Болгария обязана своим освобождением, и только от России она может ожидать поддержки в деле осуществления своей мечты о Великой Болгарии, проектировавшейся в Сан-Стефанском договоре. С другой стороны, удивительные успехи, сделанные княжеством, и значительность его армии были откровением для великого князя и его штаба, понявших в первый раз, что хотя Болгария и строит свои надежды на будущее на помощи России, она является фактором, с которым Россия должна считаться, и уже не безусловно зависима от России. Ловкий ум князя, конечно, не замедлил уловить тот факт, что и Россия и Австрия нуждаются в соглашении с ним, и что в его интересах не дать им соединиться, чтобы иметь возможность в нужный момент выступить на стороне того, кто даст большую цену за его помощь.

Весною следующего года князь Фердинанд решил расстаться со своими стамбуловистскими советниками, успевшими за пять лет своего пребывания в правительстве накопить небольшие состояния, и дать возможность другим партиям получить, по его выражению, кусок пирога. Он избрал преемниками их демократов, под руководством Малинова, но настоял на том, чтоб военный министр и министр иностранных дел были выбраны по его желанию из других партий, дабы иметь возможность надзора за этими двумя министерствами. Результатом выборов, последовавших за роспуском Собрания, была полная победа нового министерства; но методы конституционного правления, употребляемые в Болгарии, могут быть охарактеризованы тем фактом, что стамбуловцы, которые были в двойном большинстве в последней палате, в новой не были представлены вовсе, в то время как демократы, имевшие раньше только двух парламентских представителей, получили 173 места из общего числа в 203.

ГЛАВА VII.

1908—1910.

Болгария и младотурецкое движение. — Признание державами князя Фердинанда в качестве короля. — Моя миссия в Нидерландах. — Мое назначение послом в Петербург.

Весной 1908 года британское правительство выработало широкий план реформ для Македонии, вызвавший глубокое удовлетворение в Болгарии. И несколько отрицательное отношение России к этому плану еще более привлекло Болгарию на сторону Великобритании. В это время, в конце

июля, на сцене внезапно появился новый фактор в виде конституционного движения в Турции, вызвавшего удивление всей Европы. Первое впечатление в Софии было скептического характера, и имперский декрет о восстановлении конституции 1876 года рассматривался как хитрость, чтобы выиграть время для аннулирования нового проекта реформ. По этой причине предложения, сделанные младотурками македонским комитетам, были отклонены; но по мере того, как конституционное движение усиливалось, встал серьезный вопрос, насколько интересы Болгарии будут затронуты новым порядком вещей. С одной стороны, чувствовалось, что правильно примененный конституционный режим даст возможность болгарскому населению Македонии развиваться политически и материально; с другой — существовало опасение, что он может серьезно помешать осуществлению национальных стремлений Болгарии в Македонии. Правительство, не зная, поддерживать ли или противиться движению, заняло выжидательную позицию, но пока оно старалось определить свою политику, в Константинополе произошло событие, которое решило выбор. Турецкий министр иностранных дел, давая обед главам посольств в честь дня рождения султана, не пригласил болгарского агента на том основании, что этот обед давался представителям иностранных держав, и если в прошлом господин Гешов считался членом дипломатического корпуса, это было только благодаря недосмотру Двора. Г. Гешову, конечно, было немедленно приказано вернуться в Софию. Этот инцидент, ничтожный сам по себе, сразу поднял вопрос о международном положении Болгарии, и правительство поняло, что если оно теперь уступит в вопросе этикета, оно позже должно будет отказаться от других прав и привилегий, приобретенных рядом прецедентов, вопреки условиям Берлинского трактата. Оно считало, что номинальные верховные права Турции являлись лишь источником постоянных трений в прошлом, и поэтому оно решило впредь разорвать с ней связь. Момент для такого шага был выбран удачно. Болгарское правительство знало, что Австро-Венгрия намеревается произвести аннексию Боснии и Герцеговины; так как князь Фердинанд собирался посетить австрийского императора в Будапеште, было нетрудно устроить, чтобы оба акта прошли параллельно. Случайная забастовка на восточных железных дорогах с последующей остановкой движения в южной Болгарии доставили правительству довод, еще больше говоривший национальному чувству, чем инцидент с Гешовым. Поэтому немедленно была занята болгарская часть линии. Занятие линии было так существенно для успеха кампании в пользу независимости, что, даже по окончании забастовки правительство, несмотря на представление держав, решило 28 сен-

тября не возвращать ее компании. Теперь события пошли быстрым темпом, и 4 октября совет министров под председательством князя, только что вернувшегося из Венгрии, окончательно решил провозгласить независимость. На следующий день его высочество был торжественно провозглашен царем Болгарии в старой столице Тырново.

В конце августа мне был предложен пост посла в Гааге, но затем, в виду возрастающей серьезности положения, меня попросили остаться в Софии и переждать кризиса, на что я охотно согласился.

Переговоры, начавшиеся после об'явления независимости, вращались вокруг двух вопросов: о восточной железной дороге и контрибуции, дани, уплачиваемой Восточной Румелией. Только благодаря энергичному вмешательству Великобритании, Франции и России — так как державы Тройственного союза мало сделали для предупреждения разрыва — мир бы сохранен. Большая часть болгар сильно противилась мысли об уплате за независимость деньгами. И хотя князь Фердинанд в октябре телеграммой на имя президента Французской республики признал право Турции на компенсацию, его министры оспаривали право его, как конституционного монарха, делать такие заявления, не посоветовавшись с ними. Как Великобритания, так и Россия очень отрицательно отнеслись к провозглашению независимости, решенному совместно с Австрией. Россию же особенно задело то, что она считала изменой со стороны князя Фердинанда — первенствующую роль Австрии в деле, которое должно было быть праздником славян. С другой стороны, британское общественное мнение было на стороне младотурок, и британская пресса не только выражала свои симпатии оскорбленной стороне, но громко обвиняла Болгарию. Лично я тем не менее был на стороне последней и в течение всего кризиса действовал как ее защитник перед британским правительством, потому что младотурки, с делегатами которых я познакомился в Софии, не внушали мне ни симпатии, ни доверия. Мой русский коллега, г-н Сементовский, держался той же линии поведения. Россия, несмотря на боязнь быть совершенно замененной Австрией, стала на сторону Болгарии, хотя она совсем не согласовалась с точкой зрения британского правительства о неприкосновенности договоров.

С самого начала Болгария об'явила, что она не может истратить более 82.000.000 франков за железную дорогу, и что за период после провозглашения независимости она платить дань за Восточную Румелию не будет. Она знала, чего хотела, и решила добиться этого, и, как я сообщил министерству иностранных дел, она оперлась об стену и не хотела подписывать пустого чека с тем, чтоб державы за-

полнили его. Два раза, в январе и в апреле 1909 года, она рисковала войной с Турцией, так как переговоры шли слишком медленно для нее, и, в конце концов, она добилась своего. Подписание Турецко-болгарского договора о признании независимости 19 апреля 1909 года произошло в значительной степени под давлением британского правительства на правительство Порты. Россия, естественно, хотела первой из держав признать новый порядок вещей, и 21 апреля император Николай прислал королю Фердинанду телеграмму с поздравлением по поводу независимости его государства. Два дня спустя французский агент и я прислали болгарскому правительству официальное признание наших правительств, а 27 апреля австрийский, немецкий и итальянский агенты последовали нашему примеру.

Во все время кризиса я воздерживался от всяких официальных сношений с князем Фердинандом: редкие неофициальные сношения между нами велись через шефа собственного его кабинета. Как непризнанный король, он был более чем когда-либо щепетилен в вопросах личной чести, и хотя он не имел ни разу повода пожаловаться на недостаток почтения с моей стороны, он однажды поручил шефу собственного его кабинета обратить мое внимание на сатирическую подпись в одном из английских иллюстрированных журналов под рисунком, изображающим триумфальный в'езд его в Софию после провозглашения независимости. Князь не очень хорошо ездил верхом, и когда прошел час против времени, назначенного для в'езда, а он все еще не прибыл, какой-то шутник заметил: «Вероятно, его величество очень доволен обществом своей лошади». Почему-то князь Фердинанд заподозрил, что эта заметка написана моей дочерью, несмотря на то, что я это с негодованием отрицал; он только тогда снял с нее это обвинение, когда вскоре узнал, что настоящим виновником был очень известный журналист. После того как британское правительство признало его королем, между нами установились самые сердечные отношения, и на обеде, данном мне накануне моего от'езда в Гаагу, я очень дружески простился с ним.

Я уже несколько раз обращал внимание читателей на некоторые стороны характера князя Фердинанда и на его очень странное поведение в различные стадии его карьеры; но, раньше чем расстаться с ним, мне хотелось бы сказать о моем общем впечатлении о князе.

Его разрыв со Стамбуловым и последующее обращение с отставным министром, нарушение обещания, данного семье жены по поводу вероисповедания наследника престола, его низкопоклонство перед Россией после крещения принца Бориса, — все это рисует нам человека, находящегося во власти огромного личного честолюбия и не очень щепетильного

в выборе способов его удовлетворения. Но беспристрастный наблюдатель, оглядывая первые двадцать два года его царствования, — я не могу говорить о том времени, когда я уже уехал из Софии, — найдет смягчающие обстоятельства в виду исключительных трудностей, с которыми ему пришлось иметь дело, и некоторые вещи вменит ему в заслугу. Когда молодым лейтенантом австрийской армии он пошел навстречу риску, связанному со вступлением на болгарский престол, его все считали авантюристом, взявшимся за дело, заранее обреченное на гибель. Но князь Бисмарк был прав, когда он сказал: «Кобургский пробьется» («Der Coburger wird sich doch durchfressen»). Не признаваемый державами в течение первых восьми лет, он был, по собственному выражению, «парией Европы», и нужно было много душевного мужества с его стороны, чтоб победить не только открытую вражду со стороны России, но гораздо более опасные тайные ее махинации и частые заговоры на его жизнь. В эти годы испытания он проявил способности и таланты, которых у него никто не подозревал, и показал себя, сверх всякого ожидания, успешным кормчим довольно неустойчивого балканского государства. Благодаря его сдерживающему влиянию княжество не вступило в войну с Турцией, и его инициативе и предусмотрительности Болгария во многом обязана тем, что она так быстро двинулась вперед по пути прогресса. «Я исполняю филантропическую миссию», сказал он мне однажды, и если бы вместо «филантропическую» он сказал бы «цивилизующую», он был бы недалек от истины.

Несмотря, однако, на услуги, которые князь Фердинанд оказал своему приемному отечеству, он никогда не пользовался любовью своих подданных, потому что он не обладал специальными качествами, вызывающими народный энтузиазм, а пышность и королевская помпа, которыми он любил окружать себя, не нравились простодушному и демократическому болгарскому народу. Ему, тем не менее, удалось добиться известного уважения к своей личности, связанного со страхом со стороны тех, официальное положение которых приводило их в непосредственное соприкосновение с князем. Рассказывают, что слуги его, навлекшие на себя его немилость, прятались в дворцовом саду, чтоб избежать его гнева. Его интеллектуальные способности были различны и разнообразны. Он владел семью или восемью языками, много читал, был отличным ботаником и орнитологом и, когда хотел, — очаровательнейшим «causeur». Если он был в хорошем настроении, он держал меня в аудиенции час или два, говоря о всевозможных предметах на превосходном французском языке, переходя на немецкий или английский, если он не находил на французском подходящих слов для выражения своей мысли. Слабыми сторонами его характера

были тщеславие и любовь к театральным эффектам; но я был бы неблагодарным, если б не упомянул о симпатии и любезности, которые он мне не раз выказывал. Его дипломатические таланты были не ничтожны, но его поведение в делах иностранной политики страдало от его любви к интригам и от чрезмерной уверенности в своем умении перехитрить других. Князь Фердинанд был, одним словом, интересной и сложной личностью, которую, как он сам рассказывал, очень удачно охарактеризовал король Эдуард, представляя ему в Мариенбаде лорда Хальдэна. Тогда он назвал Фердинанда «самым тонким человеком «le plus fin» в Европе».

Князь Борис, теперешний король, был тогда очень привлекательным, хотя несколько застенчивым мальчиком, вечно боявшимся своего отца, у которого естественная любовь к сыну омрачалась неприятным чувством, не всегда им скрываемым, что наследник, может случиться, когда-нибудь заменит его. Князь как-то говорил мне даже, что если бы болгары заставили его отречься, чтоб возвести на престол князя Бориса, они бы очень обманулись в своих ожиданиях, потому что, уезжая в изгнание, он позаботился бы о том, чтобы сын сопровождал его.

Личность князя Фердинанда так выдавалась над окружающими, что я не считаю необходимым говорить об его министрах, с которыми мне приходилось иметь дело. Все они большей частью были игрушками, движения которых управлялись его рукой. Было, однако, и несколько исключений, и между ними я назову г. Теткова и г. Станчова,— к ним обоим я питаю глубокое уважение.

Первый был выдающейся личностью. Сын крестьянина, он в юности был революционером и интимным другом Стамбулова. Во время руссофильской реакции, последовавшей за убийством последнего, он вел ожесточенную газетную кампанию против князя, с которым он, однако, примирился в 1899 г. Сделавшись первым министром, он был самым добросовестным и патриотически настроенным из болгарских государственных людей, и был одним из немногих, осмеливавшихся откровенно выражать свое мнение государю. К несчастью для Болгарии, его убили в 1907 году.

Г. Станчов, с другой стороны, был высоко культурный человек, который последовательно служил дипломатическим агентом в Бухаресте, Вене и Петербурге. Он смотрел на вещи гораздо шире и космополитичнее большинства его соотечественников. Когда он был министром иностранных дел, у нас с ним установились очень сердечные отношения, и только благодаря его примирительному настроению переговоры о заключении торгового договора, которые я вел, кончились благополучно.

Позднее он был болгарским послом в Париже и в начале Великой войны имел мужество предостеречь короля Ферди-

нанда, фаворитом которого он был, от рокового шага, который он собирался предпринять. За этот поступок он лишился любви короля и впал в полную немилость. Его назначение болгарским послом в Лондоне дало мне приятную возможность возобновить старую дружбу.

Когда я в конце мая 1909 года покидал Софию, я получил от общественных деятелей почти всех партий так много выражений симпатии к моему отечеству и благодарности за услуги, оказанные Великобританией Болгарии во время недавнего кризиса, что если бы мне тогда сказали, что менее чем через 10 лет Болгария будет воевать с Англией, я бы этому не поверил. В этом отношении, как я постараюсь показать это позже, не совсем на высоте оказалась дипломатия Согласия.

После бурной Софии Гаага оказалась тихой гаванью, воды которой не волновали никакие политические потрясения, как на далеких Балканах. За исключением случайных заседаний по такому волнующему вопросу, как векселя, или собраний арбитражных комиссий, там больше делать было нечего. Но в Болгарии у меня было такое множество постоянных кризисов, всегда сопровождавшихся угрозой войны, что я был рад тому, что пользовался досугом, который я мог посвятить изучению такой интересной страны, как Голландия, посещению ее живописных старинных городков, осмотру ее сокровищ искусства, ее исторических памятников и блужданию по морю вечно меняющихся пышных красок, в которые превращаются ее поля во время цветения тюльпанов.

Благодаря близости расстояния можно было обедать в посольстве в Гааге, а завтракать на утро в Лондоне. Поэтому мы часто посещали Англию. На Дункастерских скачках в сентябре 1909 года я в последний раз видел короля Эдуарда. Рассказав ему, как мы там счастливы, я заметил, что жизнь в столице Нидерландов настолько тиха и безмятежна, что я боюсь кончить, подобно сказочному герою из сказки «Сонная пещера», — проспать оставшиеся годы моей дипломатической карьеры. «Не думайте так, — сказал его величество, — что-нибудь еще случится». Несколько месяцев спустя после смерти короля Эдуарда случилось то, что предсказывал его величество, и я получил следующее письмо от сэра Эдуарда Грея.

Министерство Иностранных Дел.

Июля 16-го, 1910 г.

Мой дорогой Бьюкенен! Перевод сэра Артура Никольсона в министерство иностранных дел освобождает вакансию в Ст.-Петербурге. Эта должность имеет огромное значение,

так как, хотя в настоящее время наши отношения с русским Правительством хороши, есть вопросы, вызывающие трения между обоими правительствами и требующие поэтому постоянного такта и ловкости со стороны посла в Петербурге. Я уверен, на основании того, что я видел сам и что я слышал от людей, более меня опытных в дипломатической службе, что вы с успехом займете пост посла в Петербурге, и, если вам он подходит, я буду рад рекомендовать вас на него.

Искренне ваш *Э. Грей.*

Я никогда не смел мечтать о таком важном посольстве и, поблагодарив сэра Эдуарда за этот явный знак его доверия, я выразил надежду, что окажусь достойным его и не обману его ожиданий.

ГЛАВА VIII

1911

Отношение России к Германии и Австрии. — Моя первая беседа с императором Николаем. — Потсдамское соглашение и его происхождение. — Персидский кризис. — Претензии России на расширение ее морской юрисдикции. — Случай Поваже.

Хотя отношения между обоими правительствами и были теплыми, как это указал сэр Эдуард Грей в его письме ко мне, однако между Россией и Великобританией нависла тень прежних раздоров и недоразумений. Все еще не рассеялись взаимные подозрения, с которыми они в течение более чем полустолетия наблюдали за политикой друг друга. Англо-русское соглашение началось в 1907 г. Оно основано на несколько неясном документе, который, обязав обе державы поддерживать целость и независимость Персии и, определив их сферы влияния в этой стране, ничего не упоминал об их отношениях в Европе. Устранив опасность, чтобы Персия послужила яблоком раздора между ними, он в то же время связал их теснее и проложил дорогу для будущей совместной работы в европейских вопросах. Он оказался с этой стороны даже более успешным, чем та часть подписанного документа, которая относилась к примирению их враждебных интересов в Персии, которые, несмотря на это соглашение, даже накануне великой войны вызывали постоянные трения.

При моем прибытии в Петербург в начале декабря 1910 г. международное положение, не вызывая чрезмерных опасений, все же было не вполне утешительным. Инцидент с Боснией и Герцеговиной, в котором г. Извольский потерпел пора-

жение в своей дуэли с графом Эренталем, вызвал в России горькое чувство досады против Австрии, — досады, еще более усилившейся старой личной неприязнью г. Извольского к графу Эренталю, так что нельзя было не опасаться осложнений на Балканах, грозящих непосредственным столкновением интересов России и Австрии. Г. Сазонов, преемник г. Извольского в русском министерстве иностранных дел, к счастью, не имел личной обиды против графа Эренталя и даже считал, что лучше пусть остается Эренталь, чем другой министр, более подверженный германскому влиянию. При данных обстоятельствах он мог сделать лишь одно: воздержаться в своей политике от всяких враждебных шагов и стараться постепенно восстановить более нормальные отношения между двумя правительствами. Но более всего в данной ситуации поразил меня тот факт, что, хотя отношения с Германией были весьма натянуты после того, как император Вильгельм в 1909 г. поддержал своего австрийского союзника, и хотя благодаря Германии граф Эренталь выиграл свое дело, русское общество отнеслось более терпимо к его поступку и не выражало такой мстительной досады по отношению к ней, как по отношению к Австрии.

Г. Сазонов, которого я знал, когда он был советником посольства в Лондоне, очень сердечно меня принял, когда я явился к нему с первым официальным визитом, и мы вскоре сделались друзьями. Русский из русских, там где дело шло о защите интересов своей страны, он был всегда преданным другом Великобритании; и до последнего дня его пребывания на посту министра иностранных дел, до конца июля 1916 г., когда императору, к несчастью для него и для России, так неудачно посоветовали заменить его г. Штюрмером, — я всегда находил в нем лояльного и ревностного сотрудника в деле поддержания англо-русского согласия. Мы делали только то, что было естественно: всегда внимательно разбирали те сложные вопросы, о которых нам пришлось разговаривать в течение ближайших пяти с половиной лет, но он никогда не обижался на мои откровенные слова и неизменно делал все, что можно, чтоб преодолеть все трудности. Он только что вернулся из Потсдама, где, желая уничтожить натянутость, существующую между двумя правительствами, и обеспечить признание Германией за Россией первенствующего значения в Персии, он был вовлечен в переговоры относительно Багдадской жел. дор., не совсем соответствующие соглашению, по которому действовали до сих пор другие члены Тройственного согласия. Это так называемое Потсдамское соглашение было первым из многих острых вопросов, которые мне пришлось разбирать с г. Сазоновым. Оно было также предметом моего

первого разговора с императором. Вручив мои верительные грамоты и передав искреннее желание короля, чтобы англо-русское взаимное согласие сохранилось и укрепилось, я сказал императору, что британское правительство следит за русско-германскими переговорами с некоторым беспокойством. В своем ответе его величество уверил меня, что его правительство не заключит никакого соглашения с Германией без согласия британского правительства, и что последнее в случае необходимости всегда может рассчитывать на его помощь. Он повторил эти уверения при следующем разговоре, который был у меня с ним несколько недель спустя, и прибавил, что продолжающиеся переговоры с Германией ни в коем случае не могут повлиять на его отношение к Великобритании.

Хотя император вполне верил в то, что он говорил, но не уловил того факта, что уступки, сделанные его правительством Германии по вопросу о Багдадской жел. дор., несовместимы с той поддержкой, которую они должны были оказывать своим компаньонам по Тройственному согласию. Не то, чтобы мы что-либо имели против добрых отношений России с Германией, как я неоднократно уверял в этом г-на Сазонова, но мы боялись, что эти добрые отношения создадутся на счет Великобритании. Мы сами очень старались прийти к соглашению с Германией по вопросу о вооружениях, но никогда, как я уверял его, мы не предприняли бы ни одного шага, который мог бы заставить нас пожертвовать нашей дружбой с Россией или Францией. Мы надеялись поэтому, что и русское правительство в своих переговорах с Германией будет точно так же стоять на страже наших интересов.

В виду чисто исторического интереса я вкратце опишу ход затянувшихся переговоров между русским и германским правительствами. Они требовали постоянного вмешательства с моей стороны, ибо, если прежнее правительство не спохватилось во-время, что есть пункт, дальше которого оно не имеет права пойти, следующее правительство чуть-чуть не привело к серьезному разрыву между державами Согласия.

В начале декабря 1910 года Сазонов вручил германскому послу проект соглашения, содержавший результаты потсдамских переговоров. В первом пункте Россия обязуется ни противиться постройке Багдадской жел. дор., ни противодействовать каким бы то ни было образом участию иностранного капитала в этом предприятии под условием, что от нее не потребуют экономических или денежных жертв. Во втором она обязуется соединить Багдадскую жел. дор. с будущей Северно-Персидской жел.-дор. сетью. В третьем Германия обязуется не строить сама и не поддерживать

материально или дипломатически постройку каких бы то ни было железных дорог в зоне, расположенной между Багдадской линией и русско-персидской границей к северу от Ханикина. В четвертом Германия об'являет, что она не преследует в Персии политических целей, что ее интересы там носят только коммерческий характер; что она признает специальные политические, стратегические и экономические интересы России в Северной Персии и не будет стараться получить территориальные уступки к северу от линии, идущей от Казри-Хирик через Испагань, Иезд и Хах к афганской границе на широте Газрика.

Обязательство, принятое Россией в первом пункте, касалось, по заявлению Сазонова, только участка линии Конья-Багдад и давало русскому правительству в отношении участка залива свободу сотрудничества с Великобританией в будущем, как это было и ранее. В начале января газета «Evening Times» опубликовала текст проекта соглашения, и чтоб доказать, что эта версия неточна, оба правительства согласились издать полный текст. Теперь переговоры вращались главным образом вокруг вопроса о соединении обеих железнодорожных сетей, так как Германия старалась обязать Россию начать постройку соединительной линии, как только ветка от Садидже дойдет до Ханикина. Этот вопрос осложнялся тем фактом, что русское общественное мнение противилось трате денег на железную дорогу, которая откроет персидские рынки для германской торговли до того, как постройка линии Энзели-Тегеран окажет такую же услугу русскому капиталу. Чтобы преодолеть это затруднение, Сазонов предложил, чтобы британские и французские финансисты субсидировали постройку обеих линий: Энзели-Тегеран и Ханикин-Тегеран; но, за отсутствием гарантий со стороны русского правительства, это предложение не было принято. Единственная другая возможность — разрешить немцам построить линию на свой счет — была отклонена нами из тех соображений, что контроль над линией перейдет тогда в руки Германии, чем она может воспользоваться для перевозки войск. 21 февраля Сазонов вручил германскому послу пересмотренный проект, по которому Россия обязывалась получить концессию на постройку соединительной линии, как только будет закончена ветка Садидже-Ханикин, а текст первого пункта первоначального проекта был изменен в том отношении, что обязательство России — не противиться постройке Багдадской жел. дор. — относилось только к участку Конья-Багдад. Россия также выставила условия, чтобы, в случае уступки ею своих прав на соединительную линию какой-либо третьей стороне, все другие обязательства соглашения должны остаться в силе.

Переговоры были прерваны, вследствие серьезной болезни, выбившей из строя Сазонова более чем на девять месяцев, но были закончены управляющим министерством иностранных дел г-ном Нератовым, который в июле передал еще более измененный проект.

Ход переговоров был теперь несколько ускорен, так как оба правительства были заинтересованы в скорейшем их окончании. Германия, с одной стороны, только что начала переговоры весьма деликатного характера с Францией относительно Марокко и считала момент подходящим для опубликования документа, который докажет, как она надеялась, существование близких отношений между нею и союзницей Франции. С другой стороны, России, в виду внутренних беспорядков в Персии, было необходимо получить заявление о незаинтересованности Германии в этой стране, чтобы не быть связанной в случае, если бы положение в Персии потребовало ее вмешательства. Германия отказывалась принять понятие о Багдадской жел. дор. в том сокращенном смысле, который ей придала Россия, или требовала взамен отмены третьего пункта первоначального проекта соглашения, по которому она обязывалась не строить никаких железных дорог в зоне севернее Ханикина. Германский посол дал, однако, категорическое устное заверение от имени императора Вильгельма, что Германия в этой зоне будет строить только такие дороги, которые ей разрешит концессия Багдадской жел. дор. Далее она требовала для себя концессию на линию Ханикин-Тегеран, если Россия, или общество финансистов, которому она уступит свои права, не начнет ее постройки в течение двух лет по окончании ветки Садиджe-Ханикин. Все ее требования, в конце концов, были удовлетворены, и окончательное подписание соглашения было дипломатической победой Германии. Первоначальная ошибка, совершонная Сазоновым тем, что он в переговорах с Кидерлен-Вехтером дал словесные обещания, полного смысла которых в то время не мог охватить, никогда не была исправлена. Он заставил Россию, без предварительного совещания с Великобританией и Францией, отказаться от противодействия плану проведения Багдадской жел. дор., и, хотя он в дальнейшем старался ограничить свое обязательство участком Конья-Багдад, ясно было с самого начала, что Германия будет настаивать на точной букве соглашения.

Как бы то ни было, но если ускорение хода переговоров было вызвано желанием России быть спокойной в отношении Германии в случае необходимости ее активного вмешательства в Персии, то на самом деле подписание русско-германского соглашения вскоре повлекло за собой ухудшение отношений с Великобританией. Это ухудшение было

первоначально вызвано тем, что персидское правительство, несмотря на повторные протесты России, приняло к себе на службу г. Шустера и других американских советников. Одним из первых действий г. Шустера было поручение майору Стоксу (бывшему одно время британским военным атташе в Тегеране) задачу организации таможенной жандармерии. Назначение британского офицера во главе жандармерии, область действия которой простиралась на всю Персию, включая русскую сферу на севере, было принято русским правительством, как нарушение англо-русского соглашения; и только после строгого представления в Тегеране, в результате которого назначение было отменено, нам удалось уверить русское правительство в наших дружественных намерениях.

Но только что удалось удачно ликвидировать этот инцидент, как невнимание г. Шустера к особому положению России в Персии вызвало еще более серьезный конфликт. Считая себя совершенно свободным в вопросах налогов и жел.-дор. концессий, он нанес России серьезное оскорбление тем, что назначил финансовым агентом в Тавризе англичанина (г. Лекофра). В ноябре он завершил свои действия, захватив имение, принадлежащее Шоаде-Солтане, заложенное в русском банке, и заменив там охрану из персидских казаков таможенными жандармами. Российское правительство немедленно пред'явило ультиматум с требованием извинения и отозвания персидских казаков в течение 24-х часов; когда персидское правительство отказало в этом требовании, был отдан приказ отправить в Казвин достаточно сильные подкрепления, чтобы ранее посланная часть могла занять Тегеран.

Напрасно я старался указать тогдашнему министру иностранных дел на те серьезные последствия, которые могло иметь занятие Тегерана для сохранения англо-русского согласия. Уверив меня, что Россия не имеет намерения нарушить принцип целости Персии, он не только отказался отменить отданный приказ, но заявил, что если персидское правительство не удовлетворит требования ультиматума, раньше чем русские войска вступят на персидскую территорию, им будут представлены новые требования. В переговорах с г. Коковцовым, который только что сделался после г. Столыпина председателем совета министров, я добился большего успеха; и, после безуспешных разговоров с Нератовым, я был приятно изумлен, получив от него безусловное заверение, что, как только будут удовлетворены два первоначальных русских требования, русские войска будут отозваны. Коковцев, однако, не согласовался с мнением своих коллег по правительству. Русские войска тем временем высадились в Энзели, был послан по телеграфу

второй ультиматум, требующий оплаты стоимости расходов на военную экспедицию, отставки г. Шустера и г. Лекорфа и обещания, что персидское правительство в будущем не будет принимать к себе на службу иностранцев без предварительного согласия русского и британского правительств.

Отправка второго ультиматума непосредственно вслед за категорическими заверениями председателя совета министров, естественно, вызвала протест британского правительства, и в моих переговорах с Нератовым я еще раз постарался отговорить его от занятия Тегерана, которое, как я ему указал, будет рассматриваться в Англии, как удар, нанесенный независимости Персии, а, следовательно, и нашему соглашению с Россией. Нератов, однако, в этом пункте упрямился и в то же время отказался дать согласие на то, чтобы было сделано заявление палате общин о том, что оба правительства согласились ни при каких обстоятельствах не признавать экс-шаха Мухамед-Али, который недавно вернулся в Персию. Только в середине декабря, когда Сазонов вновь взял на себя управление министерством иностранных дел, натянутость между обоими правительствами сгладилась, и русские требования в результате дальнейших переговоров были смягчены. Они были приняты персидским правительством в конце года, хотя благодаря вспыхнувшим в северной Персии серьезным беспорядкам обещанный вывод русских войск из Казвина был отложен.

Я рассказал предыдущие инциденты, чтобы показать, как трудно было обоим правительствам действовать в согласии, принимая во внимание диаметрально противоположные точки зрения каждой из стран. В России отправка войска в Казвин и предполагаемое занятие Тегерана считались необходимой мерой для защиты оскорбленной чести. В Англии, напротив, эти действия осуждались, как ничем не оправдываемые стремления покорить слабую страну и как нарушение ее целости и независимости. Расхождение во взглядах было так значительно, что, если бы персидское правительство не уступило раньше, чем был отдан приказ двинуться на Тегеран, целость англо-русского согласия подверглась бы большому испытанию. К счастью, как сэр Эдуард Грей, так и г. Сазонов, были оба государственными деятелями, обладавшими тактом, терпением и выдержкой, необходимыми для ведения таких переговоров; и хотя теперь принято уменьшать заслуги старой дипломатии, я сомневаюсь, смогла ли бы хваленая новая дипломатия с таким же успехом спасать англо-русское согласие от крушения, которым ему угрожали не один раз.

Мои личные усилия, конечно, были направлены к возможному примирению противоречивых взглядов и интересов

обоих правительств. Но этой моей задаче мешало отсутствие какой-либо солидарности или коллективной ответственности среди членов русского кабинета. Категорические заверения, данные мне председателем совета министров относительно отозвания русских войск, были, как уже указано, не подтверждены его коллегами. Причина такого необычайного образа действий сделалась для меня ясна только несколько месяцев спустя, когда парламенту должна была быть представлена синяя книга о Персии. Передавая Сазонову, согласно дипломатическому обычаю, корректуру копий моих депеш, я постарался смягчить рапорты о моих разговорах с Коковцевым, чтобы не вызвать впечатления, что последний нарушил свое обещание. Сазонов, который был вполне осведомлен об этих разговорах, сразу стал упрекать меня за обращение к председателю совета министров по вопросу, касающемуся только министерства иностранных дел.

В виду того, что ответственность перед императором за направление русской иностранной политики несет министр или в его отсутствии, управляющий министерством иностранных дел, Сазонов протестовал против опубликования в синей книге разговоров с другим министром о делах, к которым этот министр не имел никакого отношения. Я сделал ошибку, — заявил он, — обратившись по персидскому вопросу к председателю совета, а последний превысил свою власть, дав мне обещание, которое он не имел права давать. Я заметил на это, что русский посланник в Лондоне часто обращается по иностранным делам к первому министру, и что, когда дело шло о вопросе, который мог сильно отразиться на отношениях наших двух стран, было вполне естественно, что я обратился к председателю совета, тем более, что управляющий министерством иностранных дел, не будучи членом кабинета, не мог говорить так авторитетно, как глава правительства. Хотя Сазонов никогда не протестовал против такого образа действий, когда во главе правительства стоял зять Столыпина, он ответил, однако, что Россия — не парламентская страна, подобно Великобратании, и что председатель совета министров не имеет права контроля над иностранной политикой России.

Среди других вопросов, с которыми мне пришлось иметь дело в этом же году, наиболее важным был вопрос о требовании Россией права расширить влияние своей морской юрисдикции с трех до двенадцати миль. В январе и в марте в Думу были внесены законы, запрещающие иностранцам ловить рыбу в пределах двенадцати миль приморской полосы Архангельской губ. и Приамурья, а так как это требование противоречило обычной практике и общепринятым международным законам, мне было поручено заявить протест. В ответе на этот протест русское правительство заявило,

что вопрос о протяжении территориальных вод государства определяется или международными договорами, или внутренними законами в отношении обычаев рыболовства, уголовного или гражданского права, в соответствии с различными интересами, выступающими в этих областях, а так как Россия не связана никакими договорами, протяжение ее территориальных вод с точки зрения международных законов определяется единственно дальнобойностью ее прибрежных орудий — в данном случае двенадцатью милями. Россия предложила, чтоб вопрос был представлен на рассмотрение третьей мирной конференции, которая должна была собраться в Гааге в 1915 году. Соглашаясь в принципе, чтоб вопрос о пределах, внутри которых государству принадлежит юрисдикция в водах, прилегающих к ее берегам, был разрешен на международной конференции, мы поставили условием, чтоб до того, как такая конференция вынесет то или иное решение, русское правительство не останавливало английских судов вне трехверстной полосы без предварительного уговора с нами. В разговоре, который я имел с ним по этому поводу, Столыпин об'явил мне, что этого условия русское правительство принять не может, так как, по мнению русских юристов, в международном праве нет такого закона, который бы запрещал России поступить так, как она предполагает. Поэтому он может обещать только постараться отложить рассмотрение этих законов в Думе до осенней сессии.

Аргументы, выставленные русским правительством для поддержки своего требования, были опровергнуты в ряде нот, в одной из которых ему было указано, что оно само, в официальной ноте на имя лорда А. Лофтуса, в октябре 1874 года, признало, что три мили являются достаточной границей морской юрисдикции государства, и заявило, что вопрос о такой юрисдикции «принадлежит к числу тех, которые желательно было бы установить с общего согласия всех государств в интересах сохранения добрых международных отношений».

В июне закон о Приамурье прошел как в Думе, так и в Государственном Совете. Япония немедленно об'явила протест против его применения. По отношению к Архангельской губернии закон еще не рассматривался. Отказываясь взять его обратно, правительство не сделало ничего, чтоб ускорить его движение, а так как большинство депутатов не очень склонялось к тому, чтобы принять закон, рассчитанный на вызывание трений с Англией, он постепенно умер естественной смертью.

Во время одного из моих разговоров с председателем совета министров я, после обсуждения русского требования о границах ее морской юрисдикции, воспользовался случаем

и попросил ускорить решение еще двух других неразрешенных вопросов. Г. Столыпин воскликнул: «Вы сегодня не в ударе, г-н посланник! Вы предлагаете мне уже третий неприятный вопрос!» Г. Столыпин был прав. Времена были тревожные, и в этот первый год моего пребывания в Петербурге существовал целый ряд неприятных вопросов, о которых мне приходилось делать представления русскому правительству. Один из них, как типичный, заслуживает особенного упоминания.

В начале апреля русская печать опубликовала отчет о процессе бывшего чиновника морского министерства, обвиняемого в продаже секретной книги сигналов капитану Кальторпу, морскому атташе при английском посольстве, и в сообщении позднее новой книги сигналов вместе с другими секретными документами его преемнику, капитану Обри Смиту. На предварительном следствии этот человек, Поваже, признался, что он хотел продать книгу сигналов капитану Кальторпу, но тот отказался от этого. Он поклялся, что он никогда в жизни не видел капитана Смита. Суд признал его виновным по самым строгим законам, но за давностью преступления он был приговорен только к 12 годам каторжных работ.

Я немедленно заявил протест. Я указал, что судебные власти сделали ошибку, не сообщив в посольство, как полагалось, о разборе дела, в котором пред'являлись серьезные обвинения британскому морскому атташе. Дав честное слово, что во всей истории не было ни крупицы правды, я потребовал от управляющего министерством иностранных дел опубликования официального документа с отрицанием необоснованных обвинений, сделанных некоторыми из свидетелей во время следствия. Согласившись, что судебные власти должны были дать знать посольству о процессе, и обещавши сообщить императору все, что я сказал, г-н Нератов, вместо опубликования требуемого документа от имени русского правительства, ограничился сообщением в печати заявления, что британский посол самым категорическим образом отрицает участие капитана Обри Смита в каких бы то ни было переговорах с Поваже. Император, принимая на следующий день в аудиенции полковника Виндгэма, нашего военного атташе, сказал, что он вполне удовлетворен моим заявлением и считает инцидент исчерпанным. Несмотря на повторные представления русскому правительству от имени британского, несмотря на то, что в оба раза, когда Поваже, как утверждало обвинение, посещал его на дому, капитана Смита не было в Петербурге, что мы могли доказать, эти слова императора были единственным удовлетворением, полученным им.

ГЛАВА IX

1912—1914

Визит британской парламентской делегации в С.-Петербург. — Улучшение англо-персидских отношений. — Персидский вопрос. — Действия русских консулов в Персии. — Беседа об этом с императором. — Трансперсидский железнодорожный путь.

Несмотря на острые моменты, пережитые англо-русским согласием в 1911 году, оба государства постепенно приходили в более близкое соприкосновение. Теплый прием, оказанный влиятельной и исключительно парламентской английской делегации, посетившей Петербург и Москву в феврале 1912 г., явился новым этапом по пути англо-русской дружбы. К сожалению, предполагаемый глава делегации, спикер палаты общин, г. Лоутсер (теперь лорд Эльсуотер), был задержан в последний момент смертью отца, но его место было достойно замещено лордом Уэрдэлем.

В день их прибытия я давал в посольстве обед, на который были приглашены все члены правительства, представители армии и флота и лидеры конституционных партий как Думы, так и Государственного Совета, за исключением лидера кадетов г. Милюкова, с которым не хотели встречаться некоторые из министров. Приветствуя их приезд в Россию, я подчеркнул то обстоятельство, что мы должны стараться создать действительное и продолжительное согласие с Россией не в дипломатических актах, а на прочном фундаменте взаимной симпатии, дружбы, доверия и общности интересов. Это было основной темой почти всех речей, произнесенных на банкетах, данных в честь делегации. Раз или два, однако, а особенно на обеде, данном Думой и Государственным Советом, ораторы обеих сторон пошли дальше. На этом последнем обеде председатель Думы предложил мне ответить на тост в честь крымских ветеранов, который будет провозглашен одним русским генералом. Я извинился, сказав, что на такой тост я мог бы ответить только таким образом: «В Крымской войне мы научились уважать друг друга, как храбрых и честных врагов; но если нам придется воевать еще раз, я надеюсь, что мы выступим плечом о плечо против общего врага». — С большим трудом мне удалось убедить председателя Родзянко поручить ответ на этот тост липу, которому не пришлось бы так взвешивать свои слова, как мне. Было упомянуто имя сэра Бетюна, и храбрый галантный генерал, сразу решившись на то, на что я не осмелился, очаровал рус-

ских, сказав почти теми же словами все, что я предполагал. За это он впоследствии получил суровый упрек от германской прессы.

Однако британская делегация вызвала улучшение отношений между двумя государствами не столько своими речами, сколько личной связью, установившейся между представителями парламента, церкви, армии и флота Великобритании с соответственными представителями России; между нациями, как и между отдельными людьми, личные связи больше всего способствуют установлению добрых отношений. Точно так же ответный визит г. Сазонова в сентябре английскому королю в Бальморале и переговоры, которые он вел там с сэром Эдуардом Греем, положили основание тому тесному сотрудничеству между обоим правительствами, благодаря которому вспыхнувший на Балканах в 1912 году взрыв не распространился на всю Европу. Но раньше, чем проследить различные стадии Балканской войны, не мешает предварительно рассмотреть вопросы, привлекавшие внимание обоих правительств до начала Великой Европейской войны.

Хотя с возвращением выздоровевшего г. Сазонова в конце 1911 года в министерство иностранных дел персидский вопрос потерял большую часть той остроты, которая ему была присуща во второй половине этого года, он продолжал тем не менее быть причиной постоянных трений и недоразумений между обоими правительствами. Говоря со мной в начале 1912 года о положении, император заметил, что персидское правительство так слабо, а страна находится в таком состоянии анархии, что без помощи русских войск на севере и британских на юге порядка восстановить не удастся. По выполнении этой задачи эти войска могут быть заменены небольшой персидской армией, способной поддержать установленный порядок. Его величество выразил далее сожаление, что в некоторых слоях Англии подверглась сомнению искренность заявлений, сделанных его правительством, прибавив, что британское правительство может быть уверено в том, что слово его об отказе России от аннексии персидской территории нарушено не будет.

Но в то время, как император и г. Сазонов были действительно озабочены восстановлением нормальных и приличных отношений с Персией, русские консулы в этой стране вели наступательную политику и действовали в совершенно обратном направлении. Генеральный консул в Мешхеде был непосредственно ответственен за бомбардировку и разрушение мечети в этом городе, а его товарищи в других местах, как, например, в Тавризе, не поколебались вызвать беспорядки, которые могли бы послужить поводом для русского вмешательства. В своих донесениях правительству им уда-

лось так неправильно изобразить происхождение и характер этих беспорядков, что Сазонов даже пригрозил, что Россия возьмет на себя управление северным Азербейджаном, если персидское правительство не сумеет восстановить порядок в Тавризе.

Естественно, что вопрос о Персии был предметом разговоров сэра Э. Грея и г. Сазонова в Бальморале. Хотя они в принципе и признавали необходимость установления в Тегеране сильного правительства с соответственно организованной силой для поддержания порядка, дальнейшие переговоры не привели ни к чему, вследствие трудности найти подходящее для главы правительства лицо и средства для содержания жандармерии под начальством иностранных офицеров. Между тем русские консулы продолжали присваивать себе все больше административной власти, а представления, которое я делал по этому поводу, только подчеркивали различие в точках зрения Лондона и Петербурга в истолковании соглашения 1907 года. Россия, с одной стороны, добивалась большего размаха и широты действий в северной Персии, где у ней было несколько тысяч подданных и покровительствуемые племена, и где торговля была всецело в ее руках. Она разрешала нам делать все, что угодно, в нашей сфере влияния под условием, что мы откажемся от всякого контроля в русской сфере. Британское правительство, с другой стороны, постоянно имело в виду поддержание целости и независимости Персии. Заботясь о защите британских экономических интересов в нейтральной зоне, оно не имело желания расширить сферу собственной ответственности или дать русскому политическому влиянию распространиться за пределы северной части. Поэтому оно просто выразило готовность обсудить все предложения русского правительства, направленные к более точному разграничению русских и британских интересов в этой зоне.

Положение, созданное действиями русских консулов, сделалось, в конце концов, настолько серьезным, что в конце июня 1914 года мне были даны инструкции испросить аудиенцию, чтобы сообщить его величеству о том, насколько британское правительство озабочено этим положением.

На вопрос его величества, вызвано ли это беспокойство каким-либо новым обстоятельством, я ответил, что я уже год тому назад просил об открытом обмене мнений между обоими правительствами, и что я боюсь, чтобы ход событий в северной Персии не привел к роковому для англо-русского согласия положению. События зашли далеко, и северная Персия была теперь во всех отношениях русской провинцией. «Мы ни на минуту,—продолжал я,—не сомневаемся в обещании его величества не аннексировать персидской территории. Мы го-

ворим только о существующих фактах. Непредвиденные события повели к занятию некоторых областей Северной Персии русскими войсками, и мало-по-малу весь административный аппарат перешел в руки русских консульств. Генерал-губернатор Азербейджана являлся игрушкой, получавшей и отдававшей приказания русского генерального консула; то же относится к губернаторам Казвина, Решта и Джульфы. Все до одного они были агентами русского правительства и действовали совершенно независимо от центрального правительства в Тегеране. Обширные пространства земли в северной Персии были захвачены незаконно, большое количество персов было обращено в покровительствуемых Россией граждан, и русские консулы собирали налоги, отстранив агентов персидского управления финансов. Эта же система распространена на Испагань и даже на нейтральную зону. У нас нет ни малейшего желания оспаривать преобладающие интересы и положение России на севере, но мы протестуем против приемов, которыми это преобладание утверждается, и против покушения распространить это преобладание на нейтральную зону. В заключение я напомнил императору, что без поддержки парламента британское правительство не сможет сохранить англо-русские отношения, и что, к сожалению, симпатии как либералов, так и консерваторов сильно поколеблены событиями в северной Персии.

Внимательно выслушав все, что я говорил, император ответил, что настоящее положение в северной Персии вызвано обстоятельствами, за которые русское правительство отвечать не может. Оно произошло вследствие беспорядков, вызванных фидаями в Тавризе, и вызванной вследствие этого необходимостью защиты русских интересов на севере. Никто так не сожалеет об этой необходимости, как он сам. Во-первых, он может дать мне честное слово, что он искренно желает отозвать свои войска, и, во-вторых, он чувствует, что на нем тяготеет подозрение, что он нарушает свои обещания. Он вполне понимает мотивы, вызвавшие представление британского правительства, и приветствовал бы свободный обмен мнений, который устранил бы возможность всяких недоразумений в будущем. В первую очередь, однако, нужно рассмотреть действия консулов, для чего при министерстве иностранных дел будет создана комиссия, которая исследует все обстоятельства дела.

Император затем перевел разговор на вопрос о нейтральной зоне, заметив, что самый простой способ определения нашего взаимного положения в ней — это разделение ее. В ответ на мое замечание, что британское правительство не имеет желания расширить свою сферу влияния, хотя и считает необходимым прийти к соглашению насчет тех действий, которые оба правительства имеют право предпринять в этой

зоне, император сказал, что во всяком случае может потребоваться пересмотр соглашения 1907 года. Он вполне согласен на это, если этого пожелает британское правительство. Когда я прощался с его величеством по окончании аудиенции, император сказал: «Я могу только сказать вам, как говорил часто и раньше, что мое единственное желание — это прочная дружба с Англией, и я сделаю все, зависящее от меня, чтоб ничто не помешало теснейшему согласию между нашими странами».

Лично я очень поддерживал мысль о пересмотре соглашения 1907 года, считая, что спорная нейтральная зона всегда будет вызывать натянутые отношения между двумя правительствами. Если оставить ее нейтральной, она явится в будущем источником постоянных столкновений и взаимных упреков. Экономические интересы обеих стран действительно сталкивались в этой зоне, особенно в вопросах строительства железных дорог. Когда британские синдикаты старались получить концессии на некоторые линии, русское правительство противилось сооружению линий вблизи от русской зоны из боязни, что персидские рынки будут наводнены британскими товарами, привезенными морем, в ущерб русской торговле.

С другой стороны, русское правительство очень поддерживало мысль о Трансперсидской жел. дор., которая, соединяя русскую и индийскую железнодорожные сети, служила бы транзитным путем между Европой, с одной стороны, и Индией с Австрало-Азией — с другой. В начале 1912 года оно предложило британскому правительству план такой железной дороги, который в принципе был принят с некоторыми оговорками. В результате было образовано общество для производства изысканий местности и направления линии и приискания денег на постройку. В течение ближайших двух лет между обоими правительствами шли беспрерывные переговоры относительно направления этой линии. Соглашение, однако, достигнуто не было, потому что британское правительство настаивало на проведении линии через свою сферу влияния от Бендер-Аббаса через Испагань и Шираз и на непродолжении ее до Карачи без его формального согласия, в то время как русское правительство стояло за более прямой путь через Тегеран и Керман к Шахбару, который оно считало единственным пунктом на южно-персидском побережьи, где можно было устроить хорошую гавань. Но, оставляя в стороне вопрос о направлении, шансы найти требуемый для постройки капитал были так ничтожны, что очень сомнительно был ли бы осуществлен этот план, если бы даже и не наступила война.

ГЛАВА X

1912—1913

Австро-русские отношения. — Растущая разруха на Балканах. — Сербо-болгарский договор в феврале 1912 г. — Образование Балканской конфедерации. — Балканский кризис. — Совещание в Бальморале. — Первая Балканская война. — Позиция России по отношению к Балканским государствам. — Сербский порт на Адриатическом море. — Опасность австро-русского конфликта. — Миссия принца Гогенлоэ в С.-Петербурге. — Ослабление напряжения. — Албания. — Конференция по вопросу о болгаро-румынской границе.

На Балканах, где турецко-итальянская война посеяла начало своего переворота, события развертывались быстро. Последовавший кризис привел к непосредственному столкновению интересов России и Австрии и не однажды угрожал нарушением европейского мира.

Смерть графа Эренталя и назначение на его место графа Берхтольда вызвали заметное улучшение русско-австрийских отношений. Граф Берхтольд, будучи австрийским послом в Петербурге во время Боснийского кризиса 1908 — 1909 годов, провел свою трудную миссию с таким тактом и скромностью, что грехи его правительства не отозвались на его репутации. Этот дипломат, которому было предназначено играть такую роковую и решающую роль во время переговоров, предшествовавших Великой войне, был «persona grata» при русском дворе, и это обстоятельство способствовало смягчению существовавшей между Россией и Австрией натянутости. Более того, вопрос о Боснии и Герцеговине, служивший предметом споров обоих правительств, как это ни странно, временно послужил к их более тесному сближению, пока он, вновь обострившись, не привел их отношения к границе опасного разрыва.

В аудиенции, данной мне императором в начале 1912 года, его величество сказал мне, что он серьезно озабочен положением на Балканах; хотя он намерен поддерживать дружеские отношения с Турцией, он все же не может оставаться беспристрастным зрителем войны между этой державой и одним из балканских государств. Поэтому он предложил, чтобы державы Тройственного Согласия предварительно выработали между собою общий план действий на случай внезапного взрыва Балканской войны или наступления со стороны Австрии. Для осуществления этого предложения не было предпринято никаких шагов, потому что, как я указал императору, мы хотели избежать действий, которые могли бы расколоть Европу на два враждебные лагеря. Мы, наоборот, предпочли бы, чтобы Россия и Австрия, как две наиболее заинтересованные державы, пришли к соглашению,

к которому могли бы присоединиться все остальные державы. Русская дипломатия тем временем не дремала, и в феврале 1912 года, как я узнал об этом позже в том же году, Болгария и Сербия подписали договор об оборонительном союзе, гарантирующем целость того и другого государства, в случае нападения на которое-либо из них со стороны Австрии, Румынии или какой-либо другой державы. В секретной военной конвенции, дополнявшей этот договор, было предусмотрено количество войск, выставляемых каждой из двух договаривающихся сторон в такой оборонительной войне, а также и расположение их армий и план кампании — на случай войны с Турцией.

Дальнейшем секретным «прибавлением» они определили свои сферы влияния в Македонии, при чем условились, что спорные вопросы относительно применения или толкования договора должны быть представлены на окончательное решение России. Присутствие членов королевских фамилий Греции и Черногории на торжестве совершеннолетия наследного принца Бориса, которое вскоре спустя праздновалось в Софии, подготовило почву для заключения подобных договоров с Грецией и Черногорией. С подписанием этих договоров Балканская конфедерация, об организации которой так долго старалась Россия, сделалась совершившимся фактом. По ее внушению Сербия и Болгария, два народа, годами бывшие на ножах из-за Македонии, заключили между собою союзный договор, и Балканская конфедерация была, наконец, организована. Россия предполагала, что эта конфедерация будет послушным орудием в ее руках и послужит двум целям: сохранению мира на Балканах и преградой движению Австрии к Эгейскому морю.

Вскоре, однако, надежды, которые Россия возлагала на это орудие мира, были жестоко обмануты. Первая тревожная нота прозвучала в начале июля в донесении русского посла в Софии, гласившем, что военный заговор в Турции и Албанское восстание вызвали в Болгарии опасное движение в пользу вооруженного вмешательства. Г. Сазонов и граф Берхтольд, один вслед за другим, предложили способы остановить надвигавшуюся бурю. Программа последнего, основанная на сохранении территориального status quo и мирного развития Балканских стран, получила официальное одобрение Петербурга, но русское правительство было не совсем довольно тем обстоятельством, что инициатива подобного предложения исходила от Австрии. Ее подозревали в желании играть роль покровителя Балканских государств, — роль, на которую Россия пред'являла исключительную претензию. В сентябре настроение болгарского правительства сделалось настолько угрожающим, что вызвало со стороны России предупреждение, что в случае выступления против

Турции Россия будет считать свою историческую миссию законченной и предоставит Болгарию своей судьбе. В то же время Сазонов при поддержке британского правительства потребовал в Константинополе от Порты немедленного введения широких реформ.

Любопытно, что, будучи в конце того же месяца в Бальморале, Сазонов, несмотря на растущую опасность положения, ни разу не предложил, чтобы мы произвели на Порту более сильное давление, а в официальном отчете о его переговорах с сэром Эдуардом Греем о балканском кризисе сказано только в беглых словах. Вследствие этого, русское общество, возлагавшее большие надежды на Бальморальское свидание, несправедливо отнесло дальнейший серьезный ход событий на счет отказа Англии оказать России поддержку. Но даже если бы надежды эти осуществились, и на Бальморальском свидании решено было бы оказать более сильное давление на Константинополь, оно не достигло бы цели. Приказ о мобилизации болгарской армии был отдан еще до от'езда Сазонова из Лондона, а раньше чем он приехал в Петербург, война уже была об'явлена.

Русское правительство направило все свои усилия к тому, чтобы локализовать войну и предупредить занятие Австрией Санджака, потому что такое нарушение нейтралитета неизбежно вызвало бы вмешательство России. Оно немедленно об'явило свое решение поддержать принцип территориального status quo и представило Вене твердые заверения, что Россия не вмешается, если Австрия воздержится от этого. Австрия со своей стороны обязалась ограничить свои действия концентрацией войск возле сербской границы, так что временно оба правительства могли действовать в согласии. Такая политика, впрочем, поддерживалась недолго. Около конца октября император, который охотился в Спале вместе с великим князем Николаем и другими генералами, послал за Сазоновым и заявил, что он хочет оказать помощь Балканским государствам, даже если б это вовлекло Россию в серьезные затруднения. Эта аудиенция явилась повторным пунктом в позиции русского правительства. Оно сначала относилось с некоторым опасением к мысли о расширении Болгарии на восток и настаивало на том, чтобы будущая турецко-болгарская граница была отодвинута к северу от Адрианополя. Оно даже обратилось к британскому правительству с предложением о посредничестве и выработало программу реформ для Европейской Турции. Но раньше, чем могло осуществиться какое-нибудь из этих предложений, произошло сражение при Люли-Бургасе, и балканские союзники заявили, что они не вернутся домой с пустыми руками. Россия взяла на себя задачу защиты обширных требований Балканских государств. В начале ноября г. Сазонов

следующим образом формулировал свои взгляды на предполагаемые изменения территориального status quo:

Турция сохраняет за собой Константинополь с территорией, заключенной внутри линии Енос-Мидия, а остальные ее европейские провинции делятся по праву завоевания между Балканскими государствами; Сербия, согласно Сербоболгарскому договору 1912 г., получает Ускюб и полосу территории до озера Охрида; ей обеспечивается владение Сан-Джиованни-ди-Медуа (San-Djiovanni-di-Medua) и доступ к морю через коридор, непосредственно ведущий в этот порт; Албания становится самостоятельной провинцией; Черногория получает Санджак; Румыния вознаграждается за свой нейтралитет расширением ее границы в сторону Добруджи; Салоники превращаются в открытый порт, а Афон остается нейтральным, чисто монашеским поселением.

Набрасывая эту программу, Сазонов надеялся, что Болгария согласится компенсировать Румынию небольшой уступкой территории, и что противодействие Австрии получению Сербией порта в Адриатическом море можно уничтожить, дав ей гарантию экономического доступа к Эгейскому морю. Но эти ожидания оказались обманчивыми, а последний вопрос, к несчастью, вырос до таких размеров, что был момент, когда он угрожал европейскому миру. Русское правительство поддерживало сербские требования вследствие ошибочного впечатления, что, если Австрия и будет возражать, то Германия настолько миролюбиво настроена, что не позволит своему союзнику никаких действий, могущих вызвать международные осложнения. Отношения Германии с Россией по своим официальным проявлениям носили характер традиционной дружбы. И несмотря на роль Германии в боснийском кризисе, император Николай, как он сам мне говорил, не питал к ней недоверия. Вера в мирные намерения Германии была еще усилена при свидании обоих императоров в Балтийском порту, где личность германского канцлера произвела такое благоприятное впечатление как на императора, так и на Сазонова, что заявления Бетманн-Гольвега, что Германия не поддержит наступательной политики Австрии на Балканах, были поняты им в слишком широком смысле.

Поэтому русское правительство было неприятно поражено, когда германский посол, осведомившись, не рассматривает ли Россия вопрос о сербском порте как Kraft-Probe (пробу сил), заговорил языком, не оставившим никаких сомнений относительно намерений Германии в случае русско-австрийской войны. Сазонов в своем ответе напомнил графу Пурталесу, что такие пробы сил уже были в 1909 и 1911 г.г., и что если Германия собирается действовать по отношению к России в духе ее агадирской политики, то последствия

могут быть очень серьезные. Русское правительство, однако, не имеет желания зайти слишком далеко, но сознает вместе с тем, что, если Австрия попытается изгнать Сербию из какого-нибудь захваченного ею порта, Россия принуждена будет вмешаться. Русское правительство дало совет Белградскому быть умеренным в своих требованиях и уведомило германского посла, что, хотя Сербия должна быть эмансипирована от ее зависимого положения по отношению к другим державам, вопрос о том, как провести это на деле, должен был отложен до рассмотрения его державами. Благодаря вмешательству сэра Эдуарда Грея удалось добиться того, чтобы в Лондоне была созвана конференция послов для разрешения вопросов о доступе Сербии к морю, об Албании, Эгейских островах и Афоне; рассмотрение условий мира было отложено до окончания войны.

До начала этой конференции в конце 1912 года русская политика стремилась к поддержанию европейского мира, исходя из того, что ее жизненные интересы требуют мирных путей. С другой стороны, надо признать, что русское правительство не раз рисковало нарушить этот мир своим неумением ориентироваться в положении. Ни Россия, ни Австрия не предвидели побед, послуживших Сербии основанием требовать себе выхода к морю, но когда она увидела, что это требование грозит войной с Германией и Австрией, она отказалась от него, как от неисполнимого. Ее постоянные перемены фронта в каждый данный момент были отражением взглядов императора, который колебался между желанием оказать поддержку требованиям Балканских государств и боязнью вызвать международные осложнения. Сазонову приходилось поэтому менять свой дипломатический язык в зависимости от того, какое из этих желаний преобладало в это время в душе государя. Присутствие на императорской охоте в Спале в конце октября великого князя Николая и других генералов было причиной того, что легко поддававшийся влиянию окружающих император склонился в сторону шовинистической политики; а вернувшись в начале декабря в Царское Село, он опять подчинился влиянию Сазонова и Коковцева, не желавших войны. Благодаря их вмешательству была отменена частичная мобилизация, предложенная военным министром, хотя в связи с количеством войск, собранных Австрией около сербской границы, и с подкреплениями, посланными ею в Галицию, Россия вынуждена была удержать под знаменами 350.000 выслуживших срок солдат. Независимо от того, чем было вызвано миролюбивое направление политики в конце года, советами ли министров или боязнью вспышки революционного движения при столкновении русской армии с серьезным противником, оно пришлось как нельзя более

кстати. Общественное мнение было настроено против Австрии, и в некоторых слоях населения поднималось течение в пользу войны.

К счастью, при таком положении вещей австрийский император прислал императору Николаю через князя Готфрида Гогенлоэ, бывшего военного атташе в Петербурге и «persona grata» при русском дворе, собственноручное письмо. Этот шаг в русских официальных кругах был принят как «geste paciphique» [1]). Миссия князя заключалась не столько в детальном обсуждении рассматриваемых вопросов, сколько в устранении недоразумений между обоими правительствами. Это ему до известной степени удалось, и ответ императора Николая австрийскому императору был составлен в очень дружеских выражениях. Он подчеркивал уступку со стороны России, выразившуюся в ее согласии на образование автономной Албании, и в заключение выражал надежду, что взаимными уступками удастся добиться положения, удовлетворяющего оба правительства. Следующим шагом со стороны австрийского правительства было предложение, чтобы Россия распустила по домам отпускных солдат под условием, что число австрийских войск на галицийской границе будет несколько меньше числа солдат действительной службы в русских войсках при мирных условиях.

Считаясь с политическими условиями момента, Австрия не хотела уменьшить количества своих войск на сербской границе, поэтому русское правительство потребовало, чтобы в официальном сообщении о роспуске отпускных была выражена уверенность, что Австрия не питает агрессивных намерений по отношению к Сербии. После недели безуспешных переговоров австрийский посол дал согласие на опубликование в газете «Россия» официального сообщения такого содержания, но по непонятному недосмотру он не осведомил свое правительство об этом шаге. Поэтому появившееся в «России» сообщение было опровергнуто Венским телеграфным агентством. Граф Турн телеграфно сообщил в Вену, как произошло это недоразумение, а так как г. Сазонов не имел желания портить ему карьеру, — инцидент был обойден молчанием в русской прессе. Граф Берхтольд поблагодарил г. Сазонова за его сдержанное поведение и одновременно опубликовал официальное сообщение, в котором возлагал ответственность за различные слухи по поводу этого инцидента на венскую прессу. Граф Турн тем не менее был вскоре отозван.

Тем временем пал Адрианополь, и 16 апреля в Чаталдже было заключено предварительное перемирие; но страх Рос-

[1]) Мирный жест.

сии перед наступлением Болгарии на Константинополь был так велик, что она взяла назад свое предложение о посылке в Дарданеллы международной эскадры только после того, как Болгария окончательно отказалась от перехода за линию Чаталджи. Начались переговоры о мире, и 30 мая был подписан Лондонский договор.

И остальные два вопроса, в которых Россия была непосредственно заинтересована,— установление границ будущего Албанского государства и притязание Румынии на исправление ее границы со стороны Добруджи,— за это время проходили через ряд острых фазисов, не однажды грозивших вовлечением ее в войну. Соглашаясь на образование автономной Албании, Россия предполагала, что ее территория будет ограничена линией, идущей с моря от Химарры, пересекающей озеро Охрида и следующей по течению рек Дрина и Бояка, до Адриатического моря. Поэтому, когда Австрия выставила неожиданное требование, чтобы Скутари, предназначавшееся Россией для Черногории, был включен в территорию Албании, создался тупик, тем более опасный, что Австрия была уверена в поддержке своего требования Германией. Россия так опасалась желания Австрии сделать из Скутари столицу совершенно самостоятельной Албании для развития своего преобладающего влияния на ее католические племена, что, несмотря на предупреждение со стороны английского правительства не заходить в этом вопросе, в конце концов, второстепенном, слишком далеко, так как оно может оказать ей только дипломатическую поддержку, она отказалась продолжать переговоры, если Сербия не будет вполне удовлетворена отдачей ей пяти городов: Тарабоша, Люма, Радомира, Дьяковой и Дибры.

В течение дальнейших переговоров она согласилась на отдачу первых трех городов Албании; но уперлась в вопросе о Дибре и Дьяковой, заявив, что она никогда не согласится включить в состав мусульманского государства местностей со славянскими религиозными учреждениями. Благодаря сэру Э. Грею удалось добиться уступки Австрией Дибры, но Дьякова все еще оставалась спорным вопросом. Положение становилось тем более острым, что черногорский король упорно продолжал осаду Скутари. Незадолго перед тем король Николай навлек на себя недовольство России письмом, в котором он извещал императора, что, подчиняясь до тех пор всем его приказаниям, он, пожертвовав столькими черногорцами, не может отступить от уже взятого Скутари, даже если бы его величество приказал ему это сделать; он даже скорее согласен освободить Россию от всех ее обязательств по отношению к Черногории.

Император в своем ответе королю указал, что он уже освободил Россию от ее обязательств, разорвав соглашение, по которому он не имел права предпринимать военные действия без разрешения России, что, по мнению всех друзей и союзников последней, претензии Черногории на Скутари необоснованы, и что Россия не может оказать ей поддержки, так как она окажется в таком случае изолированной. В виду растущей опасности положения русскому правительству было предложено совместно с другими державами сделать энергичные представления в Белграде и Цетинье о снятии осады Скутари и обеспечении эвакуации предназначенных для Албании областей. В виду поставленного Россией непременного условия, чтобы Дьякова была уступлена Сербии, граф Берхтольд 21 марта согласился на это с тем, что эта уступка повлечет за собою немедленное прекращение военных действий и эвакуации Сербией и Черногорией будущих албанских земель. К сожалению, благодаря замедлению со стороны русского министра, было задержано представление в Белграде, поэтому австрийское правительство пред'явило в Цетинье ультиматум с требованием, чтобы гражданскому населению было разрешено в течение трех дней покинуть осажденный город.

Это изолированное выступление Австрии возбудило досаду России, но приказ короля Николая о генеральной атаке на Скутари вызвал такое негодование, что русское правительство предложило державам произвести совместную морскую демонстрацию в Антивари, хотя Россия в ней участвовать и не могла. В то же время император послал королю Николаю личную телеграмму, составленную в выражениях, граничащих с приказанием, о том, что он должен подчиниться решению держав. Вследствие заявлений, сделанных Россией в Белграде, сербские войска получили 10 апреля приказ воздержаться от дальнейших активных действий против Скутари, но 23 город сдался черногорцам. Создалось крайне критическое положение, ибо, если бы державы не приняли совместно каких-либо решительных мер, можно было опасаться, что Австрия выступит отдельно, что легко послужит поводом для вовлечения России в войну. Чтобы предупредить такую возможность, русское правительство обратилось к французскому и великобританскому с просьбой выступить, даже если бы, в случае принятия каких-либо решительных мер, им не пришлось сделать ни одного выстрела. Но тут возникли затруднения по вопросу об осуществлении этих мер. К счастью, когда положение сделалось совсем безнадежным — был момент, когда я считал войну неизбежной — король Николай 4 мая об'явил о своем намерении отдать Скутари державам. Десять дней спустя город был занят международным морским отрядом.

Второй вопрос — притязания Румынии на территориальную компенсацию — поднимался еще на Лондонской мирной конференции, но бестактное поведение болгарского делегата, Д. Данева, помешало его решению. Румыны теперь выставили требование на всю территорию, ограниченную линией, проведенной от Силистрии до Балчика, чем поставили Россию в очень затруднительное положение. По конвенции 1902 года она гарантировала неприкосновенность болгарской территории и должна была дружески предостеречь Румынию от покушений на нее силой. Об'явленное Румынией в середине февраля намерение запять Силистрию произвело в Петербурге впечатление разорвавшейся бомбы и вызвало чувство глубокой угнетенности в официальных кругах и сильное падение ценностей на бирже. Но как бы ни был оскорблен император ничем, по его мнению, не оправдываемым покушением Румынии на территорию, которую Россия завоевала для Болгарии в Освободительной войне, он был теперь настроен так миролюбиво, что, употребляя все свое влияние, чтобы остановить Румынию, он предупредил Болгарию о неизбежности уступок с ее стороны. Отказавшись, она вовлекла бы в войну не только Россию, но и всю Европу, поэтому его величество ей определенно указал, что она может рассчитывать на его поддержку, только уступив Силистрию Румынии.

Этот вопрос был предметом довольно оживленного разговора между г. Сазоновым и германским послом, при чем последний, указав, что активное вмешательство России может повлечь за собой серьезные последствия, предложил, чтобы в случае столкновения между Болгарией и Румынией державы оставались в стороне, подобно тому, как это было во время Балканской войны. Но Россия была слишком заинтересована в этом вопросе, чтобы принять такое предложение. Черное море—не Адриатическое, и поэтому, как г. Сазонов предупредил графа Пурталеса, могут возникнуть обстоятельства, при которых действия России будут продиктованы ее интересами. Тем не менее он воспользовался случаем предложить, чтобы Болгария и Румыния предоставила решение вопроса державам. Было решено созвать по этому поводу конференцию послов в Петербурге.

Первое заседание этой конференции происходило 31 марта под председательством г. Сазонова, и прения происходили таким образом, что на стороне Румынии были послы держав Тройственного Союза, на стороне Болгарии — г. Сазонов, г. Делькассе и я. Первые поддерживали требование Румынии на Силистрию и на область, ограниченную линией, идущей от этого города до Балчика, оправдывая его стратегическим значением их для защиты Добруджи. Особенно они настаивали на том обстоятельстве, что Румыния держалась

в стороне во все время войны, полагаясь на заверения держав о неизменности территориального status quo, а теперь, когда Балканские государства значительно расширили свои территории, Румыния также в праве требовать себе компенсации. Они доказывали также, что, если бы в 1878 году Болгария получила те области, которые ей теперь предназначены, Румыния получила бы тогда Силистрию.

С другой стороны, представители Тройственного Согласия утверждали, что румыно-болгарская граница установлена в окончательном виде в Берлинском договоре. Так как по своему географическому положению Румыния не может принимать участия в разделе турецких земель, она может получить территориальную компенсацию только насчет Болгарии; но в международном праве нет указания, что государство в праве требовать уступки территории от соседнего только потому, что оно расширилось в противоположном направлении, единственный довод, на который может опереться Румыния, это — право сильного; и, вполне одобряя корректное поведение Румынии, они признают за ней только право просить уступку некоторых стратегических пунктов, чтобы обеспечить свою границу со стороны Болгарии.

После длительного и оживленного обсуждения, конференция решила, что Силистрия вместе с областью, радиусом в 3 километра, должна быть отдана Румынии; что те из болгарских подданных, которые в продолжение полугода выразят желание выехать из этой территории, должны получить возмещение убытков; и что Болгария не должна взводить никаких укреплений вдоль границы в полосе между Дунаем и Черным морем. Единственно интересной в этом решении, вскоре превратившейся в мертвую букву, была сердечная поддержка Болгарии со стороны г. Сазонова, представлявшая резкий контраст с его отношением к ней несколько месяцев спустя.

ГЛАВА XI

1913—1914

Обзор русской политики за время первой Балканской войны. — Недостаток солидарности у Тройственного Согласия по сравнению с Тройственным Союзом. — Выступление Сазонова за англо-русский союз. — Мне предлагают посольство в Вене. — Вторая Балканская война. — Бухарестский договор. — Назначение генерала Лимана-фон-Сандерса командиром первого армейского корпуса в Константинополе.

В продолжение длительного кризиса, вызванного Балканской войной, роль России была очень трудной, и ее политика, конечно, менялась в зависимости от развития этого кризиса. Весной 1912 года ей удалось удовлетворить про-

тиворечивые требования Сербии и Болгарии в Македонии и организовать на Балканах конфедерацию с целью преградить Австрии выход в Эгейскому морю. Она воображала, что эта конфедерация будет послушным орудием в ее руках, но та ослушалась ее нарочитого приказа и об'явила войну Турции. Она ожидала, что ей будет поручена защита интересов балканских славян, что вмешательство других держав не лишило их плодов их победы. На пути к этой задаче ей пришлось столкнуться с Австрией, и в дипломатической дуэли, последовавшей затем, ее секундантами были Великобритания и Франция, а секундантами Австрии — Германия и Италия. И главным образом, благодаря сэру Эдуарду Грею, все время выступавшему посредником, оба противника не решили своего спора с оружием в руках, и угроза Европейской войны, не раз уже висевшая в воздухе, была на время рассеяна. Благодаря ему Россия без слишком большого ущерба для своего престижа могла отступить с позиций, занятых ею в вопросах о сербском порте и о Скутари; и опять-таки благодаря его вмешательству Австрия уступила Дибру и Дьякову — два пункта, в которых Россия решила быть непреклонной. Хотя Россия не раз терпела поражения, делая часто уступки второстепенного характера, ее утешала мысль о тех выгодах, которые принесет окончательное устройство в рамках, указанных Лондонским трактатом. Действительно, Турция должна была быть изгнана из Европы, а ее европейские владения, за исключением Албании, должны были быть разделены между клиентами России; тем самым Балканская конференция становилась новым международным фактором, с которым должны были считаться и Германия и Австрия. Славянство поэтому имело все основания радоваться, хотя этой радости, как показали дальнейшие события, суждено было быть непродолжительной.

Моя роль во время кризиса, как органа сэра Эдуарда Грея, в Петербурге сводилась к передаче советов об умеренности; и так как, к счастью, и император и Сазонов были склонны поддерживать мир до тех пор, пока это не наносит ущерба чести и интересам России, они не оставались глухи к моим советам. Положение осложнялось тем, что Германия поддерживала позицию Австрии, обещав ей поддержку в случае войны с Россией. Тройственное Согласие вдобавок было в невыгодном положении вследствие отсутствия солидарности между его членами. Сазонов не раз указывал в наших беседах во время балканского кризиса, а также и последовавшего за ним кризиса, вызванного назначением генерала Лимана-фон-Сандерса командующим армейским корпусом в Константинополе — о нем я расскажу потом, — что Германия и Австрия были союзниками, а Англия и Россия

только друзьями. Россия, уверял он, не боится Австрии, но она должна одновременно считаться и с Германией. Если Германия поддержит Австрию, то Франция станет на сторону России, но никому неизвестно, как поступит Англия.

Эта неуверенность в нашей позиции и побуждала Германию обострять положение. Единственной державой, которая могла нанести ей серьезный удар, была Великобритания, и если бы Германия знала, что Англия выступит вместе с Францией и Россией, она бы дважды подумала, раньше чем ставить себя в такое положение, из которого она не могла бы с честью выйти. Когда, год спустя, Австрия пред'явила свой злосчастный ультиматум в Белграде, Сазонов сказал почти то же самое, заявив, что положение может быть спасено только тем, что Англия об'явит свою солидарность с Францией и Россией. Но тогда уже было поздно, и что бы мы ни сказали или ни сделали, войны предотвратить нельзя было; но еще вопрос — не оказало ли бы влияния на позицию Германии предыдущее превращение Тройственного Согласия в формальный союз. Император в этом вопросе придерживался того же взгляда, как и Сазонов, и считал, что мы не оказываем России такой же действительной помощи, как Франция, только потому, что мы с нею не в союзе. Считаясь с трудностью осуществления такого шага, он не понимал, по его словам, опасений, которые этот союз вызывал в Англии. Он был бы ограничен задачами чисто оборонительного характера и не навлек бы на нас большего риска войны, чем в настоящее время.

Но что, действительно, преграждало путь к созданию англо-русского союза, это тот факт, что такой союз не был бы признан общественным мнением Англии.

Еще и в другом отношении Тройственный Союз был в лучшем положении, чем Тройственное Согласие: члены его получали все приказания из Берлина. Когда Тройственному Согласию приходилось предпринимать какой-нибудь шаг, протекало столько времени из-за предварительного обмена мнений, что за это время, пока соглашались на какой-нибудь формуле, упускался психологический момент, или само положение так менялось, что предполагаемое действие приходилось менять. Единство командования часто так же необходимо на дипломатическом поле, как в ведении военных операций; а во время Балканской войны, как впоследствии во время Великой Европейской войны, дипломатия Согласия управлялась советами различных правительств, в то время как политика Тройственного Союза диктовалась его первенствующим членом. Поэтому и ход этой политики, хороший или плохой, не был, кроме того, таким извилистым, каким он был с нашей стороны благодаря разнице во взгля-

дах членов кабинета. В этом отношении поучительна следующая маленькая история. Кажется, летом 1912 года г-н и г-жа Асквит пригласили меня на завтрак, который они давали вновь назначенному немецкому послу (барону Маршаль-фон-Биберштейну) и его жене на Доунингстрит, № 10. После отъезда других гостей наша хозяйка пригласила Маршалей и меня посмотреть комнату, где заседает совет министров. Увидав длинный зеленый стол и десяток или более расставленных в порядок вокруг него стульев, посланница спросила: «Сколько у вас министров в кабинете?». Ответив на этот вопрос, г-жа Асквит обратилась к послу: «А сколько их у вас в Берлине?...» — «Один», — гласил короткий ответ.

Лондонский трактат восстановил мирные отношения с Турцией, но не разрешил балканского кризиса, который только перешел из одной опасной фазы в другую. Победители ссорились из-за добычи, и, так как договором 1912 года и Сербия и Болгария обязались все возникающие по поводу его применения спорные вопросы представлять на решение России, Сазонов и предложил обоим правительствам исполнить это обязательство. Он был уверен, что Сербия не примет посредничества, основанного на строгом применении договора, что вызовет непременно решение в пользу Болгарии. Поэтому, признавая, что притязания Болгарии в Македонии имеют этнографические и географические основания, он все же посоветовал ей сделать некоторые уступки. Не получая удовлетворительного ответа ни от одного из правительств, император в начале июня обратился к королям Сербии и Болгарии со строгой телеграммой, выражая удивление по поводу того, что до сих пор нет никакого ответа на его предложение о созыве в Петербурге конференции четырех союзных премьеров, и предупреждая их, что, в случае если они начнут братоубийственную войну, Россия сохранит за собой полную свободу действий, каков бы ни был исход конфликта.

Ответ короля Петра был более или менее удовлетворителен, хотя он и настаивал, что требования Сербии не могут быть ограничены договором 1912 года. Но король Фердинанд ответил только, что он уже прибегал к посредничеству России, и что Сербия пытается лишить Болгарию плодов ее побед. 25 июня болгарский посол уведомил Сазонова, что его правительство может принять посредничество только на основе договора 1912 года, и что, кроме того оно решило отозвать своего посла из Белграда. В Петербурге это сочли равносильным об'явлению войны и изменой славянскому делу. Россия формально отказалась от договора 1912 года, которым она гарантировала неприкосновенность болгарской территории против покушений со стороны

Румынии. Несколько дней спустя болгарское правительство приняло посредничество России, не настаивая на своих прежних условиях, но в последний момент выезд болгарских депутатов в Петербург был отменен, а 29 июня генерал Савов издал приказ о наступлении по всей линии.

В русских военных кругах первоначально господствовало мнение, что болгары достаточно сильны, чтобы справиться с соединенными армиями Греции и Сербии, и хотя такой результат был бы выгоден тем, что устранял бы всякую опасность австрийского вмешательства, перспектива слишком сильной Болгарии вызывала известные опасения, тем более, что она совершенно игнорировала желания и советы России. Как император, так и Сазонов милостиво выслушали принца Николая греческого, который приехал в Петербург со специальной целью просить Россию оказать давление в Бухаресте в пользу вмешательства Румынии в грядущую войну. Поэтому просьба о помощи, с которой Болгария обратилась к России, не была выслушана, и вместо того, чтобы оказать сдерживающее влияние на Румынию, Россия косвенным образом толкала ее к войне. Между императором и королем Карлом произошел обмен дружеских посланий, в которых отмечалось общность интересов России и Румынии.

Хотя с самого начала Россия заняла эту позицию в надежде на поддержание мира, все же она не оставляла мысли о том, чтобы ослабить Австрию, оторвав Румынию от Тройственного Союза, и не дать Болгарии установить свою гегемонию на Балканах. Она не сделала ни малейшей попытки остановить Румынию при занятии ею линии Тургукай—Балчик, а наступление Румынии на Софию лишило Болгарию всякой возможности восстановления первоначального положения. По условиям Бухарестского договора, подписанного 10 августа 1913 года, Македония была разделена между Сербией и Грецией, а Болгария уступила Румынии около 8.000 кв. километров своей территории. По первоначальному плану русского правительства мирный договор, составленный одними воюющими сторонами, должен был быть подвергнут рассмотрению держав; но всякая мысль о пересмотре Бухарестского договора исчезла после опубликования телеграммы, в которой император Вильгельм поздравлял короля Карла с результатами его мудрой и достойной государственного ума политики.

Тем временем Турция, следуя примеру Румынии, двинула свои войска за линию Энос — Мидия и заняла Адрианополь. Россия тут же об'явила протест и сообщила Порте, что она не может допустить перехода в турецкое подданство свободного христианского населения. Она не собиралась,

однако, поддержать этот протест военными действиями, тем более, что ее материальные интересы не страдали от того, что Адрианополь останется в турецких руках. Но дело изменилось, когда Турция сделала шаг вперед и приказала своим войскам пересечь Марицу. Император тотчас же уполномочил Сазонова отозвать русского посла из Константинополя и устроить совещание со своими коллегами о дальнейших шагах со стороны России. Этот момент для последней был чрезвычайно острым, и, если бы турецкое правительство не уступило и не отозвало свои войска от Марицы, приказания императора были бы исполнены. В результате последовавших между Турцией и Болгарией переговоров, Турция получила обратно большую часть Фракии, которою Болгария владела около полугода.

Начало второй Балканской войны создало совершенно новое положение и показало уже не в первый раз, как мало в Софии и в Белграде считались с приказаниями из Петербурга. Опьяненные своими победами и страдая острой формой мании величия, все балканские союзники были намерены удержать в руках все области, которые их армии захватили у Турции. Первой выступила Болгария. Ей пришлось на восточном фронте столкнуться с главными силами турецкой армии, поэтому ее потери убитыми и ранеными далеко превзошли потери ее союзников. В результате своих побед она присоединила к себе обширную и плодотворную область Фракию. Такое расширение ее территории на восток не было предусмотрено в 1912 году, когда она и Сербия определяли свои сферы влияния в Македонии. Поэтому Греция и Сербия заявили, что она должна отказаться от своих прав по договору в пользу своих союзников. Их армии освободили Македонию от турецкого ига, а Сербия, кроме того, должна была при предполагаемом образовании автономной Албании лишиться некоторых областей.

Они, однако, не приняли во внимание того обстоятельства, что со времени недолговечного Сан-Стефанского мира Болгария считала Македонию своим законным достоянием и в продолжение всех последующих лет постепенно укрепляла свое положение в этой области. С другой стороны, Болгария упорно настаивала на точном исполнении договора 1912 года и отказывалась делать уступки, вполне оправдываемые изменившимися обстоятельствами, тем более, что первая Балканская война против воли ее союзников была продолжена только для удовлетворения ее территориальных притязаний во Фракии. Более того, она считала военную конвенцию, заключенную между Грецией и Сербией, провокацией, имеющей специальной целью заставить ее отказаться от долгожданной добычи. Наконец, своим нападением на Сербию она совершила колоссальную глупость, так как этот

шаг делал ее виноватой и ее врагов правыми в глазах всего цивилизованного мира.

Вполне естественно, что пренебрежение Болгарии мнением России заставило последнюю отдать свои симпатии Сербии, но, толкая Румынию на вмешательство в конфликт, она, по моему мнению, высказанному мною тогда Сазонову, вступила на путь, чреватый опасностями для будущего. Если Болгария была ответственна за открытие враждебных действий, с чем я охотно соглашался, то и Греция и Сербия вполне заслужили обвинение в преднамеренной провокации. Принц Николай греческий во время пребывания в Петербурге уговаривал меня убедить мое правительство употребить все свое влияние, чтобы вовлечь в войну, которую он считал неизбежной, не только Румынию, но и Турцию. То обстоятельство, что Греция, которая в первой Балканской войне играла бы очень печальную роль, если бы Болгария не победила турок, была готова призвать старого врага балканских христиан против своего прежнего союзника, выявляет общий дух беззастенчивой жажды захватов, который вызвал вторую Балканскую войну. Но не этими этическими основаниями, а скорее тем, что немцы называют соображениями «реальной политики», я старался убедить г. Сазонова в непригодности планов принца Николая. Болгария, несмотря на свои тяжелые потери в первой Балканской войне, все еще оставалась очень важным фактором на Балканах, потому что в случае нападения Австрии на Сербию последняя не могла рассчитывать на помощь ни Румынии, ни Греции. Согласившись на его предложение, мы не только оттолкнули бы навсегда Болгарию, толкнув ее в об'ятия Тройственного Союза, но, как я указал, уничтожили бы барьер, с таким трудом воздвигнутый против австрийского «Drang nach Osten» [1]).

Бухарестский мир с удовлетворением был приветствуем императором Вильгельмом по вполне понятным причинам. Этот мир переделал все, что сделала первая Балканская война, и создал такое положение, которым прекрасно воспользовалась Германия в начале Европейской войны. После его подписания король Фердинанд, как говорят, сказал: «Ma vengeance sera terrible» [2]), — и он сдержал свое слово.

Я уезжал из России в отпуск по болезни почти на всю осень 1913 года, и, вернувшись в Петербург в конце года, я застал русское правительство очень занятым вопросом о назначении генерала Лимана-фон-Сандерса командующим турецким армейским корпусом в Константинополе и предоста-

---

[1]) Стремление на восток.
[2]) Моя месть будет ужасна.

влением большому количеству германских офицеров ответственных мест в турецкой армии. Это назначение, по его мнению, отдавало Константинополь и ключ к проливам в руки германского генерала. Мы обещали русскому правительству нашу дипломатическую поддержку в этом вопросе, но, по его просьбе, представления, которые должны были быть сделаны послами Тройственного Согласия, были временно отложены. И только после опубликования султанского ирадэ о назначении генерала фон-Сандерса оно попросило нас выступить.

По сведениям, полученным нами за это время, мы имели основания думать, что важность этого назначения преувеличена, а еще более мы были поколеблены тем фактом, — и его сильно подчеркивало германское правительство, — что ответственное командование турецким флотом нес британский генерал. Поэтому мы не были намерены пойти так далеко, как хотел г. Сазонов. Инструкции, посланные сэру Луи Маллету, были в дальнейшем отменены. Узнав об этом г. Сазонов выразил сильнейшее разочарование. По его мнению, Россия в первый раз просила поддержки Англии в вопросе, серьезно задевающем ее интересы. Это был опыт, на котором Тройственное Согласие могло бы проверить свои силы. Согласие, как он говорил, представляет более сильную комбинацию держав, чем Тройственный Союз, и, если бы только Англия, Франция и Россия показали бы Турции серьезность своих намерений, последняя уступила бы, и Германия ничего бы не могла поделать. Но вместо того, чтобы уверенно действовать вместе, они постоянно охвачены паническим страхом войны, которую они, в конце концов, и навлекут на себя своими поступками.

Во всем этом была доля правды. Во время Балканских войн России не раз приходилось отступать с позиций, которые она несколько необдуманно занимала, почему в Константинополе создалось впечатление, что она никогда не будет воевать. Турки даже говорили германскому послу, что ему нечего опасаться каких-либо действий со стороны России. Г. Сазонов, однако, ошибался, указывая, что Тройственное Согласие в этом случае показало себя несостоятельным. Сэр Э. Грей вновь выступил посредником, прибавив ко множеству оказанных им России и Европе услуг по поддержанию мира еще одну. И, действительно, как это впоследствии с благодарностью признал сам г. Сазонов, своим уверенным языком, которым он говорил с князем Лихновским, он добился соглашения, согласно которому генерал Лиман-фон-Сандерс, получив звание турецкого фельдмаршала и оставаясь во главе германской военной миссии, отказался от командования армейским корпусом в Константинополе.

ГЛАВА XII

1896—1914

Мои отношения с императором и императорской семьей. — Императрица Александра. — Первые аудиенции у императора в 1896 г. — Его большая личная привлекательность. — Императрица Мария. — Великая княгиня Мария Павловна. — Великая княгиня Виктория и великая княгиня Ксения. — Великий князь Николай Михайлович.

В предыдущих главах я уже описывал некоторые мои беседы с императором Николаем, а теперь я вкратце сообщу, о моих личных отношениях к его величеству и вообще к императорской семье. Хотя я сейчас описываю вообще события довоенного времени, мне все же придется забегать вперед и говорить о некоторых позднейших событиях.

Мое знакомство с царской семьей началось за 16 лет до моего назначения послом в Петербург, когда я был назначен «chargé d'affaires» [1]) к брату царицы, великому князю Гессенскому. Принцесса «Alix» — под этим именем все знали царицу до ее замужества — была тогда красивой девушкой, несколько робкой и сдержанной. У нее было замечательное лицо, принимавшее по временам мрачное и патетическое выражение, которое Коппе воспроизвел на портрете, нарисованном им вскоре после ее замужества. Я вспоминаю, что, увидев впервые гравюру этого портрета, я заметил, что что-то в нем говорит о грядущей трагедии.

Впервые я имел честь быть представленным царю в 1896 году, когда их величества гостили в Дармштадте. Это было во время антракта парадного спектакля в придворном театре, и при обычных обстоятельствах подобное представление не смутило бы меня. Но лорд Салисбери дал мне поручение довольно деликатного свойства, и я боялся, что мне не удастся сказать все необходимое в течение пятиминутного разговора. Во время недавнего посещения императором Бальморала лорд Салисбери говорил с ним об армянском вопросе, стоявшем тогда очень остро, и царь Николай, собравшийся посетить Париж, обещал сообщить ему через английского посла о результате разговоров, которые он предполагал иметь по этому вопросу с членами французского правительства.

Царь в своем разговоре с лордом Дофреном ничего не упомянул об Армении, поэтому мне было поручено узнать, было ли принято в Париже какое-либо решение. Я надеялся намеком на Бальморальское свидание напомнить царю его обещание, чтоб не нарушить придворного этикета, первым заговорив об этом; но эта надежда не осуществилась. Царь, рассказав, какое удовольствие он получил от посещения королевы, о которой он отозвался в самых теплых выражениях,

[1]) Поверенный в делах.

продолжал говорить о предметах, представлявших местный интерес, и смутил меня, сказав, что он слышал про мою очаровательную дочь. Сознаюсь, я в эту минуту посылал свою дочь очень далеко, так как упоминание ее имени лишило меня возможности направить разговор в желаемую сторону. Мне ничего не оставалось сделать, как прямо сказать царю, когда он уже собирался оставить меня, что лорд Салисбери очень хотел бы знать, принято ли какое-либо решение в Париже. К моему облегчению, он успокоил меня, поручив передать лорду Салисбери, что во время его короткого пребывания в Париже он был так занят другими делами, что не имел возможности обсудить с французскими министрами армянский вопрос.

Осенью следующего года царь и царица провели несколько недель с великим князем и его супругой в Вольфсгартене, и меня несколько раз приглашали туда или в Дармштадтский теннис-клуб, куда царь иногда приходил играть, в то время как царица сидела и наблюдала за играющими. Царь принял меня также и в частной аудиенции, где мы беседовали с ним о самых разнообразных предметах. Он начал с тенниса, перешел на охоту, рассказав об оленях, буйволах и диких кабанах, на которых он недавно охотился в Польше, о том, что самое большое число фазанов, которое он настрелял в один день, — это 1.400 штук, что, по его мнению, совершенно достаточно. Когда разговор принял более политический характер, я заметил, что, согласно германской прессе, британское правительство преследует дальновидную маккиавеллистскую политику с целью вызвать Европейскую войну, между тем как, если говорить правду, у него вовсе нет определенной политики, и оно не имеет обыкновения заглядывать далеко вперед. Царь засмеялся и сказал, что одним из недостатков парламентского образа правления является то обстоятельство, что политика сегодняшнего правительства может быть совершенно изменена завтрашним. Поэтому при нем не может быть последовательности в иностранной политике. Поэтому же иностранные правительства не могут безусловно доверять нашей дружбе, хотя ввиду нашего положения на островах в наших интересах, без сомнения, сохранить свободу действий, избежать всяких прочных союзов.

По поводу того, что я упомянул о германской прессе, царь заметил, что ему чрезвычайно интересно читать мнение людей о нем и его правительстве. Затем он спросил меня, как подвигается дело на индийской границе, и после моего ответа, что там постепенно водворяется порядок, продолжал говорить о наших отношениях в Азии. Он заявил, что не верит в буферные государства, если они не независимы и сильны сами по себе, а Персия с ее развращенным прави-

тельством слишком слаба, чтоб успешно играть такую роль. России вполне достаточно той территории, которой она владеет, и он не намерен приобретать больше; но лично он думает, что наши отношения были бы более близкими и дружественными, если бы между нами не стояла Персия. Он боялся, однако, что английское общественное мнение мало подготовлено к тому, чтоб видеть Англию и Россию соседями, хотя, как он с радостью отмечает, старое предубеждение против его отечества постепенно исчезает. Последнюю часть аудиенции царь провел в рассказах о Клондайке и Сибирских рудниках, о своем путешествии по Сибири и о климате и растительности последней.

Когда я прощался с его величеством, я совсем не предвидел, сколько аудиенций я буду иметь у него в дальнейшем, что мне придется говорить с ним таким языком, каким ни один посол не говорил с самодержавным государем. Однако то обстоятельство, что царь и царица лично знали мою жену и меня, было значительным нашим преимуществом, когда мы приехали в Петербург.

Как я уже указывал в главе VIII, я принял посольство в такой момент, когда англо-русское согласие несколько пошатнулось вследствие Потсдамского соглашения, и поставил себе правилом говорить с царем прямо и откровенно. Его величество, горячо желавший сохранить это согласие, оценил мою прямоту и почтил меня своим доверием. В продолжение следующих лет наши отношения принимали все более близкий характер, и я лично горячо привязался к нему. Его величество обладал такими очаровательными манерами, что на аудиенциях я чувствовал себя как с другом, а не как с царем. Было что-то, могу сказать это без хвастовства, вызывавшее нашу взаимную симпатию. Зная, что в вопросе о международных отношениях я стремился добиться англо-русской дружбы, а во внутреннем положении принимал близко к сердцу его истинные интересы, он никогда не из'являл недовольства моей откровенностью.

На официальных торжествах, за исключением новогоднего приема депутатов, царь редко вступал в разговор с послами. Он только здоровался с ними, а затем переходил от одной группы русских к другой, разговаривая кое с кем. Однажды, это было в 1911 году на обеде в Петергофе в честь сербского короля, — я очутился в довольно неловком положении. Я был единственным из приглашенных послов, так как на этом обеде предполагалась моя встреча с принцем Артуром Коннаутским, бывшим в то время с визитом у царской семьи. В последний момент, однако, царь сказал его королевскому высочеству, что обед для него будет не интересен, и что пусть он лучше пойдет на охоту. Этим самым

отпадал всякий «raison d'etre» [1]) моего присутствия на обеде, и я помню, как бедный Столыпин, убитый несколько недель спустя, спросил меня, что я делаю «en cette galere» [2]). После обеда ко мне подошел один из камер-юнкеров и предложил мне стать у стены комнаты, мимо которой должен был пройти его величество, без сомнения желавший поговорить со мной. Я согласился; но его величество прошел, не обратив на меня внимания; тогда мой друг поставил меня на другое место, где я мог бы попасться на глаза царю, но опять неудачно. Так как он хотел повторить этот опыт в третий раз, я заметил, что если царю угодно поговорить со мной, он пришлет за мной, но я за ним бегать не буду. Только перед самым отъездом царь, мимоходом, пожал мне руку и пожелал мне доброй ночи. Он забыл, отправляя принца Артура на охоту, что я приглашен к обеду, и поэтому был несколько изумлен моим присутствием.

Только раз я имел мужество подойти к государю на публичном торжестве и заговорить с ним первым. Это было во время войны, на торжестве спуска в воду боевого крейсера. Его величество стоял один, наблюдая за предварительными приготовлениями, и так как мне нужно было передать ему кое-что частным образом, я подошел к нему и заговорил. Он принял меня очень милостиво и разговаривал со мною до начала церемонии.

Любопытно, что, несмотря на старинный церемониал и традиционный этикет императорского двора, с послами иногда обращались как со слугами, даже настолько, что на собрании послов, вскоре по моем прибытии, старейшине было поручено войти с представлением по этому поводу. Согласно установившемуся для таких случаев обычаю, посланник, приглашенный на завтрак или обед во дворце, завтракает или обедает за одним столом с государем. Поэтому, получив накануне моей первой аудиенции телефонное сообщение из Царского, что я приглашен к завтраку, я, естественно, предположил, что я буду завтракать с царской семьей. Я, однако, ошибся, так как по окончании аудиенции меня посадили за один стол с придворными. Тогда я ничего не сказал, считая, что вновь испеченному посланнику не подходит быть слишком щепетильным.

На следующий год, будучи приглашен в Царское для представления его величеству членов только что прибывшей британской делегации, я опять, несмотря на мои попытки отказаться, должен был завтракать с придворными. Так как мои коллеги сговорились со мною не принимать таких при-

---

[1]) Повод.
[2]) На этой каторге.

глашений в будущем, я счел момент подходящим для протеста. Поэтому тотчас же после завтрака я поговорил с главным церемониймейстером. Я сказал ему, что он поставил меня в очень затруднительное положение. Я являюсь во дворец в качестве официального британского посла, и он отлично знает, что по этикету в подобных случаях не принято приглашать меня завтракать с придворными. Поэтому я выразил надежду, что в будущем такие приглашения повторяться не будут, и что он постарается устроить так, чтоб я сейчас же после аудиенции возвращался в Петербург. Граф Гендриков должен был согласиться, что я прав, и в дальнейшем для меня всегда на станции в Царском был готов специальный поезд, которым я и возвращался в город.

До революционного восстания, последовавшего за Японской войной, царская семья жила сравнительно уединенно в Царском Селе, выезжая в Петербург только в тех случаях, когда государственные дела или религиозные церемонии требовали их присутствия. Двор также не принимал участия в светской жизни столицы, и пышные балы, которыми славился Зимний дворец, отошли в область преданий. Время от времени, например, во время трехсотлетия дома Романовых, ставились парадные представления в опере. Театр имел тогда замечательный вид: партер представлял сплошную массу блестящих мундиров, а ложи были заполнены изящно одетыми дамами, сияющими драгоценностями.

За все время моей дипломатической службы в Петербурге Зимний дворец был открыт, помимо новогодних приемов и крещенского водосвятия, только один раз. Зимой 1913 — 1914 года главы посольств и видные члены русского общества были приглашены на представление «Парсифаля» в закрытом театре Эрмитажа, построенном императрицей Екатериной. Это был во всех отношениях прекрасный спектакль, которым могла гордиться сама великая Екатерина. Я не музыкален, и впоследствии императрица Мария и молодые великие княжны упрекали меня в том, что я мирно проспал весь спектакль; но, как я уверял их, я закрыл глаза, чтоб лучше слушать музыку. Однако, обед, поданный в Зимнем дворце в одном из антрактов, не оправдал тех ожиданий, которые возлагались на него по слухам о великолепии подобных празднеств в прошлом. Ни по внешности, ни с гастрономической точки зрения его нельзя сравнить с государственными банкетами в Букингемском дворце.

В уединении Царского императорская семья вела простую домашнюю жизнь, которая исключала для посторонних возможность проникнуть в их счастливый семейный круг. Они мало принимали, и я очень редко имел счастье завтракать или обедать с царской семьей.

Об императрице Марии я могу сказать совершенно другое. Ее величество любила принимать у себя, и, хотя после смерти Александра III она не вела широкого образа жизни, она часто оказывала мне честь приглашением запросто к ней на завтрак. Мне пришлось несколько раз обсуждать с ее величеством внутреннее положение, причинявшее ей, по мере продолжения войны, все растущее беспокойство. Она вполне сознавала опасность направления, принятого царем, и не раз рекомендовала умеренность. Если бы ее советы были приняты, Россия, быть может, избегла бы многих страданий. Но судьба решила иначе.

Среди других членов царской семьи первое место занимала великая княгиня Мария Павловна, вдова великого князя Владимира. В своих дворцах в Петербурге и в Царском ее императорское высочество имела свой небольшой собственный двор. Выражаясь светски, он являлся миниатюрной копией царского двора, пока последний не был сведен почти на-нет благодаря уединенной жизни царской семьи. «Grande dame» [1]) в лучшем смысле этого слова, не слишком требовательная в вопросах придворного этикета, великая княгиня была великолепна в роли хозяйки, ведущей придворный прием.

ГЛАВА XIII

1914

Германская критика антантовской политики. — Желание России и Великобритании сохранить хорошие отношения с Германией. — Представление австрийского ультиматума в Белграде.

В своей книге о войне покойный г. Бетман-Гольвег утверждает, что, присоединившись к Согласию, Англия поддержала Францию и Россию в их воинственных намерениях. Такое утверждение абсолютно не обосновано. Прежде всего Россия — я говорю только о ней — не желала войны, и во все время затянувшегося балканского кризиса в 1912 — 1913 г.г. основным тоном всей ее политики было стремление к сохранению мира. При всех случайных ошибках со стороны правительства царь никогда не колебался оказать свое влияние в пользу мира, как только положение становилось сомнительным. Своей миролюбивой политикой и готовностью на всякие уступки для избежания ужасов войны он в 1913 г., как я уже показал в главе XI, дал повод думать, что Россия никогда не будет воевать, что, к несчастью, побу-

[1]) Высокопоставленная дама.

дило Германию использовать положение. Во-вторых, утверждение, что британское правительство толкало Россию на авантюристическую политику, опровергается фактами. На деле происходило обратное. Никто более сэра Эдуарда Грея не работал в пользу сохранения европейского мира в течение этих двух критических лет; и тогда война была предотвращена только благодаря его неутомимым усилиям, его сдерживающему влиянию и рекомендуемой им в Петербурге и Вене умеренности. Только Германия достойна порицания: ее вооруженная политика с целью внушить свою волю всей Европе заставила Англию, Францию и Россию сговориться для защиты интересов каждой из стран. Не верно и то, что целью держав Согласия было окружить Германию железным кольцом. Заключая соглашение, чтобы предотвратить, по возможности, всякие взаимные недоразумения, Россия и Англия меньше всего действовали, исходя из враждебных отношений к Германии. Напротив, несколько раз они доказывали свое желание сохранить с нею дружеские отношения: Россия — заключением Потсдамского соглашения, а Англия — начав переговоры, имевшие целью улучшить англо-германские отношения. Я могу подтвердить все сказанное по этому поводу, передав те разговоры, которые я имел с царем между 1912 и 1914 годами по вопросу о международном положении.

23 февраля 1912 года я имел у царя аудиенцию, во время которой, сообщив ему, что главной целью недавнего визита лорда Хальдэна в Германию было установление лучших отношений между Лондоном и Берлином, я услышал выражение восторженной радости по поводу этого известия. Россия, — сказал он, — заключила с Германией соглашение, которое значительно улучшило их взаимные отношения; и в интересах мира всего мира не только естественно, но и необходимо, чтобы подобные же дружеские отношения установились между Германией и Великобританией. Одни нации могут быть теснее связаны друг с другом, чем другие, но это не мешает им поддерживать хорошие отношения и с теми. Затем его величество заметил, что у него нет оснований не доверять Германии, исключая турецкого вопроса. Турецкая армия может выступить только либо против России, либо против одного из Балканских государств; поэтому Германия поступает не по дружески, снабжая эту армию своими военными инструкторами. Благодаря этим инструкторам, турецкая армия достигла высокой степени совершенства. Царь не раз запрашивал императора Вильгельма по этому поводу, но тот ни разу не дал ему удовлетворительного ответа.

В другой аудиенции, 14 апреля 1913 года, во время обсуждения вопроса о Скутари, царь сказал, что он знает

о намерении Германии выступить сообща с Австрией, но что он не собирается воевать из-за дрянного албанского городишка. Поддерживая требования Балканских государств с настойчивостью, которая, как он опасается, причиняла иногда британскому правительству значительные затруднения, Россия исполняла свою историческую роль защитника этих государств. Он рад отметить, что кризис сблизил оба государства, и особенно благодарен сэру Эдуарду Грею за его услуги в пользу сохранения мира. В ответ на мое замечание, что, по мере своей возможности, поддерживая Россию, британское правительство в то же время хочет сохранить добрые и дружественные отношения с Германией, — царь сказал, что он это вполне понимает и желает того же. Он собирался в скором времени в Берлин на королевское бракосочетание и с удовольствием думал о предстоящей там встрече с английским королем. Во время этого визита, как и ранее в таких случаях, император Вильгельм будет, без сомнения, надоедать ему всякого рода вопросами и предложениями. Он собирался терпеливо выслушать все, что скажет император, не отвечая, что он считал самым безопасным образом действий.

Вернувшись к вопросу о Балканской войне, царь сказал, что в случае предполагаемого занятия Константинополя болгарскими войсками Болгария намерена была предложить его России, как дар признательности за освобождение от турецкого ига. Он дал ей ясно понять, что Россия не может принять такого подарка, и рекомендовал ей отказаться от попытки занять его.

Затем разговор коснулся проекта о германской армии и мерах, принятых Францией, чтобы уравновесить новое военное положение. Я спросил у царя, считает ли он, что материальное напряжение, вызванное этими мерами, так велико, что которое-нибудь из государств может потерять терпение и вызвать войну, и, если такая опасность существует, смогут ли державы сделать что-либо для предотвращения ее. Царь ответил, что в 1899 году он взял на себя инициативу созыва мирной конференции в Гааге, но его поступок был понят, как стремление ко всеобщему разоружению. Поэтому он не хочет повторить своего опыта и воздержится от всяких предложений и в данном случае. Он вполне понимает, чем ускорено предполагавшееся увеличение германской армии, но германское правительство должно было предусмотреть, что его пример обязывает и другие государства последовать ему. Германия, конечно, не затруднится выставить людей, но вопрос, сможет ли она выдержать растущие налоги. Россия, с другой стороны, может выставить неограниченное число людей и денег; и подобно тому, как британское правительство определило отношение

сил британского и германского флота, как 16 к 10, он решил поддерживать то же численное отношение между русской и германской армиями. Невозможно предвидеть будущее, но необходимо заранее быть готовым к грядущей опасности.

Об Австрии царь говорил без горечи, но как о слабом месте для Германии и опасности для мира, потому что Германия обязалась поддерживать ее в ее балканской политике. Далее он выразил мнение, что распад Австрийской империи — вопрос только времени, и недалек день, когда мы увидим отдельные венгерское и богемское королевства. Южные славяне, вероятно, отойдут к Сербии, трансильванские румыны — к Румынии, а германские области Австрии присоединятся к Германии. Тогда некому будет вовлекать Германию в войну из-за Балкан, и это, по мнению его величества, послужит общему миру. Я осмелился заметить, что такая переделка карты Европы вряд ли обойдется без всеобщей войны.

В марте 1914 года «Новое Время» опубликовало целый ряд бесед о международном положении с русским государственным деятелем, в котором легко было узнать графа Витте. Эти беседы привлекали всеобщее внимание. Суть их сводилась к тому, что необходимым условием постоянного мира является перегруппировка держав. Граф Витте всегда считал, что главным рычагом русской иностранной политики является возможно более теснее соединение с Германией, и поэтому называл англо-русское согласие ошибкой, связавшей России руки. Подобных же взглядов придерживалась и германская партия при дворе, противопоставляя материальную выгоду союза с Германией проблематической пользе соглашения с Англией. Даже очень расположенные к нам лица задавали себе вопрос о практическом смысле соглашения с государством, на активную поддержку которого нельзя рассчитывать в случае войны.

Поэтому меня не удивило, когда в аудиенции 3 апреля царь сам заговорил об англо-русских отношениях. Мы говорили о взглядах, выраженных графом Витте в нововременских статьях, и его величество высмеял мысль о перегруппировке держав. Как бы ни хотелось ему сохранить хорошие отношения с Германией, союз с ней был, по его словам, невозможен, помимо прочих причин, еще и потому, что Германия старалась занять такое положение в Константинополе, которое позволило бы ей запереть Россию в Черном море. Заметив, что международное положение при разделении Европы на два лагеря не очень предрасполагает к спокойствию, царь сказал: «Я бы очень хотел видеть тесную связь между Англией и Россией, вроде союза чисто оборонительного характера». На мое замечание, что в настоя-

щее время это, как я опасаюсь, неосуществимо, царь указал, что во всяком случае можно было бы заключить какой-либо договор, вроде того, который существует между Англией и Францией. Хотя он и незнаком с подробностями этого договора, он думает, что, если он и не представляет собою настоящей военной конвенции с Францией, он все же оговаривает, как должно поступить каждое правительство при известных обстоятельствах. Я сказал, что ничего не знаю о нашем соглашении с Францией, но по чисто материальным причинам мы не сможем посылать войск для помощи русской армии. «Людей у меня более, чем достаточно, — ответил царь, — и такого рода помощь была бы бесполезна, но можно было бы с успехом заранее организовать сотрудничество британского и русского флота. Наше согласие, — продолжал его величество, — ограничено сейчас вопросом о Персии, я сильно склоняюсь к его расширению в виде ли договора, о котором я говорил, или в виде какого-нибудь акта, устанавливающего факт англо-русского сотрудничества в Европе».

В своем ответе я указал царю, что, как бы я лично ни приветствовал договор, скрепляющий англо-русское согласие, я все же спрашиваю себя, могла ли бы Англия оказать России более существенные услуги, будучи ее союзником, чем оказала в 1913 году, будучи только ее другом. Несколько раз во время продолжительного балканского кризиса она сыграла роль посредника в Берлине и Вене. Благодаря ее дружескому вмешательству было достигнуто более или менее удовлетворительное решение по вопросу о сербском порте, а Австрия уступила Дибру и Дьякову, что способствовало разрешению самого важного вопроса о Скутари. Сомневаюсь, успели ли бы мы столько в Берлине и Вене, обратившись к ним как союзник России, а не как друг, который может превратиться в союзника в случае об'явления Германией и Австрией войны России. Допуская, что этот аргумент имеет известную силу, царь, однако, сказал, что он предпочел бы придать англо-русскому согласию более определенный характер.

Недавно мне попалось на глаза следующее место из мемуаров адмирала Тирпица: «Во время посещения английским флотом Киля в конце июня 1914 года британский посланник в Петербурге Бьюкенен об'явил о заключении англо-русской морской конвенции». Это можно понять так, что мое заявление сделано в противовес дружескому поступку британского правительства, выразившемуся в посылке эскадры в Киль. Если адмирал Тирпиц читал когда-нибудь пьесу Шеридана «Критик», он вспомнит, как начальник форта Тильбери прерывает свою дочь, которая всем рассказывает, что видела приближающуюся армаду, следующим

замечанием: «Испанского флота ты видеть не можешь, его еще нету в виду». Точно так же я могу ответить, что я не об'являл о заключении англо-русской конвенции, потому что таковой никогда не существовало. Я могу далее сообщить адмиралу, что я даже никогда не вступал в переговоры с русским правительством о заключении морской конвенции, и что, если в дальнейшем Великобритания стала союзником России на суше и на море, это только благодаря нарушению Германией нейтралитета Бельгии.

Я привел предыдущие беседы, чтобы показать, насколько необоснованно обвинение в шовинизме, выдвинутое многими высокопоставленными немцами как против России, так и против Англии. Ни разу царь не обмолвился ни одним словом, которое дало бы повод обвинять его в агрессивных намерениях против Германии. Напротив, он пользовался каждым удобным случаем, чтобы выразить свое искреннее желание жить с нею в хороших отношениях. Только, когда он убедился в ее хитрой политике и в значении ее все растущих вооружений, он начал предпринимать шаги, чтобы обеспечить себя от возможных случайностей в будущем. Он увеличивал численность войск действительной службы и настаивал на превращении англо-русского согласия в союз чисто оборонительного характера. С другой стороны, мое возражение на соблазнительное предложение царя является достаточным ответом тем, кто обвиняет британское правительство в поддержании воинственного настроения России. Не надо забывать, что Германия в 1913 году сделала заем в 50.000.000 ф. стерл. на военные цели, и Россия, в видах самозащиты должна была принять соответствующие меры. Я вспоминаю, как г. Делькассе, тогдашний посланник в Петербурге, говорил мне, что Германия никогда не решилась бы на такую сильную меру, если бы не имела в виду войны в близком будущем. Я передал эти слова в Лондон, но там на них не обратили внимания, потому что никто не считал Германию способной на такое преступное безумие. Общее мнение было таково, что, как писал мне один друг, «финансисты» не допустят войны. Германскому императору в то время приписывалось желание прослыть в потомстве хранителем европейского мира. Взгляд немецких писателей на русские военные приготовления напоминает мне то, что писал несколько лет тому назад один остроумный француз: «Cét animal est bien méchant: quand on l'attaque, il se defend!.. [1]).

В главе IX я уже описал последнюю аудиенцию у царя перед началом войны. На ней мы разбирали исключительно

---

[1]) «Эта собака очень злая: когда на нее нападают, она кусается».

вопросы о Персии, Тибете, Афганистане, где сталкивались русские и английские интересы. Царь ничего не говорил о Германии, но просил, чтобы переговоры об этих странах, ведшиеся между нашими двумя правительствами, были возможно скорее доведены до конца, так, чтобы, по замечанию царя, «он мог бы спокойно спать, не боясь разрыва англо-русского согласия».

Эта последняя аудиенция происходила 15 июня, после завтрака, который царь давал в Царском в честь адмирала Битти и офицеров первой боевой английской эскадры, только что прибывшей в Кронштадт с приветственным визитом. Царь и вообще все общество оказали им самый теплый прием, а городские и гражданские власти окружили их настоящим русским гостеприимством. Царь посетил и осмотрел эскадру, состоявшую из «Льва», «Королевы Марии», «Принцессы» и «Новой Зеландии», и вместе с царицей и четырьмя дочерьми почтил своим присутствием завтрак, устроенный адмиралом Битти на борту своего флагманского корабля.

20 июля президент французской республики г. Пуанкаре прибыл с официальным визитом к русскому двору. Были обычные смотры, банкеты и тосты. Предметом частных разговоров царя и президента было, конечно, международное положение, не особенно прочное, но царь, хотя несколько и обеспокоенный, все еще верил в мирные намерения императора Вильгельма. 21-го у президента был прием иностранных дипломатов. В ожидании очереди приема сербский посол завел разговор со мной. Сильно волнуясь, он обратил мое внимание на угрожающую позицию Австрии и сказал, что Сербия накануне величайшего потрясения в ее истории. Г. Пуанкаре, которому я повторил сказанное мне г. Спалайковичем, упомянул об этом при приеме австрийского посла, но не получил удовлетворительного ответа. 23-го вечером президент выехал в обратное путешествие.

Со времени убийства эрцгерцога принца Фердинанда прошло несколько недель без всяких проявлений со стороны Австрии, и появилась надежда, что она отказалась от каких-либо карательных действий. Я даже получил отпуск и взял уже билеты для поездки в Англию. Сидя на следующее утро, 24 июля, в своем кабинете и размышляя о том, что я буду делать во время предстоящего отпуска, я был оторван от своих мыслей звонком телефона. «Кто у телефона? — спросил я. «Я, Сазонов, — был ответ, — Австрия пред'явила в Белграде ультиматум в выражениях, грозящих войной. Будьте добры завтра, к часу заехать во французское посольство, мне нужно поговорить с вами и г. Палеологом».

ГЛАВА XIV

1914

Беседа во французском посольстве. — Сазонов настаивает на том, что войну может предупредить лишь заявление Великобритании о полной солидарности с Францией и Россией. — Великобританское правительство берет на себя роль посредника. — Примирительная позиция России. — Ход переговоров. — Австрия об'являет войну. — Мобилизация в России. — Германия угрожает России. — Ультиматум и об'явление войны.

Австрия нарочно выбрала для своего ультиматума тот момент, когда президент французской республики и председатель французского совета министров выехали из Петербурга в обратное путешествие во Францию, которое должно было продлиться не менее четырех дней. Я знал, что в Петербурге поступок Австрии будет принят за непосредственный вызов России, и был доволен, что у меня было время подумать об его возможных последствиях, тем более, что, как я знал наперед, разговор во французском посольстве будет вертеться вокруг сакраментального вопроса о солидарности Британии с Францией и Россией.

И я не ошибся. Указав, насколько неприемлемы некоторые из австрийских требований, г. Сазонов заметил, что Австрия никогда бы не пред'явила подобного рода ультиматума, если бы она не была уверена заранее в одобрении и поддержке Германии. «Сможет ли Россия, — продолжал он, — также рассчитывать на поддержку ее партнеров в Тройственном Согласии?» Французский посланник, к которому он сначала обратился с этим вопросом, заверил его, что Франция даст России свою дипломатическую поддержку и, в случае необходимости, выполнит все условия союзного договора. «А ваше правительство?» — спросил г. Сазонов, обращаясь ко мне. Я ответил, что хотя я не уполномочен говорить от имени британского правительства, я все же уверен, что оно окажет России возможную дипломатическую поддержку. Я не мог, конечно, поддержать их надежду на то, что Англия особой декларацией об'явит свою безусловную солидарность с Францией и Россией, вплоть до поддержки оружием из-за такого государства, как Сербия, которое никоим образом не затрагивает британских интересов. Такое обстоятельство не было бы санкционировано общественным мнением Англии; а не поддержанное общественным мнением, ни одно британское правительство не возьмет на себя ответственности за вовлечение страны в войну. На это г. Сазонов ответил, что нельзя забывать, что сербский вопрос является частью общеевропейского вопроса, и, в виду угрозы ее жизненным интересам, Англия не может совер-

шенно стушеваться. Я ответил, что я догадываюсь об его желании, чтобы Англия совместно с Россией сделала Австрии заявление, что они не могут допустить ее активного вмешательства во внутренние дела Сербии; но даже предположив, что Австрия все же начнет военные действия против Сербии, намерено ли русское правительство немедленно об'явить ей войну. Г. Сазонов сказал, что, по его личному мнению, Россия мобилизуется, но весь вопрос будет разбираться в Совете министров под председательством царя. Я указал, что важнее всего — постараться заставить Австрию продлить 48-часовой срок и в то же время решить, как Сербия должна ответить на требования австрийской ноты. Г. Сазонов согласился, указав, что некоторые из австрийских требований могут, несомненно, быть приняты Сербией.

Разговор, начатый в полдень, продолжался и после завтрака, за которым г. Сазонов и г. Палеолог опять уговаривали меня об'явить солидарность Англии с Францией и Россией. Помимо того, что я не имел права делать заявления, которое обязывало бы британское правительство, я решил не говорить ничего, что могло бы быть истолковано как поддержка намерения России об'явить войну Австрии. Если бы я это сделал, то не только уменьшил бы возможность мирного решения вопроса, но дал бы лишний повод Германии доказывать, что мы толкнули Россию в войну, как она и сейчас пытается это доказать. Я поэтому ограничился указанием, что британское правительство, возможно, об'явит в Берлине и в Вене, что так как нападение Австрии на Сербию вызовет выступление России, то Англия не сможет остаться в стороне от всеобщей войны. Это не удовлетворило г. Сазонова, утверждавшего, что мы увеличиваем шансы войны, отказываясь об'явить свою солидарность с Россией и Францией.

Получив мой телеграфный отчет об этом разговоре, сэр Эдуард Грей ответил: «Вы совершенно правильно определили при таких тяжелых обстоятельствах позицию британского правительства. Я всецело одобряю все, сказанное вами, и не могу обещать большего со стороны правительства».

Если передать все разговоры в различных столицах и все телеграммы в течение этих критических дней после пред'явления австрийского ультиматума, можно написать целую книгу. Поэтому я ограничусь только теми, которые имеют отношение к позиции России и к тем советам, которые мы предлагали в Петербурге и которые могут доказать несправедливость утверждений некоторых немецких писателей, пытающихся возложить на Великобританию и Россию ответственность за войну.

Таковы, напр., двое из них, — г. фон-Бетман-Гольвег и барон фон-Шён, бывший тогда посланником в Париже. Пер-

вый в своих «Betrachtungen zum Weltkriege» [1]) утверждает, что в то время, как Германия делала все, что могла, чтобы удержать Австрию, мы воздерживались от того, чтобы рекомендовать России умеренность. Последний в своих «Мемуарах посла» идет гораздо дальше. Он обвиняет Россию в том, что она вызвала войну с целью избавиться от опасности внутренних осложнений, а Англию — в том, что она не выказывала никогда ни малейшего намерения содействовать сохранению мира своими действиями в Петербурге. Он, наоборот, изображает дело так, что Англия уничтожала усилия Германии устроить непосредственные переговоры между Петербургом и Веной тем, что поддерживала непоколебимость русской позиции. Далее он утверждает, что Россия решилась на мобилизацию только вследствие уверенности, что она может рассчитывать на нашу поддержку.

С другой стороны, его защита линии поведения германского правительства так поучительна, что я хочу передать ее. Австрия, по его утверждению, соперничала с Россией из-за первенства на Балканах, а Германия поддерживала своего союзника и защищала его независимо от своих собственных интересов. Австрийское правительство решило требовать полного удовлетворения за убийство в Сараеве, доказавшее необходимость раз навсегда покончить с центром (в Белграде) разрушительной деятельности сербов в юго-восточных частях Габсбургской монархии. Ультиматум был составлен в самых резких выражениях с целью обеспечить действительные гарантии на будущее время, так что Сербии было предложено либо вполне подчиниться требованиям Австрии; пожертвовать частью своих суверенных прав и отказаться от связи с Россией, либо принять на себя все последствия отказа от этого требования. Спрошенная о совете Германия признала, что этим только обостряется опасность, угрожающая существованию ее союзника и косвенно ее собственному. Конечно, она не могла отказать в своем согласии и поддержке, потому что, если бы в результате разрушительной работы сербов Австрия распалась на части, она лишилась бы союзника. Поэтому Германия об'явила о своем намерении остаться верной союзнице, чтобы предупредить чье бы то ни было роковое вмешательство со стороны. Она предложила локализовать конфликт, но ее предложение было отвергнуто благодаря тому, что Россия выступила защитницей Сербии и об'явила, что она не может остаться равнодушной к конфликту. Наконец, барон фон-Шён порицает сэра Эдуарда Грея за его предложение созвать конференцию из четырех непосредственно не заинтересованных держав, так как этим предложением он нарушил прин-

[1]) Обзор мировой войны.

цип невмешательства, которому Германия придавала такое значение. Одним словом, согласно барону фон-Шёну, Германия соглашалась держать цепь, пока Австрия сделает Сербию своим вассалом, хотя она знала, что Россия никогда не допустит нападения Австрии на Сербию.

В дальнейшем я передаю о моих последовательных разговорах с г. Сазоновым, из которых выяснится, насколько разнится от этих описаний действительная позиция русского и британского правительств.

Наш разговор предыдущего дня мы продолжили 25 июля. Сазонов утверждал, что Австрия стремится утвердить свою гегемонию на Балканах, и то, что она предприняла в Белграде, направлено против России. Позиция Германии, с другой стороны, зависит от позиции Англии. До тех пор, пока она рассчитывает на наш нейтралитет, она пойдет на все; но если Англия твердо станет на стороне Франции и России, войны не будет. Если она этого не сделает, прольются реки крови, и, в конце концов, она будет вовлечена в войну. Хотя я боялся, что его предсказание почти правильно, но я мог повторить только то, что я говорил царю в одной из описанных в предыдущей главе аудиенций, т.-е. что Англия лучше проведет роль посредника в качестве друга, который, в случае пренебрежения его советами умеренности, может превратиться в союзника, чем если она сейчас же об'явит о своей полной солидарности с Россией. В то же время я выразил глубокую надежду, что Россия предоставит британскому правительству время использовать свое влияние, как мирного посредника, и не будет торопиться с мобилизацией. Если она ее проведет,—предостерег я его,—то Германия не удовлетворится контр-мобилизацией, но сразу об'явит ей войну. Г. Сазонов возразил, что Россия не может разрешить Австрии обрушиться на Сербию, но, что я могу быть уверен, что она не предпримет никаких военных действий, если ее к тому не принудят.

На следующий день, 26 июля, он сообщил мне, что в разговоре с австрийским посланником он предложил, чтобы Вена с Петербургом непосредственно сговорилась, нельзя ли найти формулу, которая, удовлетворяя основным требованиям Австрии, была бы более приемлема для Сербии. По его словам, он сказал графу Сапари, что он вполне понимает мотивы, заставившие Австрию пред'явить ультиматум, и что, если она согласится пересмотреть некоторые из его пунктов, было бы нетрудно прийти к удовлетворительному решению.

В ответ на вопрос, с которым он обратился ко мне во время нашей беседы, я сказал ему, что мои заявления от 24 числа вполне одобрены сэром Э. Грсем, как вполне определяющие позицию британского правительства. Я прибавил, что оно употребит все усилия, чтобы предотвратить войну; но для

успеха его стараний необходимо, чтобы Россия прибегла к мобилизации лишь как к самому крайнему средству.

В ответ на мое сообщение 27 июля о предложении сэра Э. Грея — созвать конференцию из четырех послов в Лондоне — г. Сазонов ответил: «Я начал переговоры с австро-венгерским послом об условиях, на которых Австрия могла бы пересмотреть свой ультиматум Сербии. Если непосредственное об'яснение с Веной окажется невозможным, я готов принять предложение сэра Э. Грея или всякое другое предложение, способное привести к благоприятному разрешению конфликта».

Вследствие угрожающего международного положения британскому флоту, сосредоточенному в Портланде, был отдан приказ не рассеиваться для маневров. Сообщая русскому послу об этом, сэр Эдуард Грей позаботился об'яснить, что это не более как обещание дипломатической поддержки.

28 июля обстоятельства решительно изменились к худшему. Граф Берхтольд не только отклонил предложение г. Сазонова о непосредственных переговорах между обоими правительствами, но Австрия даже об'явила войну Сербии. Россию не могли удовлетворить никакие заверения Австрии относительно целости и независимости Сербии, и в тот день, когда австрийская армия перешла бы сербскую границу, был бы отдан приказ о мобилизации против Австрии. Я тем не менее еще раз порекомендовал ему воздержаться от военных мероприятий, которые могли бы быть истолкованы, как вызов Германии.

Я повторил содержание этой беседы моему французскому коллеге, встретив его в передней в ожидании приема, и просил его говорить в том же духе. Я сказал, что положение сделалось критическим. Россия очень серьезно настроена и никогда не позволит Австрии обрушиться на Сербию. Но если Россию принудят к войне, очень важно, чтобы Германия не имела повода представить ее нападающей стороной. Ибо, хотя английское общественное мнение убеждено, что вся ответственность за войну падает на Германию, оно никогда не оправдает нашего участия в ней.

Барон фон-Шён в своих «Мемуарах» переводит отрывок из книги «Царская Россия во время Великой войны», в котором г. Палеолог приводит эти мои замечания и придает им смысл, которого они не имеют. По его словам, я говорил: «Россия решила воевать, мы поэтому должны обрушить на Германию всю ответственность и инициативу нападения, так как это единственный способ настроить общественное мнение Англии в пользу войны». В дальнейшем он рисует меня убеждающим Россию воевать, стараясь в то же время свалить вину на Германию. Это неправильная передача моей позиции, ибо, как я уже показал, я всячески старался отговорить от

мобилизации, зная, что она даст Германии необходимый ей предлог для об'явления войны России.

Германский посол в Петербурге все время находился под впечатлением, что русское общество не очень взволновано австро-сербским конфликтом, и что только небольшая клика шовинистов старалась придать ему острый характер. 28 июля он завтракал у меня в посольстве, и я воспользовался случаем, чтобы открыть ему глаза на растущую опасность положения. Он попросил меня рекомендовать г. Сазонову осторожность, и я сказал ему, что я уже это сделал с самого начала. Я прибавил, что германский посланник в Вене должен серьезно поговорить с графом Берхтольдом, ибо, если Германия позволит Австрии напасть на Сербию, всеобщая война неизбежна. Граф Пурталес, будучи очень поражен моим замечанием, возразил, что не Германия, а Россия виновна в существующем напряженном положении. Я допускаю, что он лично старался предотвратить войну и был в неведении относительно действительных намерений своего правительства. Но его позиция не была рассчитана на сглаживание трений! Он считал, что Австрия должна строго наказать Сербию, а Россия должна оставаться спокойной и придерживаться пассивной роли незаинтересованного зрителя. Он соглашался, что, если она об'явит предполагаемую мобилизацию, европейский мир будет в опасности. Напрасно я доказывал ему, что Россия выказала свои мирные намерения, приняв предложение о конференции четырех и об'явив свою готовность подчиниться любому решению этой конференции, если оно будет принято Францией и Великобританией. Он не хотел также выслушать мое напоминание о том, что Австрия не только частично мобилизовалась, но даже уже об'явила войну Сербии. «Я не могу, — возразил он, — обсуждать поступка Австрии».

Хотя Австрия начала свою мобилизацию против Сербии уже 26-го, Россия предприняла предварительные шаги к мобилизации военных округов Киевского, Одесского, Казанского и Московского только 28-го. 29 июля между часом и двумя пополудни граф Пурталес имел свидание с г. Сазоновым, в котором он напомнил последнему, что такая частичная мобилизация вызовет, согласно союзному договору Германии с Австрией, автоматическую мобилизацию Германии. В семь часов того же дня граф Пурталес опять посетил министерство иностранных дел и сообщил г. Сазонову телеграмму германского канцлера с заявлением, что дальнейшее развитие военных приготовлений со стороны России вызовет соответствующие меры со стороны Германии, и что это означает войну.

Такое заявление было равносильно ультиматуму. Тем временем русское военное министерство получило сведения об

обширных военных приготовлениях, тайно производимых Германией, и о всеобщей мобилизации в Австрии. Приходилось пересмотреть всю ситуацию. В этот вечер царь, уступая давлению со стороны своих военных советников, неохотно подписал приказ о всеобщей мобилизации. Спустя несколько часов после этого он получил следующую телеграмму от германского императора:

«Я уверен, что возможно непосредственное соглашение между вашим правительством и Веной, которому старается способствовать мое правительство. Естественно, что военные приготовления России, представляющие угрозу для Австро-Венгрии, только ускорять катастрофу, которой мы оба стараемся избегнуть».

Император Николай ответил следующим образом:

«Благодарю за примирительную телеграмму, хотя официальное сообщение, представленное вашим посланником в мое министерство иностранных дел, было составлено совсем в другом тоне. Прошу вас об'яснить эту разницу. Было бы правильным передать австро-сербский вопрос на Гаагскую конференцию. Полагаюсь на вашу мудрость и дружбу».

Отправив эту телеграмму, царь Николай вызвал к телефону одного за другим военного министра и начальника генерального штаба и отменил всеобщую мобилизацию. Но мобилизация уже началась, и остановка ее, как возражали оба генерала, выбьет из колеи всю военную машину. Царь, однако, продолжал настаивать. Но, несмотря на его категорический приказ, военные власти продолжали всеобщую мобилизацию без его ведома.

Тем временем немецкий посланник узнал, что происходит, и в два часа ночи на 30 июля приехал в министерство иностранных дел. Видя, что война неизбежна, он растерялся и попросил Сазонова посоветовать ему, что́ телеграфировать своему правительству. Сазонов набросал следующую формулу:

«Если Австрия, признавая, что конфликт с Сербией принял характер общеевропейской важности, об'явит о своей готовности взять обратно пункты ультиматума, покушающиеся на принципы сербского суверенитета, Россия обязуется остановить всякие военные приготовления».

Сазонов, извещенный начальником генерального штаба о его ночном разговоре по телефону с царем, имел аудиенцию у его величества рано утром 30-го числа. Раньше, чем выехать в Петергоф, он получил известие о бомбардировке Австрией Белграда и об отказе германского правительства рассмотреть предложения, данные им графу Пурталесу. Он застал царя глубоко взволнованным телеграммой, только что полученной им от германского императора. Она гласила: «Моему посланнику дана инструкция обратить внимание ва-

шего правительства на опасности и серьезные последствия мобилизации. Я говорил то же в своей последней телеграмме. Австрия мобилизовалась только против Сербии и только частично. Если Россия мобилизуется против Австро-Венгрии, роль посредника, которую вы так любезно на меня возложили, и которую я принял только по вашему желанию, делается сомнительной, если не совершенно невозможной. Вся тяжесть решения лежит теперь на ваших плечах. Вы несете ответственность за войну и мир». Царь Николай так глубоко чувствовал серьезность предстоящего ему решения, что все еще колебался подтвердить приказ о всеобщей мобилизации. Только после того, как Сазонов убедил его, что он может это сделать с чистой совестью, так как его правительство не упустило ни одного средства в своих усилиях предотвратить войну, царь, наконец, решил не оставлять своей страны беззащитной против выступления, уже подготовляемого Германией. В 4 часа того же дня его величество приказал передать военному министру нужные приказы по телефону. До этого, того же 30 июля, он телеграфировал императору Вильгельму: «Я посылаю сегодня ночью Татищева с инструкциями. Принимаемые теперь военные меры были решены пять дней тому назад для защиты против Австрии. Я надеюсь от всего сердца, что эти меры никоим образом не повлияют на ваше положение посредника, которое я ценю очень высоко. Необходимо сильное давление с вашей стороны на Австрию, чтобы могло произойти соглашение».

На следующий день 31-го, он телеграфировал опять: «По техническим причинам я не могу остановить свои военные приготовления. Но до тех пор, пока переговоры с Австрией не прерваны, мои войска воздержатся от всякого выступления. Даю вам мое честное слово».

Император Вильгельм ответил: «Я сделал все, что мог, в своих усилиях сохранить мир. Не я буду нести ответственность за то ужасное несчастье, которое грозит теперь всему цивилизованному миру. От вас зависит отвратить его. Моя дружба к вам и к вашей стране, которую мой дед завещал мне на своем смертном одре, всегда для меня священна. Я был верен России, когда несчастье поразило ее, особенно во время последней войны. В настоящий момент вы еще можете спасти европейский мир, остановив ваши военные приготовления».

В тот же день, 31-го, Сазонов сделал последнее усилие спасти мир, изменив, по просьбе сэра Э. Грея, формулу, данную им графу Пурталесу, следующим образом:

«Если Австрия согласна остановить наступление своих войск на сербскую территорию, и если, признавая, что австро-сербский конфликт принял характер общеевропейского во-

проса, она согласится, чтобы великие державы решили вопрос об удовлетворении, которое Сербия может дать австро-венгерскому правительству без ущерба для ее суверенных прав и независимости как государства, Россия сохранит свое выжидательное положение».

Царь, приняв в тот же день в аудиенции германского посланника, старался убедить его в примирительном духе этой формулы и в предлагаемой ею возможности приличного разрешения конфликта, но безуспешно.

В 11 часов того же вечера граф Пурталес явился в министерство иностранных дел и сообщил г. Сазонову, что, если Россия до полудня следующего дня не остановит своей мобилизации, Германия мобилизует всю свою армию. В ответ на его возбужденную просьбу о немедленной демобилизации Сазонов мог только повторить обещание, что пока австро-русские переговоры продолжаются, Россия не начнет наступления. Между Веной и Петербургом в этот момент напряжение несколько ослабло; происходили дружеские беседы между министрами иностранных дел и посланниками обоих правительств, а австрийское правительство, казалось, было даже готово допустить обсуждение смысла своей ноты к сербскому правительству. Но Германия судила иначе.

Утром 1 августа царь Николай еще раз телеграфировал императору Вильгельму: «Я понимаю, что вы были вынуждены мобилизоваться, но хотел бы получить от вас ту же гарантию, которую дал вам, а именно, что эта мера не означает войны, и что мы будем продолжать стремиться к благополучию наших двух стран и столь дорогому для нас общему миру. С божьей помощью наша испытанная дружба должна предупредить пролитие крови. С полным доверием ожидаю вашего немедленного ответа».

Император Вильгельм, отметив, что назначенный срок истек, и что он был вынужден мобилизовать свою армию, отвечал: «Единственный способ избежать бесконечного несчастья — это немедленный, ясный и безусловный ответ вашего правительства. До получения этого ответа я, к моему большому сожалению, не могу обсуждать вашу телеграмму по существу. Я очень серьезно прошу вас немедленно отдать приказ вашим войскам ни в коем случае не производить ни малейшего нарушения наших границ».

Около 5 часов в тот же день я получил телеграмму из министерства иностранных дел с предложением испросить немедленно аудиенцию для передачи царю личного послания от короля Георга, в котором его величество, передавая те об'яснения, которые Германия делала по поводу русской мобилизации, говорил: «Я считаю, что только недоразумение привело нас в такой тупик. Я очень стараюсь не упустить никакой возможности избегнуть ужасной катастрофы, угро-

жающей сейчас всему миру. Поэтому я призываю вас отбросить недоразумения, которые, как я чувствую, произошли, и оставить открытой почву для переговоров и возможного мира. Если вы считаете, что я чем-нибудь могу способствовать этой насущной цели, я сделаю все возможное, чтобы помочь возобновлению прерванных переговоров между заинтересованными державами. Я верю, что вы, как и я, постараетесь сделать все возможное для обеспечения всеобщего мира».

Около четверти восьмого г. Сазонов, устроивши мне прием в Петергофе в 10 часов, позвонил мне по телефону, что граф Пурталес только что сообщил ему, что Германия считает себя в состоянии войны с Россией. К 8 часам он приехал ко мне обедать и привез с собой проект ответа на телеграмму короля, которую он просил передать царю. Я выехал из посольства в 9 часов, но в моем автомобиле испортились фонари, мой шоффер заблудился, и я приехал в Петергоф только в четверть одиннадцатого. Извинившись перед царем за опоздание, я передал ему телеграмму и проект ответа, написанный Сазоновым. Когда его величество прочитал их, я осмелился заметить, что лучше было бы ответить королю собственноручно, чем в официальном стиле министерства иностранных дел. «Я это сделаю, если вы мне поможете, — ответил царь, — потому, что мне легче говорить по-английски, чем правильно писать». Затем его величество предложил мне сесть, и более часа обсуждали положение, созданное австрийским ультиматумом, безуспешные усилия русского и британского правительств сохранить мир и причины, вызвавшие мобилизацию России. Его величество настаивал, что мобилизация не обязательно ведет к войне, и в этом смысле он дал императору Вильгельму самые категорические заверения. Затем, поднявшись и подойдя к своему письменному столу, он взял телеграфный бланк и карандаш и начал писать свой ответ, время от времени спрашивая меня, как выразится, когда ему нехватало слова. Когда он кончил, он передал мне подлинную телеграмму для зашифрования ее по моем возвращении в посольство. Текст ее был следующий:

«Я был бы рад принять ваше предложение, если бы германский посланник сегодня днем не представил моему правительству ноты с об'явлением войны. Со времени пред'явления ультиматума в Белграде Россия посвятила все свои усилия, чтобы найти мирное решение вопроса, возбужденного поступком Австрии. Целью этого поступка было раздавить Сербию и сделать ее вассалом Австрии. В результате получилось бы изменение в равновесии сил на Балканах, представляющем жизненный интерес для моего государства. Все предложения, включая и предложение вашего правитель-

ства, были отвергнуты Германией и Австрией, а Германия выразила намерение выступить посредником тогда, когда благоприятный момент для оказания давления на Австрию уже прошел. Но и тогда она не выставила никакого определенного положения. Об'явление Австрией войны Сербии заставило меня издать приказ о частичной мобилизации, хотя, в виду угрожающего положения, мои военные советники рекомендовали мне произвести всеобщую мобилизацию, указывая, что Германия может мобилизоваться значительно скорее России. В дальнейшем я был принужден пойти по этому пути вследствие всеобщей мобилизации в Австрии, бомбардировки Белграда, концентрации австрийских войск в Галиции и тайных военных приготовлений Германии. Правильность моих действий доказывается внезапным об'явлением войны Германией, совершенно неожиданным для меня, так как я самым категорическим образом заверил императора Вильгельма, что мои войска не выступят, пока продолжается посредничество.

В этот торжественный час я хочу уверить вас еще раз, что я сделал все возможное для предотвращения войны. Теперь, когда она мне навязана, я надеюсь, что ваша страна не откажется поддержать Францию и Россию. Пусть бог благословит и хранит вас».

Только после часу ночи я вернулся в посольство, окруженное возбужденной толпой, жаждущей узнать, может ли Россия рассчитывать на поддержку Англии.

ГЛАВА XV

1914

Опровержение некоторых утверждений относительно моей позиции по отношению к участию Великобритании в войне. — Манифест императора о войне. — Об'единение нации вокруг трона. — Патриотические сцены в Москве. — Наступление в Восточной Пруссии. — Танненбергская битва. — Польская кампания. — Недостаток боевых припасов и оружия в России. — Мирная кампания графа Витте.

В предыдущей главе я передал то, что, по собственным сведениям, я считаю откровенным и точным отчетом о позиции России за девять дней, предшествовавших войне. Ни один из ее поступков и ничто в ее бездействии не может служить доказательством того, что барон фон-Шён называет «волей к войне». В своем старании сохранить мир Сазонов не отвергал ни одного сделанного ему указания. Он последовательно соглашался на предложения о конференции четырех, о посредничестве Великобритании и Италии и о непосредственных переговорах между Австрией и Россией.

Германия и Австрия, с другой стороны, или совершенно отвергали эти предложения, или мешали их осуществлению, отвечая в неясных выражениях. Сазонов не мог сделать только одного: он не мог позволить Австрии раздавить Сербию. Германия и Австрия прекрасно это знали, потому что во время балканского кризиса им дано было понять, что нападение Австрии на Сербию вызовет выступление России. Правда, Россия мобилизовалась, но только тогда, когда ее вынудило к этому известие о тайных военных приготовлениях Германии и угрожающая позиция Австрии. Германия прекрасно знала, что военная программа, принятая Россией после нового закона о германской армии в 1913 году, будет выполнена только в 1918 году, а также и то, что русская армия недостаточно обучена современным научным методам ведения войны. В этом был психологический момент для вмешательства, и Германия ухватилась за него. В тот день, когда она отправила свой окончательный ультиматум, в Петербурге одно высокопоставленное лицо из германского министерства иностранных дел рассказало представителю нейтральной тогда державы, что единственно, чего боялась Германия, — это, чтобы в последнюю минуту Россия не покорилась и приняла этот ультиматум. Я знаю это от представителя той же нейтральной державы в Петербурге.

Что касается позиции Англии, то я уже об'яснил причины тех взглядов, которые я выражал в беседах с Сазоновым. Англия никогда не давала России обещания поддержать ее вооруженной силой, ни других обещаний, которые способствовали бы крайней решимости России. До самого последнего момента британское правительство сохраняло за собою полную свободу действий, хотя мы совершенно правильно предупреждали германское правительство, что наши дружественные заявления не помешают нам вступить в войну, если будут затронуты наши интересы.

Против собственной воли я должен говорить о себе, чтобы опровергнуть выдвинутые против меня обвинения. В номере от 8 апреля 1922 года «Graphic» опубликовал два отрывка, в которых, указав подходящее заглавие для будущей книги «Кто-то совершил глупость», продолжает: «Маловерным людям приходится плохо. Иллюстрацию этого дает новая книга г. Палеолога о России в 1914 году. В ней говорится, что сэр Джордж Бьюкенен сказал г. Сазонову: «Я боюсь, что наше общественное мнение не понимает того, что с такой очевидностью диктуют нам наши национальные интересы (оставаться нейтральными в Великой войне)». Слова в скобках принадлежат «Graphic».

Я бы не обратил внимания на этот глупый отрывок, если бы, вскоре спустя, один из моих друзей не сказал мне,

что многие удивляются, почему я не отвечаю на обвинения, выдвинутые против меня Палеологом. Я ответил, что Палеолог — мой старый друг, который был моим сослуживцем в Петербурге и в Софии, и я уверен, что он обо мне мог сказать только хорошее. Впрочем, я решил прочитать его книгу. В ней я прочел, что он приписывает мне слова, сказанные мной 24 июля: «Я боюсь, что наше общественное мнение далеко не понимает того, что нам с такой очевидностью диктуют наши национальные интересы». Предполагая даже, что я, действительно, употребил это выражение, я только хочу спросить, пошло ли бы английское общественное мнение в день представления австрийского ультиматума вслед за своим правительством, если бы оно тогда толкнуло страну в войну за то, что в тот момент рассматривалось, как ссора между Австрией и Сербией. Но даже, независимо от этого вопроса, «Graphic» не только неправильно перевел вышеприведенный отрывок, но, прибавив слова «остаться нейтральными в Великой войне», придал им ради удовольствия своих читателей смысл, который они не могли иметь. Это совершенно ясно из содержания. Сазонов согласно Палеологу, сказал: «Нейтралитет Англии равносилен ее самоубийству». — «Я того же мнения», ответил я, а конец моего ответа, правильно переведенный, гласит следующее: «Но я боюсь, что наше общественное мнение еще очень далеко от понимания того, что́ именно диктуют нам наши национальные интересы». Зачем, хотелось бы мне знать, «Graphic» прибег к такой неправильной передаче? Мой личный взгляд на участие Англии в войне был выражен в моей тогдашней официальной переписке с министерством иностранных дел. Передавая мне в ночь с 1-го на 2-е августа ответ на телеграмму короля, царь просил меня присоединиться к призыву о поддержке Англии, и я без колебания сделал это. Я осмелился заявить британскому правительству, что, если мы останемся в стороне, мы лишимся всех друзей в Европе; что даже, помимо вопроса о нашей собственной безопасности, мы не можем позволить Германии раздавить Францию; что рано или поздно мы будем вынуждены вмешаться в войну, и что, чем дальше мы будем откладывать вмешательство, тем более дорогой ценой нам придется расплачиваться.

Телеграмма эта прибыла в министерство иностранных дел в искаженном виде, прерванная на средине фразы. Поэтому она не могла быть опубликована в Белой книге, в которой, за одним этим исключением, собрана вся переписка между мной и министерством в течение этих переходных дней.

На следующий день после об'явления Германией войны в Зимнем дворце было совершено торжественное богослуже-

ние, на котором присутствовал единственный иностранец, французский посланник, представитель союзницы России.

В течение первых трех дней войны моя позиция была не из приятных. Беспокойные толпы собирались перед посольством, требуя известий из Лондона и в далеко не дружеском тоне справляясь, может ли Россия рассчитывать на нашу поддержку. Я, насколько мог, успокаивал их туманными заявлениями, но почувствовал огромное облегчение, когда в 5 часов утра 5 августа один из моих секретарей принес мне лаконическую телеграмму из министерства иностранных дел: «Война с Германией, действуйте», которая показала мне, что Англия оказалась верна самой себе и своим сочленам по Тройственному Согласию. Я протелефонировал об этой доброй вести во французское посольство, в министерство иностранных дел и в Царское — государю, а позже, в то же утро, присутствовал на торжественной мессе во французской католической церкви, как представитель союзницы Франции и России. В посольстве меня дожидалось много цветочных подношений, присланных русскими всех рангов и состояний, как дань благодарности своему новому союзнику.

В течение этих чудесных первых дней августа Россия казалась совершенно преображенной. Германский посланник предсказывал, что об'явление войны вызовет революцию. Он даже не послушался приятеля, советовавшего ему накануне от'езда отослать свою художественную коллекцию в Эрмитаж, так как он предсказывал, что Эрмитаж будет разграблен в первую очередь. К несчастью, единственное насильственное действие толпы во всей России было полное разграбление германского посольства 4-го августа. Вместо того, чтобы вызвать революцию, война теснее связала государя и народ. Рабочие об'явили о прекращении забастовок, а различные политические партии оставили в стороне свои разногласия. В чрезвычайной сессии Думы, специально созванной царем, лидеры различных партий наперерыв об'являли правительству о своей поддержке, в которой отказывали ему несколько недель тому назад. Военные кредиты были приняты единогласно, и даже социалисты, воздержавшиеся от голосования, предлагали рабочим защищать свое отечество от неприятеля. Об'единяясь таким образом вокруг трона, либеральные и прогрессивные партии были одушевлены надеждой, что война, вызвавшая такое тесное соприкосновение царя с народом, послужит началом новой эры конституционных реформ.

Я не собираюсь проследить действия русской армии во все последовательные фазы войны, потому что это уже превосходно сделано моим другом и бывшим военным атташе, генерал-майором Альфредом Ноксом в его книге. «С русской

армией (1914 — 1917 годы)». Поэтому я ограничусь кратким описанием главных событий восточного фронта войны, особенно в связи с их влиянием на общее положение России.

Уступая настояниям своих министров, царь отказался от своего намерения принять главное командование армией и назначил верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича. Несмотря на то, что Германия об'явила войну 1 августа, Австрия, вызвавшая войну, последовала ее примеру и отозвала своего посла только 6-го. Следуя плану кампании, начертанному генеральным штабом, Россия должна была сразу начать наступление на Австрию на юге и обороняться на севере до тех пор, пока все не будет готово для более серьезного наступления на Германию. Если бы Россия считалась только со своими интересами, это было бы для нее наилучший способ действий, но ей приходилось считаться и со своими союзниками. Наступление германской армии на западе вызвало необходимость отвлечь ее на восток. Поэтому первоначальный план кампании был соответствующим образом изменен, и 17 августа, на следующий день после окончания мобилизации, генерал Ренненкампф начал наступление на Восточную Пруссию.

В первые 10 дней его действия шли с таким большим успехом, что, казалось, вся область вскоре будет в его власти. Но он, однако, продвинулся дальше, чем позволяла осторожность при данных обстоятельствах. Германский генеральный штаб, испугавшись количества беженцев, наводнивших Берлин, перебросил войска с запада и назначил генерала фон-Гинденбурга главнокомандующим на востоке. В то же время, благодаря вынужденному отступлению союзных войск на западе, французскому посланнику даны были инструкции заставить русское правительство продолжать наступление в Восточной Пруссии. По мнению лучших русских генералов, такое наступление было преждевременно и суждено на неудачу. Армия в отдельных своих частях не была еще вполне организована; трудности транспорта были неимоверны; войска еще не были сосредоточены, как следует, и местность с ее лесами, озерами и болотами не даром сравнивали с губкой, впитывающей в себя все, что ей дают. Но Россия не могла оставаться глухой к голосу союзника, столица которого была под угрозой врага, и армии Самсонова был отдан приказ наступать.

Последовала битва под Танненбергом. Из-за тактических ошибок фланговых корпусных командиров и отсутствия необходимых способов сообщения между ними и Самсоновым, два центральных корпуса остались без поддержки и должны были сложить оружие. Русские оставили всю свою артиллерию и огромное количество броневиков и других военных

материалов, которые им с трудом удалось собрать. В течение нескольких недель немцы, развивая свою победу, совсем очистили всю область от неприятеля, потерпевшего урон в 250.000 человек, помимо серьезного морального удара, нанесенного армии и престижу ее командиров. Хотя позднее, в том же году, русские вновь пошли в Восточную Пруссию и заняли пограничные области, они в феврале следующего года опять должны были ее оставить.

Это несчастие на севере уравновешивалось до некоторой степени блестящими победами на юге, где командующим был генерал Иванов при начальнике штаба генерале Алексееве. Армии генералов Рузского, Брусилова и Радко-Дмитриева гнали австрийские войска, — в сентябре был взят Львов, а в ноябре была осаждена большая крепость Перемышль. Австрийцы потеряли 1.000 орудий и 200.000 пленных. Такое быстрое продвижение вызвало в некоторых кругах преувеличенные надежды на будущее, и мой французский коллега был одно время так оптимистически настроен, что пошел со мной на пари в 5 фунтов стерлингов за то, что война будет окончена до Рождества. Но русские руководящие круги в своем стремлении облегчить напряжение на западе зашли слишком далеко для сложного механизма своей армии. России приходилось очень тяжело. Ей нужно было перебрасывать войска на огромные расстояния по скверным дорогам, а в Польше, которую немцы заняли в начале войны, ей приходилось сражаться, имея с обоих флангов враждебную территорию. В октябре немцы были почти у ворот Варшавы. Своевременное прибытие сибирского запаса армии произвело благоприятный поворот в положении. Русские вновь начали наступление, немцы были отогнаны и едва не потерпели решительного поражения у Лодзи. Они были спасены только подкреплениями, которые они сумели во-время доставить, благодаря развитой сети стратегических железных дорог. Обстоятельства снова стали им благоприятствовать, русские вынуждены были отступить, и в середине декабря их наступление было совершенно остановлено. Поднялся занавес, и начался вводный акт великой русской трагедии.

25 сентября генерал Жоффр запросил, достаточны ли русские запасы снаряжения, чтобы покрыть все увеличивающиеся расходы его, и получил успокоительное заверение, что на этот счет беспокоиться нечего. Потом внезапно, 18 декабря, французский посланник и я были извещены начальником штаба военного министерства, что, хотя у России вполне достаточный запас людей, чтобы пополнить колоссальную убыль на фронте, но что у ней нехватает ружей, и артиллерийские припасы истощились. Генерал Беляев прибавил, что сданы заказы за границу, и что приняты

меры к тому, чтоб поднять производительность русских заводов, но что все же в ближайшие два-три месяца положение не только затруднительно, но и опасно. Это сообщение было ударом грома среди ясного неба. В этот начальный период войны между союзными верховными главнокомандующими не существовало общего плана кампании, и они действовали по системе сообщающихся сосудов. Если на западе не могли наступать, русские были вынуждены наступать, и наоборот, так что у немцев были специальные армейские корпуса, которые они перебрасывали туда и обратно, с одного фронта на другой, в зависимости от того, где их присутствие было необходимо.

Выразив протест против того, что недостаток вооружения держался втайне, я указал на необходимость более тесной связи между главными штабами союзников. Русские, очевидно, основывали свои расчеты на своем опыте Японской войны и не запасли военных припасов на долгий срок. Я вспоминаю, как во время балканского кризиса я спросил у видного члена Думы, настаивавшего на более твердой политике со стороны России, готова ли она к европейской войне. «Нет, — был ответ, — но она никогда не будет готова». Он был прав. Ее промышленность была еще в отсталом состоянии; у ней не было достаточного количества фабрик и заводов, а на тех, которые существовали, нехватало необходимых машин и нужного числа квалифицированных рабочих. Союзникам вскоре предстояла труднейшая задача перевооружения России. Лично я не разделял пессимизма, охватившего русскую столицу, переименованную в Петроград, но я чувствовал, что вряд ли русским удастся занять Берлин через Силезию, и что их будущая роль сведется к задержанию и уничтожению неприятельских сил в войне на истощение.

Вдобавок к чувству растерянности из-за военного положения, мирная кампания, руководимая графом Витте и его сподвижниками-германофилами, была далеко не успокаивающим моментом. Как я уже указывал в главе XIV, граф Витте всегда считал, что в интересах России — более тесное сближение с Германией, а теперь он открыто утверждал, что Россия ничего не выиграет от продолжения войны и должна заключить мир. В одной из наших бесед с Сазоновым в начале ноября мой французский коллега указал, что пора бы уже царю принять какие-либо меры против этой кампании, принимающей опасные размеры. Сазонов на это возразил, что французский посланник должен сам обратить на это внимание царя и обещал устроить ему для этого аудиенцию. В этой аудиенции, имевшей место неделю спустя, царь не упомянул имени графа Витте, а Палеолог не рискнул заговорить о нем первый.

Нападки графа Витте были направлены главным образом против Англии, почему я и решил поднять брошенную перчатку и сделал это в своей речи в Английском клубе накануне Нового года. «Некоторые известные германофилы, — сказал я, — обвиняют нас в том, что мы толкнули Россию в войну ради наших личных выгод, а теперь предоставляем ей одной нести весь ужас ее. Эти господа постоянно спрашивают нас: «Где ваш флот? Что делает ваша армия?» Я хочу рассказать им, — продолжал я, — что сделали британская армия и флот. Перечислив все услуги, оказанные ими союзным армиям, я указал на Германию, близкого друга наших обвинителей, как на свидетеля истины моего утверждения. Ибо германские поэты посвящали Англии свои гимны ненависти, а германские профессора изливали на Англию потоки своей ярости, и делали они это потому, что знали, что только Британская империя преграждает им путь к владычеству над всем миром, о чем мечтал «Vaterland» [1]).

Эта речь имела огромный успех. Она была опубликована в выдержках во всех русских газетах и послужила предметом обсуждения в длинных передовицах, приветствовавших меня за мужество, с которым я вскрыл гнойник, заставлявший Россию страдать. Царь, которого я видел вскоре спустя, сказал мне, что он очень рад, что я был так откровенен.

Эта история имела еще продолжение. Несколько дней спустя меня посетил довольно известный журналист, который сообщил мне, что его прислал ко мне граф Витте, тогда болевший, чтобы узнать, была ли моя речь направлена против него. Я ответил, что на этот вопрос я не могу ответить, так как германофилов в Петрограде много. Каждый из них может задать мне тот же вопрос, и я не могу отвечать каждому в отдельности. Однако мой друг журналист не удовлетворился этим, заявив, что граф Витте настаивает на определенном ответе. Тогда я сказал: «Вы можете передать графу Витте от моего имени, что, когда я произносил свою речь, я имел в виду всех тех, кто говорит указанные в ней слова. Если ему угодно принять это на свой счет, это — его дело».

ГЛАВА XVI

1914—1915

Вступление Турции в войну. — Закрытие проливов. — Россия просит санкции возможного присоединения Константинополя. — Мое свидание по этому вопросу с императором. — Переговоры с Болгарией. — Просьба к Сербии об уступках в Македонии. — Союзники и Сербия. — Политическое соглашение с Румынией.

Почти немедленно вслед за открытием военных действий Сазонов стал пытаться обеспечить себе сотрудничество или

[1]) Немецкое отечество, т.-е. Германия.

благожелательный нейтралитет тех государств, которые в силу их географического положения и территориальных стремлений могли быть вовлечены в войну. Болгарии в случае победоносной войны, в результате которой Сербия получила бы выход к Адриатическому морю, были обещаны сербские области в Македонии; Румынии была предложена бо́льшая часть Трансильвании и северная половина Буковины; Италии были даны обещания насчет ирредентной Италии, а британскому правительству было предложено вести переговоры с Японией. Япония вступила в войну 22 августа, а Румыния выставила предлогом непринятия этого предложения тесную дружбу, долго связывавшую короля Карла и императора Франца-Иосифа. Только после смерти короля Карла, в октябре следующего года, начались нескончаемые переговоры в Бухаресте, и когда Румыния решила выступить, было уже слишком поздно.

Но наиболее важным вопросом для России, особенно после прохождения через проливы «Гебена» и «Бреслау», была позиция, которую примет Турция. В Константинополе начались переговоры с целью добиться нейтралитета ее. Но влияние Германии, усиленное престижем ее побед и присутствием в Константинополе двух ее военных кораблей, перевешивало влияние держав Согласия и, в конце концов, победило. В начале октября проливы были закрыты, а несколько недель спустя два турецких миноносца вошли в гавань Одессы и потопили русский броненосец. Закрытие проливов было для России парализующим ударом. Оставшись только с двумя портами — Владивостоком на Дальнем Востоке и замерзающим на зиму Архангельским портом на севере, — она окончательно была разобщена со своими союзниками на западе. Русскому обществу становилась очевидной необходимость свободного выхода в море, и взоры его обратились на Константинополь, как на самую выгодную добычу войны. Во главе движения была Москва, и царь в своем манифесте, выпущенном после отозвания союзных послов из Константинополя, говорил своему народу, что «непростительное вмешательство Турции подготовит почву для решения исторической задачи, завещанной нам нашими дедами на берегах Черного моря».

В это время Англия вела переговоры с Россией по поводу Персии. Не противясь постоянному присутствию русских войск в Азербейджане с целью поддержания порядка, ни их прохождению через Персию в случае нападения на последнюю со стороны Турции, Англия не желала, чтоб Россия нарушила нейтралитет Персии, как это сделала Германия по отношению к Бельгии. Британскому правительству в то же время приходилось считаться с новым положением вещей, созданным выступлением Турции, и с необходимостью удо-

влетворить, хотя бы частью, стремления и домогательства русского народа. Поэтому я в ноябре получил инструкции известить русское правительство, что, в случае нашей победы над Германией, судьба Константинополя и проливов будет решаться в соответствии с нуждами России. Принятое Сазоновым с теплым выражением благодарности и одобрения это сообщение в силу своей неопределенности не надолго удовлетворило русское правительство. В течение зимы движение все усиливалось, и в Думе глухие заявления министров о блестящем будущем России на берегах Черного моря были встречены бурными приветствиями.

В начале марта Сазонов говорил французскому посланнику и мне о возбуждении, которое вызывает в стране вопрос о Константинополе и о необходимости его радикального решения. По его словам, царь чувствовал, что после всех жертв, понесенных его народом, он должен без замедления узнать у своих союзников, дают ли они определенное согласие на включение Константинополя в состав Российской империи в случае победы.

13 марта я получил инструкции сообщить лично царю, что британское правительство готово дать такое обещание на известных условиях. Не определив еще окончательно все свои пожелания, оно только настаивает на пересмотре англо-русского соглашения 1907 года и на признании Россией нейтральной зоны британской сферой влияния. Что касается Константинополя, оно ставит условием, чтобы была предусмотрена коммерческая свобода проливов для торговых кораблей и открытый порт для транзитных товаров, перевозимых из нерусских государств, прилегающих к Черному морю, или в эти государства. Кроме того, Россия должна обещать сделать все, что в ее силах, чтобы облегчить участие Румынии и Болгарии в войне против Турции и центральных держав.

Так как царь на следующее утро должен был уехать на фронт, Сазонов любезно устроил, чтобы я мог сопровождать его в Царское и быть принятым в аудиенции вместе с ним в тот же вечер.

Царь принял нас в своем кабинете и после нескольких слов дружеского приветствия обратился ко мне: «Вам нужно что-нибудь сообщить мне?». Я ответил, что мне поручено передать ему кое-что, что, как я надеюсь, ему будет так же приятно узнать, как и мне передавать, а именно, что британское правительство соглашается на исполнение вековых притязаний России на Константинополь и проливы на условиях, которые ему нетрудно будет принять. Затем я перечислил эти условия. Поручив мне передать свою горячую благодарность британскому правительству, царь спросил, каково существующее соглашение насчет нейтральной зоны.

Я в общих чертах рассказал об этом соглашении, прибавив, что включение этой зоны в сферу влияния Англии положит конец бесконечным трениям между двумя правительствами и будет шагом вперед по пути к окончательному и дружелюбному разрешению персидского вопроса. Так как царь еще колебался, я осмелился заметить, что год тому назад я не сомневался бы в ответе его величества, если бы я тогда предложил ему Константинополь в обмен на об'явление Россией своей незаинтересованности в нейтральной зоне.

Царь засмеялся и сказал, что я совершенно прав. Когда я спросил, могу ли я сообщить своему правительству, что его величество в принципе согласен на эти условия, Сазонов заметил, что Россия должна получить полную свободу действий в своей сфере; не потому, об'яснил он, что Россия имеет желание аннексировать северную Персию, а потому, что она желает положить конец постоянным представлениям Англии по поводу ее действий там. Я ответил, что и мы не имеем ни малейшего намерения аннексировать нейтральную зону, и что мы, напротив, стремимся обеспечить неприкосновенность Персии. Это было бы легче достигнуть тогда, если бы честолюбивым русским консулам, как это будет при новом устройстве, было запрещено вести наступательную политику против воли своего правительства. В то же время представители России и Британии в Тегеране могли бы выработать соглашение, по которому Россия получила бы достаточную свободу действий в своей собственной сфере, не нарушая принципа независимости Персии. Затем, обратившись к царю, я сказал, что после войны Россия и Англия будут самыми могущественными державами в мире. С решением персидского вопроса исчезнет последняя причина трений между ними, и мир всего мира будет обеспечен. Царь любезно согласился. Затем его величество уполномочил меня передать, что он в принципе принимает наши условия.

Остальная часть аудиенции была занята обсуждением итальянского требования территориальной компенсации в Далмации и на Адриатическом море. Взяв атлас, царь следил за докладом Сазонова, указывая точное положение каждого упоминаемого города и области с удивившей меня быстротой. Переговоры с Италией осложнялись тем, что некоторые ее требования совпадали с требованиями Сербии. Это был старый вопрос о славянских интересах. В России существовала сильная партия, имевшая среди своих членов таких влиятельных лиц, как великий князь Николай, которая противилась принятию некоторых требований Италии. Они утверждали, что Россия не может позволить Италии занять такое положение на Адриатическом море, ко-

торое сделало бы Сербию ее вассалом, и что, если притязания Сербии не будут удовлетворены, мы в скором будущем будем иметь новые затруднения, если не новую войну. В виду жизненной необходимости обеспечить участие Италии, я старался преодолеть эти затрудения и заставить русское правительство сделать необходимые уступки. К счастью, Сазонов был слишком широкого ума человек, чтобы напрасно настаивать на этих требованиях, и, подчинив узкие интересы России общим интересам всех союзников, он, в конце концов, принял условия, на которых 23 мая Италия начала войну.

В это же время происходили переговоры с Румынией, Грецией и Болгарией, и сначала слова г. Братиано позволяли нам надеяться, что Румыния последует примеру Италии. Зная, что Италия находится накануне об'явления войны Австрии, она, однако, упустила благоприятный момент весною 1915 г., когда в руках русских были самые важные карпатские высоты, и когда ее выступление совместно с русской армией могло бы спасти положение. Успех военных действий перешел на сторону Германии, и чем дальше отступали русские, тем менее была расположена Румыния бросить перчатку центральным державам. Но, помимо военных вопросов, переговоры о политическом соглашении, ценой которого она хотела вмешаться, затянулись на целые месяцы. Братиано требовал Прут и Тиссу, как свою будущую границу, что означало включение в состав Румынии Буковины и Баната.

С точки зрения своих национальных интересов Россия сильно противилась отдаче Румынии всей Буковины и, как и союзники, не хотела расширить ее границ до самого Белграда, обещав ей весь Банат. Но необходимость — суровый учитель, и мы не могли рисковать тем, что Румыния разрешит Германии перевозить через свою территорию военные припасы туркам. Сазонов первый сделал уступку, согласившись отдать ей бо́льшую часть Буковины, а затем, поддавшись настояниям союзников, он уступил в вопросе и о Банате. Последняя уступка послужила поводом к некоторым условиям, выставленным сэром Э. Греем с целью охраны интересов Сербии и защиты ее столицы, а также к соглашению, что союзные державы компенсируют Сербию, облегчив ее об'единение с Кроацией, если последняя согласится. Далее Сазонов поставил условием, чтобы Румыния выступила в течение пяти недель. Братиано отказался от этого условия. Он соглашался заключить политическое соглашение на вышеприведенных основаниях, но настаивал, что дата выступления должна зависеть от военного положения, и что условия этого выступления должны быть закреплены военной конвенцией.

Военное положение в конце июля было действительно таково, что Братиано был прав, говоря, что выступление Румынии в данный момент повело бы к большому несчастью для нее. Если бы нам удалось завербовать Болгарию на нашу сторону, положение было бы иное: ее вмешательство так улучшило бы дело, что Румыния могла бы решиться на риск выступления. С другой стороны, уверенность в совместном выступлении Румынии облегчила бы значительно наши переговоры с Болгарией. Но мы, как говорил мне Сазонов, вращались в заколдованном кругу. Мы, по его словам, все время старались удовлетворить всех, и это нам не удавалось, потому что, удовлетворяя одно из Балканских государств, мы оскорбляем другое. Мы поэтому должны были решить, которое из них окажет нам самую существенную поддержку, и которое своим присоединением к неприятелю представит для нас наибольшую опасность. Греция пользовалась всяким предлогом, чтобы избежать необходимости помочь Сербии, и поэтому нельзя было надеяться на ее помощь, но если бы она перешла на сторону Германии, ее берега были бы открыты для союзного флота. Сербия, с другой стороны, никогда не заключит договора с центральными державами, и, если бы она не начинала наступления на Австрию, это тоже не имело бы для нас большого значения. Единственным важным фактором была Болгария. Форсирование Дарданелл было вопросом жизненного значения для России и по политическим и по национальным основаниям, и помощь болгарской армии значительно облегчила бы исполнение этой задачи. Он уверял поэтому, что мы должны сконцентрировать все наши усилия, чтобы обеспечить себе эту помощь, даже с риском оскорбить другие государства.

Британское правительство с самого начала учло важность помощи Болгарии, но, несмотря на свои неутомимые усилия, ему не удалось убедить правительства Белграда и Афин в необходимости пожертвовать кое-чем, чтобы заручиться ею. Греция отказалась отдать Кавалу, Сербия заявила, что она не может уступить национальной территории без согласия Великой Скупщины, которую невозможно было созвать из-за войны. Румыния, с другой стороны, соглашалась на уступку, при известных условиях, Добруджи и Балчика. Во время этих переговоров сделалось очевидным, что помощь Болгарии можно купить не меньшей ценой, чем уступкой ей так называемой бесспорной зоны в Македонии. Эта зона по сербско-болгарскому договору 1912 года была признана болгарской, но после второй Балканской войны отошла к Сербии по Бухарестскому миру.

В конце июля было решено, по предложению сэра Эдуарда Грея, что представители союзников в Белграде должны на-

стоятельно посоветовать Сербии согласиться на эту уступку по окончании войны взамен немедленного выступления Болгарии. Они должны были добавить, что союзники обещаются обеспечить Сербии такую обширную компенсацию, которая вполне удовлетворит ее политические и экономические стремления и гарантирует ей сохранение ее территориальной границы с Грецией. С целью придать больше веса этому совету, я получил инструкции испросить аудиенцию и указать его величеству, чтоб он напомнил принцу-регенту, что он в начале войны передал судьбу Сербии в руки царя, и что весь успех войны подвергается опасности, если сербское правительство откажет в нашем требовании.

28 июля царь принял меня в аудиенции, и после того, как я об'яснил ему положение вещей, он сказал, что вполне понимает значение помощи болгарской армии для успеха наших операций в Дарданеллах. Но он не может, однако, послать такой телеграммы принцу-регенту. Совершенно верно, что мы начали войну из-за Сербии, но Сербия была нашим союзником, и мы не очень хорошо с нею обращались. Мы, не спросившись ее, пожертвовали некоторыми ее очень важными интересами с целью удовлетворить Италию, а теперь мы собираемся отдать Румынии Банат. Отказ принца-регента, прибавил царь, поставил бы его в очень затруднительное положение.

Я ответил, что героизм Сербии вызывает наше беспрерывное восхищение, и что мы вполне ценим заслуги, оказанные ею в первые стадии войны, но что уже несколько месяцев она не предпринимает никаких серьезных действий. Союзники, с другой стороны, не переставали приносить огромные жертвы, и Сербия не может ожидать, чтобы поступали так до бесконечности, не требуя жертв и с ее стороны. Как бы мы к ней хорошо ни относились, мы вполне в праве потребовать от нее уступку, которая бы уменьшила срок войны. Во время первой Балканской войны главным об'ектом ее притязаний был выход к Адриатическому морю, а не Македония, а сейчас ее честолюбие будет удовлетворено в такой мере, какой она никогда не ожидала. Более того, Македония принадлежит Сербии только с лета 1913 года, тогда как до этого она была признана болгарской областью царем Александром II в 1877 году и самой Сербией в 1912 г. Кроме того, мы просим у ней сделать лишь необходимое для ее собственного спасения, ибо, в случае присоединения Болгарии к центральным державам, ее собственное существование будет находиться под угрозой.

То, что я сказал, подействовало на царя, и он обещал пересмотреть вопрос, прибавив, что ему легче было бы действовать, если бы король Георг, президент Пуанкаре и итальянский король послали бы такие же телеграммы

принцу-регенту. Сазонов, которому я передал содержание этого разговора, всецело присоединился к просьбе царя, которая затем и была принята. Сазонов заметил также, что он очень рад, что я говорил таким образом, потому что все симпатии царя были на стороне Сербии.

Ответ Сербии на заявление, сделанное ей всеми державами, носил характер компромисса. В принципе она принимала его, но представила ряд ограничений, которые сводили ее согласие на-нет, так как болгары соглашались только на всю бесспорную зону. Союзным договором, заключенным весной 1913 года, Греция и Сербия сговорились не уступать никаких областей к западу от Вардара. Греция, которая рада была избегнуть необходимости оказать помощь, которую она обещалась оказать по договору, требовала выполнения этого пункта; хотя переговоры в Софии и в Белграде продолжались, каждый лишний день делал виды на будущее все безнадежнее и безнадежнее. Позиция России во время второй Балканской войны не была забыта в Софии, а после падения Варшавы и Ковно союзники, казалось, были обречены на неудачу. Король Фердинанд, все время интриговавший с центральными державами, не хотел связывать себя с терпящей поражение стороной, особенно, когда Германия обещала уплатить вдвое, чем давали союзники за ее помощь. Кроме того, наши предложения казались вообще туманными. Только абсолютная уверенность Болгарии в передаче ей бесспорной зоны могла еще остановить ход событий, а в армии была популярна мысль об уплате старого долга Сербии.

О'Беирн, бывший моим советником посольства в Петрограде и погибший потом при поездке с лордом Китченером в Россию, был назначен послом в Софию, к несчастью, слишком поздно, чтобы исправить ошибки своего предшественника. В начале сентября он выразил мнение, что если Сербия отказывает нам в просьбах, она уступит нашим настояниям, — и, по-моему, он был прав. Я лично в нашей беседе с французским послом и с Сазоновым говорил почти в том же духе. Палеолог, напротив, возражал, что мы не можем говорить таким языком и наносить оскорбления союзнику. Ставки, на которые мы играли, были слишком высоки, чтобы чувства какого-либо правительства могли повлиять на нашу политику. Если бы мы только смогли залучить Болгарию на нашу сторону, Румыния связала бы свою судьбу с нами осенью 1915 года. Судьба Турции была бы тогда решена, и весь ход войны был бы изменен. Естественно, пожалуй, что Сербия колебалась уступить казавшуюся ей национальной область, но другое дело, если бы союзные государства приказали ей это. Если бы они настояли на разрешении Болгарии занять бесспорную зону,

сомнительно, пошла ли бы она в последнюю минуту против нас, как бы далеко ни зашел царь Фердинанд в своих переговорах с центральными державами. Если бы мы это сделали раньше, она, конечно, не сделала бы этого. Сазонов делал все возможное при данных обстоятельствах, но он не был уполномочен сказать единственное слово, которое повернуло бы чашку весов в Белграде в другую сторону. Можно было бы внушить и царю, симпатии которого, конечно, были на стороне Сербии, чтобы он разрешил союзниками оказать на нее сильное давление в Белграде.

При том положении вещей, когда Болгария окончательно перешла на сторону центральных держав, а русская армия после долгого отступления была совершенно истощена, нечего было и ожидать выступления Румынии. Еще до сдачи Варшавы царь в аудиенции, о которой я рассказывал выше, заметил, что было бы ошибкой настаивать на ее выступлении раньше, чем русская армия будет в состоянии перейти в наступление. Союзники поэтому должны были удовольствоваться политическим соглашением и отложить срок начала активных действий Румынии до заключения военной конвенции.

ГЛАВА XVII

1915

Русские в Карпатах. — Германские мероприятия против этого. — Макензен принимает на себя командование. — Сдача Варшавы и других крепостей. — Император берет на себя верховное командование. — Влияние жизнь и характеристика Распутина. — Отставка реакционных министров. — Дума. — Резолюция Земского Союза о правительстве, пользующемся доверием нации. — Первые разговоры о мире.

В начале 1915 года русские взяли большую крепость Перемышль и подошли к Кракову на расстояние нескольких миль. Они также перешли Карпаты и начали спускаться на Венгерскую равнину. Но вследствие недостатка снарядов и ружей они не могли закрепить своих побед; зная это, немцы решили изменить положение дела на восточном фронте, перебросив туда несколько армейских корпусов с Запада. В начале мая начал свои операции Макензен, которому было поручено командование австро-германскими силами, и русская армия, подвергнутая ужасной бомбардировке, на которую она не могла должным образом отвечать, и ослабленная снятием войск для обслуживания Карпат, отступила по всей линии.

Пришлось отдать одну за другой с таким трудом завоеванные позиции. В июне были сданы Перемышль и Львов, в августе, очень быстро друг за другом, — Варшава, Ново-

георгиевск, Ковно, Гродно и Брест-Литовск. Потери убитыми, ранеными и пленными во время этого долгого ужасного отступления были колоссальны. Недостаток в ружьях был так велик, что значительный процент солдат стояли безоружными до тех пор, пока им не доставались ружья их убитых товарищей. Еще чудо, что вся армия осталась цела. Один момент Петроград был в такой опасности, что были приняты меры к перевозке архивов и золотого запаса в Вологду. Стоял также вопрос о вывозе художественных сокровищ Эрмитажа, но царь запретил это из боязни вызвать панику. К счастью, продвижение немцев было остановлено, и приготовления к эвакуации столицы были прекращены. Продвижение немцев в Курляндии шло с таким же успехом, и в видах предосторожности рижские фабрики и заводы были переведены на восток. В течение ближайших девяти месяцев русская армия стояла неподвижно на тех позициях, которые она заняла в средине сентября, хотя время от времени и добивалась незначительных местных успехов.

5 сентября, при очень скверном военном положении, царь принял верховное командование армией, назначив начальником главного штаба Алексеева, хотя министры всеми мерами отговаривали его от такого, по их мнению, опасного шага. Союзные правительства, принявши это известие с большими опасениями, конечно, воздержались от выражения своего желания оставить попрежнему верховным главнокомандующим великого князя Николая. Это значило бы вмешаться в вопрос внутреннего характера, по которому царь уже принял определенное решение. Однажды, в феврале 1915 года, мне даны были инструкции войти с ходатайством за очень известного революционера (Бурцев), который, вернувшись в Россию, чтобы заставить своих товарищей прекратить подпольную работу и способствовать успешному продолжению войны, был арестован и приговорен к ссылке в Сибирь. Патриотическое письмо, опубликованное Бурцевым перед поездкой в Россию, произвело, как я частным образом сказал Сазонову, очень благоприятное впечатление в Англии, и все надеялись, что он будет помилован.

Сазонов любезно согласился защищать его перед царем, и его величеству после некоторого колебания было угодно помиловать его. Но, обсуждая вопрос с Сазоновым, царь заметил: «Удивительно, что англичане и французы больше интересуются внутренними делами России, чем русские — внутренними делами Англии и Франции». Это был тонкий намек, что вопросы, касающиеся русского правительства, для нас — запрещенная почва. Я, однако, в аудиенции, которую я имел в начале сентября у царицы, воспользовался случаем и сказал ее величеству, что разделяю опасения совета министров по поводу решения царя. Я сказал, что его ве-

личеству придется нести ответственность за новые неудачи, могущие постигнуть русскую армию, и что вообще совмещать обязанности самодержца великой империи и верховного главнокомандующего — задача непосильная для одного человека. Царица тут же возразила, что царю надо было с самого начала взять командование, а теперь, когда армия переносит столько лишений, его место среди своих войск. «Я не терплю, — продолжала она, — министров, которые пытаются отговорить его от исполнения своего долга. Положение требует твердости. Царь, к сожалению, слаб, но я сильна, и буду такой и впредь». Ее величество сдержала свое слово. Царь, живя в ставке, не мог постоянно встречаться со своими министрами и был слишком занят военными вопросами, чтобы обращать усиленное внимание на все усложнявшееся внутреннее положение. В результате царица фактически управляла Россией, особенно с тех пор, как в феврале 1916 года председателем совета министров был назначен Штюрмер.

Среди других причин, побуждавших ее величество уговаривать царя взять на себя верховное командование, немалую роль играло подозрение, что престиж великого князя, как верховного главнокомандующего, постепенно заслоняет престиж государя. Она в самом деле относилась к нему недоверчиво. С другой стороны, враги великого князя, в числе которых был Распутин, сделали все возможное, чтобы дискредитировать его при дворе, выставляя его неправильное командование причиной всех неудач русской армии. У Распутина, впрочем, было еще особое основание ненавидеть великого князя: в начале войны он телеграфно просил разрешения приехать на фронт благословить войска, на что великий князь ответил: «Приезжайте! Я вас повешу».

Об этой гнусной личности написано так много, что мне почти ничего не остается сказать. В Петербурге циркулировал анекдот, что во время одной из моих аудиенций в Царском, Распутин вошел в комнату; царь хотел меня представить, но я тут же простился и вышел. Нет надобности говорить, что этот, как и другие анекдоты об его поступках и словах являются чистейшим вымыслом. Во многих петроградских салонах он был желанным гостем и центром восторженного кружка набожных дам, несмотря на то, что он был одет мужиком и нарочно ходил немытый и непричесанный. В своей книге о России мой друг Палеолог рассказывает, как он с ним встретился в одном доме, и как Распутин по окончании разговора «прижал его к своей груди». Я никогда не искал с ним такой встречи, потому что не считал нужным входить в личные сношения с ним.

Сын необразованного мужика, родом из сибирской деревни, он получил прозвище Распутина за свою беспутную

жизнь. В русском крестьянине есть любопытное сочетание добра и зла. Он полон противоречий, он может быть любезным и грубым, набожным и порочным. Распутин не представлял исключения из этого правила. У этого чувственного пьяницы скрытый мистицизм его характера был вызван к жизни проповедями священника, которого ему пришлось перевозить в какую-то отдаленную деревню. Он сам называл эту поездку своим путешествием в Дамаск, потому что, как и св. Павел, он услышал голос в пути. Глубоко потрясенный, он поклялся начать новую жизнь. Бродя странником из села в село, он пробирался, проповедывал и исцелял своим магнетическим прикосновением. В одном из монастырей, где он прожил подольше, он научился читать и писать, даже поймал кой-какие обрывки богословия. Несколько лет спустя он ходил на поклонение в Иерусалим.

Этим он постепенно приобрел репутацию святого или старца, обладающего даром исцеления и предсказания. Он, однако, совершил много гадостей и бо́льшую часть времени вел двойную жизнь. Он руководствовался правилом, что только раскаяние приносит спасение, и всем его проповедывал, при чем добавлял, что без греха нет спасения. Поэтому первый шаг по пути спасения — это поддаться искушению. Секта, которую он основал, была сколком с секты хлыстов или бичевальщиков. Члены ее стремились к непосредственному сношению с богом, хотя несколько странным образом. Их служба, которую они совершали ночью, была более похожа на вакханалии древнего Рима, чем на обряд христианской церкви. С пением и криками они вели хоровод, ускоряя шаг при каждом круге, до тех пор, пока, завертевшись в безумной пляске, не падали обессиленные на землю. Далее следовала сцена, которую мы из скромности не будем описывать. Распутин был вполне подходящим первосвященником для такой секты, потому что он пользовался необыкновенным вниманием женщин. Несмотря на его ужасное обращение с ними, они готовы были терпеть от него всякие унижения, лишь бы не покидать его. Одна только женщина отомстила ему и чуть не убила, вонзив ему кинжал в живот.

Слухи о святости Распутина постепенно дошли до столицы, и в 1905 году он был вызван туда довольно известным архимандритом, под покровительством которого он вступил в петербургское общество. У него образовался широкий круг почитателей, в числе которых были две черногорских принцессы, жены великих князей Николая и Петра, и благодаря их услугам он через два года был представлен ко двору. Здесь он постарался выказать только мистическую сторону своего характера. Благодаря ли личному магнетизму или гипнотическому внушению он, несомненно, излечил ца-

ревича, идола обоих своих родителей, от долго мучившей его гемофилии. Уверовав, что Распутин своими молитвами может сохранить жизнь ее сыну, царица сконцентрировала на нем все свои надежды и относилась к нему с чувством, близким к обожанию. Она совершенно отказывалась верить слухам об его распутной жизни, даже когда одна из его пьяных оргий вызвала вмешательство полиции. Для нее он всегда оставался безупречным, богобоязненным человеком, оскорбляемым и преследуемым, подобно древним святым.

Распутин обладал обычной ловкостью русского мужика, но он не был обыкновенным мошенником. Он верил в себя, в свою сверхъестественную силу, в свое умение разбирать предначертания судьбы. Он напугал царицу, что, если его врагам удастся удалить его, царевичу придется худо, так как его присутствие необходимо для того, чтобы последний себя хорошо чувствовал. Он это доказал. Ему нужно было уехать на время в Сибирь, царевичу стало хуже. Осенью 1912 года его болезнь, из-за несчастной случайности, приняла сразу такую острую форму, что жизнь его была в опасности. Распутин, которому сейчас же об этом сообщили, прислал успокоительную телеграмму, уверяя царицу, что сын ее будет жив. Наступило улучшение, мальчик поправился, и царица приписала его выздоровление заступничеству Распутина. Еще более курьезно его предупреждение, что его собственная судьба неразрывно связана с судьбой царской семьи, и через три месяца после его смерти погибло самодержавие.

В тесные сношения с царской семьей Распутин впервые вошел через госпожу Вырубову, дочь Танеева, начальника царской канцелярии. Разведясь после неудачного брака, госпожа Вырубова нашла утешение в религии; она сделалась неразлучной компаньонкой и доверенной царицы, отнесшейся к ней с участием. Одной из первых она почувствовала безусловное доверие к старцу и, как он предугадывал, оказалась бесценным союзником. Она постоянно поддерживала в царице стремление пользоваться его советами, служа посредником между ними, спрашивая его обо всем, переписываясь с ним во время его кратких поездок в Сибирь. Она была полезна и тем, что передавала царице все, что говорили и думали высокопоставленные лица, и с целью вызвать их на высказывание их политических взглядов она говорила, что советуется с ними по поручению их величеств. Слишком ограниченная, чтоб иметь собственное мнение о людях и вещах, она сделалась бессознательным орудием в руках Распутина и тех, с которыми он имел дело. Я ее не любил и не доверял и редко виделся с нею.

Действительная роль Распутина при дворе еще во многом покрыта тайной. Его влияние на царя не было так

велико, как на царицу, и касалось больше вопросов религиозного и церковного характера, чем политических. Он, главным образом, старался устроить на важных постах православной церкви своих друзей и приверженцев и разжаловать тех священников, которые осмеливались говорить с ним не особенно почтительно. Благодаря его протекции в Тобольск был назначен епископом Варнава, один из самых несимпатичных друзей его детства, необразованный мужик, а немного спустя в Петроград был назначен митрополитом Питирим, человек весьма сомнительной нравственности.

Постепенно, однако, он начал играть роль и в политическом отношении. Он был в интимных отношениях с некоторыми очень реакционными министрами, которые в одно и то же время были его покровителями и клиентами. Несколько слов на клочке бумаги достаточно было, чтоб добиться от министров удовлетворения просьб его протеже. С другой стороны, в своих разговорах с царицей и Вырубовой он защищал то, что нужно было министрам, или хлопотал о назначении на то или иное вакантное место министра своего реакционного друга. Этим он косвенно влиял на царя в выборе министров, а следовательно, и в направлении политики. С тех пор, как царь взял на себя верховное командование, и царица сделалась всемогущей, это стало еще более обычным явлением.

Но, хотя доминирующим фактором и было влияние Распутина, политическая жизнь шла по направлению тех, интересам которых он служил и чьи интриги поддерживал. Необразованный и огрубевший от избытка чувственных наслаждений, он вряд ли мог конкретно понимать или направлять политику. Он предоставлял это другим, а сам довольствовался тем, что им руководили. Его основным принципом жизни было себялюбие, и никто не умел лучше его открыть карты тех, кто хотел жаловаться на него царю. Коковцев, один среди многих, напрасно пытался открыть царю глаза на настоящий характер Распутина, в результате чего и получил отставку; а князь Орлов, много лет занимавший пост начальника военной канцелярии царя, по той же причине был внезапно сослан в штаб великого князя Николая на Кавказ.

Тем временем внутреннее положение все ухудшалось и ухудшалось, и общее недовольство ведением войны само собой перешло в нападки на царскую семью. Несмотря на то, что царица, по ее собственным словам, порвала все связи с Германией, ее называли «немкой». В то же время Распутина обвиняли в шпионстве в пользу Германии, — обвинение, строго говоря, не вполне правильное. Он не был в непосредственных сношениях с Берлином. Царь советовался с Распутиным и по военным и по политическим

вопросам, а Распутин имел привычку повторять своим друзьям все, что он слышал в Царском. Таким косвенным путем Германия получала много полезных сведений. Не будучи ее постоянным агентом, он все же оказывал ей не мало услуг, дискредитируя царскую власть и тем подготовляя путь революции.

Положение было таково, что немцы не замедлили его использовать. Они уже начали свою пропаганду мира среди войск на фронте и повсюду разослали своих шпионов. Через одного из них, полковника Мясоедова, которого впоследствии повесили, они получали такие ценные сведения, что не однажды заранее узнавали о предполагаемом на них нападении. Во все время войны Петроград был наводнен их тайными агентами и сочувствующими. Атмосфера вообще была пессимистическая, в обществе постоянно циркулировали преувеличенные слухи о безнадежном положении нашей армии. В Москве было иначе. Там национальный дух все время стремился к новым усилиям, не смущаясь безнадежными известиями с фронта, а антигерманское настроение было так сильно, что в июне все лавки с немецкими фамилиями и те, владельцы которых были заподозрены в сношениях с немцами, были разграблены.

Не сумев во-время удовлетворить требования армии, правительство лишилось доверия народа, и все партии, за исключением крайней правой, были согласны в том, что необходимо прибегнуть к экстраординарным мерам, чтоб усилить производительность. Благодаря инициативе председателя думы Родзянко, царь в начале июня образовал большой комитет, состоявший из представителей армии, Думы и промышленности, имевший полномочия мобилизовать промышленность России для военных целей (Военно-промышленный комитет). Но этого было недостаточно, и Родзянко в то же время обратился к государю с просьбой созвать Думу и очистить правительство от самых реакционных и непригодных министров.

Его величество уступил, и, несмотря на оппозицию камарильи царицы, Маклаков, министр внутренних дел, был замещен Щербатовым, человеком широкого ума и умеренных взглядов. Несколько дней спустя, увидев царя на торжестве спуска на воду боевого крейсера, я попытался убедить его действовать дальше в том же направлении, указав на недавнюю перемену кабинета г. Асквита. В Англии, — сказал я ему, — забыты все разногласия партий, и г. Асквит образовал теперь коалицию из лучших умов страны, считая это наилучшим способом обеспечить успешное ведение войны. Царь согласился, что при таком большом национальном переломе это — единственный путь, и временно, казалось, собирался действовать согласно этому принципу.

Сухомлинов (военный министр), Щегловитов (министр юстиции), Саблер (прокурор святейшего синода) были постепенно отставлены и замещены соответственно Поливановым, Хвостовым и Самариным. Эти назначения царь сделал, будучи в ставке, вдали от непосредственного влияния царицы.

В самом начале своей деятельности Самарин заявил царю, что он не отвечает за управление делами православной церкви, если Распутину будет разрешено влиять на них из-за кулис. Поэтому Распутину был дан намек уехать на несколько недель. Царь согласился также на созыв Думы, и, когда она собралась 30 июля, депутат за депутатом порицали правительство за его непригодность, послужившую причиной таких неслыханных бедствий русской армии. Огромным большинством Дума вынесла решение, чтобы правительство судило Сухомлинова, а один из либеральных депутатов, Маклаков, брат бывшего министра внутренних дел, об'явил, что страна нуждается сейчас в «нужных людях на нужных местах».

С отъездом царя в ставку реакционеры опять взяли верх. 26 сентября Дума была распущена. Два дня спустя наиболее либеральные члены правительства — Сазонов, Щербатов, Самарин, Кривошеин, Барк и Шаховской — обратились к царю с коллективным письмом, умоляя его изменить направление политики и указывая, что им невозможно служить долее с Горемыкиным. Они были вызваны царем в ставку, где им было сказано, что он не может позволить своим министрам вмешиваться в дело выбора председателя совета министров. Так как адрес на этом письме был написан Сазоновым, царица считала его главой этого заговора. Она никогда не простила его и не успокоилась до тех пор, пока не добилась его отставки.

Около того же времени Земский Союз и Союз городов устроили в Москве с'езд, на котором была принята резолюция, требующая немедленного созыва Думы и назначения правительства, пользующегося доверием народа. Каждый союз делегировал трех своих членов для устной передачи этих требований царю. По совету Горемыкина, царь отказался принять их, а вместо этого приказал князю Щербатову вызвать председателей обоих союзов, князя Львова и г. Челнокова, московского городского голову, в Петроград и прочитать им следующее послание: «Я высоко ценю благородную деятельность, проявленную и проявляемую земствами и городами на пользу раненых и беженцев (из местностей, занятых немцами); но я не думаю, чтобы они могли вмешиваться в политические дела, коими ведает правительство. Впрочем, передайте все, что вы хотите сказать, министру внутренних дел, которому приказано доло-

жить мне». Оба делегата ответили, что союзы поручили им передать московские решения непосредственно царю, и что отказ его величества в их приеме будет означать разрыв между государем и народом. Эти слова произвели на князя Щербатова такое впечатление, что он, наконец, согласился вновь передать дело на рассмотрение царя. Он это сделал и сейчас же был уволен. Челноков, человек весьма умеренных взглядов, заявил, что считает недопустимым такое положение, чтобы Россия управлялась таким крайним реакционером, как Горемыкин, и таким пьяным мерзавцем, как Распутин.

Самарин, один из самых популярных и уважаемых членов правительства, разделил судьбу Щербатова. Нужно напомнить, что Распутину удалось добиться назначения своего друга Варнавы епископом тобольским. Поведение последнего вызвало в обществе такое возмущение, что Самарин призвал его к ответу. В результате он сам был уволен.

Вскоре спустя был принужден уйти в отставку другой министр, Кривошеин, который, будучи министром земледелия, проводил в жизнь столыпинские аграрные реформы. Причиной его отставки послужило недовольство реакционной партии его откровенным мнением о положении. Он был моим личным другом, и я часто выражал ему мнение о необходимости об'единить народ посредством временных уступок, а также о вопиющей необходимости децентрализации власти в такой обширной империи. Крайний националист, он, тем не менее, был либерально настроен и был на стороне реформы управления, хотя и сомневался, возможно ли провести широкие реформы во время войны.

В аудиенции, которую я имел во время кратковременного посещения царем Царского в ноябре, его величество очень просил британское правительство снабдить русскую армию ружьями. Если бы оно согласилось, он мог бы сразу выставить под ружье 800.000 человек и нанести сокрушительный удар немцам, изнемогшим от долгой кампании. Если упустить настоящий благоприятный момент, немцы успеют укрепить свои линии, как они успели это сделать на западе, и наступление русской армии тогда будет заранее обречено на неудачу. Положение армии было действительно очень печальное, но я не мог обещать, что мы сможем дать такое количество ружей. Я об этом сожалел тем более, что, как я указал царю, в рядах русских войск, оставшихся беззащитными против врага, росло сильное недовольство.

Я указал также, что, помимо вопроса о снабжении, есть еще вопрос и о доставке; если Россия хочет получать из-за границы необходимые ей военные материалы, она должна принять усиленные меры для достройки Мурманской желез-

ной дороги, которая должна соединить столицу с единственным незамерзающим портом — Александровском. Царь согласился, что заведывание постройкой этой линии нужно поручить энергичному и знающему чиновнику, но не одобрил кандидата, которого я осмелился предложить на этот пост. Однако вскоре он назначил нового министра путей сообщения, г. Трепова, принадлежавшего к крайней правой партии, но выказавшего себя отличным администратором. Благодаря его усилиям дорога была закончена в 1916 году.

Если внутренняя политика царя, внушаемая большей частью царицей и ее непосредственными приближенными, не имеет оправдания, то его поведение относительно Германии было безупречным, как это видно из следующих двух историй, рассказанных мне Сазоновым.

В начале декабря граф Фредерикс, долгие годы бывший министром царского двора, получил письмо от своего друга графа Эйленбурга (великого маршала при берлинском дворе), в котором он заявлял, что они оба должны направить все свои усилия, чтобы положить конец существующему печальному недоразумению между их государями и вызвать сближение, которое дало бы возможность их правительствам заключить почетный мир. Когда царю доложили об этом письме, он велел графу Фредериксу прочитать его, и последний стал его читать на немецком языке. Его величество сразу остановил его, сказав: «Читайте по-русски, я не понимаю по-немецки». Когда граф кончил, царь взял письмо и, подчеркнув место, где граф Эйленбург говорил об «их старой дружбе», написал на полях: «Эта дружба умерла и похоронена». Затем он послал за Сазоновым и велел ему приготовить проект ответа. Когда на следующий день Сазонов принес ему проект, в котором графу Эйленбургу указывалось, что если император Вильгельм хочет мира, он должен обратиться с подобным предложением ко всем союзникам, его величество заявил, что, подумав, он решил оставить без ответа, так как какой бы то ни было ответ, даже отрицательный, будет принят, как признак желания начать переговоры.

Несколько недель спустя царь получил подобные же предложения из другого источника. Некая m-elle Васильчикова, принадлежащая к родовитой русской семье, жила в начале войны на своей вилле в Земмеринге и осталась там и позже. По приглашению великого герцога Гессенского она поехала в Дармштадт, а затем в Петроград с поручением уговорить царя заключить мир. Ей было поручено сообщить, что император Вильгельм готов гарантировать России самые выгодные условия; что Англия уже предлагала Германии сепаратный мир; что примирение между Германией и Россией необходимо из соображений династических.

Великий герцог дал ей письмо к Сазонову, в котором было изложено все вышесказанное, и два открытых письма к царю и царице. По прибытии в Петербург она сразу явилась в министерство и передала Сазонову заявление великого герцога и письма. Сазонов сказал ей, что она поступила неправильно, взяв на себя такое поручение, и царь, которому он доложил об этом деле, был так недоволен, что велел заключить ее в монастырь.

ГЛАВА XVIII

1916

Улучшение в военном положении. — Успех наступления Брусилова. — Румыния опаздывает со вступлением в войну. — Назначение Штюрмера председателем совета министров. — Я получаю почетное гражданство города Москвы.

1916 год знаменует значительное улучшение в деле доставки военного снабжения из-за границы, равно как и производительности отечественной промышленности, так как, благодаря инициативе земств и городских самоуправлений, в различных частях страны были пущены в ход новые предприятия, изготовляющие военное снабжение. Общие военные перспективы были более обещающими. В Армении армия под начальством великого князя Николая Николаевича в разгар зимы продвинулась вперед в гористой, трудно проходимой местности и в конце февраля заняла Эрзерум. На бессарабском фронте русские, всегда готовые оказать возможную для них поддержку своим союзникам, предприняли наступление с целью оказать некоторую помощь доблестным защитникам Вердена, столь ожесточенно теснимым германцами. Хотя это наступление и сопровождалось некоторым успехом, однако оно не дало определенных результатов в виду того, что было предпринято без достаточной подготовки, а также вследствие недостатка аэропланов и других военно-технических средств. С другой стороны, наступление, начатое в июне армией Брусилова с целью облегчения давления австрийцев на итальянском фронте, имело полный успех. Не прошло и месяца, как русские завладели Буковиной и, захватив огромное количество пленных, стали продвигаться вперед в Карпатах.

Если только когда-нибудь представлялся благоприятный момент для выступления Румынии, то этот момент как раз наступил. Ее длительное выжидание дало повод одному французскому дипломату заметить, что она ждет случая «поспешить на помощь победителю»; однако теперь русские были победителями, а она все еще колебалась. Поэтому

генерал Алексеев поставил Бухарест в известность, что, если Румыния упустит настоящий благоприятный момент для выступления, то ее вмешательство в войну будет для России безразличным. В то же время он поставил обещанное отправление русского отряда в Добруджу в зависимость от немедленного наступления Румынии на Болгарию. Румыния отказалась сделать это, хотя, по мнению наилучших военных авторитетов, такая операция была бы для нее совершенно правильной.

Румынский посланник, с которым я обсуждал этот вопрос, указывал на то, что Трансильвания является для Румынии естественной целью, так как она не стремится к захвату болгарской территории. Поэтому он настаивал на том, чтобы все усилия Румынии были направлены именно против Австрии; между тем я старался убедить его, хотя и напрасно, что самый верный путь к завоеванию Трансильвании для Румынии состоит в том, чтобы вывести из боя болгарскую армию. Наконец, Румынии было разрешено итти своим путем, и в конце августа она об'явила войну Австрии. Но было уже слишком поздно. Русское наступление почти совершенно выдохлось; войска устали; артиллерийские снаряды пришли к концу, а подвоз был почти невозможен вследствие транспортных затруднений. Продвижение румын в Трансильвании, происходившее удовлетворительно в течение, примерно, двух недель, внезапно потерпело крушение вследствие наступления австро-германских армий, и румынская армия принуждена была стремительно отступить по всей линии фронта. Кроме того, на юге она понесла серьезное поражение от болгар, на нейтралитет которых она довольно глупо рассчитывала вначале.

Тем временем император в начале февраля расстался с Горемыкиным и назначил председателем совета министров Штюрмера. Дед Штюрмера был австрийским комиссаром на острове св. Елены во время пребывания там Наполеона, а сам он занимал последовательно должности церемониймейстера при русском дворе и ярославского губернатора. Обладая умом лишь второго сорта, не имея никакого опыта в государственных делах, преследуя исключительно свои личные интересы, отличаясь льстивостью и крайней амбициозностью, он был обязан своим новым назначением тому обстоятельству, что был другом Распутина и пользовался поддержкой окружавшей императрицу камарильи. О нем я буду говорить еще ниже, теперь же упомяну, как о факте, показывающем, к какому сорту людей он принадлежал, — о том, что он назначил начальником своей канцелярии бывшего агента охранки Мануйлова, который несколько месяцев спустя был арестован и предан суду за шантажирование банка.

Министр внутренних дел Хвостов, добравшийся до власти, подобно Штюрмеру, благодаря влиянию камарильи, был тогда же уволен в отставку. Причины этого были разоблачены одной из больших петроградских газет, и хотя я не ручаюсь за их точность, но они проливают настолько яркий свет на положение, что заслуживают того, чтобы передать их здесь. Хвостов, как говорят, поссорился со своими прежними друзьями и, будучи человеком честолюбивым, захотел сыграть роль благодетеля народа, избавив Россию от Распутина. Для этого он послал тайного агента Ржевского в Христианию с поручением войти в сношения с бывшим монахом Илиодором, который состоял некогда в дружбе с Распутиным, но в описываемое время был одним из его жесточайших врагов. По обсуждении вопроса во всех подробностях Илиодор и Ржевский должны были убить Распутина и некоторых из его близких. Убийцы, как было условлено, должны были получить за свою услугу 60.000 руб. от министра внутренних дел. Заговор был раскрыт, прежде чем был приведен в исполнение, и Ржевский, арестованный на границе при возвращении в Россию, как говорят, во всем сознался. Верна ли эта история во всех деталях или нет, — во всяком случае остается фактом, что Распутин и Хвостов вступили между собой в борьбу, при чем каждый из них старался всячески дискредитировать другого в глазах императора. В конце концов, Распутин выиграл игру, и Хвостов получил отставку.

В первых числах февраля я получил аудиенцию, на которой я впервые сделал серьезную попытку побудить императора вступить на более либеральный путь. Указав на растущее чувство недовольства, открыто выражаемого всеми классами населения, я сказал ему, что офицеры и даже генералы, возвращающиеся с фронта, заявляют, что пора убрать с дороги всех тех, кто виноват в страданиях армии. Принесенные народом жертвы, говорил я, заслуживают некоторой награды, и я советовал его величеству даровать в качестве акта милости за оказанные услуги то, что было бы унизительно отдать под давлением революционного движения. Не пожелает ли он, — спрашивал я, — воспользоваться настоящим, единственным в своем роде благоприятным случаем связать покрепче созданные войной узы между государем и народом, сделав некоторые шаги навстречу пожеланиям народа?

Посоветовав мне не придавать преувеличенного значения распространяющимся в Петрограде слухам, император сказал, что он вполне оценивает жертвы, принесенные народом, но что время для уступок еще не пришло. «Вы припомните, — продолжал он, — что я в самом начале сказал народу, что он должен напречь все свои силы для войны, и что вопросы о внутренних реформах должны быть отложены до заклю-

чения мира». При прощаньи я сделал еще одну попытку, сказав: «Если ваше величество не можете сделать сколько-нибудь существенных уступок в настоящее время, то не могли ли бы вы, по крайней мере, подать своему народу какой-нибудь знак, который ободрил бы его и позволил бы ему надеяться на лучшее в не столь отдаленном будущем?». Подавая мне руку, император улыбнулся, но не ответил на мой вопрос.

Хотя я и не могу думать, что внушил мысль о форме, в которой это было сделано, однако же, его величество две недели спустя подал некоторый знак, посетив первое заседание открывшейся сессии Думы и произнеся при этом речь, в которой, заявив о том, как счастлив он находиться среди своего народа, он призывал благословение божие на труд народных представителей. То был, как сказал мне тогда же мой друг Сазонов, «счастливейший день в истории России». Но основанным на этом случае надеждам не было суждено осуществиться. Реакционная политика правительства продолжалась без перерыва, и недолгое время спустя отношения между ним и Думой снова сделались натянутыми. В марте пять социалистов-членов Думы были обвинены в организации революционной пропаганды в армии и присуждены к ссылке в Сибирь, хотя, по словам защищавшего их Керенского, их деятельность ограничивалась попыткой парализовать движение в пользу сближения между русскими и германскими реакционерами. В следующем месяце популярный военный министр Поливанов, выказавший себя честным и способным администратором, был уволен в отставку и замещен Шуваевым, полным ничтожеством. Поливанов никогда не пользовался благосклонностью императора, и его отставку приписывали тому обстоятельству, что он был близок с лидером октябристов, Гучковым, который возбудил к себе непримиримую ненависть со стороны императрицы своими жестокими нападками на Распутина в Думе.

В начале апреля я выехал вместе с женой и дочерью на две недели в Крым для отдыха, в котором сильно нуждался. Проведя несколько дней в Севастополе, мы отправились в Ялту, и так как правительство любезно предоставило в наше распоряжение на все время путешествия удобный салон-вагон со спальными местами, а также автомобили, которые нам подавались всякий раз, как мы в них нуждались, то мы могли предпринимать экскурсии во все окрестные местности, представлявшие интерес. Единственное неудобство заключалось в том, что власти настаивали на официальном характере моего посещения Крыма. Где бы мы ни появлялись, нас встречали хлебом-солью и приветственными адресами, на которые мне приходилось отвечать. В ялтинском яхт-клубе я был встречен почетной стражей, состоящей

из гимназистов, обучающихся военной службе, и музыкой, исполнившей английский национальный гимн «Боже, храни короля». В Ливадии, где мы присутствовали на торжестве открытия госпиталя для раненых, основанного императрицей, имена английского короля и королевы были упомянуты в молитвах на православном молебне, предшествовавшем торжеству, и за здоровье их величеств с энтузиазмом чокались присутствовавшие на обеде, последовавшем за открытием. В одной из прелестнейших вилл, которые мы посетили, мы не только были встречены хлебом и солью на серебряном блюде, но и нашли в автомобиле при от'езде ящик с дюжиной бутылок старого бургундского, достоинства которого я воспел, отведав его за завтраком.

Необыкновенно грустно оглядываться назад на эти счастливые дни, отошедшие в вечность, и думать о той нищете и страданиях, которые выпали на долю лиц, оказавших нам так много любезности и гостеприимства.

Спустя несколько дней по возвращении в Петроград, 5 мая, у меня была продолжительная аудиенция у императора, на которой его величество затронул множество разнообразных вопросов. Он начал с вопроса о моем посещении Крыма и о моих прогулках по горам, так как император был страстным любителем прогулок пешком и неизменно приводил в изнеможение всех, кто ему сопутствовал. Затем он перешел к военному положению и к наступлению Брусилова, которое было уже близко к осуществлению. Потом я поднял вопрос о железнодорожном транспорте, обращая его внимание на закупорку сибирской магистрали и на необходимость окончания Мурманской линии в кратчайший срок. Его величество ответил, что он вполне сознает важность устранения закупорки на первой линии, что же касается последней, то он уже говорил министру путей сообщения, что если она не будет окончена к концу года, то он передаст наблюдение за ее сооружением в другие руки. Затем император выразил восхищение доблестной помощью, оказываемой нашими доминионами и колониями, и стал расспрашивать меня о дальнейших шагах, которые мы предполагаем предпринять в направлении федеративного об'единения империи. Наконец, он выразил надежду на установление тесного экономического сближения между Россией и Великобританией после войны. На мое замечание, что такое сближение будет зависеть от того, готовы ли будут русские промышленники отказаться от своего идеала запретительных пошлин на все иностранные товары, император сказал, что так как Россия не сможет сама удовлетворять свои нужды в течение предстоящих долгих лет, то она должна будет стараться развить свою промышленность с помощью британского капитала и британского опыта.

Несколько недель спустя я снова оставил Петроград, следуя давнишнему приглашению английской колонии в Москве отобедать у нее. На обеде присутствовали также городской голова и главнейшие представители гражданской и военной администрации в этом городе. По окончании этого обеда Челноков уведомил меня о намерении городской думы избрать меня почетным гражданином Москвы, — честь, которой удостоились до меня лишь восемь русских и один иностранец.

На следующий вечер я был приглашен вместе с женой и секретарем, «Бенджи» Брюсом, посетить чрезвычайное заседание думы. Зала заседаний, в которую мы были введены, представляла собой длинную комнату с рядами высоких скамей в каждом конце, в которой в одной половине находились члены думы, а в другой — приглашенные гости. Городской голова и члены управы сидели за столом в центре залы, лицом к членам думы, тогда как мы вместе с другими официальными лицами поместились на специально отведенных нам креслах против городского головы. Заседание началось с обсуждения некоторых муниципальных вопросов; когда же они были покончены, то меня пригласили сесть рядом с городским головой. Затем Челноков произнес на русском языке речь, в которой предложил избрать меня почетным гражданином города Москвы «в знак наших симпатий к великому и доблестному британскому народу, а также горячего чувства дружбы и глубокого уважения к почетному гостю Москвы». Предложение было принято par acclamation, и затем Челноков, обращаясь ко мне, спросил, принимаю ли я его. Я выразил согласие заранее заготовленной формулой, произнесенной на русском языке. Горячо пожав мне руку, Челноков вручил мне прелестную икону XV века с изображением Георгия-Победоносца и дракона, как дар города Москвы. В заключение своей речи он сказал, что специальное кресло с выгравированным на нем моим именем будет всегда сохраняться в зале заседаний думы, как постоянное напоминание о моих заслугах и о добром согласии, существующем между нашими странами.

На обращение городского головы я ответил по-французски соответствующей речью, которая была переведена на русский язык Челноковым и вызвала продолжительные рукоплескания; после этого я был представлен всем членам думы и проведен в соседнюю комнату, где был сервирован чай на круглых столах. Здесь меня ожидал новый сюрприз. Заняв место за одним из столов, я нашел перед собой массивную русскую чару в форме шлема, и в ответ на выраженное мною удивление мой сосед сказал мне, что члены думы надеются, что я приму ее в качестве личного подарка от них, после того как они выгравировали на ней

свои имена. После всех этих выражений дружбы и симпатии к нашей стране едва ли можно удивляться тому, что я должен был чувствовать, когда, прощаясь с Челноковым на вокзале, сказал ему, что дело моей жизни завершено, и что англо-русская дружба обеспечена на вечные времена.

Такое впечатление подкреплялось множеством поздравительных телеграмм, полученных мною после своего возвращения в Петроград. Император в телеграмме, адресованной Челнокову, утвердил мое избрание.

Ректор университета по телеграфу выразил удовольствие по поводу моего избрания и заявил, что оно составляет новое звено в цепи дружбы, соединившей Англию и Россию на поле брани. Он извещал далее о моем избрании в почетные члены Московского университета.

25 ноября делегация из Москвы доставила в посольство грамоту об избрании моем в почетные граждане, — прелестный разукрашенный свиток, содержащий приговор думы, а также телеграмму императора, утверждающую мое избрание, вместе с серебряным кубком с именами дарителей. Передавая их мне, Челноков сказал:

«Москва уполномочила меня, дорогой сэр Джордж, передавать вам ее привет и сообщить, что ее чувства симпатии, уважения и дружбы к вам только выросли и укрепились со времени нашего последнего заседания в зале городской думы».

К несчастью, политическое положение в течение протекших с тех пор месяцев настолько изменилось к худшему, что я уже не мог смотреть в лицо будущему с той же уверенностью, как во время своего избрания.

ГЛАВА XIX

1916

Польский вопрос. — Отставка Сазонова. — Назначение Штюрмера министром иностранных дел. — Штюрмер и германофилы. — Мое обращение к императору по вопросу о внутреннем положении.

Почти непосредственно вслед за открытием военных действий в августе 1914 г. император признал целесообразным рассмотреть вопрос о восстановлении Польши и сделать шаги к обеспечению лояльной помощи ее жителям в войне, театром которой суждено было вскоре стать этой стране. С этой целью великий князь Николай Николаевич, по приказу его величества, обнародовал манифест к полякам, предусматривавший дарование широкой автономии. Этот манифест произвел превосходное впечатление, и русские войска при первом вступлении в Галицию встретили дружественный прием со стороны части населения. К несчастью,

примирительная политика, инициатива которой была таким образом положена императором, не была проведена в жизнь местной администрацией Галиции, и симпатии поляков отвернулись от России, вследствие попыток администрации руссифицировать все польское, а также вследствие упорного стремления православных епископов обратить в православие население.

Сазонов, который был с самого начала защитником польского дела, понял, что в интересах России удовлетворить пожелания поляков, провозгласив сразу автономию для восстановленной Польши. В июле 1916 года ему удалось, несмотря на противодействие его реакционных коллег, возглавляемых Штюрмером, добиться поддержки такой политики со стороны императора. Согласно предложенному Сазоновым плану, будущее польское правительство должно было состоять из наместника, совета министров и двух палат и должно было пользоваться полнотой власти во всех вопросах, за исключением армии, иностранных дел, таможенного дела, стратегических железных дорог и общих финансов, которые должны были остаться прерогативой имперского правительства. Штюрмер, находившийся в ставке, опасаясь, что он не получит большинства голосов в совете министров, созванном императором для рассмотрения этого вопроса, отсутствовал на нем под тем предлогом, что ему необходимо было возвратиться в Петроград. 18 июля, когда Палеолог и я имели совещание с Нератовым, товарищем министра иностранных дел, неожиданно появился Сазонов, только что возвратившийся из ставки. Он торжествовал; он одержал победу и был уполномочен императором составить манифест, провозглашающий автономию Польши. Он сказал нам, что уезжает на короткое время в Финляндию для отдыха. Однако Штюрмер только avait reculé pour mieux sauter (отступил, чтобы лучше прыгнуть). Он знал, что добьется лучшего успеха, если будет говорить с императором с глазу на глаз, а не в совете министров, и с этой целью возвратился в ставку. Тем временем он заручился поддержкой императрицы, которая никогда не могла простить Сазонову того, что тот пытался отсоветовать императору принять в свои руки верховное командование, написал его величеству письмо с просьбой уволить в отставку Горемыкина, а также за его хорошо известное нерасположение к Распутину.

Возвращаясь с поездки на острова около 10 ч. вечера 19 июля, я нашел в посольстве ожидавшего меня товарища министра иностранных дел. Он заявил, что пришел сообщить мне, что на следующий день в ставку должен быть послан для подписи императору указ об отставке Сазонова, и что если никто не вмешается в это дело, то для союзников мо-

гут проистечь весьма серьезные последствия, так как Штюрмер наверняка займет место Сазонова. Я спросил Нератова, не имеет ли его посещение целью побудить меня вмешаться, добавив, что так как просить аудиенцию слишком поздно, то я совершенно не вижу, что́ бы я мог сделать. Нератов возразил, что мое вмешательство в такого рода вопрос, равно как и в вопрос о выборе императором министра иностранных дел, несомненно, могло бы скомпрометировать мое положение, но что если ничего не будет сделано, то назначение Штюрмера будет совершившимся фактом в течение 24 часов. После этого он меня оставил.

Обдумав этот вопрос, я телефонировал своим секретарям и отправил следующую телеграмму императору, отосланную мною в шифрованном виде через генерала Генбери Вильямса, нашего военного представителя в ставке:

«Ваше величество всегда разрешали мне говорить столь откровенно обо всех вопросах, которые могут оказать прямое или косвенное влияние на успешный ход войны и на заключение мирного договора, который обеспечил бы мир от возобновления войны на будущие годы, что осмеливаюсь почтительнейше обратиться к вашему величеству по вопросу, который, как я опасаюсь, может в момент, подобный настоящему, значительно усилить трудности, стоящие перед союзными правительствами. Поступая таким образом, я действую всецело по своей собственной инициативе и под своей ответственностью, и я должен умолять ваше величество простить меня за шаг, который, я знаю это, противен всякому дипломатическому этикету.

До меня доходят упорные слухи, что ваше величество намерены отставить г. Сазонова от обязанностей министра иностранных дел вашего величества, и, так как для меня невозможно просить об аудиенции, то я осмеливаюсь просить ваше величество перед принятием вашего окончательного решения взвесить серьезные последствия, которые может иметь отставка г. Сазонова для важных переговоров, происходящих в настоящее время с Румынией, и для еще более настоятельных вопросов, которые будут возникать по мере продолжения войны.

Г. Сазонов и я работали совместно в течение почти 6 лет над установлением тесной связи между нашими странами, и я всегда рассчитывал на его поддержку в деле превращения союза, скрепленного настоящей войной, в постоянный. Я не могу преувеличить услуг, оказанных им делу союзного правительства тактом и искусством, проявленными им в очень трудных делах, которые мы должны были осуществить со времени на-

чала войны. Равным образом я не могу скрыть от вашего величества тех опасений, которые я чувствую, теряя в нем сотрудника в работе, которая нам еще предстоит. Разумеется, я могу совершенно заблуждаться, и, быть может, г. Сазонов уходит в виду нездоровья; в этом случае я тем более буду сожалеть о причине его ухода.

Я еще раз просил бы ваше величество простить меня за настоящее личное к вам обращение».

На следующий день Генбери Вильямс, зачастую и ранее оказывавший мне ценную помощь тактичным проведением многих деликатных вопросов, которые ему приходилось обсуждать со ставкой, телеграфировал, что мое сообщение передано императору, и что он надеется на успех. К несчастью, в ставку тем временем прибыла императрица, и судьба Сазонова была решена. Он находился еще в Финляндии, когда получил собственноручное письмо от императора, в котором выражалась благодарность за оказанные им услуги и говорилось, что так как их взгляды по многим вопросам расходятся, то им будет лучше расстаться.

22-го числа сэр Э. Грей прислал мне следующую телеграмму:

«Ваш поступок вполне заслуживает одобрения. Я благодарю ваше превосходительство за то, что вы столь быстро предприняли этот ответственный шаг».

Я старался держать в совершенной тайне свою телеграмму к императору, но один из наших тюков с почтой, содержавший частное письмо от лорда Гардинга, в котором имелась ссылка на эту телеграмму, впоследствии попал в руки германцев. Не знаю, вследствие ли этого открытия или вследствие пожалования мне почетного гражданства г. Москвы, но именно около этого времени германцы сделали мне комплимент, возведя меня в звание «некоронованного короля России».

Именно назначение Штюрмера впервые внушило мне серьезные опасения за внутреннее положение России. В письме в министерство иностранных дел от 18 августа я говорил:

«Я никогда не могу надеяться на установление отношений доверия с человеком, на слово которого отнюдь нельзя положиться и единственной целью которого является преследование своих личных честолюбивых целей. Хотя личные интересы заставляют его продолжать иностранную политику своего предшественника, однако, судя по всем данным, он является германофилом в душе. К тому же, будучи открытым реакционером, он заодно с императрицей хочет сохранить самодержавие в неприкосновенности.

...Если император будет продолжать слушаться своих нынешних реакционных советчиков, то революция, боюсь, является неизбежной. Гражданскому населению надоела административная система, которая в столь богатой естественными рессурсами стране, как Россия, сделала затруднительным для населения вследствие своей некомпетентности и дурной организации добывание многих предметов первой необходимости даже по голодным ценам; с другой стороны, армия едва ли сможет забыть и простить все то, что она вытерпела по вине существующей администрации. Отставка Сазонова и назначение Штюрмера произвели огромное впечатление на страну и на армию».

Как реакционер с германофильскими симпатиями, Штюрмер никогда не сочувствовал идее союза с демократическими правительствами Запада, опасаясь, что он может стать каналом, по которому либеральные идеи будут проникать в Россию. Однако он был слишком хитер для того, чтобы защищать мысль о сепаратном мире с Германией. Такого совета, как он знал, никогда не снесли бы ни император, ни императрица, и он почти наверняка стоили бы ему портфеля. То же самое можно сказать о дворцовом коменданте генерале Воейкове, специальной обязанностью которого было наблюдение над необходимыми мерами к охране императора. Так как он находился в постоянных сношениях с его величеством, то императрица сделала его своим рупором, и в разговорах с императором он всегда выражал ее взгляды в отношении назначения министров и других вопросов внутренней политики. Но ни он, ни вообще германская клика при дворе никогда не рисковали говорить то, что могло вызвать неприязнь у их величеств. То, что они хотели бы сделать, если бы имели к этому возможность, это — работать в пользу наиболее благоприятных условий мира с Германией с целью восстановления возможно более дружественных отношений с этой страной. Были и другие, которые, подобно тестю Воейкова, графу Фредериксу, министру двора, и камергеру графу Бенкендорфу, брат которого был в течение столь продолжительного времени послом в Лондоне, не были германофилами.

Несмотря на свои близкие отношения с германским двотом до войны, граф Фредерикс, подобно графу Бенкендорфу, был безусловным сторонником союзников. Будучи типичным русским вельможей старой школы, преданным своему государю и принимающим близко к сердцу благо отечества, он понимал опасность того пути, на который вступил император, и не раз пытался подавать умеряющие советы. С другой стороны, Штюрмер, имевший частые аудиенции у императрицы, знал, что он стоит на твердой почве, противясь

всяким уступкам, но в то же время он тщательно скрывал свои германофильские симпатии. Единственная цель этого необычайно честолюбивого человека заключалась в сохранении своего поста; повидимому, он надеялся даже сыграть роль Нессельроде или Горчакова, так как в одном из наших разговоров он совершенно серьезно указал на то, что будущая мирная конференция должна быть созвана в Москве, так что, быть может, он будет призван председательствовать на ее заседаниях.

В сношениях со мною Штюрмер был всегда учтив и корректен; но то обстоятельство, что мы оба не доверяли друг другу, часто делало наши отношения несколько натянутыми. Спустя недели три после того, как он принял на себя обязанности министра иностранных дел, я имел с ним серьезное столкновение. Одна реакционная газета, которая, как я имел основания думать, была инспирирована кем-нибудь из его присных, поместила статью с оскорбительными нападками на британскую армию, в которой говорилось, между прочим, что она продвинулась вперед всего на двести ярдов в течение двух лет. Я заявил Штюрмеру протест, указав на чудовищность того обстоятельства, что подобная статья могла быть пропущена цензором, и потребовал публичного опровержения и извинения со стороны автора, некоего Булацеля. Штюрмер колебался, говоря, что он бессилен в такого рода деле. Я настаивал, и он, в конце концов, сказал, что пришлет ко мне Булацеля. Когда этот последний зашел ко мне, то я сказал ему, что я думаю о нем и его газете; но мне понадобился целый час, чтобы заставить его поместить опровержение, заготовленное мною для сообщения печати. В тот же день попозже Штюрмер просил меня по телефону смягчить тон этого опровержения, но я согласился только на то, чтобы выкинуть одну фразу, которая, как я боялся, могла бы оскорбить чувства наших друзей в русской армии.

В октябре я посетил в первый и единственный раз императорскую ставку в Могилеве. За несколько недель до того я получил предписание известить морского министра о том, что король желает пожаловать знаки большого креста ордена Бани адмиралу, командующему балтийским флотом, в знак особого внимания к русским морским силам. Адмирал Григорович возразил, что главнокомандующий балтийского флота равен по положению главнокомандующему черноморского флота, и что пожалование знака отличия одному с обходом другого создало бы нежелательное впечатление неравенства. В виду этого я предложил просить императора, как верховного главнокомандующего всеми русскими сухопутными и морскими силами принять орден в знак высокой оценки королем услуг, оказанных русских флотом. Этот

совет был принят, и когда император был запрошен об этом, то он прислал мне теплое письмо, извещая о своем согласии и приглашая в то же время приехать в ставку, как только я получу знаки отличия, взяв с собою столько лиц из состава моего посольства, сколько я сочту нужным; второе и еще более настойчивое приглашение пришло ко мне через несколько дней. Поэтому, как только знаки отличия прибыли, я попросил Штюрмера известить меня, когда будет угодно его величеству принять меня. Штюрмер, которому была совсем не по вкусу мысль о том, что я буду видеть императора один, тотчас же ответил, что так как он сам собирается ехать в ставку через несколько дней, то он хотел бы устроить, чтобы мы выехали туда вместе. Я ответил, что это было бы для меня всего приятнее, но что так как император дал мне понять, что я должен приехать немедленно, то я вынужден просить его испросить повеление императора без дальнейшего отлагательства. Ответ был такой, какой я предвидел, и так как Штюрмер не мог лично присутствовать на моей аудиенции, то он предпринял иные шаги для того, чтобы вставить мне палки в колеса.

Я приехал в Могилев 18 октября в сопровождении генерала Нокса и капитана Гренфеля, наших военного и морского атташе, а также Брюса, управляющего канцелярией. Император тотчас же принял нас в короткой частной аудиенции, и после того, как я, произнеся соответствующую речь, вручил ему знаки большого креста ордена Бани, его величество беседовал с нами еще около 10 минут. Императрица, которая прибыла вместе со своим дочерьми за несколько дней до того, не присутствовала за завтраком, поданным после нашей аудиенции. Вместо того, чтобы быть усаженным возле императора, как это было в обычае при такого рода официальных случаях, я оказался между великой княжной Ольгой и одной из ее сестер, так что для меня было невозможно разговаривать с его величеством. После завтрака составился свободный кружок; но так как генерал Генбери Вильямс сказал мне, что император наверняка пригласит меня для беседы в свой рабочий кабинет, то я не пытался приблизиться к нему. Поговорив с некоторыми из прочих своих гостей, его величество подошел ко мне и в теплых выражениях поблагодарил за мой приезд.

Когда он уже прощался со мною, я взял на себя смелость прервать его, сказав, что хотел бы поговорить с ним о кое-каких вещах; получив на это разрешение, я сказал, что его величество вскоре будет принимать в прощальной аудиенции японского посла по случаю его назначения министром иностранных дел в Токио. Виконт Мотоно очень хорошо расположен по отношению к России, и его величе-

ство может с успехом использовать его могущественное влияние для помощи России. Япония уже снабдила русскую армию оружием и амуницией, и в настоящее время как раз возможно, что ее можно было бы побудить послать контингент войск на русский фронт, если бы ей была предложена существенная компенсация. Одобряя эту мысль в принципе, император спросил, не могу ли я сделать каких-нибудь указаний на характер компенсации. Я ответил, что я не могу сделать определенного предположения, но что я скорее делаю вывод из одного замечания, сделанного виконтом Мотоно в одном из наших недавних разговоров, что для его правительства была бы весьма приемлема уступка русской, т.-е. северной, половины Сахалина. Император сразу же сказал, что об этом нечего и говорить, так как он не может уступить ни одной пяди русской территории. Я отважился напомнить его величеству знаменитое изречение Генриха IV: «Париж стоит обедни», но без успеха. Когда я увидел, что императору не совсем по себе, я не пытался продолжать разговора и спросил в заключение, не предполагает ли его величество возвратиться в Царское. «Да, — ответил император, — я надеюсь там быть через несколько недель, и я буду очень рад вас видеть. У нас с вами будет тогда длинная беседа».

Штюрмер и его могущественные придворные друзья, подозревавшие меня в том, что я работаю против них, старались устроить так, чтобы я не мог иметь частной беседы с императором. Однако, что меня удивило всего больше после выражения его величеством горячей благодарности за внимание, оказанное его флоту, так это то, что он за завтраком не поднял бокала, как этого требовал обычай, за здоровье короля и не надел знаков ордена Бани.

Что Штюрмер боялся, как бы я не использовал своего влияния на императора во враждебном ему направлении, было очевидно из перемены его тактики, когда я попросил через несколько недель обещанной мне аудиенции. Мне случилось быть у него на обеде в честь виконта Мотоно, отъезжавшего японского посла, вечером того дня, когда я написал ему, что император выражал желание видеть меня по своем возвращении в Царское. К моему большому удивлению, я удостоился на этот раз впервые самого лестного приема как со стороны хозяина, так и хозяйки. В ответ на восхищение, выраженное мною по поводу цветов на обеденном столе, последняя спросила меня, какие из них нравятся мне всего больше, и два растения, на которые я указал без всякой задней мысли, были присланы на следующее утро в посольство. После обеда Штюрмер подошел ко мне и сказал по-французски: «Вы видите, г. посол, что ваши опасения по поводу назначения г. Б. (отъявленный

германофил, против назначения которого на высокий пост в министерство иностранных дел я недавно протестовал, были неосновательны. Я глубоко сожалел бы, — продолжал он, — если бы сделал что-нибудь такое, что не встретило бы вашего одобрения. Мое сильнейшее желание состоит в том, чтобы мы всегда работали вместе в самых близких отношениях и с полным доверием, и чтобы вы и впредь на многие годы продолжали представлять вашего государя в Петрограде».

На самом деле меня просили двое из членов императорской фамилии сделать попытку убедить императора порвать со Штюрмером в виду того, что он не пользуется доверием союзных правительств, и позондировать у его величества почву относительно возможности возвращения Сазонова. Я намерен был сделать это, но Нератов, товарищ министра иностранных дел, предостерег меня, сказав, что поднимать этот вопрос было бы преждевременно. Поэтому я ограничился при своей аудиенции настойчивым указанием на рост германского влияния и на антибританскую кампанию, а также на серьезность внутреннего положения. Если, говорил я императору, я предпринял столь серьезный шаг по поводу нападок Булацеля на британскую армию, то это потому, что, как мне известно, его газета субсидируется могущественной антибританской кликой. Эта кампания ведется не только в Петрограде, но и в Москве и других городах, и я имею основание думать, что германофилы в России работают в пользу мира, благоприятного для Германии, и пытаются убедить общество, что Россия ничего не выиграет от продолжения войны. Император ответил, что тот, кто заводит такие речи, когда некоторые русские области находятся еще в руках врага, изменник. Напомнив мне свое заявление в начале войны, что он не заключит мира, пока последний неприятельский воин не покинет русской земли, он сказал, что ничто не заставит его щадить Германию, когда придет время для мирных переговоров. Москва, прибавил он, дала явственное доказательство чувств, питаемых Россией к Великобритании, избрав меня почетным гражданином, и мне нечего беспокоиться.

Когда я спросил, не обдумывал ли он вопроса о выпрямлении русских границ за счет Германии, его величество ответил, что он боится, что ему пришлось бы удовлетвориться и нынешними границами, как они ни плохи. Германцы должны быть изгнаны из Польши, но русское наступление внутрь Германии стоило бы слишком тяжелых жертв. Его целью всегда было создание об'единенной Польши под протекторатом России, как буферного государства между Германией и Россией; но он не питает в настоящее время никакой надежды на включение Познани

в Польшу. Затем я решился спросить, правда ли, что в беседе, которую имел Протопопов с германским агентом в Стокгольме, последний утверждал, что если бы Россия захотела заключить мир, то Германия эвакуировала бы Польшу и не возражала бы против присоединения к России Константинополя. Император ответил, что он совершенно не может припомнить, сделано ли было такое заявление Протопопову, но что он действительно читал его в донесении одного из своих агентов. Он прибавил, что я могу быть уверен, что такого рода предложение не имело бы для него никакого значения.

В дальнейшей беседе я указал на глубокое недовольство, господствующее во всей стране и вызванное сокращением доставки съестных припасов и разрухой, которая уже проникла в Петроград. Министр путей сообщения, говорил я, сказал мне недавно, что левые партии пытаются использовать положение с целью добиться политических уступок от правительства, но, как я ни люблю и ни уважаю г. Трепова, я не могу согласиться с его взглядом на этот вопрос. Это не политический вопрос в строгом смысле слова, и это не движение в пользу конституционной реформы. Я верю, что власти не прибегнут к репрессивным мерам, так как недовольство вызвано сознанием того, что в столь богатой стране, как Россия, трудящиеся классы не могут получить предметов первой необходимости вследствие неспособности администрации. Я не мог также скрыть от его величества того факта, что, согласно донесениям, полученным мною от наших консулов, крестьянство, всегда считавшее императора непогрешимым, начало терять веру в него, и что самодержавие теряет почву вследствие непредусмотрительности его министров.

Император, имевший несколько смущенный вид, когда я ему говорил это, спросил меня относительно петроградских стачек; но я не был в состоянии сообщить ему сколько-нибудь точных данных относительно того, что произошло в действительности, когда были призваны войска. Он допускал, что продовольственный вопрос стал очень серьезным, но министры внутренних дел, земледелия и путей сообщения, взявшие это дело в свои руки, сумеют — он верит в это — упорядочить его. Он обошел молчанием мои указания на неспособность администрации и после полуторачасовой беседы простился со мною по своему обыкновению дружески.

ГЛАВА XX

1916

Антибританская кампания германцев. — Назначение Трепова председателем совета министров и Покровского — министром иностранных дел. — Политика императрицы и ее мотивы. — Убийство Распутина. — Перемена правительства в Англии.

О росте германского влияния можно судить на основании следующей выдержки из моего письма в министерство иностранных дел от 18 октября:

«Я не хочу впадать в излишний пессимимзм, однако я никогда, со времени начала войны, не чувствовал себя столь подавленным сложившимся здесь положением, особенно же, имея в виду будущее англо-русских отношений. Германское влияние сделало огромные успехи с тех пор, как Сазонов оставил министерство иностранных дел.

Германцы, которые в начале войны и даже вплоть до совсем недавнего времени заявляли, что мы заставляли Россию нести всю тягость войны, теперь переменили тактику. Теперь они изображают Великобританию с ее морскими силами и новой армией как будущую мировую силу, желающую продолжать войну для удовлетворения своего собственного непомерного честолюбия.

«Это Великобритания, — неустанно повторяют они, — принуждает Россию продолжать войну и запрещает ей принять благоприятные условия мира, которые готова предложить Германия, и потому именно Великобритания ответственна за лишения и страдания русского народа»...

Потери, понесенные Россией, столь колоссальны, что вся страна охвачена печалью. В недавних безуспешных атаках у Ковеля и в других местах принесено в жертву без всякой пользы столь много жизней, что это дало новую пищу тому взгляду, что продолжение борьбы бесполезно, и что Россия, в противоположность Великобритании, ничего не выиграет от продолжения войны. Бороться с этой клеветнической кампанией гораздо труднее, чем со старой ложью относительно нашего первоначального бездействия.

Г. Уалпол, выполняющий, как вы знаете, столь блестящую работу в нашем информационном бюро, весьма озабочен доходящими до него слухами и просил меня опубликовать какое-нибудь сообщение с целью парализовать влияние этой германской пропаганды».

В начале ноября только что организованное Англо-Русское общество устроило в день своего открытия собрание под председательством М. Родзянко в городской думе. Так как мне пришлось там говорить, то я воспользовался случаем, чтобы показать, как старается германская партия в России

отравить общественное мнение и направить его против Великобритании; как она изображает дело так, будто мы вовлекли Россию в войну; как она обвиняет нас в продолжении войны с целью господства над миром и эксплоатации России. Указав, что вся эта ложь распространяется с целью подорвать наш союз и проложить путь к преждевременному миру, я закончил:

«Не только на полях сражений Европы должна продолжаться война до победного конца. Окончательная победа должна быть также одержана над еще более коварным врагом в нашем собственном доме».

Несколько дней спустя открылась Государственная Дума, и Милюков в исторической речи заклеймил Штюрмера, как изменника, тогда как Пуришкевич, который был два года тому назад ультрареакционером, приглашал министров в страстной речи броситься на колени перед императором, сказать ему, что дело так дальше итти не может, умолять его освободить Россию от Распутина и от всех темных влияний, которые предают ее.

В письме, написанном мною в министерство иностранных дел, от 16 ноября, я говорил:

«Собрание в день открытия нашего нового Англо-Русского общества, состоявшееся на последней неделе, имело большой успех, и моя речь встретила очень хороший прием как здесь, так и в Москве. Вчера в Думе Великобританию особенно горячо приветствовали аплодисментами, и, как заметил кто-то, это был «английский день». В это утро, когда мы обсуждали вопрос об опубликовании нашего соглашения относительно Константинополя, Штюрмер сказал Палеологу, не получившему никаких инструкций по этому вопросу: «Вы видели, какой горячей овации удостоился ваш британский коллега вчера в Думе. Это случилось, вероятно, благодаря тому, что члены Думы слышали, что правительство его величества согласно на передачу России Константинополя». Не могу об'яснить, почему он заявил это, когда он знает очень хорошо, что причиной сочувственной нам демонстрации было то обстоятельство, что мы подвергаемся нападкам со стороны германофильской партии.

Когда Палеолог и я собрались уходить, то Штюрмер попросил меня остаться. Сказав мне, что он предполагает возбудить судебное дело против Милюкова за речь, в которой последний обвинял его в измене, он обратил мое внимание на следующие два места в этой речи:

... «Чтоб выяснить все пути и средства германской пропаганды, о которой недавно так откровенно говорил сэр Д. Бьюкенен, нам необходимо произвести законченное расследование»...

...«Вот почему я не удивился, когда услышал от британского посла серьезное обвинение против известной группы людей, желающих подготовить почву для заключения сепаратного мира».

Он спросил затем, сказал ли это Милюков с моего разрешения, так как иначе ему не было бы надобности называть меня. Я возразил, что я не разговаривал с Милюковым со времени своей речи, но что я не могу быть в претензии за его ссылки на мои слова, сказанные на собрании, на котором он присутствовал. Я должен был ответить в этой речи на нападки, которым подвергается моя страна, и я лишь дословно воспроизвел то, что говорилось о Великобритании как в Петрограде, так и в Москве. Штюрмер заявил, будто он не читал моей речи, и спросил, какие лица являются лидерами антибританской кампании. Когда я ответил, что именно это я и стараюсь установить, он попросил меня поставить его в известность, если я узнаю что-нибудь об этом...

Если произойдут волнения, то, как мне передают, армия откажется сражаться. Если волнения возникнут, то они будут вызваны скорее экономическими, чем политическими причинами, и начнут их не рабочие на фабриках, но толпы, стоящие на морозе в очередях у продовольственных лавок».

Штюрмер пал прежде, чем началась буря, которую он вызвал. В течение короткого пребывания императора у императрицы Марии Федоровны в Киеве последняя говорила с ним столь серьезно относительно политического положения, что по возвращении в ставку в конце ноября его величество решил расстаться со Штюрмером. Императрица Александра Федоровна, по настоянию которой Штюрмер был приглашен, пыталась спасти его, но безуспешно. Ей удалось, однако, предотвратить сколько-нибудь радикальную перемену политики. Ее величеством, к несчастью, владела мысль о том, что ее призвание заключается в спасении России. Она думала, что самодержавие есть единственный режим, который может обеспечить единство империи. Она знала, что император был слаб, и потому она внушала ему твердость. Она неоднократно повторяла ему, что он должен быть самодержцем не только по имени, но и на деле. Желая помочь ему и хоть отчасти облегчить ему бремя двойной роли самодержца и верховного главнокомандующего, она приняла активное участие в управлении страной и, защищая политику «напролом», была искренно убеждена, что действует в интересах России. Она находилась до такой степени под властью мысли о недопустимости какого бы то ни было ослабления самодержавия, что противилась всяким уступкам, советуя в то же время императору считаться при выборе своих

министров в большей степени с их политическими убеждениями, нежели с их деловыми способностями.

Слабый всегда уступит сильному, — и император подпал всецело под ее влияние. Небольшая же клика бессовестных эгоистов и авантюристов в свою очередь оказывала влияние на ее величество, пользуясь ею в качестве бессознательного агента для проведения своих личных политических целей и для удовлетворения своего честолюбия. В особенности же она руководилась указаниями Распутина, когда подавала советы императору, а так как она не обладала здоровьем, ибо под влиянием тягостей войны, беспокойства за сына и переутомления от работы в госпиталях она впала в состояние невроза, то она все более и более подчинялась гибельному влиянию Распутина.

Штюрмера на посту председателя совета министров сменил министр путей сообщения, который при всей своей реакционности был, однако, сторонником разумных реформ; в то же время министром иностранных дел был назначен Покровский. Последний, будучи человеком широкого ума, честным и интеллигентным, придерживался умеренных взглядов и был признанным авторитетом в финансовых и экономических вопросах; он выказал себя превосходным министром. Однако, как ни были удачны эти и еще несколько менее важных назначений, все же никакое правительство, членом которого был Протопопов, не могло работать в согласии с Думой. Принадлежа к октябристам, или умеренно-либеральной партии, Протопопов был товарищем председателя Государственной Думы и возглавлял делегацию Думы и Государственного Совета, посетившую Францию и Англию летом 1916 года. На обратном пути он имел беседу в Стокгольме с германским финансистом Варбургом, серьезно его скомпрометировавшую. Его об'яснения не удовлетворили Думы, и, увидев, что он лишился всякой поддержки этой палаты, он решил переметнуться на сторону придворной партии. Он подружился с Распутиным и Питиримом, а так как на аудиенции, которую он получил для доклада о посещении делегацией Лондона и Парижа, его вкрадчивые манеры произвели благоприятное впечатление на императора и императрицу, то благодаря влиянию названных лиц он был назначен министром внутренних дел. Его не вполне нормальный, неуравновешенный ум вскружился от неожиданно попавшей в его руки власти, и он пошел по пути ультрареакционной политики, которая, в связи с тем, что он являлся политическим ренегатом, сделала его невыносимым (bête noire) для Думы. Трепов, сознававший это, пытался при своем назначении председателем совета министров убедить императора уволить в отставку Протопопова и добился бы успеха, если бы не вмешалась императрица. После этого

он пытался выйти в отставку, но его величество отклонил ее.

2 декабря, накануне заседания Думы, на котором Трепов должен был выступить с политической декларацией, Протопопов зашел ко мне. Он начал с выражения сожаления о том, что его прежние друзья, в особенности же Родзянко, повернулись к нему спиной, даже не говоря ему, чем именно он заслужил такого обращения. Император, продолжал он, выразил желание, чтобы он остался, и его долг — повиноваться приказу его величества. Он знает, что на него будут нападать в Государственной Думе, но он этого не боится. Он сумеет ответить своим обвинителям. Тем не менее, однако, достойно большого сожаления, что в момент, подобный настоящему, члены Думы ссорятся между собой. Не мог ли бы я, спросил он, воспользоваться своим влиянием на Родзянко, чтобы побудить его посоветовать членам Думы воздержаться от личных нападок на него. Я ответил ему, что так как Дума собирается на следующий день, то у меня не будет случая повидаться с Родзянко. Однако я могу сказать ему, что я совсем недавно в разговоре как с членами правительства, так и с членами Думы подчеркивал необходимость отложить в сторону свои партийные и личные несогласия и отдаться всем совместной работе на общее благо.

Первое заседание Думы при открытии сессии было очень бурным, и Трепов, встреченный криками и свистом, должен был трижды оставлять трибуну, прежде чем получил возможность говорить. Я был очень поражен его терпением и выдержкой и почувствовал, что Дума сделала большую ошибку и нанесла вред самой себе. Его политическая декларация была очень удовлетворительна, и он подчеркивал как необходимость продолжения войны до победного конца, так и борьбы с германцами и на поле сражения и внутри страны; однако Дума продолжала держаться враждебно, и даже заявление о соглашении относительно Константинополя, которое уполномочили его сделать союзные правительства, было встречено совершенно равнодушно. Дума и общество были до такой степени захвачены внутренним кризисом, что они не могли думать ни о чем другом. Кроме того, имя Трепова было столь тесно связано с событиями 1905 года, что левые смотрели на его назначение только как на смену лиц, а не системы, и не хотели ничего брать из его рук. Протопопов, подвергшийся сильным нападкам, не имел мужества после всего, что произошло, встретиться лицом к лицу с ожидавшим его приемом. Вместо того он уехал в ставку, а по своем возвращении слег в постель и заявил, что он серьезно болен. Однако он написал письмо в «Новое Время» с об'яснением, что стокгольмская беседа имела место по спе-

циальному требованию русского посланника, — утверждение, оказавшееся чистой выдумкой с его стороны.

Даже реакционный Государственный Совет заговорил почти языком Государственной Думы, протестуя против тайных влияний в высоких местах. Та же самая нота послышалась и на с'езде об'единенного дворянства — одной из наиболее консервативных организаций России, — тогда как во всех концах империи раздались голоса, осуждающие темные силы, окружающие трон и назначающие и увольняющие министров. За исключением экстремистов, Россия еще раз представляла собою одно целое; однако, тогда как в начале войны она об'единилась вокруг императора, теперь непроходимая стена выросла между государем и народом.

В декабре некоторые члены императорской фамилии попытались открыть глаза императрице на истинный характер Распутина и на всю серьезность положения. Среди них была старшая сестра ее величества великая княгиня Елисавета, которая со времени убийства ее супруга, великого князя Сергея Александровича, жила всегда вдали от мира в качестве старшей сестры небольшого монастыря, основанного ею в Москве. Она явилась в Царское, решившись сделать последнее усилие, чтобы спасти сестру, которую она любила. Однако, веры императрицы в человека, которого она считала орудием, избранным богом, нельзя было поколебать, и, выслушав нетерпеливо речь великой княгини, она прекратила разговор. Две сестры расстались, чтобы никогда не встретиться больше.

Несколько позже вторую попытку сделала великая княгиня Виктория, жена великого князя Кирилла. Она не назвала Распутина по имени, но, поговорив очень откровенно об общем положении, она приглашала императрицу изменить свою позицию ради императора и династии. Ее величество была очень нежна по отношению к великой княгине, но сказала, что положение требует твердости, и что она не намерена заставлять императора делать дальнейшие уступки. Она должна быть тверда как раз в интересах династии, и ничто не заставит ее пожертвовать Протопоповым. Она утверждала, что армия не только не враждебна, но вполне лояльна по отношению к императору. Затем она сильно нападала на Сазонова, жестоко критикуя его политику по отношению к полякам, и в заключение сказала, что он не был другом императора. Одною из причин, почему императрица думала до последней минуты, что армия и крестьянство на ее стороне, и что она может рассчитывать на их поддержку, было то, что Протопопов распорядился о присылке ей вымышленных телеграмм со всех концов империи, подписанных фиктивными лицами и заверявших ее в их любви и поддержке.

После столь многих безуспешных попыток освободить Россию от человека, который всеми считался ее злым гением, положение Распутина казалось неприступным. Освобождение пришло с совершенно неожиданной стороны, и утром 30 декабря Петроград был взволнован известием об его убийстве. Тремя главными действующими лицами в этой исторической драме были: князь Феликс Юсупов, Пуришкевич (бывший реакционер, нападавший на Распутина при открытии сессии Думы) и великий князь Дмитрий Павлович. Роль последнего была чисто пассивной, и его присутствие означало, повидимому, его одобрение тому, что они все трое считали законной смертной казнью. Распутин, к которому была приставлена специальная полицейская охрана, повидимому, предчувствовал опасность, и князю Феликсу, приехавшему за ним в своем автомобиле, стоило некоторого труда убедить его приехать к нему на ужин во дворец Юсуповых. Здесь его ждал ужин, напоминающий пиры Борджиа, с отравленными пирожками и вином. Распутин отведал и тех и другого, но без всякого вреда для себя. Напрасно прождав действие яда, князь поднялся и, извинившись, поднялся по витой лестнице в комнату в верхнем этаже, где ожидали великий князь, Пуришкевич и доктор. Взяв у великого князя револьвер, он спустился обратно к Распутину, и, когда последний рассматривал старинное хрустальное распятие на одной из стен, он выстрелил в него сзади в левое плечо. Услышав выстрел, трое остальных участников спустились вниз, и доктор констатировал начало предсмертной агонии. Затем они удалились, чтобы сделать приготовления к удалению тела. Но Распутин не был убит. Поднявшись и отбросив князя Феликса, когда последний по возвращении из столовой наклонился над ним, он выбежал через коридор во двор. Здесь его окончательно добил выстрелами Пуришкевич. Тело было отвезено в автомобиле на Крестовский остров и сброшено в Неву через прорубь. Благодаря кровавым пятнам, оставшимся на снегу, оно было открыто на следующее утро. Несколько дней спустя Распутин был погребен ночью в Царском в присутствии императора и императрицы, митрополита Питирима и Протопопова.

Смерть Распутина была жестоким ударом для императрицы. Все надежды, которые она на нем сосредоточила, рухнули, и она стала опасаться каждую минуту осуществления сделанного им предсказания о гибели династии в том случае, если его не будет. По ее приказанию великий князь Дмитрий и князь Феликс были подвергнуты аресту, хотя свобода от ареста была признанной прерогативой всех членов императорской семьи. Император немедленно возвратился из ставки и сказал великому князю Павлу, который просил разрешения для своего сына на переезд в его дворец, в Цар-

ское, что «императрица не может разрешить этого в настоящее время». Несколько дней спустя великий князь Дмитрий был отправлен в Персию, а князю Феликсу Юсупову было предписано выехать в свои подмосковные имения.

11 января члены императорской фамилии сошлись во дворце великой княгини Марии Павловны и подписали коллективное письмо, в котором они испрашивали прощения императора великому князю Дмитрию. В то же время они в почтительных выражениях указывали на опасности, которыми чревата внутренняя политика его величества как для России, так и для династии. Они получили следующий уничтожающий ответ: «Никому не дано право убивать. Я знаю, что у многих совесть нечиста, так как не один Дмитрий Павлович замешан. Я удивляюсь вашему обращению ко мне».

Убийство Распутина, хотя и вызванное патриотическими мотивами, было фатальной ошибкой. Оно заставило императрицу решиться быть более твердой, чем когда-либо, и оно было опасным примером, так как побудило народ приняться за осуществление своих мыслей на деле. Оно сделало, кроме того, более затруднительным для императора вступить на путь уступок, даже если бы он был к этому расположен, так как в этом случае он дал бы возможность подозревать, что он уступил, опасаясь убийства. По словам Родзянко и других, его величество был на самом деле очень расположен избавиться от Распутина, но я не могу сказать, так ли это. К концу года внутреннее положение ухудшилось почти до последних пределов возможного, так как всеобщее недовольство было еще усилено запрещением с'езда Земского Союза в Москве и перерывом сессии Думы с целью предупреждения дальнейшего обсуждения этого воспрещения.

Происшедшая незадолго до того перемена правительства в Англии не произвела благоприятного впечатления в Петрограде, и императрица, как передавала мне одна из великих княгинь, отзывалась о некоторых его членах весьма презрительно. Я попытался улучшить это впечатление в речи, произнесенной в Английском клубе в канун Нового года, указав на то, что когда страна втянута в борьбу не на жизнь, а на смерть, то она должна вверять свои судьбы в руки людей, обладающих необходимой силой ума и энергией для продолжения борьбы с напряжением и успехом; правда, у меня была лишь слабая надежда на то, что этот урок будет принят к сердцу правителями России. Одной из перемен в правительстве, наиболее интересовавших политические и официальные круги в Петрограде, был уход виконта Грея, — звание, полученное теперь сэром Эдуардом. В течение долгих лет своего управления министерством он сделал так много для того, чтобы развить и поддержать тесный контакт с Россией, он оказал ей так много услуг

в течение критических годов, предшествовавших войне, а во время самой войны выказал столько готовности итти навстречу ее желаниям, что его уход из министерства иностранных дел означал для России потерю друга. Сверх того, он добился столь выдающегося положения среди государственных людей Европы, его слово имело столько веса, его сильный и прямой характер, равно как и талантливое руководство делами внушало столько доверия, что всем чувствовалось, что в его лице Антанта потеряла одного из наиболее ценных деятелей. Никто не почувствовал с такой силой эту утрату, как я, служивший под его начальством свыше 10 лет.

ГЛАВА XXI

1917

Отставка Трепова. — Назначение Голицына председателем совета министров. — Моя последняя аудиенция у императора. — Союзная конференция и ее исход.

В начале января Трепов, находя невозможным руководить правительством, пока Протопопов остается министром внутренних дел, подал в отставку, которая была принята императором. Сессия Думы была отсрочена до конца февраля, и председателем совета министров был назначен князь Голицын, один из крайних правых. Будучи честным и благонамеренным, но не имея никакого административного опыта и никаких точек соприкосновения с Думой, он не обладал необходимой энергией или силой характера для того, чтобы овладеть положением, которое с каждым днем становилось все более и более угрожающим. Революция носилась в воздухе, и единственный спорный вопрос заключался в том, придет ли она сверху или снизу. Дворцовый переворот обсуждался открыто, и за обедом в посольстве один из моих русских друзей, занимавший высокое положение в правительстве, сообщил мне, что вопрос заключается лишь в том, будут ли убиты и император и императрица или только последняя; с другой стороны, народное восстание, вызванное всеобщим недостатком продовольствия, могло вспыхнуть ежеминутно.

У меня не было никакого повода просить об аудиенции, но я не хотел быть свидетелем развития событий, не сделав последнего усилия спасти императора, вопреки ему самому. Чтобы придать больший вес словам, с которыми я предполагал к нему обратиться, я просил разрешения говорить от имени короля и правительства его величества вместо того, чтобы делать, как в предыдущих случаях, чисто личные представления. В ответ на свой запрос я был уведомлен, что так как король отсутствует из Лондона, то приказ его величества не может быть получен, и что так как импе-

ратор столь же хорошо знаком с положением дел в своей стране, как и я, то никаких хороших результатов не может последовать от такого рода шага с моей стороны. Я не разделял этого взгляда, так как императора и императрицу, к несчастью, держали в неведении об истинных чувствах русского народа. Поэтому я ответил, что кризис, развивающийся в России, чреват столь несказанными опасностями, что я должен просить правительство его величества пересмотреть свое решение. Мы обязаны сделать это, говорил я, ради императора, который был всегда столь лояльным другом и союзником; мы обязаны сделать это ради России, которая принесла такие жертвы в общем деле; мы обязаны, наконец, сделать это ради себя самих, столь непосредственно заинтересованных в том, чтобы попытаться предотвратить такие опасности. Если правительство его величества не уполномочит меня говорить от его имени, то я готов, с его разрешения, говорить от своего собственного имени и принять на себя полную ответственность за этот шаг. Такое разрешение было мне, в конце концов, дано.

В ожидании ответа на свою просьбу об аудиенции, я пригласил к себе председателя Думы с целью узнать, какие уступки могли бы действительно удовлетворить эту палату. Родзянко заверил меня, что все, чего требует Дума, заключается в назначении председателем совета министров человека, который пользовался бы доверием как со стороны императора, так и со стороны народа, и который мог бы свободно избрать членов правительства.

12 января, в назначенный, наконец, мне день, я выехал в Царское в специальном поезде в сопровождении одного из камергеров его величества и был по прибытии проведен в одну из больших приемных, где я оставался некоторое время, разговаривая с несколькими высокопоставленными придворными. Когда я заглянул в окно, я увидел императора, вышедшего из дворца и быстро шагающего по снегу, как это он часто имел обыкновение делать в промежутке между аудиенциями. Минут десять спустя, по его возвращении, я был проведен к нему. Во всех предыдущих случаях его величество принимал меня без особых формальностей в своем кабинете и, пригласив меня сесть, протягивал свою табакерку и предлагал курить. Поэтому я был неприятно удивлен, когда был на этот раз введен в комнату для аудиенций и нашел его величество ожидающим меня здесь, стоя посреди комнаты. Я тотчас понял, что он угадал цель моей аудиенции, и что он нарочито придал ей строго официальный характер, как бы намекая мне, что я не могу касаться вопросов, не входящих в компетенцию посла. Сознаюсь, что у меня упало сердце, и на минуту я серьезно задумался, не отказаться ли мне от первоначаль-

ной цели. В наши демократические дни, когда императоры и короли находятся на ущербе, такая нервность с моей стороны может показаться неуместной. Но император всероссийский был в то время самодержцем, малейшее желание которого было законом; а я собирался не только пренебречь столь ясным намеком, который был мною получен, но и впасть в ошибку, переступив границы отведенной для посла сферы действий.

Его величество начал разговор, выразив глубокое сожаление по поводу полученного в то утро известия о смерти графа Бенкендорфа, который сделал так много для укрепления англо-русской дружбы. Он сказал, что ему будет очень трудно его заменить; но он упомянул о Сазонове, о назначении которого было об'явлено несколько недель спустя, как о после, который, вероятно, окажется приятным для правительства его величества. Поговорив затем о важности союзной конференции, которая должна была вскоре состояться в Петрограде, его величество выразил надежду, что это будет последняя конференция, которую мы будем иметь до окончательной мирной конференции. Я ответил, что я усматриваю лишь немного шансов в пользу того, что она окажется предшественницей мирной конференции, так как политическое положение в России не дает мне смелости ожидать сколько-нибудь крупных результатов от ее заседания. В самом деле, я не могу задавать себе вопроса, следует ли при настоящих условиях подвергать жизнь столь многих выдающихся людей опасности испытать судьбу, постигшую лорда Китченера при его роковом путешествии в Россию.

На вопрос его величества, почему я держусь столь пессимистического взгляда на перспективы конференции, я сказал, что, если даже ей удастся установить более тесное сотрудничество между союзными правительствами, то мы не имеем никакой гарантии за то, что настоящее русское правительство останется на своем посту, или что решения конференции будут уважаться его преемниками. Так как его величество возразил, что такие опасения неосновательны, то я об'яснил, что координации наших усилий будут достаточны лишь в том случае, если в каждой из союзных стран будет существовать полная солидарность между всеми классами населения. Мы признали этот факт в Англии, и именно ради того, чтобы обеспечить сотрудничество рабочих классов, г. Ллойд-Джордж включил представителя труда в свой малый военный кабинет. В России дело обстоит совсем иначе, и я боюсь, что его величество не видит, как важно, чтобы мы представляли единый фронт перед лицом врага, не только коллективно как союзники, но и индивидуально как нации. «Но я и мой народ, — перебил император, — едины в нашем решении выиграть войну». «Но не едины, —

возразил я, — в оценке компетентности людей, которым ваше величество вверяете ведение войны. Желаете ли вы, ваше величество, — спросил я, — чтобы я говорил со своей обычной откровенностью?»

Император выразил на это согласие, и я стал говорить о том, что в настоящее время между ним и его народом выросла стена, и что, если Россия все еще едина как нация, то она едина в оппозиции его нынешней политике. Народ, который столь блестящим образом об'единился вокруг своего государя в начале войны, увидел, как сотни и тысячи жизней были принесены в жертву вследствие недостатка винтовок и военного снабжения; как вследствие неспособности администрации разразился жестокий продовольственный кризис и, — прибавил, к немалому моему удивлению, сам император, — «железнодорожная разруха». Все, что народ хочет, — продолжал я, — это правительства, которое довело бы войну до победного конца. Дума, я имею основания говорить это, удовлетворилась бы, если бы его величество назначил председателем совета министров человека, к которому питали бы доверие как он сам, так и народ, и позволил бы ему избрать своих коллег. Император, оставив без ответа это указание, сослался в оправдание на некоторые перемены, которые он недавно произвел в министерстве. Поэтому я осмелился заметить, что его величество последнее время меняет своих министров столь часто, что послы никогда не знают, останутся ли завтра на своих постах сегодняшние министры, с которыми они имели дело.

«Ваше величество! Позвольте мне сказать, что перед вами открыт только один верный путь, это — уничтожить стену, отделяющую вас от вашего народа, и снова приобрести его доверие». Император выпрямился во весь рост и, жестко глядя на меня, спросил: «Так вы думаете, что я должен приобрести доверие своего народа, или что он должен приобрести мое доверие?».

«И то, и другое, государь, — ответил я, — ибо без такого обоюдного доверия Россия никогда не выиграет этой войны. Ваше величество действовали под влиянием удивительного вдохновения, когда посетили Думу в феврале прошлого года. Не пожелаете ли вы явиться туда снова? Не пожелаете ли вы говорить со своим народом? Не скажете ли вы ему, что ваше величество, будучи отцом своему народу, желаете работать вместе с ним, чтобы выиграть войну? Вам стоит, государь, только поднять свой палец, и они снова падут на колени у ваших ног, как это я уже видел в начале войны в Москве».

В дальнейшем разговоре я указал на необходимость иметь сильного человека во главе правительства, и император на этот раз подхватил это замечание, сказав, что поло-

жение, несомненно, требует твердости и сильного человека, который ему соответствовал бы. Я сказал его величеству, что я совершенно согласен с этим, но что к такой твердости прибегают не для того, чтобы применять репрессивные меры или ставить затруднения удивительной работе земств. Отозвавшись с похвалой об услугах, оказанных земствами во время войны, император сказал, что он не одобряет позиций и политических речей некоторых из их вождей. Я пытался было защищать их, указывая, что если они ошибаются, то причиной этого является избыток патриотизма, но не имел особого успеха.

Затем я обратил внимание его величества на попытки германцев не только посеять раздор между союзниками, но и внести отчуждение между ним и его народом. «Их агенты, — сказал я, — работают повсюду. Они дергают за веревки и пользуются, как бессознательным орудием, теми, кто обычно дает советы вашему величеству о выборе ваших министров. Они косвенно оказывают влияние на императрицу через окружающих ее лиц, и в результате, вместо того, чтобы пользоваться подобающей ей любовью, ее величество окружена недоверием и обвиняется в том, что работает в интересах Германии». Император еще раз выпрямился и сказал: «Я сам выбираю своих министров и никому не разрешаю влиять на мой выбор». — «Как же в таком случае, — осмелился я спросить, — ваше величество выбираете их?» — «Наводя справки, — ответил его величество, — о способностях тех, кого я считаю наиболее подходящим для руководства делами различных министерств». — «Справки вашего величества, — снова начал я, — боюсь, не всегда увенчиваются успехом. Так, например, в числе министров находится г. Протопопов, который — прошу простить ваше величество за мои слова — привел Россию на край гибели. Пока он будет занимать пост министра внутренних дел, до тех пор не может быть того сотрудничества между правительством и Думой, которое является существенным условием победы».

«Я избрал г. Протопопова, — прервал меня император, — из рядов Думы с целью быть с ней в согласии, и вот какова мне награда!» — «Но, государь, — сказал я, — Дума едва ли может питать доверие к человеку, который изменил своей партии ради официального поста, который имел беседу с германским агентом в Стокгольме и который подозревается в том, что работает в пользу примирения с Германией». — «Г. Протопопов, — заявил его величество, — не германофил, и циркулирующие слухи относительно его стокгольмской беседы грубо преувеличены». — «Я не знаком, — возразил я, — с тем, что происходило во время этой беседы. Но даже допуская, что выдвинутые против него обвинения на этот счет преувеличены, надо сказать, что он

высказал заведомую неправду, заявив в печати, что он виделся с упомянутым германцем по специальному требованию русского посланника в Стокгольме». Император не пытался отрицать этого.

«Видит ли его величество, — спросил я затем, — опасности положения, и знает ли он, что на революционном языке заговорили не только в Петрограде, но и по всей России?» Император сказал, что ему отлично известно, что люди позволяют себе говорить таким образом, но что я впадаю в ошибку, придавая этому слишком серьезное значение. Я ответил на это, что за неделю до убийства Распутина я слышал о предстоящем покушении на его жизнь. Я счел эти слухи пустой сплетней, но тем не менее они оказались верными. Поэтому я и сейчас не могу оставаться глухим к доходящим до меня слухам об убийствах, замышляемых, как говорят, некоторыми экзальтированными личностями. А раз такие убийства начнутся, то нельзя уже сказать, где они кончатся. Несомненно, будут предприняты репрессивные меры, и Дума будет распущена. Если это случится, то я должен буду оставить всякие надежды на Россию.

«Ваше величество, — сказал я в заключение, — должны вспомнить, что народ и армия — одно целое, и что в случае революции можно рассчитывать лишь на небольшую часть армии для защиты династии. Я отлично знаю, что посол не имеет права говорить тем языком, которым я заговорил с вашим величеством, и я должен был собрать всю свою смелость, чтобы заговорить с вами так. Я могу сослаться в свое оправдание лишь на то обстоятельство, что меня побуждают сделать это исключительно мои чувства преданности к вашему величеству и к императрице. Если бы я увидел друга, идущего темной ночью в лесу по дороге, которая, как я знаю, кончается пропастью, то не было ли бы, государь, моим долгом предостеречь его от угрожающей ему опасности? И не такой же ли мой долг — предостеречь ваше величество от пропасти, которая находится перед вами? Вы находитесь, государь, на перекрестке двух путей, и вы должны теперь выбрать, по какому пути вы пойдете. Один приведет вас к победе и славному миру, другой — к революции и разрушению. Позвольте мне умолять ваше величество избрать первый путь. Сделайте это, государь, и вы обеспечите своей стране осуществление ее вековых стремлений, а себе самому — положение наиболее могущественного монарха в Европе. Но, кроме всего прочего, ваше величество, обеспечите безопасность тем, кто вам столь дорог, и освободитесь от всякого беспокойства за них».

Император был, видимо, тронут теплотой, вложенной мною в этот призыв, и, пожимая мне руку на прощанье, он сказал: «Благодарю вас, сэр Джордж».

Г. Барк, министр финансов, имевший аудиенцию непосредственно вслед за мною, спросил меня на следующий день, что я сказал императору, так как он никогда не видел его столь нервным и взволнованным. Его превосходительство вручил его величеству письмо с просьбой об отставке, но император возвратил его ему, сказав: «Теперь не время для министров покидать свои посты». Однако, каково бы ни было минутное впечатление, которое я мог произвести, оно не было достаточно сильно, чтобы парализовать противоположное влияние императрицы, неудовольствие которой я уже возбудил языком, которым я говорил на предыдущих аудиенциях. Это неудовольствие было столь сильно, что, согласно ходившим слухам, уже серьезно рассматривался вопрос о требовании моего отозвания. Что императрица не прощала тем, кто пытался отговорить императора от следования ее политике, было очевидно из случая с моим другом великим князем Николаем Михайловичем. Мы часто обменивались взглядами о внутреннем положении в надежде, что своим совместным влиянием мы сможем побудить императора изменить свою позицию. Его императорское высочество в начале января предостерегал императора как в письме, так и устно об опасностях его настоящего курса. Два дня спустя после своей аудиенции я получил от него следующее письмо на французском языке.

I (14). I. 1917.
Для вас одного.

Дорогой посол! Я получил повеление от его величества императора удалиться на два месяца в свое Грушевское имение (близ Херсона).

До свидания и всего хорошего.

Да здравствует Англия и да здравствует Россия!

Сердечно Вам преданный Николай М.

Его брат, великий князь Сергей Михайлович, которого я встретил вскоре затем за обедом, заметил, что если бы я был русским подданным, то был бы сослан в Сибирь. Не придавая этим словам серьезного значения, я все же с облегчением нашел, что на русском новогоднем приеме, происходившем несколько дней спустя после моей аудиенции, император проявил ко мне такое же дружеское расположение, как и всегда. В коротком разговоре, который я имел с ним, ни один из нас не вспомнил о моей недавней аудиенции. Я больше ничего не сказал о внутреннем положении, но, так как я слышал, что его величество подозревает молодого англичанина, школьного товарища князя Феликса Юсупова, в соучастии в убийстве Распутина, я вос-

пользовался случаем заверить его, что подозрение это совершенно неосновательно. Его величество поблагодарил меня и сказал, что он очень рад слышать это.

Спустя около недели после того один мой русский друг, который был впоследствии членом временного правительства, известил меня через полковника Торнгилла, помощника нашего военного атташе, что перед Пасхой должна произойти революция, но что мне нечего беспокоиться, так как она продлится не больше двух недель. Я имею основания думать, что это сообщение имело фактические основания, и что тогда готовился военный переворот не с целью низложить императора, а с целью вынудить его даровать конституцию. Однако его деятелей, к несчастию, опередило народное восстание, вылившееся в мартовскую революцию. Я говорю: «к несчастью» потому, что как для России, так и для династии было бы лучше, если бы долго ожидавшаяся революция пришла не снизу, а сверху.

Опубликование императорского рескрипта 20 января, предписывавшего председателю совета министров посвятить особое внимание продовольственному вопросу и транспорту и работать в согласии с Думой и земствами, возбудило надежды, которым не суждено было осуществиться. Протопопов, на плечи которого упала мантия Распутина, был теперь более могущественен, чем когда-либо. Будучи не совсем нормален, он, как говорят, на своих аудиенциях у императрицы передавал ей предостережения и сообщения, полученные им в воображаемом разговоре с духом Распутина. Он совершенно овладел доверием ее величества и, убедив ее, что, благодаря предпринятым им мерам к реорганизации полиции, он может справиться со всяким положением, какое бы ни возникло, он получил полную возможность продолжать свою безумную политику.

29 января прибыли союзные делегаты, и вечером под председательством министра иностранных дел Покровского состоялось предварительное собрание конференции. Великобритания была представлена лордом Мильнером, лордом Ривелстуком, генералом сэром Генри Вильсоном и мною; Франция — г. Думергом, генералом Кастельно и Палеологом; Италия — синьором Шалойя, генералом Руджери и Карлотти, итальянским послом. 31 января делегаты были приняты императором, а 3 февраля все мы были приглашены на торжественный обед в царскосельском дворце. В качестве старшины дипломатического корпуса я имел честь сидеть по правую руку от императора, и его величество разговаривал со мною в течение большей части обеда. Единственные вопросы, на которые я обратил его внимание, были продовольственный кризис и численность русской армии. По первому вопросу я сказал ему, что, согласно моим сведе-

ниям, запасы продовольствия в некоторых губерниях настолько скудны, что, как ожидают, снабжение прекратится через две недели. Причиной такого сокращения запасов является, повидимому, отсутствие координации в работе министерств земледелия и путей сообщения, а также отсутствие организованной системы распределения. Эта последняя функция, указывал я, могла бы быть с успехом вверена земствам. Император согласился с тем, что министр земледелия должен воспользоваться услугами земств, и прибавил, что если рабочие не будут получать хлеба, то, несомненно, начнутся забастовки.

Что касается второго вопроса, то я заметил, что Россия не исчерпала своих огромных запасов человеческой силы, и что хотя она крайне нуждается в некоторых металлах, но ее минеральные богатства не эксплоатируются надлежащим образом. Не предполагал ли как-нибудь его величество, спросил я, последовать примеру Германии и установить какую-либо форму обязательной для всех вспомогательной службы? Император ответил, что он уже думал над этим вопросом, и что он надеется, что возможно будет сделать некоторые шаги в указанном мною направлении. Совершенно справедливо, прибавил он, чтобы в момент национального кризиса каждый служил государству в полную меру своих сил и способностей. Остальной наш разговор не носил политического характера. Для меня лично воспоминания об этом обеде окутаны печалью, так как тогда я последний раз видел императора. В то же время мне доставляет некоторое удовлетворение вспомнить об его ясно проглядывавшем расположении ко мне во время беседы, которая неожиданно для нас обоих оказалась последней. Его величество как будто желал показать, что он не только не питает неприязни ко мне за мой длинный разговор на последней аудиенции, но что он ценит мотивы, которые побудили меня говорить с ним столь откровенно.

В целях более успешного хода работы, конференция была разделена на три комиссии — политическую, военную и техническую. Наиболее полезную работу выполнила последняя из них, рассматривавшая необычайно важные вопросы о транспорте и о военном снабжении. В речи при открытии конференции генерал Гурко доложил, что Россия мобилизовала четырнадцать миллионов человек, потеряла два миллиона убитыми и ранеными и столько же — пленными и имеет в настоящее время семь с половиной миллионов под ружьем и два с половиной — в резервах. Он не выражал никакой надежды на то, что русская армия будет в состоянии предпринять широкое наступление до окончательного сформирования новых дивизий, которое вскоре ожидается, а также до того, как они будут обучены и снабжены необ-

ходимым количеством орудий, винтовок и предметов снабжения. Все, что она может сделать до того, — это сдерживать врага операциями второстепенного значения. Результатом конференции был ряд пожеланий в отношении военных материалов и кредитов, которые, как предполагалось, союзные правительства должны были предоставить в распоряжение России. Конференция закрылась 21 февраля 1917 года.

ГЛАВА XXII

1917

Моя телеграмма с отчетом о положении в России для информации общеимперской конференции. — Начало революции. — Телеграмма Родзянко императору. — Позиция правительства и Дума. — Император решает назначить военного диктатора и возвратиться в Петроград. — Назначение Думой Исполнительного Комитета. — Образование Совета. — Запоздалое предложение уступок со стороны императора. — Отправление делегатов в г. Псков с требованием отречения императора. — Назначение Временного Правительства. — Временный отказ великого князя Михаила Александровича от престола.

Заседания конференции совпали с временным улучшением во внутреннем положении, при чем явные признаки надвигавшихся политических волнений были немногочисленны. Поэтому едва ли можно удивляться тому, что союзные делегаты по возвращении в свои страны выражали несколько оптимистические взгляды относительно положения в России. Мои собственные взгляды мало изменились. Я получил распоряжение представить для информации имперской конференции, которая должна была вскоре состояться в Лондоне доклад о перспективах дальнейшего продолжения войны Россией; поэтому, посоветовавшись с лордом Мильнером, с которым я имел удовольствие работать в течение его пребывания в Петрограде, я телеграфировал министерству иностранных дел 18 февраля следующее:

«Хотя на нас иногда производятся нападки в реакционной уличной прессе, однако антибританская кампания умерла, и англо-русские отношения никогда не были лучше, чем в настоящее время. Как император, так и большинство его министров и бо́льшая часть народа твердо поддерживают англо-русский союз. Можно наверняка сказать, что масса народа вполне оценивает огромные услуги, которые оказала Великобритания своим флотом, армией и казной, и именно от нее они ожидают осуществления своих надежд на окончательную победу.

Труднее высказаться с точностью по вопросу о продолжении войны Россией. Большинство народа, включая правительство и армию, единодушны в решимости вести борьбу до победного конца, но на этом националь-

ное единство кончается. Наивысший фактор — император — плачевно слаб; но единственный пункт, в котором мы можем рассчитывать на его твердость, — это война, — и это тем в большей степени, что сама императрица, которая в действительности правит Россией, держится здравых взглядов на этот вопрос. Она не является, как это часто утверждают, немкой, работающей в интересах Германии, но она — реакционерка, желающая сохранить самодержавие в неприкосновенности для своего сына; именно поэтому она побуждает императора избирать себе в министры людей, на которых она может положиться в том отношении, что они будут проводить твердую политику, при чем их способности совершенно не принимаются во внимание; но в этом она действует как бессознательное орудие других, которые действительно являются германскими агентами. Эти последние, навязывая всеми возможными способами императору политику реакции и репрессии, ведут в то же время революционную пропаганду среди его подданных в надежде на то, что Россия, раздираемая внутренними несогласиями, будет вынуждена заключить мир. Император, предоставляя Протопопову проводить меры, прямо рассчитанные на провоцирование беспорядков, играет в их руку. Протопопов в качестве министра внутренних дел назначил на посты как в своем собственном, так и в других ведомствах реакционеров, столь же порочных, как и неспособных. Он фактически воспретил всякие общественные собрания, особенно же собрания Земского Союза, и пытался, хотя и безуспешно, совершенно распустить этот последний; он же добивается роспуска Думы, ограничивает свободу печати и восстанавливает предварительную цензуру. Его последним шагом был арест двенадцати рабочих, представителей Военно-промышленного комитета. Взрыв уже произошел бы, если бы Дума не сознавала столь ясно серьезности положения, благодаря чему она не сделает ничего, что могло бы повредить успеху войны. Хотя рабочие сильно возмущены арестом своих представителей, однако высокая заработная плата на ряду с патриотизмом покамест предотвращала забастовки.

Если приостановится подвоз продовольственных продуктов, то забастовки вспыхнут неизбежно, и меня беспокоит скорее экономическое положение, чем политическое. Если бы дело шло только о последнем, то окончательное улажение его могло бы быть отложено до окончания войны; однако первое является постоянной угрозой. Оно может ежеминутно раздуть тлеющую искру политического недовольства в пламя, а это нанесет серьезный ущерб делу войны. Запасы топлива на железных дорогах

настолько сократились, что на одной линии, как говорят, их хватит всего на несколько дней, и многие опасаются, что если даже эти запасы временно будут пополнены, то прекращение подвоза снова почувствуется, если вдруг совершенно прекратится правильная торговля, которая в настоящее время упала до минимума. Многие заводы, вырабатывающие военное снабжение, уже временно закрыты в виду недостатка топлива и сырья, и опасность прекращения снабжения как армии, так и городов не может быть совершенно исключена.

Я мог бы резюмировать положение следующим образом. Хотя император и большинство его подданных желают продолжения войны до конца, однако Россия, по моему мнению, не будет в состоянии встретить четвертую зимнюю кампанию, если настоящее положение будет продолжаться без конца; с другой стороны, Россия настолько богата естественными рессурсами, что не было бы никаких оснований для беспокойства, если бы император вверил ведение войны действительно способным министрам. При настоящем же положении будущее представляется книгой за семью печатями. Политическое и экономическое положение может нам сулить неприятные сюрпризы, тогда как финансовое положение может быть испорчено повторными выпусками бумажных денег. Однако Россия есть страна, обладающая счастливой способностью к опьянению, и моя единственная надежда состоит в том, что она окажется в состоянии выдержать до конца, если мы будем продолжать давать ей необходимую помощь».

Сессия Думы началась 27 февраля (н. ст.), и первое ее заседание, на котором я присутствовал, прошло настолько спокойно, что я думал, что могу без всякой опасности воспользоваться коротким отдыхом в Финляндии. В течение десяти дней, проведенных мною там, до меня не доходило никаких слухов о приближающейся буре; только когда мы с женой возвращались в воскресенье 11 марта с последним поездом, который пришел в Петроград, мой слуга сообщил нам, когда мы под'езжали уже к столице, о забастовке трамваев и извозчиков. Часть города, по которой мы шли к находившемуся неподалеку от вокзала посольству, была совершенно спокойна, и, за исключением нескольких военных патрулей на набережных и отсутствия трамваев и извозчиков, в ее общем виде не было ничего особенно необычного.

Тем не менее, положение было уже очень серьезно. Вследствие недостатка угля, о котором говорилось в приведенной выше моей телеграмме, несколько заводов пришлось закрыть, и вследствие этого несколько тысяч рабочих осталось без работы. Это обстоятельство само по себе не было бы очень тревожно, так как они получили вознаграждение и не имели по-

вода устраивать беспорядки. Но они нуждались в хлебе, и многие из них, прождав целые часы в хвостах у хлебопекарен, вовсе не могли его получить. В четверг 8 марта состоялось бурное заседание Думы, на котором правительство подверглось сильным нападкам вследствие своей неспособности снабдить продовольствием Петроград. И именно недостаток хлеба был причиной волнения, которое начало обнаруживаться в тот же день среди рабочих. Вечером несколько хлебопекарен в бедных частях города было разграблено, и по Невскому проспекту впервые промчался казачий патруль.

На следующий день волнения усилились. Народу нужна была уверенность в том, что будут предприняты какие-нибудь меры к облегчению продовольственного кризиса, но в этом направлении не было сделано ничего. Группы рабочих и студентов ходили по улицам, а за ними следовали толпы мужчин, женщин и детей, которые пришли из любопытства, с целью поглазеть на то, что произойдет. Но в большинстве случаев это были добродушные толпы, расступавшиеся перед казаками, когда последние получали приказ очистить какую-нибудь улицу, и даже иногда приветствовавшие их криками. С другой стороны, казаки старались никому не причинять вреда и даже пересмеивались и болтали с теми, кто оказывался возле них, — а это было уже плохим предзнаменованием для правительства. Толпа держалась враждебно только по отношению к полиции, с которой у нее произошло в течение дня несколько столкновений. На некоторых улицах были также повреждены и перевернуты трамвайные вагоны.

Тем временем социалистические вожди, которые в течение последних месяцев вели оживленную пропаганду на фабриках и в казармах, не ленились, и в субботу 10 марта город представлял уже более серьезную картину. Дело дошло почти до всеобщей стачки, и толпы рабочих, ходившие взад и вперед по Невскому, уже представлялись более организованными. Никто не знал хорошенько, что должно произойти, но всеми чувствовалось, что представляется слишком благоприятный случай, которого нельзя упустить, ничего не сделав. Однако в общем настроение народа было все еще мирным. Вечером раздалось несколько выстрелов, виновниками которых были сочтены городовые, переодетые Протопоповым в солдатскую форму.

Тогда-то правительство решилось прибегнуть к строгим репрессивным мерам. Утром в воскресенье (11 марта) военный губернатор, генерал Хабалов, расклеил по всему городу об'явления, предупреждавшие рабочих, что те из них, кто не станет на работу на следующий день, будут отправлены на фронт, и извещавшие, что полиция и войска получили

приказ рассеивать всякие толпы, собирающиеся на улицах, всеми средствами, находящимися в их распоряжении. На эти предупреждения никто не обращал внимания; толпы были столь же многочисленны, как и раньше, и в течение дня огнем, открытым войсками, было убито около двухсот человек. Однако к вечеру одна рота Павловского полка, получившая приказ открыть огонь, взбунтовалась, и ее пришлось разоружить с помощью Преображенского полка. Вечером всякое сопротивление было сломлено, толпы рассеяны, и порядок временно восстановлен. Но движение, первоначальной целью которого было добиться немедленных мероприятий к устранению недостатка продовольствия, приняло теперь политический характер и поставило себе целью свержение правительства, на которое падала вина как за продовольственный кризис, так и за стрельбу в толпу.

Император, над которым как бы тяготел рок, проведя январь и февраль в Царском и сознавая невозможность дальнейшего отсутствия из ставки, в четверг 8 марта возвратился в Могилев, находившийся на расстоянии 20 слишком часов езды по железной дороге. Если бы он остался еще на несколько дней в Царском, где к нему могли бы иметь доступ те, кто мог бы его точно информировать о развитии событий в столице, то он был бы в состоянии лучше оценить крайнюю серьезность положения. В субботу генерал Алексеев посоветовал ему немедленно же сделать необходимые уступки, а в воскресенье Родзянко отправил ему телеграмму следующего содержания:

«Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт продовольствия и топлива пришел в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Частью войска стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца».

В то же время Родзянко сообщил эту телеграмму главнокомандующим разных фронтов с просьбой об их поддержке и вскоре после того получил ответы от генералов Рузского и Брусилова, которые сообщали, что они исполнили его желание. Достигла ли телеграмма Родзянко императора, или она была намеренно утаена от него, во всяком случае, дворцовый комендант генерал Воейков в своих разговорах с его величеством, несомненно, извратил истинное положение вещей и высмеивал мысль о революции. Тем временем правительство не нашло ничего лучшего, как прервать сессию Думы.

В воскресенье ночью наблюдалось сильное волнение в казармах, где солдаты собирались для обсуждения вопроса,

как держать себя на следующий день. Стрелять ли им в своих близких и родных, если будет отдано приказание открыть огонь? С этим вопросом они обращались друг к другу. Ответ на него был дан в понедельник утром, когда солдаты одного из гвардейских полков — Преображенского — в ответ на приказ открыть огонь повернулись и стали стрелять в своих офицеров. Волынский полк, посланный для их усмирения, последовал их примеру. Другие полки сделали то же самое, и к полудню около 25.000 солдат уже присоединились к народу. Утром был взят арсенал, и захвачены находящиеся в нем запасы огнестрельного оружия и аммуниции. Затем быстро последовали: пожар здания судебных установлений, разгром департамента полиции и уничтожение всех компрометирующих его архивов, освобождение как политических, так и уголовных, заключенных в трех главных тюрьмах, и сдача Петропавловской крепости.

Нерадивое и неспособное правительство с самого начала совершило ряд ошибок. Сильный и энергичный министр вроде Столыпина мог бы с тактом и твердостью сдержать движение в узде, но правительству совершенно не удалось успокоить народ в отношении продовольственного кризиса, и в то же время оно приняло неудачные меры к восстановлению порядка, которые могли только довести массы до отчаяния и сыграть на руку настоящим революционерам. Наконец, отдав приказ войскам стрелять в народ, оно раздуло всеобщее недовольство в пожар, охвативший с быстротою молнии весь город. Однако основная ошибка была совершена военными властями: последние, не будь они совершенно лишены дара предвидения, должны были бы оставить в столице небольшой отряд хорошо дисциплинированного и надежного войска для поддержания порядка. Фактически же гарнизон, насчитывавшийся около 150.000 человек, состоял исключительно из запасных. Это были молодые солдаты, взятые из деревень, которых сначала обучали, а затем отправляли для пополнения потерь в их полках на фронте. Офицерский корпус, которому было вверено их обучение, был слишком малочислен, чтобы держать в руках такое количество людей. Он состоял из прибывших с фронта инвалидов и раненых и из молодежи из военных школ, совершенно неспособной поддержать дисциплину при наступлении кризиса.

Такая ошибка была тем менее извинительна, что Петроград всегда представлял опасность в отношении революционности. Он был центром социалистической пропаганды, которая велась главным образом в казармах и на фабриках. Он был полон германских агентов, работавших над разрушением империи и видевших в этом самый верный шаг к выведению России из войны. Кроме того, атмосфера столицы

была настолько насыщена пессимизмом, что император не раз говорил мне, как рад он бывает стряхивать с себя ее гнетущее влияние и возвращаться в более укрепляющую атмосферу фронта.

Как я уже сказал, я возвратился в Петроград только в воскресенье вечером, а в понедельник в полдень я отправился по обыкновению со своим французским коллегой в министерство иностранных дел. Когда я находился там, генерал Нокс телефонировал мне, что значительная часть гарнизона взбунтовалась и совершенно завладела Литейным проспектом. Я сообщил эту новость Покровскому, сказав, что Протопопов может поздравить себя с тем, что довел Россию до революции своей провокационной политикой. Покровский согласился с этим, но заявил, что порядок и дисциплина должны быть восстановлены. Он сказал, что будет назначен военный диктатор, с фронта будут призваны войска для подавления мятежа, а Дума будет распущена до 25 апреля. Я заявил, что роспуск Думы является безумием, и что единственным результатом его будет то, что инсуррекционное движение, ограничивающееся сейчас Петроградом, распространится на Москву и другие города. Слишком поздно теперь подавлять движение силой, и единственным лекарством является политика уступок и примирения. Покровский не согласился с этим и заявил, что если бы дело шло лишь о восстании гражданского населения, то правительство могло бы попытаться притти с ним к соглашению, но так как в данном случае дело идет о солдатах, нарушивших военной долг по отношению к императору, то воинская дисциплина должна быть восстановлена в первую голову.

Несмотря на приказ об отсрочке сессии Думы, избранный ею Комитет продолжал заседать; тем временем Родзянко отправил вторую телеграмму императору: «Положение ухудшается. Надо принять немедленные меры, ибо завтра уже будет поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии». Вскоре затем Дума узнала, что военный министр генерал Беляев получил телеграмму от императора с извещением о том, что он возвращается в Петроград, и что генерал Иванов, которого он назначил диктатором, вскоре прибудет с большим отрядом войск. Эта телеграмма воспроизводила взгляды, высказанные мне Покровским в отношении мер, которые должны быть предприняты против солдат, нарушивших воинский долг.

В половине второго в Государственную Думу явились делегаты от частей войск, расположенных к северу от реки, желавшие получить от Думы инструкции. Родзянко, принявший их, заявил, что лозунгом Думы является уход нынешнего правительства. Он ничего не говорил об императоре, потому что Дума, подобно большинству народа,

настолько была захвачена врасплох быстрым ходом событий, что не знала, что делать. Несколько позже к Думе подошел отряд восставших войск, к которому обратились с речью Керенский и Чхеидзе. Они сказали солдатам, что последние должны поддерживать порядок, не допускать бесчинств и твердо стоять за дело свободы. Керенский попросил их дать караул для Думы, и во избежание беспорядка Родзянко согласился на удаление старого караула. Я должен буду много говорить о Керенском ниже, но сейчас достаточно будет указать на то обстоятельство, что в эти критические дни, — если принять в соображение его социалистические убеждения, — он действовал лойяльно по отношению к Комитету Государственной Думы. Напротив, представитель социал-демократов Чхеидзе действовал самостоятельно в интересах своей партии. Около трех часов, после закрытого заседания, Дума назначила Исполнительный Комитет для поддержания порядка, в который вошли представители всех партий, за исключением крайних правых. Он состоял, под председательством Родзянко, из двух правых («консерваторов»), трех октябристов («умеренных»), пяти кадетов и прогрессистов и двух социалистов — Керенского и Чхеидзе.

В то же самое время Исполнительный Комитет Совета рабочих депутатов назначил собрание своих представителей в думском (Таврическом) дворце на тот же самый вечер. Солдаты, перешедшие на сторону народа, приглашались посылать по одному делегату на каждую роту, а фабрики и заводы — по одному делегату на тысячу рабочих.

Все время после полудня в Думу прибывали войска, и Дума постепенно оказалась переполненной сборищем солдат, рабочих и студентов. Вечером туда был приведен арестованный Щегловитов, председатель Государственного Совета, бывший министр юстиции и крайний реакционер, а к вечеру туда явился человек жалкого вида, в запачканной грязью шубе, заявивший: «Я — последний министр внутренних дел Протопопов. Я желаю блага родине и потому добровольно передаю себя в ваши руки».

Благодаря усилиям Исполнительного Комитета во вторник, 13 марта, положение в городе обнаружило признаки улучшения. Двумя главными событиями было падение адмиралтейства, сдавшегося под влиянием угрозы, что в противном случае оно будет разрушено артиллерийским огнем крепости, и разгром гостиницы «Астория» вследствие выстрелов, произведенных оттуда в роту солдат, проходившую мимо с красным флагом. Хотя стрельба продолжалась весь день, но в большинстве случаев это стреляли городовые из пулеметов, размещенных Протопоповым на крышах домов, а также и солдаты, выбивавшие полицию из ее позиций ружейным огнем. Утром мне удалось пройти в министерство

иностранных дел с последним визитом к Покровскому, а когда я возвращался со своим французским коллегой домой, то узнавшей нас толпой, собравшейся на набережной, нам была устроена овация. После полудня я снова вышел с Брюсом с целью посетить Сазонова, жившего в отеле на Невском, и хотя трещание пулеметов над головой не было для нас приятным аккомпаниментом, но мы дошли до места и возвратились без всяких инцидентов.

В это время старое правительство уже не существовало, и все его члены, за исключением Покровского и морского министра адмирала Григоровича, были арестованы вместе со Штюрмером, митрополитом Питиримом и несколькими другими реакционерами. Вечером весь гарнизон, а также войска, прибывшие из Царского и из соседних мест, перешли на сторону Думы, между тем как не мало офицеров также предложило ей свои услуги. Поскольку дело шло о Петрограде, революция была уже совершившимся фактом. Однако общее положение было чрезвычайно затруднительно. Рабочие были вооружены, множество выпущенных арестантов находилось на свободе, во многих полках солдаты были без офицеров, а в Думе происходила ожесточенная борьба между Исполнительным Комитетом Думы и вновь образовавшимся Советом.

Дума представляла собой сборный пункт войск, совершивших революцию. Их начальники по большей части были монархистами и поборниками войны до победного конца. Но в критический момент им не удалось закрепить своего положения, и они позволили демократам, которые были явными республиканцами и заключали в своей среде значительный процент сторонников мира, занять их место и захватить в свои руки власть над войсками. Далее они позволили заседать в их собственном помещении конкурирующему учреждению, Совету, который, не имея никакого легального статута, конституировался как представительное учреждение рабочих и солдат. Если бы только среди членов Думы нашелся настоящий вождь, способный воспользоваться первым естественным движением восставших войск к Думе и собрать их вокруг этого учреждения, как единственного легального конституционного учреждения в стране, то русская революция могла бы получить более счастливое продолжение. Но такой вождь не появился, и в то время, как Дума все еще рассуждала о политике, демократы, знавшие, чего они хотят, действовали. Получив однажды уверенность в поддержке войск, их лидер Чхеидзе оказался, как он говорил одному британскому офицеру, господином положения.

Между тем император выехал из ставки в Царское в ночь с 12 на 13 марта. Однако по прибытии поезда в Бологое

оказалось, что рельсы впереди поезда разобраны рабочими, и его величество проследовал в Псков, где находилась главная квартира Рузского, главнокомандующего северным фронтом. В среду 14 числа великий князь Михаил Александрович, остановившийся в частном доме близ посольства, пригласил меня к себе. Он сказал мне, что, несмотря на то, что случилось в Бологое, он все еще надеется, что император прибудет в Царское около 6 часов сегодня вечером; что Родзянко должен представить для подписи его величеству манифест, дарующий конституцию и уполномачивающий Родзянко избрать членов нового правительства, и что сам он равно как и великий князь Кирилл Владимирович дали свои подписи под проектом этого манифеста с целью подкрепить позицию Родзянко.

Его высочество сказал, что он надеется увидеть императора вечером, и спросил меня, не пожелаю ли я чего-нибудь ему сказать. Я ответил, что я попросил бы только его умолять императора от имени короля Георга, питающего столь горячую привязанность к его величеству, подписать манифест, показаться перед народом и притти к полному примирению с ним. Но в то время, как я с ним разговаривал, на задуманный манифест было наложено Советом вето, и было решено отречение императора. Почти в то же самое время император, уведомленный генералом Рузским о положении дел в Петрограде, телеграфировал, что он готов сделать все уступки, требуемые Думой, если последняя думает, что они могут восстановить порядок в стране; но, как телеграфировал в ответ Родзянко, было уже «слишком поздно». Так как единственным иным исходом была гражданская война, то император на следующее утро (15 марта) вручил генералу Рузскому для отсылки в Петроград телеграмму, об'являвшую об его отречении в пользу сына. Несколько часов спустя, как повествует нам г. Жильяр в своем печальном, но весьма интересном рассказе о трагической судьбе императора Николая, его величество пригласил лейб-медика профессора Федорова и попросил его сказать ему правду о здоровье цесаревича. Услышав от него, что болезнь неизлечима, и что его сын может умереть в любую минуту, император сказал: «Так как Алексей не может служить родине, так, как я желал бы ему этого, то я имею право оставить его при себе». Поэтому, когда вечером в Псков прибыли два члена Думы — Гучков и Шульгин, которым было поручено потребовать отречения императора в пользу сына при регентстве великого князя Михаила Александровича, то император вручил им указ, в котором отказывался от трона в пользу своего брата.

Последним официальным актом императора было назначение великого князя Николая Николаевича верховным

главнокомандующим и князя Львова (популярного земского деятеля) новым председателем совета министров. Дело в том, что в результате компромисса между Комитетом Государственной Думы и Советом было образовано Временное Правительство для управления страной, пока Учредительное Собрание не решит, быть ли России республикой или монархией. Главные члены этого правительства принадлежали к партии кадетов и октябристов. Вождь первых Милюков был назначен министром иностранных дел, а вождь октябристов Гучков — военным министром. Керенский, назначенный министром юстиции, играл роль посредника между Советом и правительством, и оппозиция первого была преодолена, главным образом, благодаря ему. Во время горячих прений по вопросу о регентстве, он, заявляя о своем назначении министром юстиции, сказал в Совете: «Нет более горячего республиканца, чем я. Но мы должны выждать время. Нельзя сделать всего сразу. Мы получим республику, но мы должны выиграть войну. Тогда мы можем сделать, что захотим».

С образованием Временного Правительства Родзянко, игравший столь выдающуюся роль в первые дни революции, отошел на задний план, и Дума, боровшаяся столь долго и упорно за назначение ответственного перед ней министерства, теперь постепенно стала считаться каким-то архаическим учреждением, пока, наконец, не сошла совсем со сцены.

Вопрос о притязании великого князя Михаила Александровича на престол все еще не был решен, и в течение всего четверга (16 марта) члены Временного Правительства совещались с ним по этому вопросу. Его права защищали одни только Милюков и Гучков, считавшие необходимым избрать главу государства. Другие полагали, что достаточно факта утверждения императором назначения князя Львова главою Временного Правительства. В конце концов, великий князь, который лично не был настолько честолюбив, чтобы взять на себя бремя власти над империей, уступил страстному обращению Керенского и подписал манифест, в котором заявлял, что он примет верховную власть только в том случае, если таково будет желание народа, ясно выраженное Учредительным Собранием, избранным с целью окончательного определения будущей формы правления. Он призывал далее всех граждан повиноваться Временному Правительству. Таким образом новое правительство России не было, строго говоря, республиканским. И когда однажды я обратился к нему, как к таковому, то Милюков возразил, что это только Временное Правительство, предоставляющее решение вопроса будущему Учредительному Собранию.

ГЛАВА XXIII

1917

Арест императора и императрицы. — Роковое влияние императрицы. — Характер и воспитание императора. — Обзор его царствования. — Его фатализм и твердая вера в промысел божий.

Императора, возвратившегося после отречения в бывшую свою ставку в Могилеве, теперь титуловали «полковником Романовым», соответственно его официальному чину в армии; 22 марта он был доставлен в Царское, где он и императрица были заключены под арест. Когда весть о его отречении впервые достигла дворца, императрица отказалась ей верить и была совершенно ошеломлена, когда великий князь Павел Александрович сказал ей, что это совершившийся факт. Но когда первое оцепенение прошло, то она выказала удивительное достоинство и мужество. «Я теперь только сестра милосердия», сказала она, и однажды, когда, как казалось, грозило произойти столкновение между восставшими войсками и дворцовой стражей, она вышла вместе с одной из дочерей и умоляла офицеров притти к соглашению с первыми во избежание кровопролития. Все ее дети находились в постели, будучи больны корью, которая у цесаревича и великой княжны Марии приняла довольно серьезный оборот, так что все ее время уходило на то, что от одного больного она переходила к другому.

Хотя во время своего пребывания в Царском их величества постоянно находились под стражей и не могли даже гулять в дворцовом саду, не привлекая к себе любопытных взоров кучки зевак, глазевших на них через решотку парка, однако они не могли пожаловаться на дурное обращение. Керенский принял специальные меры к их охране, так как одно время крайние, требовавшие наказания для царя и царицы, угрожали схватить их и заключить в крепость. В первой своей речи, произнесенной в Москве, Керенский заявил, что он не позволит больше проливать крови, и что он не собирается стать Маратом русской революции. Один из мотивов, по которым он добивался отмены смертной казни, заключался в желании предупредить возможное в будущем требование казни над императором. Перевод их величеств в Тобольск в августе также был вызван, главным образом, желанием спасти их от опасностей, которым они подверглись бы в случае успеха большевистского восстания; и едва ли можно сомневаться, что, останься они в Царском, они не надолго пережили бы Октябрьскую революцию. Их дети, которым было предложено на выбор либо поселиться с императрицей Марией в Крыму, либо сопровождать своих родителей в Тобольск, избрали последнее, хотя и были пред-

упреждены, что будут подвергнуты тому же режиму, как и император и императрица.

В конце сентября я имел беседу с правительственным комиссаром, сопровождавшим императорскую фамилию в Тобольск; эту беседу я изложил в следующем письме к лорду Стемфордгему:

«Макаров, принадлежащий к умеренным социалистам, говорил об императоре очень добродушно и, повидимому, сделал все, что мог, чтобы пойти навстречу желаниям его величества. Он говорил, что наблюдать от'езд из Царского было очень мучительно, потому что почти все члены императорской семьи были в слезах, но что, за исключением императрицы, к ним скоро возвратилось хорошее настроение, и через час они уже болтали и смеялись. Путешествие по железной дороге продолжалось три или четыре дня, и поезд ежедневно останавливался на час, чтобы дать возможность императору и детям погулять. Путешествие на пароходе заняло еще четыре дня. Но так как в доме, отведенном для них в Тобольске, необходимо было произвести некоторый ремонт, то император с семьей оставались на пароходе еще в течение нескольких дней. Макаров соглашался с тем, что дом этот не был обширен, особенно в глазах тех, кто привык жить в дворцах, и что он не был обставлен с роскошью. Поэтому он постарался несколько загладить этот недостаток, захватив ковры, фамильные картины, вино и т. д. из царскосельского дворца. Самое худшее было то, что дом этот был расположен в низменной части города и потому был сыроват, и что при нем был лишь небольшой сад. Однако как раз против него находился довольно большой парк, где членам императорской семьи было разрешено гулять. Им было разрешено также присутствовать на богослужении в церкви, вместо того, чтобы устраивать его дома, как это бывало сначала. Императору было также разрешено охотиться, когда он того желал.

«Тобольск, по его словам, — небольшой город, имеющий около 27 тысяч жителей и находящийся на таком расстоянии от железнодорожной станции, что император был здесь в полной безопасности. Прилегающая земля принадлежала крупным земельным собственникам — крестьянам из татар, которые от всего сердца ненавидели революцию, так как боялись, что подвергнутся экспроприации, если произойдет перераспределение земли между крестьянами. Он прибавлял, что много крестьян приходило в Тобольск, словно на богомолье, чтобы увидеть дом, в котором жил император.

«Что касается климата, то, по его словам, хотя он в некоторые месяцы сырой, но здоровый, и что зима там

на самом деле умереннее, чем в Петрограде, потому что там не бывает тех резких ветров, которым мы подвергаемся здесь.

«Прощаясь с его величеством, он спросил его сказать ему без стеснения, нет ли у него каких-либо жалоб, но император заверил его, что он всем доволен. Как император, так и императрица простились с ним дружески. Император не раз беседовал с ним о политическом положении, при чем говорил, что он вполне готов умереть за Россию. Макаров прибавлял, что он уверен, что его величество говорил это совершенно искренно».

Для ознакомления со всем тем, что вытерпела императорская семья за последние месяцы своего пребывания в Тобольске, я должен отослать своих читателей к красноречивым страницам книги Жильяра «Le tragique destin de Nicolas II» («Трагическая судьба Николая II»), а остальную часть главы я посвящу краткому обзору царствования императора.

Император Николай II является одной из наиболее патетических фигур в истории. Если бы он жил в классические времена, то история его жизни и смерти послужила бы поэтам древней Греции сюжетом для какой-нибудь великой трагедии. Они бы изобразили его, как жертву, обреченную судьбой, преследуемую на каждому шаг безжалостным фатумом вплоть до последней раздирающей душу сцены, разыгравшейся в подвале дома в Екатеринбурге.

Женитьба императора на принцессе Алисе Гессенской не была вызвана государственными соображениями. С самого начала их влекло друг к другу чувство взаимной привязанности, и их любовь друг к другу с каждым годом становилась все сильней. Но хотя эта была идеально счастливая пара в семейной жизни, тем не менее, выбор императора был несчастлив. Несмотря на многие свои хорошие стороны, — душевную теплоту, преданность супругу и детям, благонамеренные, хотя и вызванные злыми советами, стремления внушить ему твердость и решимость, которых нехватало его характеру, императрица Александра не была подходящим товарищем для государя в его трудном положении. В силу своей недоверчивости и нелюдимости ей не удалось приобрести привязанности своих подданных, хотя она и была прирожденным автократом. С самого начала она неверно оценила положение, побуждая императора держать курс, чреватый всяческими опасностями для государственного корабля, в то время, когда политические воды уже поднимались на опасную высоту. Трагический элемент можно распознать уже в первом акте этой драмы. Будучи хорошей женщиной, стремившейся служить интересам своего мужа, она оказалась орудием, избранным для его гибели. Недоверчивому и нерешительному императору было как бы

предназначено попасть под влияние более сильного характера, чем каким был он. Ее слепая вера в необузданное самодержавие должна была его погубить. Если бы его супругой была женщина с более широкими взглядами и большей проницательностью, которая поняла бы, что такой режим является анахронизмом в XX веке, то история его царствования была бы иная, и, быть может, он и до сих пор был бы русским императором.

Однако, как ни гибельно было ее влияние на супруга в вопросах внутренней политики, императрица должна быть оправдана от столь часто взводимого на нее обвинения в том, что она действовала в интересах Германии. Сам Керенский однажды сказал мне, что не было найдено ни одного компрометирующего документа, который доказывал бы, что она или император когда-либо замышляли заключить сепаратный мир с Германией. По его словам, он имел продолжительную частную беседу с императрицей после революции, в которой ее величество с негодованием протестовала против той мысли, что она была германофилкой. «Я — англичанка, — заявила она, — а не немка, и я всегда была верна России». Он был убежден, что она говорила правду, и хотя она бессознательно играла в руку Германии, побуждая императора вести реакционную политику, но она стремилась исключительно к сохранению в неприкосновенности самодержавия, а не к достижению более близких отношений с Германией. Однако, прибавил он, среди лиц, окружавших Распутина, имелись германские агенты.

Император Николай не унаследовал от своего отца властного характера, силы воли и способности к быстрым решениям, — качества, столь существенные для самодержавного владыки. Александр III, по совету обер-прокурора святейшего синода Победоносцева, отверг план реформ, который готовился подписать Александр II, когда его жизни положила конец бомба нигилиста. В течение всего своего царствования он проводил реакционную политику, основанную на бюрократической централизации. После его смерти надежды нации сосредоточились на его сыне. Эти надежды нашли себе отражение во многих лояльных адресах, представленных Николаю II земствами при его восшествии на престол. В одном из них — адрес Тверского земства — было определенно формулировано желание некоторой формы конституционного управления.

Эти обстоятельства давали молодому монарху превосходный случай завладеть сердцами своего народа, сделав некоторые своевременные уступки. Однако император Николай упустил его, как упускал и другие подобного рода случаи в течение всего своего царствования. Будучи преданным сыном, обожающим своего отца, и находясь под опекой

архиреакционера Победоносцева, он был воспитан в строгой школе ортодоксального самодержавия и не приобрел привычки к собственной инициативе. Он усвоил доктрины своего ментора и смотрел на самодержавие, как на некоторого рода священное наследие, которое он обязан сохранить в неприкосновенности в той форме, в которой оно было ему передано. Единственная его идея при вступлении на престол заключалась в том, чтобы следовать по стопам своего отца и оставить вещи такими, какими оставил их ему отец. Он питал такое уважение к памяти отца, что отказывался даже принять более высокий чин в армии, верховным главнокомандующим которой он состоял, чем чин полковника, пожалованный ему отцом. Поэтому он отпустил представителей земств, дав им ледяной ответ, гласивший, что они должны оставить всякие «бессмысленные мечтания», так как он твердо намерен продолжать политику своего отца. Однако, как можно заключить из того, что рассказывает нам Извольский в своих «Воспоминаниях», сначала император был намерен говорить менее непримиримым языком, но его убедили в том, что его долг состоит в поддержании традиций царствования его отца. Только в самый последний момент Победоносцев вручил ему составленный им ответ, который император прочел представителям земств, не вполне поняв его смысл. Он до такой степени нуждался в опоре, что как в этом, так и во многих последующих случаях он поддавался влияниям, противным его лучшим намерениям, со стороны лиц, обладавших более сильной волей.

Столь злосчастное начало нового царствования вызвало чувство уныния у всех мыслящих русских, тогда как ужасное несчастье, разрешившееся на коронационных торжествах в мае 1896 года, было истолковано суеверным народом как дурное предзнаменование для будущего. Благодаря неумелым распоряжениям со стороны ответственных властей, огромная толпа, собравшаяся на том месте, где должно было происходить распределение обычных подарков, была охвачена паникой, и в давке, возникшей вследствие этого, было задавлено до смерти от трех до четырех тысяч человек. Следующий инцидент, сам по себе ничтожный, произвел, однако, по словам г. Извольского, глубокое впечатление на его величество. Когда император, на которого была надета императорская корона и мантия, подходил к алтарю, чтобы принять миропомазание, застежка надетого на него ордена Андрея Первозванного развязалась, и орден упал к его ногам. Будучи от природы склонен к фатализму и суеверию, его величество счел это за божеское предзнаменование грядущего несчастья.

Его первоначальной и основной ошибкой было отсутствие понимания того, что Россия его дней не может быть упра-

вляема по тому же способу, как Россия времен Петра Великого. Империя за это время в огромной степени расширилась территориально. Старая политика централизации уже не могла быть проводима. Единственным действительным лекарством было самоуправление. Однако не в характере императора было брать на себя инициативу такой политики или бороться с сопротивлением тех, кто видел в ней уничтожение своих привилегий. Как ни невозможно для него было лично осуществлять контроль над административным аппаратом обширной империи, однако ему пришлось нести ответственность за грехи и упущения бюрократии, которая правила Россией от его имени. И даже тогда, когда после революционного движения, последовавшего за несчастной войной с Японией, была сделана уступка началу народного представительства, управление страной осталось столь же централизованным, как и раньше.

Равным образом и реформированное министерство, образованное в это же время, не было большим шагом вперед. Это не был кабинет в обычном смысле слова. Он был чужд коллективной ответственности, и области ведения каждого из его членов были отделены одна от другой непроницаемыми перегородками. Кроме того, подобно своим предшественникам, и этот совет был составлен из разнородных элементов. Первый председатель Витте был прогрессист, тогда как министр внутренних дел Дурново — крайний реакционер. Единственным последствием было то, что в силу разногласий он никогда не был в состоянии к сплоченному действию. Хотя я лично не доверял графу Витте вследствие его ярко выраженных германофильских взглядов, однако я вполне признаю его заслуги, как талантливого и дальновидного государственного мужа, оказавшего своей стране неоценимые услуги. Он ввел золотое обращение, он же провел Портсмутский трактат, восстановивший мир с Японией, он побудил также императора обнародовать манифест 17 октября 1905 года, призвавший к жизни Думу. В своей чрезвычайно интересной и поучительной книге «The eclipse of Russia» («Затмение России») д-р Диллон слишком уж склонен смотреть на вещи через очки Витте. А между тем император и Витте питали друг к другу антипатию, и нелюбовь Витте к своему государю до такой степени определяла его суждения, что в его глазах его величество был совершенно чужд справедливости. Д-р Диллон, прислушиваясь к Витте, как к суфлеру, не находит для императора ни одного доброго слова. Он награждает его всякого рода оскорбительными эпитетами, приписывает ему недостойные мотивы, обвиняет его в вероломстве. Инициатива императора по созыву Гаагской мирной конференции изображается им как попытка завязать глаза австрийскому правительству и

дать возможность русскому военному министру втихомолку опередить своего австрийского коллегу. Допуская далее, что император неумышленно вовлек Россию в несчастную войну с Японией, д-р Диллон намекает на его заинтересованность в финансовом отношении в планах Безобразова относительно политического и экономического расширения России на Дальнем Востоке. Как ни мало об'яснимо то обстоятельство, что император отдал себя в руки таких советчиков, как Безобразов и Абаза, и даже позволил им направлять ход переговоров по вопросу о лесных концессиях на Ялу, которые были непосредственной причиной окончательного разрыва, однако же его вкусы были настолько просты, что он никогда не мог бы сделать попытки увеличить свои огромные доходы с помощью спекуляции и участия в таком предприятии. Что действительно трудно об'яснить, так это его странное доверие к бессовестным авантюристам, которые убедили его в том, что для предотвращения войны необходима твердая и непримиримая позиция.

В доказательство вероломства императора как граф Витте, так и д-р Диллон ссылаются на тайный договор, подписанный императором Николаем и Вильгельмом в Бьёрке в июле 1905 года, как на акт измены, направленный против Франции. Согласно условиям этого договора, оба императора должны были прийти на помощь друг другу всеми своими сухопутными и морскими силами в случае, если один из них подвергнется нападению со стороны другой европейской державы. Этот договор должен был вступить в силу по заключении мира между Россией и Японией, и император Николай должен был после того пригласить Францию присоединить и свою подпись к этому соглашению. Одной уже этой оговорки достаточно, чтобы показать, что договор не был направлен против Франции. Он был направлен, как убедительно доказывает Извольский в своих мемуарах, против Великобритании. Император Вильгельм в течение целых месяцев пытался убедить царя образовать континентальную лигу, направленную против Англии, но царь уже тогда (в ноябре 1904 г.) возражал, что, прежде чем он сможет подписать какой бы то ни было договор такого рода, он должен быть представлен Франции. На это император Вильгельм возражал, что Франция не сделает ничего для того, чтобы принудить Великобританию сохранить мир, если только она не будет поставлена перед fait accompli (совершившимся фактом) подписанного договора. Так как эти аргументы не могли переубедить императора Николая, то вопрос в течение некоторого времени оставался открытым. Однако на следующее лето император Вильгельм решил попытаться добиться чего-нибудь с помощью личного воздействия.

Когда император Николай находился вместе со своей семьей на яхте «Полярная Звезда» в финляндских водах, императору Вильгельму пришла в голову мысль явиться к нему в собственной яхте и сделать ему, можно сказать, неожиданный визит. Он настаивал на сохранении этого неожиданного посещения в полнейшей тайне, так как очень боялся приглашения из Петербурга министра иностранных дел графа Ламсдорфа для участия в совещании. Император Вильгельм прибыл в Бьёрке 23 июля с текстом договора в кармане, и ему удалось заставить императора Николая подписать его всего за несколько минут до своего от'езда после завтрака на яхте «Гогенцоллерн» после трехдневной стоянки. Он настоял затем на том, чтобы договор был контр-ассигнован г. фон-Чиршким, занимавшим высокий пост в германском министерстве иностранных дел и состоявшим германским послом в Вене в начале войны, а также адмиралом Бирилевым, русским морским министром, который случайно находился на яхте «Полярная Звезда», но от которого был скрыт характер документа, который ему пришлось контр-ассигновать. Как указывает г. Извольский, в то время как был подписан договор, Великобритания и Россия были почти открытыми врагами, и со стороны императора было вполне лойяльным актом заключить союз, направленный против прямого союзника Японии. С другой стороны, он никогда не замышлял вероломства по отношению к Франции. Он намерен был сначала посоветоваться с нею, прежде чем принять окончательные обязательства с своей стороны, но более сильная воля императора Вильгельма преодолела его сопротивление и заставила его, вопреки его собственным лучшим намерениям, подписать договор, не заручившись предварительно присоединением Франции. Николай попал в сети, расставленные для него императором Вильгельмом. Этот последний, прикидываясь другом Англии, в то же время со своим обычным вероломством старался составить коалицию против нас, — коалицию, в которую он надеялся принудить вступить и Францию, поставив ее перед фактом русско-германского союза.

Уже поняв совершенную им ошибку, император Николай по возвращении в Петербург посоветовался с графом Ламсдорфом. Последнему было нетрудно убедить его в необходимости предпринять безотлагательные шаги к аннулированию договора, и в соответствии с этим в Берлине были сделаны представления с указанием на то, что договор, не контр-ассигнованный русским министром иностранных дел, должен считаться неимеющим силы. Так как эти представления оказались безуспешными, то император Николай после того отправил письмо к императору Вильгельму с об'яснением, что осуществление предложений договора не-

возможно, так как присоединение Франции недостижимо. Хотя кайзер, повидимому, отнюдь не хотел согласиться с недействительностью договора, но инцидент был окончательно исчерпан в 1907 году, когда Извольский накануне свидания двух императоров в Свинемюнде уведомил германского канцлера, что император Николай считает договор в Бьёрке окончательно отмененным и не может выслушивать дальнейших аргументов в пользу его возобновления.

То обстоятельство, что император Николай иногда поддерживал в министрах, которых он собирался уволить в отставку, вплоть до последнего момента уверенность в том, что они пользуются его доверием, также приводилось критиками его величества в доказательство его вероломства. Принимая их в аудиенции, которая, вопреки их ожиданиям, оказывалась последней, он не делал им ни одного намека на то, что намерен с ними расстаться. Они уходили от него и возвращались в свои министерства, не питая ни малейшего предчувствия о том, что в течение ближайших 24 часов они получат от его величества письмо, увольняющее их от их обязанностей. Большинству из нас не нравится отказывать прислуге, такая же черта была и у императора. Он не был намеренно вероломным, но предпочитал сообщать им в письме то, чего он не имел морального мужества сказать им в лицо, особенно тогда, когда, как в случае с Сазоновым, он действовал под давлением императрицы.

Когда я возвратился из России в начале 1918 года, то его обвиняли в том, что он уже совсем готовится обмануть союзников заключением сепаратного мира с Германией. Я отвергал это позорное обвинение тогда, и я думаю, что в настоящем труде я установил, что Англия никогда не имела более лояльного друга и союзника, чем император Николай. Он был верен нам вплоть до самого конца, так как есть основание думать, что если бы он согласился выкупить свою жизнь и свободу в обмен за признание и утверждение Брест-Литовского договора, то германцы спасли бы его.

Его несчастье состояло в том, что он родился автократом, будучи по своему характеру столь неподходящим для этой роли. В действительности он никогда не правил Россией, и, позволив правящей аристократии пренебречь сделанными им в октябрьском манифесте 1905 года обещаниями свободы речи, собраний и т. д., он в значительной мере утратил доверие народа. Наследственное бремя становилось для него вся тяжелее по мере того, как он продолжал царствовать; то была огромная империя, в которой около 75% населения было безграмотно, в которой революционный дух

1905 года никогда не утихал, в которой церковь, сделавшаяся со времени уничтожения патриархата Петром Великим одним из государственных ведомств, быстро утрачивала обаяние в глазах народа вследствие скандальных назначений, произведенных благодаря влиянию Распутина, в которой суд был дурно организован, и почти каждая отрасль управления находилась в руках людей, столь же неспособных, как и развращенных; и вот вдобавок ко всему этому присоединилась мировая война! Вся система развинтилась, а он, бедный император, поистине не был рожден для того, чтобы привести ее в порядок.

Предчувствовал ли он грядущую систему, как это некоторые утверждают, или нет, во всяком случае, он сносил выпавшие на его долю несчастья и страдания с удивительной покорностью и мужеством. Будучи глубоко верующим человеком и фаталистом, он всегда готов был принять все, что пошлет ему бог. Как иллюстрацию его общего склада ума, я могу привести историю, о которой рассказывает Извольский в своих «Воспоминаниях». Дело происходило летом 1906 года. Извольский, занимавший тогда пост министра иностранных дел, отправился в Петергоф, где тогда пребывал двор, с обычным еженедельным докладом императору. В Кронштадте только что вспыхнул серьезный мятеж, как протест против недавнего роспуска Думы, и крепость была подвергнута бомбардировке флотом. Хотя канонада продолжалась в течение всей аудиенции, император с величайшим вниманием выслушал его доклад, как будто бы не случилось ничего необыкновенного, обсуждая вместе с ним все важнейшие вопросы. Когда по окончании доклада император поднялся и посмотрел в окно по направлению к Кронштадту, находившемуся в каких-нибудь 10 милях оттуда на другой стороне залива, Извольский не мог удержаться от вопроса: как может он оставаться столь спокойным в такую минуту, когда решается судьба династии? Император, поворачиваясь к нему, сказал, — привожу ответ его величества буквально, как он передан Извольским, так как он удачно заканчивает обзор этого царствования:

> «Если вы меня видите столь мало взволнованным, то это потому, что я питаю твердую, абсолютную уверенность, что судьба России, моя собственная судьба и судьба моей семьи находятся в руке бога, поставившего меня на то место, где я нахожусь. Что бы ни случилось, я склонюсь перед его волей, с сознанием того, что у меня никогда не было иной мысли, чем служить стране, которую он мне вверил».

ГЛАВА XXIV

1917

Наше признание Временного Правительства. — Выдвинутое против меня обвинение в поощрении русской революции.

В то время, как еще существовали шансы за то, что великий князь Михаил Александрович будет призван в качестве регента или императора, я просил и получил разрешение признать то правительство, какое образуется de facto (фактически), что могло бы быть наилучшим способом к укреплению его авторитета. Равным образом в разговорах с Милюковым, принявшим на себя обязанности министра иностранных дел, я энергично защищал необходимость сохранения услуг великого князя Николая Николаевича, как верховного главнокомандующего, всего более способного держать армию в руках. После отречения великого князя Михаила от престола единственной возможной для нас политикой было укрепление власти Временного Правительства в его борьбе с Советом. Последний разрушал армию своей социалистической пропагандой, и хотя большинство его членов выказывали себя сторонниками продолжения войны, но крайне левые его члены отстаивали мир во что бы то ни стало. Поэтому быстрое признание Временного Правительства было, по моему мнению, необходимо. Однако, когда Милюков 18 марта стал обсуждать со мной этот вопрос, я сказал ему, что прежде чем совершить шаг, на который я был уже уполномочен, я должен получить уверенность, что новое правительство готово продолжать войну до конца и восстановить дисциплину в армии. Милюков дал мне соответствующие заверения, но сказал, что правительство вынуждено действовать осторожно ввиду крайних левых, и что его собственное положение весьма затруднительно. На него смотрят с подозрением, так как он поддерживал притязания великого князя Михаила на престол, и он должен либо сделать некоторые уступки, либо уйти. Какой из этих двух путей, — спросил он, — был бы для меня предпочтительней? Я, не колеблясь, ответил: первый.

Первый официально признал Временное Правительство посол Соединенных Штатов 22 марта, — поступок, которым он всегда очень гордился. К несчастью, я слег на несколько дней в постель вследствие простуды, и только 24 числа я мог встать и отправиться со своими французским и итальянским коллегами в министерство, где князь Львов и другие члены правительства нас ожидали. В качестве старшины дипломатического корпуса я должен был говорить первым. Выразив свое удовольствие по поводу вступления в отношения с ними и заверив их в своей поддержке во всех вопро-

сах, касающихся укрепления нашего союза и ведения войны, я продолжал следующими словами:

«В этот торжественный час, когда перед Россией открывается новая эра прогресса и славы, более чем когда-либо необходимо не упускать из виду Германию, ибо победа Германии будет иметь последствием разрушение того прекрасного памятника свободе, который только что воздвиг русский народ. Великобритания протягивает руку Временному Правительству, убежденная, что это последнее, верное обязательствам, принятым его предшественниками, сделает все возможное для доведения войны до победного конца, употребляя особые старания к поддержанию порядка и национального единства, к возобновлению нормальной работы на фабриках и заводах и к обучению и поддержанию дисциплины в армии. Да, господа министры, если я сегодня имею честь приносить вам поздравление дружественной и союзной нации, то это потому, что мое правительство хочет верить, что под вашим высоким водительством новая Россия не отступит ни перед какими жертвами, и что, солидарная со своими союзниками, она не сложит оружия до тех пор, пока те великие принципы права и справедливости, свободы и национальности, защиту которых мы взяли на себя, не получат крепкой опоры и утверждения».

После речей двух остальных послов Милюков от имени своих коллег заверил нас, что Временное Правительство решило поддерживать соглашения и союзы, заключенные с его предшественниками, и продолжать войну до победного конца.

Моя речь была в общем хорошо принята, хотя одна газета предостерегала меня, что я не могу говорить с представителями свободной России тем же языком, каким я говорил с «фаворитами царя».

Те из моих читателей, которые имели терпение проследить за моим рассказом о последовательных стадиях русской революции — вплоть до нашего официального признания Временного Правительства, я думаю, оправдают меня от обвинений в том, что я принимал какое бы то ни было участие в ее осуществлении. Тем не менее многие все еще думают, что я был основной пружиной, что именно я дергал за веревку и пустил ее в ход. Даже после моего возвращения в Англию в начале 1918 года это обвинение неотступно меня преследовало, и мне никогда не удавалось сбросить его с себя. Некоторые из моих прежних русских друзей все еще смотрят на меня с подозрением, а некоторые из них даже повернулись ко мне спиной, как к косвенному виновнику несчастий, выпавших на долю их родины и их последнего императора.

Рассказы о моей революционной работе столь же многочисленны, как и смешны. Достаточно привести один из них в качестве типического образчика.

Однажды весной 1919 года я навестил Артура Давидсона, одного из моих старейших и самых дорогих друзей, кончину которого столь многие из нас оплакивают. Он как раз рассказывал мне, что некоторые экзальтированные личности склонны верить кое-каким из этих рассказов, когда в комнату вошел один из моих русских друзей из свиты императрицы Марии Феодоровны. Обменявшись приветствиями, я спросил, не подозревает ли меня также и он в том, что я был революционером. «Но ведь трудно, — ответил он, — не верить после того, что читаешь в газетах». На мой вопрос, что же такое соблаговолили газеты написать обо мне, он сказал: «Я читал в одной газете, что когда предавались земле жертвы Революции на Марсовом поле, то вы присутствовали на похоронах в сопровождении всей своей канцелярии и в полной парадной форме, при чем произнесли речь, восхваляющую революцию, и в заключение выразили надежду, что Англия в недалеком будущем последует примеру России и отделается от своего короля». — «Это, — ответил я, — действительно последний предел. Если вы, русские, верите подобного рода рассказам, то вы поверите всему. Неужели вы думаете, что если бы я произнес такую речь, то меня продолжали бы держать послом в Петрограде и что по возвращении в Лондон я удостоился бы самого милостивого приема со стороны своего государя?» Он не мог отрицать силы этого аргумента и снял с меня обвинение.

Рассказы, вроде приведенного, не нуждаются в дальнейших комментариях, но я не могу обойти молчанием более серьезных и конкретных обвинений, взведенных на меня в статьях и заметках, появившихся в печати разных стран. Для моей цели достаточно будет привести в качестве образца одну из последних таких статей, которая благодаря мировой известности журнала, в котором она появилась, привлекла к себе особенно сильное внимание.

В июне прошлого года журнал «Revue de Paris» поместил первую из ряда статей княгини Палей, вдовы великого князя Павла Александровича, под заглавием «Мои воспоминания о России». В ней она делает следующее заявление:

> «Английское посольство по приказу Ллойд Джорджа сделалось очагом пропаганды. Либералы, князь Львов, Милюков, Родзянко, Маклаков, Гучков и т. д., постоянно его посещали. Именно в английском посольстве было решено отказаться от легальных путей и вступить на путь революции. Надо сказать, что при этом сэр Джордж Бьюкенен, английский посол в Петрограде, действовал из чувства личной злобы. Император его не любил и

становился все более холодным к нему, особенно с тех пор, как английский посол связался с его личными врагами. В последний раз, когда сэр Джордж просил аудиенции, император принял его стоя, не попросив сесть. Бьюкенен поклялся отомстить, и так как он был очень тесно связан с одной великокняжеской четой, то у него одно время была мысль произвести дворцовый переворот. Но события превзошли его ожидания, и он вместе с лэди Джорджиной без малейшего стыда отвернулись от своих друзей, потерпевших крушение. В Петербурге в начале революции рассказывали, что Ллойд Джордж, узнав о падении царизма в России, потирал руки, говоря: «Одна из английских целей войны достигнута».

Что княгиня Палей одарена живым воображением,— для меня не тайна, и я могу только благодарить ее за это образцовое произведение искусства. Пересматривая некоторые старые письма несколько месяцев тому назад, я пробежал одно из них, написанное лорду Карнокку в декабре 1914 года, когда он был помощником государственного секретаря по иностранным делам; письмо это касается военного положения русского фронта. В нем я говорил о пессимизме, господствующем в некоторых кругах, и приводил в качестве примера рассказ о том, что великий князь Николай Николаевич находился в столь подавленном состоянии, что бо́льшую часть времени проводит на коленях перед иконами, заявляя, что бог его оставил. Я прибавлял, что эта история есть чистый вымысел и что она рассказана мне Палеологом, который обедал с графиней Гогенфельзен (так называлась в то время княгиня Палей) в ее дворце в Царском, которая славилась повсюду как обильный источник сплетен. Поэтому я не был удивлен, что она до такой степени извратила мое поведение.

Так как я не имею намерения прикрываться вымышленными инструкциями начальства, то я хотел бы сразу же заявить, что принимаю на себя полную ответственность за отношение Англии к революции. Правительство его величества (английское) всегда действовало по моим советам. Излишне говорить, что я никогда не принимал участия ни в какой революционной пропаганде, и г. Ллойд Джордж принимал слишком близко к сердцу наши национальные интересы для того, чтобы он мог уполномочить меня возбуждать революцию в России в разгар мировой войны. Совершенно верно, что я принимал в посольстве либеральных вождей, названных княгиней Палей, так как моею обязанностью, как посла, было поддерживать связь с вождями всех партий. Кроме того, я симпатизировал их целям и, как я уже упоминал, я советовался с Родзянко по вопросам об этих целях перед своей последней аудиенцией у импе-

ратора. Они не хотели возбуждать революции в течение войны. Напротив, они выказывали столько терпения и сдержанности, что правительство смотрело на Думу, как на ничтожную величину, и полагало, что оно может с нею совершенно не стесняться. Когда революция пришла, то Дума старалась овладеть ею, дав ей санкцию единственного легально-организованного органа в стране. Большинство думских вождей были монархистами. Родзянко до самой последней минуты надеялся спасти императора, составив для его подписи манифест, дарующий конституцию, а Гучков и Милюков поддерживали притязания великого князя Михаила Александровича на престол.

Маклаков, один из наиболее блестящих думских ораторов, также был монархистом. Я вспоминаю, как за обедом, данным впоследствии тогдашним министром иностранных дел Терещенко Керенскому, он возбудил негодование последнего, сказав: «Я всегда был монархистом». — «А теперь?» — воскликнул Керенский, с возмущением тыкая в него пальцем. Вместо ответа, Маклаков продолжал поносить тех, кто раболепствовал перед императором, когда тот был всемогущ, а теперь, когда его звезда закатилась, об'является себя горячим республиканцем. Мне нечего упрекать себя в том, что я поддерживал дружеские отношения с этими людьми. Правда, они разочаровали меня, так как, когда наступил кризис, то они не сумели овладеть положением. Однако я должен согласиться с тем, что они встретились с колоссальными затруднениями, и, к несчастью, среди них не нашлось ни одного сверхчеловека. Я хотел бы далее напомнить княгине Палей, что действительными провокаторами революции были лица вроде Распутина, Штюрмера, Протопопова и г-жи Вырубовой. Я старался держать их вдали от себя, тогда как г-жа Вырубова, непосредственно ответственная за то влияние, которым пользовался Распутин на императрицу, а также, если я не ошибаюсь, и другие поклонники этого «святого» были почетными гостями в доме княгини Палей. Мне рассказывали даже, что и сама княгиня имела, по крайней мере, одну беседу с Распутиным.

Оставлю на минуту княгиню Палей и вкратце об'ясню свое поведение во время кризиса. Я заодно с думскими вождями считал, что ходу военных операций нельзя наносить ущерба тяжким внутренним кризисом; и именно в целях предотвращения такой катастрофы я неоднократно предостерегал императора от угрожавшей ему опасности. Кроме того, и независимо от соображений чисто военного характера, я думал, что Россия может найти себе спасение в процессе постепенной эволюции, а не революции.

После того, как революция разрушила все здание императорской власти, не оставив никакой надежды на ее вос-

становление, после того, как император, покинутый всеми, за исключением нескольких преданных ему лиц, был вынужден отречься, после того, как ни один из его бесчисленных подданных не поднял и пальца в его защиту, — что мог сделать союзный посол, как не поддержать единственное правительство, способное бороться с разрушительными тенденциями Совета и вести войну до конца? Именно Временное Правительство сам император считал единственной надеждой для России, и, воодушевленный чистой и чуждой эгоизма любовью к отечеству, он в последнем приказе по армии призвал войска оказывать ему полное повиновение. И я оказывал этому правительству с самого начала лояльную поддержку; но мое положение было затруднительно, так как общество смотрело на меня с некоторой подозрительностью ввиду моих прежних связей с императорской фамилией. Мое внимание на это обстоятельство обратил Гью Уолпол, глава нашего бюро пропаганды, и просил меня показать теплотой своих выступлений на нескольких публичных митингах, где я должен был говорить, что я всей душой на стороне революции. Я так и делал. Но если я с воодушевлением говорил о вновь добытой Россией свободе, то только допуская поэтическую вольность: это делалось ради того, чтобы подсластить мой дальнейший призыв к поддержанию дисциплины в армии и к борьбе, а не братанью с германцами. Моей единственной мыслью было удержание России в войне.

Если, как хотят уверить мои критики, ответственность за революцию действительно падает на меня, то я могу лишь сказать, что я получил очень плохую награду за свои услуги: в самом деле, всего лишь несколько месяцев спустя после победы революции, я был категорически осужден официальным органом Совета рабочих и солдатских депутатов. В статье, появившейся 26 мая 1917 года, эта газета заявляла:

> «В первые дни революции великая перемена рассматривалась многими как победа военной партии. С этой точки зрения утверждали, что русская революция вызвана интригами Англии, и английский посол назывался источником, откуда исходило подстрекательство к революции. Однако ни по своим чувствам, ни по склонностям сэр Джордж Бьюкенен не повинен в победе свободы в России».

Так как княгиня Палей указывает на конкретный случай и обвиняет мою жену и меня в том, что мы покинули своих прежних друзей — великого князя Кирилла Владимировича и великую княгиню, его супругу, — то я расскажу ей, что произошло на самом деле. В одной из первых бесед с Милюковым, которую имели французский посол

и я после революции, Милюков выражал надежду, что мы воздержимся от встреч с членами императорской фамилии. Я тотчас же сказал ему, что не могу исполнить этой просьбы. Многие члены этой фамилии были весьма любезны по отношению ко мне, когда были всемогущи, и сейчас, когда они пали, я не могу повернуться к ним спиной. Я предупреждал его далее, что великая княгиня Виктория (жена великого князя Кирилла) — английская принцесса и что в случае необходимости я возьму ее под свою защиту. В действительности она никогда в ней не нуждалась, потому что великий князь Кирилл одним из первых признал революцию и поднял красный флаг. Впоследствии я посещал великую княгиню Ксению и моего друга великого князя Николая Михайловича. Как я, так и жена посетили также несколько раз великую княгиню Викторию, и моя жена однажды взяла ее вместе с собой покататься. Несколько недель спустя то обстоятельство, что я привык посещать членов императорской фамилии, стало известным, и так как этот вопрос был поднят в печати, то мне дано было понять, что я должен либо отказаться от этих посещений, либо уйти. Поэтому моя жена написала великой княгине письмо, об'яснив ей, что для меня, как официального лица, нет иного выхода, кроме как исполнить желание Временного Правительства. Ее императорское высочество ответила очаровательным письмом, в котором она заявляла, что вполне это понимает и надеется, что нам удастся встретиться при более счастливых обстоятельствах. Я не знаю, кто тем временем посеял раздор между нами, но год спустя великий князь в интервью, данном им одному английскому журналисту в Финляндии, упрекал меня в том, что после революции я выказал ему и великой княгине холодность, которая, как он любезно прибавил, «не была с его стороны особенно мила и не свидетельствовала о храбрости». Мы были тогда в Англии, и, несмотря на это совершенно неверное и неприязненное заявление, моя жена, услышав, что их дети плохо питаются, послала им несколько ящиков провизии. Единственная благодарность, которую она за это получила, было извещение от няни о получении посылок.

В следующем номере того же журнала княгиня Палей заявляет следующее:

> «Английский король, беспокоясь за своего кузена — императора и за его семью, телеграфировал их величествам через посредство Бьюкенена с предложением выехать, как можно скорее, в Англию, где семья найдет спокойное и безопасное убежище. Он прибавлял далее, что германский император поклялся, что его подводные лодки не будут нападать на судно, на котором будет находиться императорская семья. Что же делает Бьюке-

нен по получении телеграммы, которая была приказом? Вместо того, чтобы передать ее по назначению, что было его обязанностью, он отправляется советоваться с Милюковым, который советует ему оставить эту телеграмму без последствий. Самая элементарная добросовестность, особенно в «свободной стране», состояла в том, чтобы передать телеграмму по назначению. В своей газете «Последние Новости» Милюков признался, что все это верно и что сэр Джордж Бьюкенен сделал это по его просьбе и из уважения к Временному Правительству».

Под влиянием чувства личной неприязни княгиня Палей допускает заведомую неправду. Король никогда не поручал мне передать императору телеграмму, предлагающую ему немедленно выехать в Англию. Единственная телеграмма, адресованная его величеством императору после отречения последнего, была послана через генерала Генбери Вильямса, нашего военного представителя в ставке, но в ней не было ни слова о приезде его в Англию. Так как эта телеграмма прибыла в Могилев уже после от'езда императора в Царское, то генерал Генбери Вильямс переслал ее мне с просьбой доставить ее его величеству. Но император был в действительности узником в своем дворце, и я, как и мои коллеги, были отрезаны от всякого сообщения с ним. Поэтому единственной возможностью для меня было просить Милюкова немедленно вручить телеграмму его величеству. Посоветовавшись с князем Львовым, Милюков согласился сделать это. На следующий день (25 марта) он сообщил мне, что, к своему сожалению, он не может исполнить своего обещания. Он сказал, что крайние сильно противятся мысли об от'езде императора из России, и правительство боится, что слова короля могут быть ложно истолкованы во зло и использованы для доказательства необходимости ареста императора. Я возражал, что в телеграмме короля нельзя вычитать никакого политического содержания. Вполне естественно желание его величества известить императора, что его мысли с ним, и что постигшие его несчастья ничуть не изменили чувства дружбы и привязанности к нему со стороны короля. Милюков сказал, что он лично вполне с этим согласен, но что так как другие могут понять это иначе, то в настоящее время лучше не передавать телеграммы.

Впоследствии я получил приказание не делать никаких дальнейших шагов по этому вопросу.

Так как помимо княгини Палей и другие указывали на то, что ни я, ни правительство его величества не сделали того, что могли для того, чтобы добиться от'езда императора из России, то я вкратце расскажу, что мы сделали на самом деле.

21 марта, когда его величество был еще в ставке, я спросил Милюкова, правда ли, как это утверждают в прессе, что император был арестован. Он ответил, что это не вполне правильно. Его величество лишен свободы, — превосходный эвфемизм, — и будет доставлен в Царское под эскортом, назначенным генералом Алексеевым. Поэтому я напомнил ему, что император является близким родственником и интимным другом короля, прибавив, что я буду рад получить уверенность в том, что будут приняты всяческие меры для его безопасности. Милюков заверил меня в этом. Он не сочувствует тому, сказал он, чтобы император проследовал в Крым, как первоначально предполагал его величество, и предпочитал бы, чтобы он остался в Царском, пока его дети не оправятся в достаточной степени от кори, для того, чтобы императорская семья могла выбыть в Англию. Затем он спросил, делаем ли мы какие-нибудь приготовления к их приему. Когда я дал отрицательный ответ, то он сказал, что для него было бы крайне желательно, чтобы император выехал из России немедленно. Поэтому он был бы благодарен, если бы правительство его величества предложило ему убежище в Англии, и если бы оно, кроме того, заверило, что императору не будет дозволено выехать из Англии в течение войны. Я немедленно телеграфировал в министерство иностранных дел, испрашивая необходимых полномочий. 23 марта я уведомил Милюкова, что король и правительство его величества будут счастливы исполнить просьбу Временного Правительства и предложить императору и его семье убежище в Англии, которым, как они надеются, их величества воспользуются на время продолжения войны. В случае, если это предложение будет принято, то русское правительство, прибавил я, конечно, благоволит ассигновать необходимые средства для их содержания. Заверяя меня в том, что императорской семье будет уплачиваться щедрое содержание, Милюков просил не разглашать о том, что Временное Правительство проявило инициативу в этом деле. Затем я выразил надежду, что приготовления к путешествию их величеств в порт Романов будут сделаны без проволочки. Мы полагаемся, сказал я, на то, что Временное Правительство примет необходимые меры к охране императорской семьи, и предупредил его, что если с нею случится какое-нибудь несчастье, то правительство будет дискредитировано в глазах цивилизованного мира. 26 марта Милюков сказал мне, что они еще не сообщали об этом проектируемом путешествии императору, так как необходимо предварительно преодолеть сопротивление Совета и что их величества ни в каком случае не могут выехать прежде, чем их дети не оправятся.

Я не раз получал заверения в том, что нет никаких оснований беспокоиться за императора, и нам не оставалось ничего более делать. Мы предложили убежище императору, согласно просьбе Временного Правительства, но так как противодействие Совета, которое оно напрасно надеялось преодолеть, становилось все сильнее, то оно не отважилось принять на себя ответственность за от'езд императора и отступило от своей первоначальной позиции. И мы должны были считаться с нашими экстремистами, и для нас было невозможно взять на себя инициативу, не будучи заподозренными в побочных мотивах. Сверх того, нам было бесполезно настаивать на разрешении императору выехать в Англию, когда рабочие угрожали разобрать рельсы впереди его поезда. Мы не могли предпринять никаких мер к его охране по пути в порт Романов. Эта обязанность лежала на Временном Правительстве. Но так как оно не было хозяином в собственном доме, то весь проект, в конце концов, отпал.

После опубликования настоящей главы в «Revus de Paris» от 15 марта г. Милюков выразил протест против утверждения, сделанного в ее заключительной части.

Настаивая на всем мною сказанном, я хотел бы указать (добавлено 25 апреля 1923 г.), что я не поднимал вопроса о доброй воле Временного Правительства и не указывал на то, что оно намеренно ставило препятствия к от'езду императора. Напротив, я ясно указал, что именно ему принадлежит инициатива возбуждения перед нами просьбы о предоставлении императору и его семье убежища в Англии. Мы с своей стороны немедленно согласились на эту просьбу и в то же время побуждали его сделать необходимые приготовления для путешествия в порт Романов. Больше этого мы сделать не могли. Наше предложение осталось открытым и никогда не было взято назад. Если им не воспользовались, то это произошло потому, что Временному Правительству не удалось преодолеть противодействия Совета. Оно не было, как я утверждал и повторяю, хозяином в своем собственном доме [1]).

Происхождение и цели миссии г. Гендерсона, на которую ссылается Милюков в доказательство перемены нашей позиции, об'явлены в главе XVII.

---

[1]) В приложении читатель найдет статейку Керенского, дополняющую рассказ Бьюкенена. В частности, она вносит поправку в сообщение Бьюкенена, что «наше предложение осталось открытым и никогда не было взято назад». *Ред.*

ГЛАВА XXV

1917

Восстановление порядка в Петрограде. — Подрыв дисциплины в армии. — Временное Правительство. — Борьба между правительством и Советом. — Взгляды Керенского. — Выступление на сцену Ленина.

Трудно сказать, сколько человек погибло во время «бескровной» революции, но, согласно большинству сообщений, число это не достигает тысячи. Наихудшие сцены разыгрались в Выборге и Кронштадте. В обоих этих городах не мало офицеров армии и флота было убито инсургентами. Петроград, благодаря принятым правительством мерам, быстро принял нормальный вид, и, несмотря на полное отсутствие полиции, повсюду господствовал порядок. Особенно это было заметно при похоронах жертв революции на Марсовом поле 5 апреля, когда бесконечные процессии проходили в полнейшем порядке с 10 часов утра до позднего вечера. В общем было лишь около 200 гробов, и когда каждый из них опускался в могилу, с крепости салютовали пушечным выстрелом. Однако при церемонии не было духовенства, она и была лишена какого бы то ни было религиозного характера. Хотя правительство, принимая власть, выпустило воззвание, приглашавшее одинаково как граждан, так и солдат составить об'единенный фронт против врага и предлагавшее солдатам слушаться офицеров, однако его старания обеспечить энергичное продолжение войны были парализованы поведением Совета.

Большинство членов Совета считало хорошо дисциплинированную армию опасным оружием, которое может быть в свое время обращено против революции, между тем как большевики предвидели, что разложение армии отдаст в их распоряжение массы вооруженных крестьян и рабочих, которые помогут им захватить власть.

Впечатление, произведенное на меня новыми министрами, когда я пришел сообщить им о нашем официальном признании, было не таково, чтобы внушить мне большую уверенность в будущем. Большинство из них уже обнаруживали признаки переутомления и, — что меня особенно удивило, — казались взявшими на себя непосильную задачу. Князь Львов в качестве земского вождя произвел неоценимую работу по организации вспомогательных учреждений для снабжения армии теплой одеждой и другими крайне необходимыми вещами, и как он, так и его коллеги были бы превосходными министрами в более нормальное время. Но положение очень далеко от нормального, и в надвигавшейся борьбе с Советом требовался человек действия, способный воспользоваться первой благоприятной возможностью

для подавления этого соперничавшего и незаконно образовавшегося собрания. В правительстве не было ни одного такого человека. Военный министр Гучков был энергичным, живым и вполне способным восстановить необходимую дисциплину в армии, но он не мог вести за собой коллег и, в конце концов, вышел в отставку в знак протеста против их слабости. Милюков, будучи преданным другом союзников, настаивал на строгом соблюдении договоров и соглашений, заключенных с ними императорским правительством. Он считал приобретение Константинополя вопросом жизненной важности для России, но по этому вопросу его голос был едва ли не единственным во Временном Правительстве.

Что касается пропаганды, развиваемой социалистами на фронте, то в этом отношении Милюков был плачевно слаб и утверждал, что здесь нельзя сделать ничего, кроме организации противопропаганды. Керенский был единственным министром, личность которого, хотя и не вполне симпатичная, заключала в себе нечто останавливающее внимание и импонирующее. В качестве оратора он обладал гипнотизирующей силой, очаровывавшей аудиторию, и в первые дни революции он непрерывно старался сообщить рабочим и солдатам частицу своего собственного патриотического пыла. Однако, защищая продолжение войны до конца, он отвергал всякую мысль о завоеваниях, и тогда как Милюков говорил о приобретении Константинополя, как об одной из целей России в войне, он энергично отрекался от солидарности с ним. Благодаря своему уменью владеть массами, личному влиянию на товарищей по правительству и отсутствию сколько-нибудь способных соперников, Керенский был единственным человеком, от которого мы могли ожидать, что он сумеет удержать Россию в войне. Министр финансов Терещенко, впоследствии ставший министром иностранных дел, был одним из наиболее обещающих членов нового правительства. Очень молодой, пылкий патриот, с блестящим умом и с безграничным доверием к Керенскому, он был склонен к излишнему оптимизму. Лично я его очень уважал, и мы вскоре стали друзьями. Его мать была очень богата, и о нем предполагали, хотя и без оснований, что он финансирует революцию. Забавную историю рассказывают в связи с этим. Когда после большевистской революции Терещенко вместе со своими коллегами был арестован и заключен в крепость, Щегловитов, реакционер, бывший министр юстиции и товарищ Терещенко по заключению, встретив его во дворе для прогулок, сказал ему: «Вы заплатили 5 миллионов рублей за то, чтобы оказаться здесь, а я засадил бы вас сюда бесплатно».

Познакомив своих читателей с наиболее значительными членами Временного Правительства, я намерен теперь для

того, чтобы дать им более ясное представление об этих лицах, а также и о своих личных впечатлениях о вечно изменявшемся положении, привести извлечения из некоторых своих частных писем в министерство иностранных дел.

2 апреля.

«В Совете произошел раскол, и социалисты — сторонники мира — потеряли почву. Как говорят, войска настроены в общем в пользу продолжения войны, и даже социалисты заявляют, что они станут брататься с германскими социалистами только в том случае, если последние низложат Гогенцоллернов. На фабриках и заводах работы возобновлены, но вследствие увольнения многих инженеров и мастеров производительность гораздо меньшей прежней. Наиболее поразительной чертой является полнейший порядок, царящий в городе. Только в трамваях и железнодорожных поездах, где солдаты захватывают силой лучшие места, не желая за них платить, наблюдается действительный беспорядок. Однако в некоторых сельских местностях крестьяне произвели порубки леса частных владельцев и говорят о разделе помещичьих земель. Однако насколько я знаю, и там не наблюдается поджогов или чего-нибудь сходного с организованной жакерией».

9 апреля.

«Социалистическая пропаганда в армии продолжается, и хотя я не упускаю случая указать министрам на гибельные последствия такого рода разрушения дисциплины, они, повидимому, бессильны предотвратить его. Не только отношения офицеров и солдат в высшей степени неудовлетворительны, но и немало солдат самовольно уходят домой. В некоторых случаях их побуждали к этому слухи о близком разделе земли и желание быть на месте, чтобы обеспечить свою долю в грабеже. Я не хочу быть пессимистом, но если положение не улучшится, то мы, вероятно, услышим о серьезном несчастьи, как только германцы решат предпринять наступление.

«По представлению русских, свобода состоит в том, чтобы легко относиться к вещам, требовать двойной заработной платы, демонстрировать на улицах и проводить время в болтовне и голосовании резолюций на публичных митингах. Министры работают до-упаду и питают наилучшие намерения. Но, хотя мне все время повторяют, что их положение упрочивается, однако, я не вижу никаких признаков укрепления их авторитета. Совет продолжает действовать так, как будто бы он был правительством, и он уже пытался заставить министров обратиться к союзным правительствам по вопросу о мире.

«Керенский, с которым у меня был вчера длинный разговор, не сочувствует мысли о применении в настоящее время энергичных мер против Совета или против социалистической пропаганды в армии. В ответ на мое указание, что правительство никогда не станет хозяином положения, пока будет допускать, чтобы им командовала соперничающая организация, он сказал, что Совет умрет естественной смертью, что настоящая агитация в армии прекратится, и что армия тогда окажется более способной помочь союзникам выиграть войну, чем это было при старом режиме.

«Россия, — заявил он, — готова поддерживать войну, которую он назвал защитительной, в противоположность войне завоевательной, хотя стратегическое наступление может оказаться необходимым для обеспечения целей этой войны. Участие в войне двух великих демократий может, в конце концов, заставить союзников изменить свое представление об условиях мира, и он говорил, как об идеальном мире, о таком, «который обеспечил бы право самоопределения для каждой нации». Я сказал ему, что наш ответ на ноту президента Вильсона показал, что мы воюем не ради завоеваний, но в защиту принципов, которым должна сочувствовать русская демократия. Вопрос о том, считать ли действительным соглашение относительно Константинополя, — вопрос, по которому он и Милюков держатся столь противоположных взглядов, — должна решить сама Россия. Затем Керенский говорил о своих надеждах на то, что русские социалисты окажут влияние на германских социал-демократов, утверждая, что Россия ввела в войну новую силу, которая, воздействуя на внутреннее положение Германии, может принести нам прочный мир. Однако он соглашался с тем, что если эти надежды окажутся ложными, то нам придется воевать до тех пор, пока Германия не уступит воле Европы.

«Большое несчастье, что Петроград является резиденцией правительства, так как в Москве и провинции положение более отрадное, и я думаю, что большинство народа относится столь же неприязненно к нынешней своей столице, как и я. Только здесь, в Петрограде, где имеется немало германских агентов, делаются на нас нападки в печати крайнего крыла рабочей партии. В остальном общее настроение страны по отношению к Англии превосходно. Несколько дней тому назад произошла демонстрация перед посольством, в которой принимало участие около 4.000 казаков. Генерал, командующий этими полками, сначала попросил меня явиться на Марсово поле и принять парад этих частей, при чем любезно предоставлял в мое распоряжение для этой цели «смирную» лошадь. Я должен был сказать ему, что это честь, которой я, как посол, не могу принять.

Поэтому дело было устроено так, что полки прошли мимо посольства, а я наблюдал их с балкона. После того, как войска прошли, их командир вместе с делегацией, состоявшей приблизительно из пятидесяти казаков, явился ко мне в кабинет и произнес патриотическую речь в защиту продолжения войны.

«В минувшую субботу я, а также мои французский и итальянский коллеги были приглашены на представление в оперу, организованное полком, который считается виновником революции, так как он первый перешел на сторону народа. Мы сидели в одной из императорских лож, а правительство заняло противоположную ложу. Центральная ложа была занята революционерами, возвратившимися из Сибири после долгих лет ссылки. В их числе находилась Вера Фигнер, осужденная за участие в убийстве Александра II, и Вера Засулич, совершившая покушение на жизнь Трепова в 1877 г. Когда мы в один из антрактов зашли к министрам, то нас повели в центральную ложу и представили сидевшим там лицам. Никто не считал бы чего-нибудь подобного возможным несколько месяцев тому назад».

10 апреля (лорду Мильнеру).

«Как все здесь изменилось со времени вашего от'езда! Хотя я был подготовлен к тому, что произойдет нечто неожиданное, однако я никогда не воображал, что царизм распадется на куски при первом дуновении революции...

«Военные перспективы в высшей степени неутешительны, и лично я потерял всякую надежду на успешное русское наступление весною. Равным образом я не держусь оптимистических взглядов на ближайшее будущее этой страны. Россия не созрела для чисто демократической формы правления и в ближайшие несколько лет мы, вероятно, будем свидетелями ряда революций и контр-революций, как это было около пятисот лет назад в «смутное время» [1]). Как писала мне однажды старая журналистка, «Россия похожа на славянскую женщину: она любит мужа, в котором видит своего властелина, и, как это поется в одной старой крестьянской песне, она спрашивает своего супруга, не разлюбил ли тот ее, раз он уже не бьет ее из ревности». Император был слишком слаб для того, чтобы его могли уважать, как властелина, и в то же время он, как слепой, не видел, что пришла пора уступок. Обширная империя, подобная России, заключающая в себе самые различные расы, не уцелеет от распада при республике. По моему мнению, распад произойдет раньше или позже даже при федералистической

[1]) Как известно, «смутное время» было не пятьсот, а триста лет назад, в начале XVII века. *Прим. перев.*

системе. Русский народ очень религиозен, но его религия есть религия символов и церемоний, и в политической жизни он также ищет церемоний. Во главе государства он должен иметь некоторого рода воображаемого владыку, на которого он мог бы смотреть с почтением, как на олицетворение своих национальных идеалов».

16 апреля.

«Вчера я посетил князя Львова, которого застал в весьма оптимистическом настроении. Когда я серьезно обратил его внимание на состояние армии, он спросил меня о причинах моего пессимизма. Я сказал ему, что, тогда как министры постоянно уверяют меня, что армия теперь будет оказывать нам гораздо большие услуги, чем это было при империи, наши военные атташе, посетившие петроградские полки и говорившие с офицерами, возвратившимися с фронта, держатся противоположного взгляда. На основании того, что они мне говорят, я опасаюсь, что если только не будут немедленно приняты меры к недопущению социалистических агитаторов на фронт, то армия никогда не будет в состоянии принимать действительное участие в войне. Меня также очень озабочивает от обстоятельство, что правительство, повидимому, не в состоянии избавиться от контроля Совета рабочих и солдатских депутатов. Львов успокаивал меня, указывая, что единственными двумя слабыми пунктами на фронте являются Двинск и Рига. Армия в общем здорова, и попытки агитаторов разрушить ее дисциплину будут безуспешны. Правительство может рассчитывать на поддержку армии, и даже петроградский гарнизон, подобно войскам на фронте, предлагал разогнать Совет рабочих депутатов. Однако, прибавил он, этим предложением правительство не могло воспользоваться, не подвергаясь обвинению в том, что оно замышляет контр-революцию.

«Я не могу разделять оптимизма, с которым князь Львов и его коллеги смотрят на положение. Революция привела во временное бездействие машину управления, и во многих административных ведомствах царит дезорганизация. Война внушает мало энтузиазма, и социалистическая пропаганда усилилась благодаря прибытию новых анархистов из-за границы. Я говорю только о Петрограде, но Петроград в настоящее время правит Россией и, повидимому, будет править еще в течение некоторого времени.

«Ссылаясь на выражение «мир без аннексий», вошедшее в резолюцию, принятую с'ездом рабочих депутатов, Львов заметил, что в нее можно вложить любой смысл, какой мы хотим, напр., освобождение от ига неприятеля.

«Я имел продолжительный разговор в субботу с О'Греди и Торном, — двумя нашими рабочими делегатами. Они про-

извели на меня превосходное впечатление, и я надеюсь, что они будут в состоянии принести некоторую пользу. Однако крайние социалисты не очень доступны заграничным влияниям».

Среди вновь прибывших анархистов, на которых я обращал внимание в приведенном письме, был Ленин, приехавший в запломбированном вагоне через Германию. Он появился публично в первый раз на собрании социал-демократической партии и был плохо принят. Он поселился без разрешения, но и без какой бы то ни было помехи, со стороны правительства во дворце известной балерины Кшесинской, и когда мы ездили по вечерам на острова, то иногда видели его или одного из его последователей, произносящих речь с балкона перед толпой.

23 апреля.

«В некоторых местах фронта германские солдаты братаются с русскими и пытаются довершить дело, начатое социалистами, побуждая их убивать офицеров. Но, как ни тревожно состояние армии, я боюсь, что если мы предпримем здесь коллективное выступление и будем угрожать приостановкой доставки какого бы то ни было военного материала в случае, если не будет немедленно подавлена разрушительная пропаганда, мы сыграем только в руку социалистов, утверждающих, что если союзники оставят Россию без военного снабжения, то у нее не будет никакого иного выхода, как заключение мира.

«Керенский вчера вечером присутствовал в посольстве на обеде вместе с Торном и О'Греди, и я совершенно откровенно высказал ему во время длинной беседы, почему моя вера в армию и даже во Временное Правительство поколебалась. Он соглашался с достоверностью приведенных мною фактов, но сказал, что он знает свой народ и что он надеется только на то, что германцы не будут долго откладывать наступления, потому что раз начнутся бои, армия воспрянет духом. Он сказал, что хочет сделать войну национальной, как в Англии и во Франции. Он не видит опасности свержения Временного Правительства, так как лишь незначительное меньшинство армии стоит на стороне Совета. Он прибавил, что коммунистические доктрины, проповедуемые Лениным, лишили социалистов почвы.

«В настоящее время для нас будет лучше ограничить свои выступления индивидуальными представлениями со стороны союзных послов. Если результаты боев покажут, что армия деморализована, то тогда мы должны будем прибегнуть к какому-нибудь совместному выступлению.

«Терещенко сказал мне сегодня утром, что Совет напуган анархическими речами Ленина и стал более уступчивым.

«Я имел с ним небольшую беседу относительно Константинополя. Он сказал, что он никогда не был сторонником постоянной оккупации Константинополя Россией, потому что это было бы чистым проигрышем и потребовало бы большого гарнизона. Он хотел бы, чтобы Константинополь был превращен в вольную гавань, над которой Россия пользовалась бы некоторой распорядительной властью. Он сказал мне, что я ошибаюсь, предполагая, что князь Львов, подобно Милюкову, сочувствует аннексии Константинополя, но, к моему удивлению, прибавил, что настоящее правительство в некоторых отношениях столь же националистично, как и последнее императорское правительство. Он добавил затем, что для России интерес жизненного значения представляют другие турецкие провинции, например, Армения и Курдистан. Он, очевидно, разделяет взгляды Керенского на то, что наши соглашения относительно Малой Азии должны быть в значительной мере изменены, и что конечной целью всех наших договоров относительно Малой Азии должно быть предотвращение всякой возможности проникновения туда Германии в будущем. На мое замечание, что раз России не нужен Константинополь, то чем скорее она об этом заявит, тем будет лучше, он возразил, что Временное Правительство не полномочно отказываться от того, что обещано России, пока оно не удостоверится в желаниях народа на этот счет.

«Терещенко — человек очень умный и желает помочь нам в отношении доставки обещанной пшеницы и строевого леса. У меня с ним наилучшие отношения, и я постепенно вхожу также в дружбу с Керенским, который вначале скорее относился с подозрительностью к моим действительным чувствам в отношении революции. К несчастью, он плохо говорит по-французски, но когда он обедал в посольстве, то Локкарт (наш генеральный консул в Москве), который бегло говорит по-русски, служил для нас переводчиком, и мы имели продолжительную и откровенную беседу. Он сказал мне на прощанье, что наш разговор принесет плоды. Мне было забавно то обстоятельство, что он пришел на обед в сопровождении своего ад'ютанта, которого я не приглашал. Это было курьезно со стороны министра-социалиста, который никогда не носит иного костюма, кроме обыкновенной черной рабочей куртки».

30 апреля.

«Между Керенским и Милюковым происходит генеральное сражение по вопросу о знаменитой формуле «мир без аннексий», и так как большинство министров находится на стороне Керенского, то я не буду удивлен, если Милюкову придется уйти. Это будет во многих отношениях

потерей, так как он является представителем умеренного элемента в кабинете и держится вполне здоровых взглядов по вопросу о войне, но он пользуется столь слабым влиянием на своих коллег, что никогда не знаешь, окажется ли он в состоянии осуществить на деле то, что обещает.

«Правительство все еще держится выжидательной позиции и предпочитает, чтобы инициатива в отношении Ленина исходила от народа. Милюков, с которым я как-то говорил по этому вопросу, сказал, что возмущение народа против Ленина растет, и что войска готовы арестовать его, когда правительство отдаст об этом приказ, но что последнее не хочет ускорят событий из опасения вызвать гражданскую войну. Я сказал ему, что для правительства наступила пора действовать, и что Россия никогда не выиграет войны, если Ленину будет разрешено продолжать возбуждать солдат к дезертирству, к захвату земли и к убийствам. Он ответил, что правительство выжидает лишь психологического момента, который, по его мнению, не за горами. Милюков выразил также более утешительные взгляды на взаимоотношения между Временным Правительством и Советом. Последний подвергается полной реорганизации. Количество его членов уменьшено до шестисот, и избран новый исполнительный комитет. В результате этого преобразования он окажется более умеренной, но в то же время более сильной организацией. Поэтому не следует отвергать его притязаний на контроль и направление политики правительства.

«В виду положения на фронте и нового морального элемента, выдвинутого революцией, я лично полагаю, что мы должны согласиться на пересмотр некоторых из наших соглашений. Я стараюсь успокоить рабочую партию и социалистов, которые постоянно нападают на Англию за то, что она желает продолжать войну ради империалистических целей. Я пытался в своих речах разубедить их в этой мысли, но без особого успеха. Я старался также об'яснить, что некоторым из русских политических эмигрантов не было разрешено возвратиться в Россию не ввиду их политических взглядов, но ввиду транспортных затруднений. Эти слова вызвали новые нападки на меня, между тем как социалистическая пресса обвиняет наших рабочих делегатов в том, что они являются оплаченными эмиссарами нашего правительства, а не действительными представителями британского труда».

Я должен дать краткое об'яснение того, что сказано в конце этого письма. Враждебные Англии нападки прессы в виду задержания ею русских политических эмигрантов приняли столь серьезный оборот, что стали даже угрожать опасностью жизни некоторым англичанам, владельцам фабрик, положение которых и так стало далеко не безопасным

вследствие ненадежного отношения со стороны рабочих. Поэтому я должен был серьезно переговорить с Милюковым и потребовать от него принять меры к тому, чтобы положить конец этой кампании в прессе. В ответ на его возражение, что русское правительство подвергается таким же нападкам, я ответил, что это не мое дело, и что я не могу допустить, чтобы мое правительство употреблялось в качестве громоотвода для парализования нападок на русское правительство. Затем я напомнил ему, что в начале апреля я поставил его в известность, что Троцкий и другие русские политические эмигранты задержаны в Галифаксе впредь до выяснения намерений Временного Правительства в отношении их. 8 апреля по его просьбе я просил мое правительство освободить их и разрешить им продолжать путь в Россию. Два дня спустя он просил меня взять назад эту просьбу и сообщить, что Временное Правительство надеется, что они будут задержаны в Галифаксе вплоть до последующего сообщения о них. Поэтому именно Временное Правительство ответственно за их дальнейшее задержание до 21 апреля, и я должен буду огласить этот факт, если не будет опубликовано сообщение о том, что мы не отказывали в визировании паспортов ни одному русскому, если об этом просили русские консульские власти. Он согласился сделать это.

Нападки на наших рабочих делегатов были вызваны сообщением, присланным русским социалистам одним из членов независимой рабочей партии в Лондоне. Это дело было, в конце концов, раскрыто г. Гейндманом, который просил Керенского по телеграфу «опровергнуть самым решительным образом лживое заявление независимой рабочей партии».

ГЛАВА XXVI

1917

Борьба между Милюковым и Керенским. — Цели войны. — Столкновение с Советом. — Правительство одерживает моральную победу. — Назначение Керенского военным и морским министром. — Социализм у власти. — Кадеты. — Социалисты-революционеры. — Социал-демократы. — Большевики.

Настоящую главу я начну несколькими дальнейшими выписками из своих писем в министерство иностранных дел.

7 мая.

«Со времени моего последнего письма мы прошли через новый кризис, вызванный нотой Милюкова союзным правительствам по поводу войны. Эта нота была результатом компромисса между сторонниками Керенского и Милюкова.

Она была принята и одобрена первым, а зато последний согласился сообщить союзникам декларацию правительства, отвергающую всякую мысль о насильственных завоеваниях. Милюков настойчиво утверждал, что Россия должна получить как Константинополь, так и проливы, и на этом основании, равно как и в виду обязательств, уже принятых на себя Россией в отношении союзников, всегда отказывался от возбуждения вопроса о пересмотре существующих соглашений. Он считал, что сообщать союзным правительствам декларацию, обращенную к русскому народу, означало бы приглашать их косвенным образом к пересмотру соглашений. Между ним и Керенским происходила постоянная борьба, и однажды его положение было настолько поколеблено, что его уход считался почти неизбежным. Кадетская партия, вождем которой он состоит, пошла на риск и прибегла к давлению на правительство, угрожая ему, что отставка Милюкова повлечет за собою уход всех прочих членов правительства, принадлежащих к этой партии.

«В конце концов, Милюков согласился опубликовать декларацию, а правительство одобрило составленную им препроводительную ноту. Последняя была составлена таким языком, что, если и не противоречила букве декларации, то, бесспорно, противоречила ее духу. Она вызвала настоящую бурю в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, где на нее посмотрели, как на отказ от всего того, что было заявлено в декларации. Четверг был настоящим днем кризиса. К вечеру несколько полков прибыло на площадь перед Мариинским дворцом, где заседал совет министров, и присоединилось к толпе, уже собравшейся там с целью произвести демонстрацию против правительства. Раздавались крики: «Долой правительство!», «Долой Милюкова!», но, в конце концов, удалось убедить войска возвратиться в казармы.

«Позже вечером происходили контр-демонстрации, направленные главным образом против Ленина и его сторонников, и, после того как несколько министров произнесли речи перед толпой с балкона дворца, счастье повернулось в их сторону. Правительство осталось твердым, об'явив себя вполне солидарным по вопросу о ноте, и угроза их совместного ухода, а также того, что в этом случае новое Временное Правительство будет сформировано в Москве, заставила Совет умерить свой пыл. Сверх того Совет сознавал, что, как соглашались его члены впоследствии, сам он недостаточно силен, чтобы взять в свои руки власть, и так как правительство согласилось на опубликование дополнительного сообщения, раз'ясняющего ноту, то Совет об явил инцидент исчерпанным. Это соглашение было достигнуто только в пятницу вечером, и в течение всего этого

вечера на Невском и прилегающих улицах все время происходили демонстрации и контр-демонстрации. На Невском произошло столкновение между толпами сторонников и противников Ленина, при чем несколько человек было убито и ранено. Между девятью и 10 ч. 30 мин. я выходил три раза на балкон посольства, чтобы принять овации и говорить речи толпе, демонстрировавшей в защиту правительства и союзников. В одной из этих демонстраций происходила открытая борьба между сторонниками правительства и ленинцами.

«В настоящее время опять наступило полное спокойствие, и демонстрации запрещены на несколько дней. Разумеется, Милюков очень гордится тем, что он называет большой победой правительства; однако, хотя правительство, несомненно, можно поздравить с успешным исходом столкновения с Советом, но последний продолжает действовать так, как если бы он был господином положения.

«После того, как были написаны эти строки, я имел беседу с Терещенко. В ответ на мой вопрос он сказал, что не разделяет мнения Милюкова о том, что исход недавнего конфликта между Советом и правительством является большой победой для последнего. Он явился моральной победой, и, к счастью, ответственность за кровопролитие падает на противника, а не на сторонников правительства. Кроме того, он обнаружил количественное превосходство тех, кто стоит на стороне правительства. Этому можно противопоставить притязание Совета на исключительное право давать приказы войскам. Правительство, — сказал он мне, — приняло меры противодействия этому притязанию путем усиления власти генерала Корнилова, командующего петроградским гарнизоном, и он убежден, что правительство, в конце концов, станет господином положения, хотя, быть может, им придется включить в свои ряды одного или двух социалистов. Рабочие разочаровались в Ленине, и последний, как он надеется, в недалком будущем будет арестован.

«Он сказал, что всего больше ему хотелось бы видеть открытие мирных переговоров с Турцией, и если единственным препятствием к заключению с нею мира является Константинополь, то он полагает, что британское правительство могло бы обратиться к русскому с предложением о нейтрализации Константинополя. Я сказал, что если бы мы сделали это, то мы могли бы подвергнуться обвинению в вероломстве, и при настоящих условиях очень затруднительно как для России, так и для союзников выступить с предложением пересмотра наших взаимных соглашений. Он согласился с этим, но продолжал утверждать, что при некотором такте обмен взглядов по вопросу о Константинополе все же возможен».

7 мая.

«Я сказал Керенскому, который зашел ко мне сегодня, что я очень обескуражен нападками печати, которая упорно обвиняет нас в том, что мы ведем капиталистическую и империалистическую войну. Керенский соглашался с тем, что некоторые из этих нападок заходят слишком далеко, но заявил, что правительство не может нарушить начала свободы печати. Он сказал, что крайние левые думают, что германские социал-демократы намерены поднять восстание, и хотя он лично после недавней декларации Шейдемана не считает этого вероятным, однако же германцы каждую минуту могут обратиться с предложением о заключении мира. Поэтому союзники должны вступить в обмен мнений, чтобы быть в состоянии предъявить свои условия, когда для этого придет время. Если бы только, — заявил он, — союзники хоть чем-нибудь выказали свою готовность последовать примеру России, отказавшейся от Константинополя, то все эти нападки прессы сразу же прекратились бы. В ответ на мое замечание о том, что Милюков дал мне понять, что он решительно настаивает на приобретении Константинополя, Керенский заметил, что Милюков не имеет решающего голоса по этому вопросу».

Правительство сделало правильный шаг 9 мая, об'явив, что право распоряжения войсками принадлежит исключительно военному губернатору города. В тот же день английское министерство иностранных дел вручило русскому поверенному в делах в Лондоне наш ответ на знаменитую ноту Милюкова, послужившую причиной недавнего кризиса. Мы приветствовали эту ноту, так как она показала, что Россия не ослабила своих героических усилий для защиты, совместно со своими союзниками, дела справедливости и гуманности. Далее мы отметили с удовлетворением, что Временное Правительство, охраняя права России, намерено строго соблюдать свои обязательства по отношению к союзникам.

21 мая я писал в министерство иностранных дел следующее:

«Последние две недели были очень тревожны, так как победа, которую одержало правительство над Советом по вопросу о ноте державам, была далеко не столь полна, как это воображал Милюков. Пока Совет удерживал исключительное право распоряжения войсками, до тех пор правительство, по замечанию князя Львова, было «властью без силы», тогда как Совет Рабочих Депутатов был «силой без власти». При таких условиях для Гучкова, как военного министра, и для Корнилова, как военного губернатора Петрограда, было невозможно принять на себя ответствен-

ность за поддержание дисциплины в армии. В результате оба они подали в отставку, при чем первый из них заявил, что если положение вещей не изменится, то армия перестанет существовать, как боевая сила, через три недели. Отставка Гучкова ускорила события, и Керенский и Терещенко пришли к заключению, что так как Совет является слишком могущественным фактором, чтобы его можно было подавить или чтобы им можно было пренебрегать, то единственным путем к прекращению аномалии двойного правительства является образование коалиции. Хотя эта мысль сначала не встретила себе сочувствия со стороны Совета, но, в конце концов, пришли к соглашению, что Совет должен быть представлен в правительстве тремя делегатами — Церетели Черновым и Скобелевым. Когда разразился кризис, то Милюков находился в ставке, и по своем возвращении он должен был сделать выбор между принятием поста министра народного просвещения или выходом из состава кабинета. После напрасной борьбы за сохранение за собой портфеля министра иностранных дел он подал в отставку.

«Хотя более умеренная часть правительства, которой я, конечно, симпатизирую, будет ослаблена уходом Милюкова и Гучкова, но эта потеря, я думаю, будет возмещена выигрышем в других направлениях. Первый настолько одержим одной идеей — Константинополя, — которая для социалистов олицетворяет империалистическую политику старого режима, — что он никогда не выражал взглядов правительства, как целого; и лично я предпочитаю иметь дело с таким человеком, который, даже если он не старается петь с нами в один тон, может говорить с авторитетом как выразитель политики правительства. С другой стороны, Гучков страдает слабостью сердца и едва ли стоит на высоте своего положения. Его взгляды на дисциплину в армии очень здоровы, но он неспособен внушить их своим коллегам. Сверх того, он не имеет никакой опоры в массах, — а это самое главное, — так как он не обладает даром личного магнетизма Керенского. Новое коалиционное правительство, как я уже телеграфировал, представляет для нас последнюю и почти единственную надежду на спасение военного положения на этом фронте. Керенский, принявший на себя обязанности военного и морского министра, не есть идеальный военный министр, но он надеется, что, отправившись на фронт и обратившись с страстным призывом к патриотизму солдат, он сможет гальванизировать армию и вдохнуть в нее новую жизнь. Это — единственный человек, который может сделать это, если это вообще возможно, но его работа будет чрезвычайно трудной. Русский солдат сегодняшнего дня не понимает, за что или за кого он воюет. Прежде он был готов положить свою жизнь за царя, который в его глазах

олицетворяет Россию, но теперь, когда царя нет, Россия для него не означает ничего, помимо его собственной деревни. Керенский начал с того, что заявил армии, что он намерен восстановить строжайшую дисциплину, настоять на исполнении своих приказаний и наказать всех неповинующихся. Сегодня он обошел казармы, а завтра выезжает на фронт, чтобы подготовить наступление.

«Терещенко, сменивший Милюкова на посту министра иностранных дел, сделал хорошее начало тактичным обсуждением вопроса о наших соглашениях в своем сообщении печати. Он служит как бы посредником между «буржуазией» и демократией, хотя крайне его не любят. Если наш ответ на ноту Милюкова будет опубликован в настоящей своей форме, то наверняка произойдут трения, и Совет попытается навязать ему свою волю. По обсуждении этого вопроса с Альбером Тома, я думаю, что мы должны предотвратить какое бы то ни было выступление такого рода, выпустив сами какое-нибудь примирительное сообщение по этому вопросу, не имеющее, однако, характера обязательства. Мы поставлены в необходимость считаться с тем фактом, что социализм является в настоящее время господствующей силой, и если мы хотим заручиться его поддержкой в пользу продолжения войны до конца, то мы должны попытаться завоевать его симпатии. Новые министры-социалисты, конечно, узнают содержание тайных соглашений, заключенных Россией, и если русским солдатам скажут, что они должны воевать до тех пор, пока не будут достигнуты цели, указанные в этих соглашениях, то они потребуют сепаратного мира. Поэтому я находил бы целесообразным присоединение к нашему ответу параграфа, об'ясняющего, что наши соглашения в отношении Малой Азии внушены желанием преградить путь проникновению туда Германии, но если эта цель может быть достигнута другими средствами, то мы готовы пересмотреть этот вопрос, как только настанет благоприятный момент для обмена взглядами по вопросу об окончательных условиях мира».

Одним из несчастных результатов реконструкции правительства была отмена назначения Сазонова послом в Лондон. Сазонов до такой степени отождествлялся с политикой императорского правительства, особенно в отношении вопроса о Константинополе, что его уже не считали подходящим представителем для новой России. Сообщая мне об этом, Терещенко об'яснил, что так как он надеется сохранить его услуги для окончательных мирных переговоров, то он не желает, чтобы Сазонов взял бы на себя миссию, которая раньше или позже могла бы дискредитировать его в глазах русского общества. Он должен был выехать в Лондон 16 мая вместе с нашими рабочими делегатами и Палеологом,

которого заменил на посту французского посла в Петрограде Нуланс, и только по прибытии Сазонова на вокзал ему было вручено письмо от князя Львова с предложением отложить свой отъезд. Хотя после того нашему правительству было предложено несколько других имен, но никто не был назначен послом, и в остальной период войны г. Набоков продолжал исполнять обязанности поверенного в делах.

В лице Палеолога я потерял старого друга и коллегу, с которым в течение трех критических лет я был тесно связан и на лойяльное сотрудничество которого в деле защиты общих интересов, столь дорогих нам обоим, я мог всегда рассчитывать. Мне было также грустно прощаться с моими новыми друзьями Виллом Торном и Джемсом О'Греди. Это были блестящие типы британских рабочих, и я надеялся, что они произведут впечатление на рабочих депутатов в Совете и заставят их понять, что мы не воюем с германцами ради империалистических или капиталистических целей. Но эти депутаты не были настоящими рабочими; они были только демагогами. О'Греди сказал Торну после своего первого посещения Совета: «Посмотрите на их руки. Ни один из них не посвятил во всю свою жизнь и одного дня честному труду». Они покинули Петроград в очень подавленном настроении от того, что видели как на фронте, так и в тылу.

Посетив однажды после полудня в конце месяца Терещенко, я нашел его на совещании с тремя новыми министрами-социалистами: Церетели, Черновым и Скобелевым; последние должны были попозже в этот день явиться на заседание Совета, чтобы дать отчет по своим ведомствам. Услышав, что я здесь, они выразили желание меня увидеть, и потому я был приглашен к ним. После того, как меня им представил Терещенко, Церетели, в совершенстве владевший ораторским искусством, в течение, примерно, двух часов допрашивал меня по разным вопросам, связанным с революцией, войной и нашими соглашениями. Нашла ли себе революция, — спрашивал он, — какой-либо отзвук в Англии? можно ли надеяться привести в гармонию взгляды британской и русской демократии, особенно в отношении войны? и представляет ли на самом деле правительство его величества британское общественное мнение? Я ответил, что великая революция, подобная той, через какую только что прошла Россия, не могла не отразиться в большей или меньшей степени на всех странах и что, как она, наверное, окажет демократизирующее влияние на британское общественное мнение, то она будет содействовать сближению наших взглядов со взглядами русского народа. Хотя мы сохранили монархическую систему, однако мы являемся самым свободным народом в мире, и мы давно уже усвоили

положение «vox populi — suprema lex» (голос народа — высший закон). Я могу заверить его, что никакое британское правительство не могло бы удержаться на своем посту, если бы оно не выражало общественного мнения.

Обратившись вслед за тем к вопросу о наших соглашениях, он спросил: если Россия откажется от какого-либо из преимуществ, обеспеченных ей соглашениями, то готово ли будет правительство его величества сделать то же самое?

В ответ на этот вопрос я привел пересмотренный текст упомянутой выше нашей ноты, на передачу которого Терещенко я был уполномочен всего лишь два дня назад, заявив при этом, что хотя мы полагаем, что в этих соглашениях нет ничего такого, что противоречило бы принципам, провозглашенным русской демократией, однако мы готовы снова их обследовать, совместно с нашими союзниками, и если надо, то пересмотреть их. Это заявление доставило ему величайшее удовлетворение.

Союзные демократии, — продолжал он затем, — должны прийти к полному соглашению по вопросу о целях войны и об окончательных условиях мира. Согласно ли правительство его величества на конференцию для этой цели?

Я ответил, что это — вопрос, на который я не могу дать ответа, не посоветовавшись со своим правительством. И когда он затем стал настаивать на том, чтобы я высказал свое личное мнение, я сказал, что заявление, только что сделанное ему мною, показывает, что мы готовы сделать значительный шаг в указанном им направлении. Такое обследование наших соглашений необходимо было бы связано с обменом взглядов, но мое правительство могло бы предпочесть вести переговоры через своих послов в союзных столицах, а не на конференции.

Затем Церетели указал на необходимость поддерживать самый тесный контакт между двумя нашими демократиями посредством обмена визитов между представителями различных рабочих и социалистических групп в каждой стране.

Это желание, заверил я его, искренно разделяется правительством его величества, и я могу сказать ему, что г. Гендерсон, представляющий нашу рабочую партию в кабинете, уже находится в пути, направляясь в Петроград со специальной миссией. Он ответил, что это весьма удовлетворительно, но что здесь очень распространено то мнение, что правительство его величества не позволит приехать сюда представителям других групп, вроде г. Рамсея Макдональда. Не уполномочу ли я его сообщить Совету, что это не так, и что правительство его величества, напротив, предоставит г. Макдональду полную возможность к этому? Я сказал, что я не могу заверить его в этом, но что я сообщу его слова своему правительству. Я хотел бы быть совершенно

откровенным с ним. Когда вопрос о приезде г. Макдональда в Петроград впервые был поднят Советом, то я был против этого, так как боялся, что его посещение может усилить пацифистское движение. Но на основании того, что я услышал после этого от г.г. Вандервельде и О'Греди, я переменил свое мнение, и так как я думаю теперь, что его посещение могло бы принести пользу, то я поддержу его предложение.

В заключение Церетели поднял вопрос об отколе германских социалистов от германского правительства. Я тотчас же сказал ему, что, по моему мнению, это — утопия. Германский народ до такой степени отождествляет себя со своим правительством как в отношении аннексионистской политики последнего, так и в отношении жестоких способов ведения войны, что мы могли бы заставить его восстать против своего правительства только путем военного давления или блокады. Здесь вмешался Чернов, заметив, что некогда и на революцию смотрели, как на утопию, и тем не менее она осуществилась. Я оспаривал правильность этого утверждения, говоря, что революция только пришла скорее, чем ожидалась. Церетели заявил затем, что мотивом, в силу которого он хотел бы, чтобы союзные и русские социалисты поехали в Стокгольм, является желание сказать германцам в лицо, что если они не начнут гражданской войны против своего правительства, то мы совершенно перестанем с ними считаться. Когда я, прощаясь, спросил его, может ли правительство рассчитывать на поддержку Совета в деле продолжения войны, он ответил утвердительно. Совет, — сказал он, — желает демократизации, а не деморализации армии.

Несколько дней спустя я получил следующую телеграмму от лорда Роберта Сесиля, исполнявшего в то время обязанности министра иностранных дел, по поводу приведенной выше моей беседы: «Ваше превосходительство говорили с большим мужеством и осторожностью при весьма затруднительных обстоятельствах. Я желаю выразить вам свое горячее одобрение».

Из трех министров-социалистов только Церетели, министр почт и телеграфов, произвел на меня благоприятное впечатление. Это был грузин, происходивший из княжеской фамилии, и лидер социал-демократов; при царизме он провел несколько лет в Сибири, будучи приговорен к каторжным работам. Будучи привлекательной личностью с утонченной душой, он внушал мне симпатию безукоризненной честностью своих намерений и прямотой характера. Подобно столь многим прочим русским социалистам, он был идеалист; но, хотя я не ставлю ему этого в упрек, он сделал ошибку, приступая к разрешению трудных проблем практической по-

литики с чисто теоретической точки зрения. В двух его коллегах не было ни капли идеализма. Скобелев, министр труда, был также социал-демократ, державшийся очень передовых взглядов по вопросу о правах фабричных рабочих. Обладая нервным, возбудимым темпераментом и не будучи переобременен умом, он был довольно незначителен по своей наружности и не произвел на меня впечатления человека, который когда-нибудь выдвинется. С другой стороны, министр земледелия Чернов производил впечатление человека с сильным характером и большими способностями. Он принадлежал к левому крылу партии социалистов-революционеров и отстаивал немедленную национализацию земли и раздел ее между крестьянами, не дожидаясь решения Учредительного Собрания. Он вообще считался опасным и ненадежным, и я нашел его весьма несимпатичным. Он был в числе русских эмигрантов, задержанных в Галифаксе, — обстоятельство, о котором он не преминул мне напомнить.

Прежде чем продолжать свой рассказ, я нахожу нелишним сказать несколько слов о взглядах и целях различных политических группировок. Так называемая «буржуазная» партия была представлена, главным образом, кадетами и в меньшей степени некоторыми московскими промышленными группами. Она защищала энергичное продолжение войны и восстановление дисциплины в армии, склоняясь в то же время к тому, чтобы предоставить окончательное решение различных социальных и конституционных вопросов, возбужденных революцией, Учредительному Собранию. Однако она хотела, чтобы это собрание открылось только после того, как местные выборы во вновь организованные земства и городские думы создадут необходимый аппарат для организации и контроля над всеобщими выборами.

Из социалистических групп социалисты-революционеры, лидером которых был Керенский, были представителями деревни в отличие от социал-демократов, вождем которых был Церетели, и которые представляли интересы городского пролетариата. Лозунг первых всегда был «земля и воля». В конце минувшего и начале нынешнего века они приняли террор в качестве оружия для достижения своих целей. После убийства великого князя Сергея Александровича в 1905 г. террористическая тактика прекратилась, и политические убийства, каким было убийство Столыпина в 1911 г., стали скорее исключением, чем правилом. С другой стороны, социал-демократы после с'езда, состоявшегося в Лондоне в 1903 г., на котором сторонники Ленина победили своих противников при голосовании по вопросу о партийной организации, раскололись на меньшевиков и боль-

шевиков, хотя их было бы более удобно называть умеренными и крайними. Первые, подобно большинству социалистов-революционеров, отстаивали сотрудничество с передовыми либералами для свержения царизма, а теперь, когда эта цель была достигнута, они стремились к учреждению демократической республики. Напротив, большевики не хотели иметь ничего общего ни с какой буржуазной группой, какою бы передовой она ни была. Массы считались только с ними, и именно к рабочим и крестьянам они обращались за поддержкой, необходимой для осуществления их программы — установления диктатуры пролетариата и преобразования всего общественного строя. Их лозунг был с самого начала: «вся власть советам». Ни меньшевики, ни социалисты-революционеры не соглашались присоединиться к этому лозунгу, но те из их членов, которые занимали посты министров, признали тем не менее свою ответственность перед Советом и неизменно давали ему отчет во всей своей официальной деятельности. Однако умеренные обеих социалистических групп никогда не забывали, что, несмотря на разногласия, отделяющие их от большевиков, они были и остались «товарищами» и что они, таким образом, ближе к большевикам, чем к своим либеральным коллегам по работе. Хотя они соглашались с этими последними по вопросу о предоставлении Учредительному Собранию решения всех основных вопросов, однако же, они были приведены ходом событий к тому, что предвосхитили некоторые из этих решений.

Что касается войны, то как меньшевики, так и социалисты-революционеры отстаивали быстрое заключение мира без аннексий и контрибуций. Однако существовала небольшая меньшевистская группа, руководимая Плехановым, которая призывала рабочие классы к сотрудничеству с целью достижения победы над Германией, так как только эта победа может обеспечить России вновь завоеванную свободу. С другой стороны, большевики были всецело «пораженцами». Войне, как это заявлял Ленин на конференции в Кинтале в 1916 г., необходимо положить конец какими бы то ни было средствами и какою бы то ни было ценой. Необходимо путем организованной пропаганды побудить солдат обратить свое оружие не против своих братьев в рядах неприятеля, но против реакционных «буржуазных» правительств в своей собственной и в других странах. Для большевика не было ни родины, ни патриотизма, и Россия была лишь пешкой в той игре, которую играл Ленин. Для осуществления его мечты о мировой революции война, которую вела Россия против Германии, должна была превратиться в гражданскую войну внутри страны; такова была отныне конечная цель его политики.

ГЛАВА XXVII

1917

Миссия Гендерсона, ее происхождение и цели. Созыв Всероссийского С'езда Советов Рабочих Депутатов. — Большевистская пропаганда против войны. — Предложение Терещенко Союзной конференции. — Большевистское восстание в Петрограде.

После возведенных на меня княгиней Палей обвинений в том, что я превратил посольство в «очаг революционной пропаганды», было уже совершенно несправедливо, что вскоре после своей беседы с министрами-социалистами мне пришлось подвергнуться нападкам со стороны большевиков по обвинению в том, что посольство является центром контр-революционного движения. Имя Церетели было соединено с моим, — что было довольно удивительно, если принять во внимание его биографию, — и нас изображали главными деятелями названного движения. Это обвинение, несомненно, возникло вследствие того, что мы вели активную союзническую пропаганду в пользу войны и с целью разоблачения германской лжи. Германцы в течение некоторого времени оказывали мне самое лестное внимание. В апреле газета «Hamburger Nachrichten» опубликовала статью (автор которой, к счастью для моей репутации, никогда не слыхал о моих успехах в игре в линкс), в которой мои успехи на дипломатическом поприще приписываются моей страсти к игре в голф. «Приемы этой скучной игры, — говорит он, — действительно развивают качества, необходимые для государственной или дипломатической работы. Молчаливый, упорный, покорный, хороший игрок в голф обходит поле кругом, не отводя глаз от мяча и направляя его к цели. Сэр Джордж Бьюкенен в течение долгих лет шел вслед за своим мячом вокруг всей Европы, пока, наконец, ему удалось очутиться в Петрограде».

Статья «Hamburger Nachrichten» доставила г. Пойчу тему для одного из его иронических стихотворений под заглавием «Школа для государственных людей». Германцы оказали мне еще большую честь: в самом деле, наше посольство в Стокгольме сообщило, что один германский агент в этом городе пытался подговорить русского, имя которого я забыл, убить меня. Однако я испытал чувство некоторого унижения, когда услышал, что цена, назначенная за мою голову, равнялась только трем сотням рублей. Местный большевистский орган в Риге в то же самое время опубликовал статью, утверждавшую, что Россия в настоящее время управляется всемогущим и самодержавным царем Бьюкененом Первым, что министры делают все, что он им ни прикажет, и что именно по его приказу Керенский вос-

станавливает дисциплину в армии и подготовляет наступление.

Было бы хорошо как для самих министров, так и для России, если бы они обратили внимание на мои советы и приняли бы действительные меры для восстановления дисциплины, вместо того, чтобы полагаться исключительно на действие патриотических речей.

24 мая я получил телеграмму от лорда Роберта Сесиля, исполнявшего тогда обязанности министра иностранных дел, с извещением о том, что военный кабинет считает необходимым создать более благожелательное отношение русских социалистов и рабочих к войне и рассеять ложное впечатление, создавшееся в России относительно наших целей. Сознавая, что вождями рабочей партии это может быть выполнено с большей надеждой на успех, чем кем бы то ни было другим, кабинет решил командировать г. Гендерсона со специальной миссией. Любезно дав теплую оценку моей работы, лорд Роберт заявлял, что они уверены, что г. Гендерсон может рассчитывать на мое искреннее содействие, и указывал, что если у меня нет к этому препятствий, то хорошо было бы, если бы спустя несколько недель после прибытия Гендерсона я приехал в Лондон, чтобы доставить правительству приятную возможность воспользоваться моими личными советами.

Вполне понимая основание, побуждавшее военный кабинет командировать г. Гендерсона, я не мог понять, почему он так хочет моего возвращения домой. «Если, — писал я после того лорду Гардингу, — это вызвано опасением того, что раз я останусь, то у г. Гендерсона не будут развязаны руки для того, чтобы действовать сообразно с положением, и что направление моей работы может разойтись с избранной им линией, то я могу лишь сказать, что такой недостаток доверия очень удручает меня. Когда прошедшей зимой сюда прибыл на конференцию лорд Мильнер, то я с величайшей готовностью отстранился, и для меня было настоящим удовольствием работать под его руководством. Я буду рад сделать то же самое снова и служить под руководством Гендерсона, который является министром кабинета. Его миссия будет необычайно затруднительна, и так как я понимаю русских лучше, чем очень многие, то, быть может, я мог бы помочь ему во многих отношениях».

Однако, так как в телеграмме не было речи о моем оставлении, то я решил по крайней мере выяснить свое положение. Поэтому я отправил следующий ответ на телеграмму лорда Роберта:

«Благоволите заверить г. Гендерсона, что он может рассчитывать на самое искреннее мое сотрудничество и помощь. Что касается моего отъезда в отпуск, то я на-

хожусь всецело в вашем распоряжении. Я хотел бы знать приблизительную дату, которую вы желали бы указать для моего от'езда в отпуск, а также, должен ли я считать этот отпуск своим окончательным отозванием». 29 мая я получил следующий ответ:

«Трудно указать вам хотя бы приблизительную дату для вашего от'езда в отпуск, пока мы не увидим, как сложатся обстоятельства после прибытия Гендерсона. Во всяком случае, я считаю очень желательным, чтобы вы не выезжали до тех пор, пока он не войдет в полный контакт с русским правительством и с социалистическими вождями.

«О вашем *отозвании* нет никакой речи. Ваши услуги оценивались и оцениваются чрезвычайно высоко правительством его величества, и, насколько можно предвидеть в настоящее время, мы, по всей вероятности, пожелаем, чтобы вы возвратились обратно в Петроград в надлежащее время».

Гораздо дороже, чем сладкий сироп, преподнесенный министерством иностранных дел, были для меня многочисленные симпатии и привязанности, которые мне дали члены моего посольства. Некоторые из них телеграфировали по собственной инициативе своим друзьям в министерство иностранных дел и в военное министерство, протестуя против мысли о моем уходе, а другие заявляли, что они подадут в отставку, если я уйду.

Гендерсон прибыл 2 июня вместе с Джорджем Юнгом, впоследствии первым секретарем в Вене, который оказался в высшей степени полезным во многих отношениях. В первом своем разговоре с Гендерсоном я высказал ему самым откровенным образом свои чувства и желания; но он дал мне ясно понять, хотя и совершенно дружеским образом, что я должен уйти. Что касается происхождения его миссии, то он сказал мне, что однажды его попросили прийти в военный кабинет на полчаса позже своих коллег, и что когда он пришел туда, то первый министр сообщил ему, что по постановлению кабинета он должен отправиться в Петроград со специальной миссией, и что они желают, чтобы он выехал на следующий день. Впоследствии ему было указано, что мне лучше уехать домой в отпуск. Он отказался сделать это и заявил министерству иностранных дел, что оно должно указать мне на это само, притом немедленно.

На следующий вечер Гендерсон обедал у нас вместе с князем Львовым и Терещенко. Среди прочих наших гостей находились бельгийский министр-социалист Вандервельде и французский министр снабжения Альбер Тома, принявший на себя обязанности посла по от'езде Палеолога.

В течение двух месяцев, проведенных им в России, Тома не только пытался убедить министра в необходимости твердости в отношении внутреннего положения, но и старался с помощью своего страстного красноречия поднять воодушевление народа по отношению к войне. В Петрограде, в Москве и на фронте он выступал на многочисленных митингах солдат и рабочих, и не его вина, что семя, которое он сеял, падало на бесплодную почву. Мы были всегда рады видеть его уже потому, что все его существо дышало жизнерадостностью и не давало нам впасть в уныние. Разговаривая со мной после обеда, он спросил: «Что бы вы сказали, если бы услышали несколько лет тому назад, что я и два других социалиста будем некогда гостями за вашим столом?». — «Одна уже мысль о такого рода вещи испугала бы меня, — ответил я. — Но война изменила все это, и теперь все мы — «товарищи». Две недели спустя, когда он обедал у нас вечером накануне своего от'езда во Францию, он сказал мне, что, услыхав о предстоящем моем от'езде в Англию, он телеграфировал первому министру, что если я уеду, то, после того как уедет и он сам, здесь не останется ни одного человека, который понимал бы положение. Он выразил надежду, что теперь все пойдет хорошо, потому что в последнем разговоре с ним Гендерсон сказал: «Я решил оставить Бьюкенена».

Впоследствии я слышал из другого источника, что Гендерсон советовался с князем Львовым о том, что было бы лучше: чтобы на посту посла остался я, или чтобы он меня здесь заменил? Львов ответил, что я оказал большие услуги при царизме, и что хотя мои близкие отношения ко двору навлекли на меня после революции подозрения, но что я лойяльно примирился с новым положением. Правда, на меня нападают большевики, но я пользуюсь доверием правительства и умеренных. Он прибавил, что хочет посоветоваться со своими коллегами. Когда он сделал это, то я получил вотум доверия ото всех, включая и министров-социалистов. Я рад этому случаю отдать должное Гендерсону, который вел себя в высшей степени благородно и прямодушно. Он взвешивал совершенно беспристрастно доказательства за и против, и, в конце концов, написал очень милое письмо первому министру, в котором рекомендовал оставить меня. Г. Ллойд-Джордж согласился, и Гендерсон возвратился в Англию в начале июля. В течение шести недель, проведенных им в Петрограде, мы вели совместную работу при самых дружеских отношениях. Мы держались одинаковых взглядов по многим вопросам, особенно по вопросу о предполагавшемся приезде в Петроград Рамсея Макдональда: его прибытие сюда едва ли могло бы принести какой-либо вред, ибо поступки русских экстремистов, как

мы надеялись, могли бы послужить для него предметным уроком. По нашим представлениям ему были выданы паспорта, но ему не удалось выехать вследствие противодействия союза моряков. Следующий анекдот показывает, каким славным человеком был Гендерсон. Когда он разговаривал с моей женой после обеда в нашем посольстве, вечером накануне своего отъезда, он вдруг разразился громким смехом, и когда моя жена спросила его, что его забавляет, он ответил: «Подумайте, как это забавно: надо уезжать не мне, а вам!». Я был глубоко благодарен ему за избранную им линию поведения, потому что моя судьба была всецело в его руках. Но после того, как он заявил мне официально, что не может быть вопроса о моем отозвании, меня крайне поразило, когда я узнал, что он был снабжен всеми полномочиями на мое устранение, в случае, если бы он нашел это желательным. Как оказалось, результат его миссии был чрезвычайно благоприятен для меня лично.

Тем временем во внутреннем положении произошло немного изменений. Правительство выказало твердость по отношению к попытке кронштадтских матросов образовать свою собственную независимую республику, а также добилось некоторого успеха в том отношении, что предотвратило вооруженную демонстрацию, организованную большевиками. Во время моей беседы с князем Львовым, происходившей 27 июня, он уверял меня, что мои опасения того, что Россия будет неспособна к продолжению войны, лишены основания и что в настоящее время, когда правительство потребовало в свое распоряжение военную силу, оно решило поддерживать порядок. Эти уверения расходились с тем обстоятельством, что правительство в один из ближайших дней потерпело неудачу, не добившись повиновения своему приказу об очищении двух вилл, захваченных большевиками, — неудачу, которая, — как я говорил Терещенко, — была для него равносильна отречению от власти.

Между тем Совет не терял времени. Уже в мае он выпустил обращение к социалистам всех стран, приглашая их прислать представителей на международную конференцию в Стокгольм с целью обеспечения всеобщего мира на основаниях, приемных для пролетариата, и в согласии с предуказанной формулой «без аннексий и контрибуций». В июне выступил на сцену новый фактор вследствие созыва Всероссийского С'езда Советов Рабочих Депутатов. Мысль его инициаторов состояла в том, чтобы превратить местный петроградский Совет в общенародный, который пользовался бы бо́льшим авторитетом и влиянием; в то же время включение рабочих и солдатских депутатов из провинции могло бы, как ожидали, подействовать в умеряющем смысле и привести к установлению более тесного сотрудничества с пра-

вительством. В намерения инициаторов входило также включение представителей от крестьян, но так как последние потребовали представительства на основе пропорциальности, а именно, в количестве около 80%, то это предположение не осуществилось, и крестьяне, которые имели уже свой собственный самостоятельный Совет, не приняли участия во Всероссийском С'езде. При открытии заседания С'езда Ленин произнес энергичную речь, порицающую цели войны союзников, которая, как показал Керенский, была заимствована слово в слово из последнего германского радио. Единственным результатом заседания было приглашение всех граждан принять участие с целью поддержки правительства в невооруженной и мирной демонстрации 1 июля перед могилами жертв революции на Марсовом поле. Так как большевики угрожали явиться вооруженными, то большинство умеренных элементов осталось дома, а немногие, принявшие в ней участие, подверглись грубому обращению. Так как английское посольство почти примыкает к Марсовому полю, то мы, по обыкновению, оказались в центре демонстрации; однако, за исключением нескольких драк, которые мы наблюдали из окон, и невнятных большевистских угроз, что наш дом будет сожжен в первую очередь, ничего неприятного не произошло.

На следующий день были получены телеграммы от Керенского с фронта, сообщавшие о блестящем начале долго жданного наступления. Вечером произошло несколько патриотических манифестаций против посольства, и во главе одной из них шел Милюков, который обратился ко мне с речью со своего автомобиля. На эту речь я ответил с балкона. Однако мне было бы, пожалуй, более уместно просить «спасти меня от моих друзей», потому что появление Милюкова вызвало контр-демонстрацию со стороны группы солдат Павловского полка. Некоторые из них, как передают, говорили даже: «пойдем в этот дом и перебьем их всех», но этого не случилось.

Надеждам, вызванным оптимистическими телеграммами Керенского, не суждено было осуществиться. Он сделал все, что может сделать человек, который полагается на речи и только на речи, желая двинуть в правильное наступление уставшую от войны армию, дисциплина которой была уже подорвана. Главное наступление происходило на юго-западном фронте, а за ним должны были последовать менее значительные наступления на других фронтах; а так как русские имели превосходство как по числу пушек, так и по числу штыков, то не было никаких оснований ожидать, что оно окажется неудачным, будь оно предпринято энергично. Первоначально оно сопровождалось успехом, и 8 июля армия под начальством генерала Корнилова прорвала

австрийский фронт и заняла Галич и Калущ. Однако, проповедуя в разных местах линии фронта дисциплину и войну не на жизнь, а на смерть, Керенский позволил большевистским агитаторам в других местах фронта проповедывать мир и братание с германцами. Сверх того, вместо того, чтобы восстановить дисциплинарную власть офицеров, он разослал комиссаров с целью помочь поддержанию дисциплины в разных армиях. Некоторые полки доблестно сражались, а офицеры героически приносили в жертву свою жизнь, пытаясь, хотя зачастую бесплодно, заразить своим примером солдат; однако войска, которые приобрели привычку обсуждать вопрос, следует ли исполнить приказ об атаке или нет, были совершенно ненадежны. Поэтому едва ли можно было удивляться тому, что когда 19 июня неприятель перешел в наступление, то один из стоявших против него полков бросился в поспешное отступление, и фронт был прорван. Через несколько дней бегство приобрело всеобщей характер, и, кроме местностей, занятых во время наступления, русскими были также оставлены Тарнополь и Станиславов.

Я должен теперь еще раз привести извлечения из своих писем в министерство иностранных дел в об'яснение кризиса и того, что тем временем происходило в Петрограде.

12 июля.

«Работа Керенского среди войск на фронте совершенно парализуется антивоенной пропагандой агитаторов, которых большевики непрерывно посылают туда с целью отговаривать солдат от наступления. Политическая атмосфера такова, что он не осмеливается призывать войска сражаться ради победы, но только ради скорого заключения мира, потому что желание мира стало всеобщим. Это-то обстоятельство и делает для нас существенно важным не предпринимать ничего такого, что могло бы дать повод здешним сторонниками мира утверждать, что союзники продолжают войну ради империалистических целей. Отказ от конференции, которую Терещенко предложил созвать Альберу Тома около месяца тому назад, был бы наверняка истолкован в этом смысле. И как бы ни велики были трудности, с которыми мы столкнемся на такой конференции, но раньше или позже с ними придется встретиться лицом к лицу. Откладывание обсуждения наших целей войны только разочарует Россию и отнимет у нее решимость принимать в дальнейшем энергичное участие в войне.

«Судя по тому, что говорил мне Терещенко относительно предполагаемой конференции, я не думаю, чтобы он хотел навязать нам какие-либо определенные условия мира.

«Эти условия, как он однажды мне сказал, будут зависеть от хода военных операций, и потому их трудно определить с точностью, пока война продолжается. В другой раз он говорил о выработке минимальной и максимальной программы мира, как о предмете, достойном рассмотрения. Он — не идеалист, как большинство его коллег-социалистов, и, я думаю, мы можем рассчитывать на то, что он приложит все свои старания для того, чтобы побудить их стать на практическую точку зрения».

23 июля.

«События прошлой недели еще раз доказали правильность изречения, что Россия — страна неожиданностей. Рано утром в понедельник мне сообщили по телефону, что четыре члена правительства — кадеты — подали ночью в отставку. Терещенко и Церетели только что возвратились из Киева с проектом соглашения, заключенного ими с Радой для урегулирования украинского вопроса. Кадеты отвергли его на том основании, что если бы правительство его утвердило, то оно узурпировало бы права Учредительного Собрания. Однако не столько соображения этого рода, сколько то обстоятельство, что они всегда оказывались в меньшинстве в количестве четырех, заставило их отказаться от всякой дальнейшей ответственности за мероприятия, которых они не одобряли.

«Терещенко, которого я видел вечером, резко критиковал их поступок. Они, по его словам, положили конец существованию коалиционного правительства в такой момент, когда Россия очутилась перед угрозой как внутренних, так и внешних опасностей, между тем как сами они не имеют достаточной опоры в стране, чтобы заступить место этого правительства. Тем не менее, Терещенко говорил с уверенностью о внутреннем положении, и когда я расстался с ним в шесть часов, то у него не было ни малейшего предчувствия приближавшейся бури.

«Первыми признаками этой бури, которые мы наблюдали, было новое появление на улицах грузовиков и автомобилей с вооруженными солдатами и пулеметами в то время, когда мы собирались ехать после обеда на острова. Мы доехали только до половины моста и, найдя здесь дорогу прегражденной, повернули назад и предприняли короткую поездку по набережной и через город. При нашем возвращении в посольство в четверть десятого мы встретили группы солдат, возбужденно разговаривавших между собой, и вскоре затем по мосту потянулась длинная процессия. Она состояла из рабочих и из трех полков при полном вооружении и со знаменами с обычными надписями: «долой министров-капиталистов», «долой войну», «дайте нам хлеба». Вскоре после

того мы услышали выстрелы позади посольства и увидели людей, спасавшихся бегством по набережной.

«Так как Керенский уезжал этим вечером на фронт, то некоторые солдаты поехали на автомобилях на Варшавский вокзал с целью его арестовать. Другие направились к Мариинскому дворцу с целью арестовать князя Львова и его коллег, у которых происходило здесь заседание совета министров. Когда их пригласили войти и побеседовать с министрами, то они не согласились на это, опасаясь попасть в ловушку, и удовлетворились реквизицией министерских автомобилей. Во вторник положение было весьма тревожным, так как из Кронштадта прибыло несколько тысяч матросов. После полудня по мосту потянулась новая грандиозная процессия мимо посольства, и во многих частях города в течение остальной части дня раздавался ружейный и пулеметный огонь. Около полудня Терещенко телефонировал мне, что, как только прибудут с фронта войска, беспорядки будут подавлены твердой рукой и что так как большинство столкновений произойдет, вероятно, близ посольства, то он был бы очень рад, если бы я выехал на несколько дней. Однако я не согласился на это.

«Положение правительства в этот вечер было очень критическое, и если бы казаки и несколько верных полков не пришли во-время к нему на помощь, то оно должно было бы капитулировать. Когда мы обедали, казаки атаковали кронштадтских матросов, собравшихся в сквере, примыкающем к посольству, и обратили их в паническое бегство. Затем казаки двинулись назад по набережной, но несколько выше они попали под перекрестный огонь. Мы увидели несколько лошадей без всадников, скакавших назад во весь опор, а на двух казаков, сопровождавших арестованного, напали солдаты и убили их перед нашими окнами. Во вторник ночью был выпущен приказ, воспрещающий выходить на улицу после полуночи со следующего дня, и все мосты были либо разведены, либо на них был поставлен сильный караул с целью помешать большевикам переходить по ним с другой части города. В посольство был введен караул, состоявший из одного офицера и десяти солдат: генерал Нокс и полковник Торнгил также заночевали здесь.

«В среду было более или менее спокойно, но в шесть часов утра в четверг мы были разбужены нашим офицером, который просил нас перейти в заднюю часть дома. Правительственные войска, — сказал он, — получили приказ взять крепость, занятую инсургентами, а также главную квартиру Ленина, находящуюся на другой стороне реки; и если крепостные орудия откроют огонь против войск, расположенных на этой стороне, то мы окажемся в линии огня.

Несколько позже телефонировал Терещенко, предоставляя в наше распоряжение апартаменты министерства, но я не хотел покидать посольства, потому что моя жена и дочь не могли бы меня оставить. Мы провели тревожное утро, наблюдая передвижения войск. Большой отряд солдат и матросов с несколькими бронированными автомобилями расположился у моста, тогда как артиллерия находилась в резерве за посольством. Когда случайно раздалась тревога, то немногочисленные войска бросились на мост, становясь на колени и отыскивая себе возможное прекрытие посреди моста. В час дня как крепость, так и вилла, где Ленин разместил свой штаб, сдались, и хотя в пятницу ночью опять послышался сильный пулеметный огонь с некоторых барж на реке, однако, с тех пор наступило сравнительно спокойное время.

«Во время моих бесед с Терещенко в четверг и пятницу он сказал мне, что Керенский телеграфировал с фронта, что он не может продолжать совместную работу с коллегами, которые постоянно уступают экстремистам вместо того, чтобы раздавить их. Я сказал, что я вполне симпатизирую ему. Правительство было слишком слабо. Лойяльные войска, занявшие помещение большевистского органа «Правда» и захватившие компрометирующие документы, получили приказ освободить помещение и возвратить документы; кронштадтские матросы были разоружены, но не были наказаны, а два арестованных ленинских соратника освобождены. Я не знаю, кто из министров противится принятию строгих мер против виновников беспорядков, в результате которых оказалось пятьсот человек убитых, но я боюсь, что министр-председатель недостаточно силен для того, чтобы использовать этот единственный случай для подавления анархии раз навсегда. Терещенко ответил, что оппозиция исходит от Совета, но что теперь у него открылись глаза на серьезность положения. Он прибавил, что во время последних беспорядков был момент, когда многие из членов Совета могли бы лишиться жизни от руки инсургентов, если бы правительство не послало войск для их защиты».

ГЛАВА XXVIII

1917

Назначение Керенского министром-председателем.—Стокгольмская конференция. — Московское Совещание и его результаты.

Вследствие потери тяжелой артиллерии, пулеметов и военных запасов положение на фронте стало безнадежным, между тем как экономическое и финансовое положение было

почти столь же серьезно. Однако, как ни плохи были перспективы, тем не менее я был склонен смотреть на вещи более оптимистически. Правительство подавило большевистское восстание и, казалось, решилось, наконец, действовать с твердостью. Пока анархия царила безраздельно, реальное и длительное улучшение было невозможно, но восстановление порядка, как я думал, окажет благотворное воздействие на все отрасли национальной жизни. Керенский возвратился с фронта вечером 19 июля и тотчас же потребовал, как условия своего дальнейшего пребывания на посту, чтобы правительство получило полную исполнительную власть над армией без всякого вмешательства со стороны солдатских комитетов, чтобы всякой большевистской агитации был положен конец, и чтобы Ленин и его сообщники были арестованы. Общество и большая часть армии были на стороне правительства, так как опубликование документов, доказывавших, что большевистские вожди были подкуплены германцами, возбудило их негодование. Настал психологический момент для того, чтобы правительство нанесло окончательный и сокрушительный удар врагу, стоявшему у ворот. Но в Совете поднялись возражения. Он не хотел возбуждения преследования против арестованных большевиков, опасаясь, что некоторые из его членов могут оказаться скомпрометированными, и соглашался облечь правительство полномочиями, требуемыми Керенским, только в том случае, если оно примет вполне демократическую платформу. Условия, на которых настаивал Совет, заключались в немедленном провозглашении республики и в принятии предложенного Черновым плана разрешения земельного вопроса, не дожидаясь решения Учредительного Собрания. Эти условия возбудили бурные прения в кабинете, при чем министры-социалисты были на стороне Совета, тогда как князь Львов угрожал выйти в отставку, заявляя, что если правительство примет их, то оно выйдет за пределы своих полномочий и узурпирует права Учредительного Собрания. Терещенко напрасно пытался сыграть роль посредника и придумать какой-нибудь компромисс, который примирил бы эти противоположные взгляды. В то время, когда прения еще продолжались, Керенский был вызван из заседания для того, чтобы обратиться с речью к прибывшему гусарскому полку. По его возвращении ему была вручена телеграмма, в которой сообщались первые сведения о прорыве германцами русского фронта. Когда он прочитал телеграмму своим коллегам, князь Львов выразил желание отказаться от председательствования в пользу Керенского, как более молодого и более активного человека, находившегося в более тесном контакте с демократией. Это предложение было принято, и Керенскому в то же время были даны все полномочия, которых он

требовал. Так как он должен был сохранить пост военного министра, то было далее решено назначить Некрасова заместителем председателя совета министров, который замещал бы Керенского во время его поездок на фронт. Некрасов, принадлежавший к левому крылу кадетской партии, был энергичным и способным человеком, которому предписывали честолюбивые замыслы стать министром-председателем. Однако он не внушал доверия, так как был слишком большим оппортунистом и не раз менял партии, когда это было выгодно для его личных интересов.

Когда я зашел через несколько дней к Терещенко, то последний заверил меня, что правительство теперь является в полной мере господином положения и будет действовать независимо от Совета. Подведя меня к окну, он указал мне на разоруженных солдат пулеметного полка, собранных в сквере у Зимнего дворца, и сказал, что они вскоре будут посланы на работы на Мурманскую дорогу. Исполнительный Комитет Всероссийского Совета Рабочих Депутатов и Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов, сказал он далее, наделил правительство всей полнотой власти в отношении армии, а также и анархистов в тылу, и Керенский, в удовлетворение требований Корнилова, уже уполномочил начальников армий расстреливать без суда солдат, не повинующихся приказам. Однако, хотя теперь Керенский обладал всей полнотой власти, необходимой для того, чтобы справиться с положением, он совершенно не сумел надлежащим образом воспользоваться своими полномочиями. Он не сделал никаких попыток разыскать и арестовать Ленина; он отменил приказ об аресте Троцкого и других большевистских вождей на том основании, что они являются членами Исполнительного Комитета Советов, и удовлетворился опубликованием прокламаций, предписывающих рабочим выдать оружие, вместо того, чтобы приказать военным властям разоружить их силой. В действительности, я очень сомневаюсь в том, чтобы кто-нибудь из организаторов большевистского восстания или из принимавших в нем участие был когда-либо подвергнут наказанию на самом деле. Я был отнюдь не удовлетворен позицией правительства и в разговоре с Терещенко старался убедить его в необходимости применения тех же самых дисциплинарных мер в тылу, какие были санкционированы на фронте, а также реорганизации расстроенного транспорта, который был источником большей части экономических затруднений России. Я указывал далее на то, что численность армии на фронте должна быть сокращена до минимума, необходимого для того, чтобы удерживать германцев на месте, и что остальные солдаты должны быть возвращены для работы в тылу при системе всенародной обязательной службы.

Тем временем Керенский старался реорганизовать свое правительство с целью придать ему более национальный характер. Кадеты, с которыми он вступил в переговоры, выставили, как условие своего участия в правительстве, отставку Чернова, активное продолжение войны и независимость правительства от Совета. Всему этому,— сказал я Терещенко,— я сочувствую от всего сердца. Первое условие оказалось неприемлемым, так как Керенский опасался, что вынужденная отставка Чернова лишит его поддержки со стороны социалистов-революционеров.

Я снова обращусь к выдержкам из своей корреспонденции с министерством иностранных дел и из дневника, который я стал вести после революции.

2 августа.

«Терещенко сказал мне сегодня утром, что как он, так и Керенский подали в отставку, но взяли ее назад по просьбе своих коллег. Чернов также подал в отставку, и когда явился в Совет, то получил большие овации. В дальнейшем Терещенко сказал, что если правительство теперь не примет строгих мер, то оно должно будет уступить свое место контр-революционерам. Родина занимает в его мыслях первое место, и положение не допускает промедления. Он сказал Керенскому, что если последний не начнет действовать энергично, то он выйдет в отставку. По его мнению, необходимо милитаризовать всю страну, подавить всякие беспорядки и включить Корнилова в состав правительства. Керенский разделяет эти взгляды, но у него связаны руки, так как министры-социалисты не хотят принять на себя ответственности за мероприятия, необходимые для спасения родины. Церетели, — сказал он, — предпочитает выйти из состава правительства и действовать в качестве независимого члена Совета, тогда как кадеты желают полной победы своей партии и хотят стать сами на место правительства.

«Положение настолько смутно, что я лично не вижу ни одного луча света. Проведение политики Терещенко может взять на себя только правительство, в котором будут сильно представлены социалисты, так как иначе его обвинят в том, что оно прокладывает дорогу контр-революции, а в результате произойдет новое большевистское восстание, и страна впадет в анархию. Что касается кадетов, то армия не на их стороне и для них преждевременно принимать на себя власть с какими бы то ни было видами на успех».

2 августа.

«Я имею основание думать, что несоциалистические члены правительства очень желали бы, чтобы Стокгольмская конференция не состоялась, опасаясь, что разговоры

о мире могут оказать плохое влияние на армию. Однако они не будут ставить препятствий участию в конференции русских социалистов, но и не будут считать себя связанными решениями, которые эта конференция примет. Они хотят, чтобы на конференции присутствовали социалисты других союзных стран, и чтобы Россия таким образом не оказалась один на один с Германией.

«По моему личному мнению, было бы ошибкой предоставить германцам свободное поле деятельности в Стокгольме, тем более, что это вызвало бы неправильное истолкование нашей позиции здесь. Так как мы не намерены считать себя связанными решениями конференции, то я не вижу, почему присутствие британских социалистов могло бы повредить нашим интересам».

4 августа.

«Решаюсь сделать представление о том, что для нас пришло время в ответ на приглашение Россией нас к сотрудничеству сказать откровенно ее правительству, что, продолжая делать все возможное для облегчения давления на ее фронт и предпринимая для этого наше наступление, мы ожидаем от нее в свою очередь, что она сосредоточит всю свою энергию на реорганизации армии и на восстановлении дисциплины как на фронте, так и в тылу. Было бы хорошо, если бы союзным послам было поручено сделать заявление в этом смысле председателю совета министров, как только будет образовано новое правительство.

«В результате вышеприведенной телеграммы представители союзных правительств, собравшиеся на конференцию в Лондоне, отправили Керенскому через своих послов в Петрограде сообщение, которое хотя и было намечено как протест, но выражало лишь благочестивое пожелание восстановления дисциплины в армии. Однако я был уполномочен, в случае, если найду это удобным, поговорить с ним частным образом от имени правительства его величества в намеченном мною направлении».

6 августа.

«Керенский образовал правительство в составе шести социалистов и шести членов, не принадлежащих к социалистам. Пять из последних принадлежат к кадетской партии. Авксентьев, председатель Совета Крестьянских Депутатов, стал министром внутренних дел, а Савинков, бывший террорист, — товарищем военного министра. Корнилов назначен верховным главнокомандующим».

11 августа.

«Сегодня я встретил Керенского за завтраком, который давал Терещенко. Во время нашей беседы я сказал, что

очень удручен тем обстоятельством, что к общему положению, как кажется, все относятся исключительно с партийной точки зрения, и что политические соображения берут перевес над требованиями войны. Ссылаясь затем на обращенную к нам просьбу Корнилова о дальнейшей доставке артиллерии, я заметил, что мы были свидетелями того, как первоначальный успех июльского наступления превратился в бегство вследствие отсутствия дисциплины, и что наша военная власть вряд ли согласится исполнить упомянутую просьбу, если не получит уверенности, что Корнилов будет наделен всей полнотой власти для восстановления дисциплины. Я прибавил, что уверенность моего правительства возросла бы, если бы я мог уведомить его, что Петроград включен в фронтовую полосу и что в нем введено военное положение. Керенский заявил, что правительство решило поддержать порядок, и сказал несколько вспыльчиво, что если мы намерены торговаться насчет артиллерии и не хотим помогать России, то нам лучше сказать это сразу. Я сказал, что он неправильно меня понял, что мы всячески хотим помочь России, но не будет ничего хорошего в том, что мы пошлем ей на фронт артиллерию, если последнюю захватят германцы. Мы нуждаемся в каждой пушке, которая может быть доставлена на наш собственный фронт, и, пуская эти пушки в ход, мы окажем действительную помощь России».

«Неделей позже я получил ответ на вышеприведенную телеграмму, в которой мне давалась инструкция заверить Керенского в самом серьезном желании правительства его величества помочь России и сказать ему, что хотя британская армия предприняла теперь самое тяжелое наступление, какое только до сих пор предпринималось, но правительство отдало распоряжение возобновить доставку тяжелых орудий России».

13 августа.

«Опубликование переписки между первым министром и г. Гендерсоном по вопросу об отношении последнего к Стокгольмской конференции причинило русскому правительству большие затруднения и подвергло его нападкам со стороны Совета. В разговоре со мной по этому вопросу Терещенко сказал, что он поручил русскому поверенному в делах уведомить правительство его величества, что русское правительство считает Стокгольмскую конференцию партийной, решения которой никоим образом не могут его связывать, но что препроводительная нота Набокова к г. Бальфуру, которой первый министр придает особенно важное значение, была написана без его инструкций. Он никогда не поручал ему заявлять, что русское правительство против конферен-

ции (г. Набоков в своей ноте к Бальфуру употребил выражения, которые были истолкованы в этом смысле).

«Когда Терещенко и Керенский заявляли мне, что они предпочитали бы, чтобы конференция не состоялась, то они отнюдь не желали, чтобы мы публично заявили об их отрицательном отношении к ней. Сегодня утром Керенский просил меня побудить правительство его величества не отказывать в паспортах нашим социалистам».

15 августа.

«Я давал вам полную информацию по телеграфу о различных стадиях последнего министерского кризиса и об окончательном составе правительства. Оно представляет собою улучшенное издание старого, и некоторые из новых министров — хорошие люди. Плеханов, выполнивший блестящую работу, должен был войти в состав правительства, но Совет этого не допустил бы, так как он никогда не простил бы Плеханову его заявления, о том, что он сначала патриот, а потом социалист.

«Мы пришли в этой стране к любопытному положению, когда мы приветствуем назначение террориста, бывшего одним из главных организаторов убийства великого князя Сергея Александровича и Плеве, в надежде, что его энергия и сила воли могут еще спасти армию. Савинков представляет собою пылкого поборника решительных мер как для восстановления дисциплины, так и для подавления анархии, и о нем говорят, что он просил у Керенского разрешения отправиться с парой полков в Таврический дворец и арестовать Совет. Излишне говорить, что такое разрешение не было дано. С другой стороны, он, к несчастью, является противником восстановления прежней дисциплинарной власти офицеров и предпочитает наделить этой властью правительственных комиссаров на фронте, в чем видит гарантию против возможной контр-революции.

«Хотя известия из армии лучше, и хотя в Петрограде полное спокойствие, однако я не могу считать положения удовлетворительным. Правительство упустило единственную возможность раз навсегда раздавить большевиков после беспорядков, происходивших в прошлом месяце. Когда я упрекал в этом Терещенко, то он сказал, что Керенский в то время, когда вспыхнули беспорядки, к несчастию, находился на фронте. По своем возвращении он заметил, что было бы лучше, если бы князь Львов отложил на несколько часов посылку войск и артиллерии для защиты членов Совета, которые в понедельник вечером подвергались опасности быть арестованными или перебитыми восставшими войсками. Правительство, как целое, не внушает особого доверия. Гучков придерживается самых мрачных взглядов на положение и

заявляет, что в армии не только вскоре начнется голод, но, если война будет продолжаться и зимой, то армия растает сама собой. Он сказал мне как-то, что нынешнее правительство безнадежно и никогда не сможет спасти страну. Конечно, ему хотелось бы отделаться от социалистов и заменить их представителями правых партий. Я возразил, что ни одно правительство не сможет ничего сделать, если оно не сможет рассчитывать на поддержку петроградского гарнизона, который в настоящее время предпочитает повиноваться лучше приказам Совета, чем правительству.

«Я имел однажды продолжительную беседу с князем Кропоткиным. Его взгляды на положение вещей очень близки к моим, хотя он, пожалуй, еще более пессимистически смотрит на будущее. Я все еще надеюсь, что Россия выдержит, хотя препятствия на ее пути как военного, так и промышленного и финансового характера внушают сильнейшие опасения. Вопрос о том, откуда она возьмет денег для продолжения войны и для уплаты процентов по государственным долгам, меня очень озабочивает, и нам вместе с американцами придется вскоре столкнуться с тем обстоятельством, что мы должны будем в весьма значительной степени финансировать ее, если мы желаем, чтобы она выдержала зимнюю кампанию. Однако нельзя ожидать, чтобы мы согласились на это, пока не получим доказательств в ее решимости привести свой дом в порядок путем восстановления строгой дисциплины в армии и подавления анархии в тылу. Генерал Корнилов представляет собою единственного человека, достаточно сильного, чтобы сделать это, и он дал ясно понять правительству, что если оно не исполнит его требований и не наделит его полномочиями, которые он считает необходимыми, то он откажется от верховного командования. Опасность состоит в том, что если он будет иметь успех и приобретет преобладающее влияние на армию, то он станет предметом подозрений со стороны Совета, политика которого, направленная к разрушению дисциплины, была первоначально вызвана опасением того, что армия сделается господствующей силой в стране».

24 августа.

«Я возвратился вчера ночью после недельного отдыха в Финляндии и видел Терещенко сегодня утром. Я очень разочарован, — сказал я ему, — тем, что если положение переменилось, то только к худшему, что едва ли хоть одна из задуманных дисциплинарных мер была применена на деле, и что правительство кажется мне более слабым, чем когда-либо. На мой вопрос, согласен ли Керенский с верховным главнокомандующим по вопросу о восстановлении смертной казни в тылу, он сказал, что только в течение последних

нескольких недель оказалось возможным хотя бы поставить на обсуждение этот вопрос, и что правительство вынуждено действовать с крайней осторожностью. По его словам, Керенский отстаивал в Совете министров применение смертной казни за некоторые государственные преступления, как военных, так и гражданских лиц, но кадеты возражали против применения ее к последним, опасаясь, что смертной казни могут быть подвергаемы лица, подозреваемые в возбуждении контр-революции. Я возразил, что каковы бы ни были у правительства основания для осторожного образа действия в прошлом, сейчас оно не может терять времени; так, не говоря уже о военных перспективах, экономическое положение настолько серьезно, что если не будут приняты немедленно самые решительные меры, то зимою могут возникнуть серьезные затруднения. Я некогда предостерегал императора, что голод и холод вызовут революцию, и если правительство не будет действовать быстро, то те же самые причины приведут к контр-революции. Терещенко соглашался с тем, что правительство не настолько сильно, как это было бы ему желательно, но сказал, что генерал Корнилов представит Московскому Совещанию, которое открывается завтра, свою программу и об'яснит, какие мероприятия он считает необходимыми. Это Совещание будет первым большим национальным собранием со времени революции, и на нем будут участвовать как все министры, так и представители Совета и других учреждений».

29 августа.

«Хотя, за исключением экстремистов, все партии согласны с тем, что нельзя причинять затруднений правительству, однако же Совещание, далеко не обеспечив национального единства, скорее подчеркнуло разногласия между разными партиями, и, вероятно, не пройдет и несколько недель, как мы окажемся перед новым кризисом».

30 августа.

«Терещенко, с которым я имел беседу по возвращении его из Москвы, считает, что Совещание укрепило правительство. Верховный главнокомандующий, — заявил он, — снабжен теперь полнотой власти в отношении армии на фронте, но не требовал немедленного применения смертной казни повсюду в тылу. Военное положение введено в Казани, но было бы рискованно вводить его в Петрограде. Однако будут приняты другие меры для того, чтобы справиться с положением, которое, — он согласен с этим, — очень неудовлетворительно».

31 августа.

«Я видел Керенского сегодня утром, и в ответ на мой вопрос относительно Совещания он заявил, что удовлетворен его результатами. Я сказал ему, что хотя я — один из немногих, еще не потерявших всякую надежду на то, что Россия способна выпутаться из положения, однако я не могу взять на себя ответственности за благоприятное освещение положения перед своим правительством, если он не сможет дать мне достаточных гарантий поддержания порядка в тылу, а также в отношении продовольственного вопроса и транспорта. Корнилов говорил в Москве об опасности разрушения железнодорожного транспорта и об угрожающем армии голоде, а если это случится, то произойдет общий паралич, к которому я должен подготовить свое правительство.

«Керенский не мог отрицать, что положение очень серьезно. Он сказал, что не может предсказывать или давать абсолютных гарантий в отношении будущего. В Москве представители Совета и промышленных организаций обещали правительству поддержку. Церетели заявил, что война должна продолжаться до тех пор, пока неприятель не будет изгнан с русской территории, и что сепаратный мир может быть заключен только через труп революции. Он может только подтвердить это заявление и заверить меня, что Россия никогда не отступит от войны, если только она не окажется не в состоянии продолжать ее материально. Он добавил, что смертная казнь будет применяться в тылу по отношению ко всем лицам, виновным в государственной измене. Я сказал ему, что всего больше меня озабочивает то обстоятельство, что социалистические члены правительства боятся сделать армию действительной боевой силой из опасения того, что она может быть при случае использована против революции. Это — фатальная ошибка, и если когда-либо вообще произойдет контр-революция, то она будет вызвана неумением правительства принять необходимые меры для спасения страны. Если правительство исполнит свой долг, то ему нечего бояться. Керенский сказал, что я ошибаюсь, что опасность уже существует, и что он никогда не согласится ковать своей рукой оружие, которое может быть передано тем, кто использует его против революции. На его обращение ко мне с просьбой оказать Временному Правительству действительную поддержку и отбить охоту ко всяким разглагольствованиям о реакции, я сказал, что в двух интервью, которые я дал недавно прессе, я приглашал все партии и все классы оставить свои разногласия и собраться вокруг правительства для защиты родины. Однако, я не могу скрыть от него, как тяжело наблюдать

мне то, что происходит в Петрограде. В то время, как английские солдаты проливают свою кровь за Россию, русские солдаты шатаются по улицам, ловят рыбу в реке и катаются в трамваях, а германские агенты работают повсюду. Он не мог отрицать этого и сказал, что будут приняты решительные меры для устранения этих злоупотреблений».

3 сентября.

«Выраженные Керенским опасения контр-революции до известной степени оправдались, так как мне после того рассказали, что группа лиц, которую, как говорят, поддерживают выдающиеся финансовые и промышленные деятели, а также некоторые полки, замышляет арестовать правительство и разогнать Совет. Хотя недовольство вследствие падения Риги и серьезного положения Двинска растет, однако такая попытка не имеет никаких шансов на успех».

3 сентября.

«После моего последнего письма интересы общества сосредоточились вокруг Московского Совещания и его вероятного влияния на политическое положение. Единственные конкретные результаты, насколько я могу судить, заключаются в том, что после очень подробных заявлений министров нация узнала правду об отчаянном положении страны, тогда как правительство познакомилось со взглядами различных партий и промышленных организаций. Что касается до установления национального единства, то Совещание послужило лишь к обострению партийных разногласий, и хотя все речи, за исключением произнесенных большевиками, были переобременены патриотическими чувствами, но не было сделано никаких попыток к тому, чтобы засыпать пропасть между правыми и левыми. Керенский увлекался общими местами. Он не рассказал аудитории ни о том, что он сделал в прошлом, ни о том, что он предполагает сделать в будущем. Ни он, ни кто-либо другой из партийных вождей не сделали никаких конкретных предложений за исключением Чхеидзе, председателя Совета.

«Выражая готовность оказывать поддержку правительству, они делали это условно и с оговорками и не выказали ни малейшего желания остановить свои разногласия или принести в жертву свои классовые интересы. Курьезно, что все они, повидимому, приписывают себе успех на Совещании, но ни один не сходится с другим по вопросу о том, чего в действительности оно достигло. Однако в общем правительство, как целое, укрепило свое положение, и хотя никакой резолюции не было принято, но оно действительно обладает теперь всей полнотой власти, чтобы справиться с положением, если только оно захочет ею воспользоваться.

«С другой стороны, Керенский лично потерял почву и произвел определенно дурное впечатление своей манерой председательствования на Совещании и автократическим тоном своих речей. Согласно всем отчетам, он был очень нервен; но было ли это вызвано переутомлением или соперничеством, несомненно существующим между ним и Корниловым, — трудно сказать. Корнилов — гораздо более сильный человек, чем Керенский; если бы он смог укрепить свое влияние в армии, и если бы последняя стала крепкой боевой силой, то он стал бы господином положения. Я слышал из разных источников, что Керенский старался всеми силами не допустить, чтобы Корнилов выступал на конференции, и хотя он был вынужден силой обстоятельств уступить всем требованиям генерала, однако он, очевидно, видит в нем опасного соперника. Родзянко и его правые друзья, с своей стороны, компрометировали Корнилова, выдвигая его вперед как своего передового борца, тогда как социалисты ввиду этого заняли по отношению к нему враждебную позицию и приветствовали Керенского.

«Сверх того, поведение Корнилова едва ли было рассчитано на то, чтобы усыпить подозрение, с которым на него смотрит Керенский. Он устроил драматический в'езд в Москву, окружив себя туркменской стражей, и прежде чем явиться на конференцию, посетил мощи в Успенском соборе, где всегда молился император, когда приезжал в Москву. Керенский же, у которого за последнее время несколько вскружилась голова, и которого в насмешку прозвали «маленьким Наполеоном», старался изо всех сил усвоить себе свою новую роль, принимая некоторые позы, излюбленные Наполеоном, заставив стоять возле себя в течение всего Совещания двух своих ад'ютантов. Керенский и Корнилов, мне кажется, не очень любят друг друга, но наша главная гарантия заключается в том, что ни один из них, по крайней мере в настоящее время, не может обойтись без другого. Керенский не может рассчитывать на восстановление военной мощи без Корнилова, который представляет собой единственного человека, способного взять в свои руки армию. В то же время Корнилов не может обойтись без Керенского, который, несмотря на свою убывающую популярность, представляет собою человека, который с наилучшим успехом может говорить с массами и заставить их согласиться с энергичными мерами, которые должны быть проведены в тылу, если армии придется проделать четвертую зимнюю кампанию.

«Родзянко и другие слишком много говорили о контрреволюции и указывали на то, что военный переворот есть единственное средство, которое может спасти Россию. Хотя кадеты говорили более осторожным языком, однако и они

решили попытаться свалить правительство и своей тактикой внушали мысль, что они также работают в пользу контр-революции. В телеграмме, посланной мне генералом Бартером по его возвращении в ставку из Москвы, он говорит, что попытки к какому-нибудь перевороту можно как будто бы ожидать в любой момент. Я сказал ему, что такого рода событие было бы в настоящее время роковым, оно неизбежно привело бы к гражданской войне и вызвало бы непоправимое бедствие. Я вовсе не считаю Керенского идеальным министром-председателем, и, несмотря на свои заслуги в прошлом, он почти что сыграл свою роль. Но я не вижу, кто бы мог заменить его с выгодой, и не думаю, чтобы чисто кадетское или октябристское правительство действовало хоть сколько-нибудь лучше, чем нынешнее, хотя некоторые перемены безусловно должны быть произведены в его составе, а прежде всего из него должен быть удален Чернов.

«Продолжительный разговор, который я имел с Керенским несколько дней тому назад, произвел на меня довольно удручающее впечатление, так как он не мог отрицать возможности наступления окончательного паралича, вследствие расстройства транспорта и крайне недостаточного подвоза, тогда как опасение возможности использования армии для целей контр-революции заставляет его колебаться в решительном проведении всех необходимых мер для восстановления дисциплины и боевой силы армии. Он не раз говорил о необходимости для всех нас употребить все усилия для сокращения продолжительности войны, так как он боится, что Россия не сможет держаться без конца. Я сказал ему, что именно с этой целью все союзники предприняли наступление на разных фронтах, и что если он хочет сокращения продолжительности войны, то должен помочь нам восстановлением боевой силы русской армии, восстановлением порядка внутри страны и применением к войскам в тылу тех же дисциплинарных мероприятий, которые введены на фронте. Он дал мне положительные заверения по всем этим пунктам, но я не решаюсь предсказать, осуществит ли он их на деле».

ГЛАВА XXIX

1917

Слухи о контр-революционном движении.—Разрыв между Керенским и Корниловым. — Керенский отклоняет переговоры с Корниловым и об'является его изменником. — Приказ Корнилова войскам о наступлении на Петроград. — Остановка движения. — Корнилов подчиняется.

Едва успело разойтись Московское Государственное Совещание, как слухи о проектируемом перевороте стали приобретать более конкретную форму. Журналисты и другие

лица, находившиеся в контакте с его организаторами, говорили мне даже, что успех переворота обеспечен, и что правительство и Совет капитулируют без борьбы. В среду, 5 сентября, ко мне зашел один мой русский друг, состоявший директором одного из крупнейших петроградских банков, и сказал, что он находится в довольно затруднительном положении, так как некоторые лица, имена которых он назвал, дали ему поручение, исполнение которого, как он чувствует, для него едва ли удобно. Эти лица, продолжал он, желают поставить меня в известность, что их организация поддерживается некоторыми важными финансистами и промышленниками, что она может рассчитывать на поддержку Корнилова и одного армейского корпуса, что она начнет операции в ближайшую субботу, 8 сентября, и что правительство будет при этом арестовано, а Совет распущен. Они надеются, что я поддержу их, предоставив в их распоряжение британские броневики, и помогу им скрыться, в случае неудачи их предприятия.

Я ответил, что со стороны этих лиц весьма наивно просить посла принять участие в заговоре против правительства, при котором он аккредитован, и что если бы я захотел исполнить свой долг, то должен был донести об их заговоре. Хотя я не хочу обмануть их доверие, однако я не стану им оказывать ни покровительства, ни поддержки. Напротив, я посоветовал бы им отказаться от предприятия, которое не только обречено заранее на неудачу, но и будет немедленно же использовано большевиками. Если бы генерал Корнилов был благоразумен, то он подождал бы, пока большевики не сделают первый шаг, а тогда он пришел бы и раздавил их.

Падение Риги и отступление русской армии вызвали панику в городе, и всякий, кто мог, готовился к от'езду. Уже были сделаны шаги к переводу государственных архивов в Москву, и правительство серьезно рассматривало вопрос о перенесении туда своей резиденции. Терещенко в беседе со мной 6 сентября сообщил мне, что с фронта вызваны три кавалерийские дивизии для предотвращения опасности большевистского восстания, и из того, что он говорил мне о политическом положении, я получил некоторую надежду на то, что Керенский и Корнилов, в конце концов, соединили свои усилия для поддержания порядка. В воскресенье, 9 сентября, я выехал в Мурино, деревню, расположенную верстах в 20 от Петрограда, где британская колония устроила большое состязание в голф, а по возвращении оттуда вечером я нашел телефонограмму от Терещенко, приглашавшую меня притти в министерство вместе с французским послом г. Нулансом немедленно после обеда. Там он рассказал нам об окончательном разрыве, произошедшем только что между Керенским и Корниловым.

О происхождении этого конфликта опубликовано столько различных сообщений, что все еще трудно установить долю вины в нем каждого, и даже точно установить, что именно произошло в действительности. Лицом, на которое падает ответственность в том, что оно умышленно или не умышленно довело дело до разрыва, является бывший обер-прокурор святейшего синода Владимир Львов. Он имел беседу с Керенским 4 сентября и немедленно вслед за тем выехал в ставку, повидимому, с целью способствовать образованию более сильного правительства. Согласно сообщению, опубликованному впоследствии Савинковым, Львов предоставил Корнилову на выбор один из трех возможных выходов, при чем держал себя таким образом, что у Корнилова создалось впечатление, что он говорит от имени Керенского:

1. Корнилов образует правительство с Керенским и Савинковым, получающими портфели: первый—министра юстиции, а второй — военного.

2. Триумвират с диктаторской властью, в составе Керенского, Корнилова и Савинкова.

3. Корнилов превозглашает себя диктатором.

По возвращении в Петроград в субботу, 8 числа, Львов сказал Керенскому, что Корнилов решил об'явить себя диктатором, и что он хочет, чтобы Керенский и Савинков приехали в ставку в следующий понедельник, получив от него портфели министров юстиции и военного. Керенский попросил Львова представить ему это сообщение в письменной форме, а затем вызвал Корнилова по прямому проводу и спросил его, подтверждает ли он сообщение, доставленное Львовым. Он получил на это утвердительный ответ. Терещенко впоследствии рассказывал мне, что изложенная версия более или менее правильна, но что Керенский сделал большую ошибку, пообещав Корнилову во время своей беседы прибыть в ставку в ближайшие дни. Только посовещавшись с Некрасовым, Керенский решил по совету последнего об'явить Корнилова изменником и потребовать его отставки. По словам Савинкова, Львов намеренно или ненамеренно извратил позицию Корнилова, придав его сообщению форму ультиматума, вместо того, чтобы представить его как выражение его мнения. С другой стороны, Некрасов заявлял, что Львов спас революцию, раскрыв и разоблачив заговор, прежде чем он мог быть приведен в исполнение. К несчастью, Терещенко в критический момент был на полдороге между Петроградом и ставкой, когда получил телеграмму от Керенского, предлагающую ему немедленно возвратиться. Если бы он был в Петрограде, то он отсоветовал бы Керенскому доводить дело до полного разрыва, а если бы был в ставке, то оказал бы умеряющее влияние на Корнилова.

В разговоре, происходившем у меня в Лондоне в 1918 г. с Керенским, последний в ответ на мой вопрос о его отношениях к Корнилову сказал, что он всегда смотрел на него, как на патриота и честного человека, но очень плохого политика. Он уступил всем требованиям Корнилова в отношении смертной казни и включения Петрограда в фронтовую полосу, но он не мог допустить, чтобы он распоряжался местопребыванием правительства, так как в таком случае министры были бы отданы на произвол Корнилову. Поэтому он послал Савинкова в ставку с целью попытаться выработать с ним практическое соглашение. Он знал, что Завойко, Аладьиным и другими лицами из числа окружавших Корнилова был организован заговор, имевший целью свержение правительства, и всего дней за десять до окончательного разрыва он предупреждал Корнилова, что тот не должен проявлять излишней торопливости, а должен дать правительству время для постепенного обнародования дисциплинарных мероприятий, на которых он настаивал. Он даже спросил его, предполагает ли он установить военную диктатуру, и Корнилов ответил: «Да, если на то будет господня воля». Он, Керенский, определенным образом условился о том, чтобы кавказская дивизия, известная под именем «дикой дивизии», не была включена в число войск, предназначенных к отправке в Петроград, и чтобы эти войска не были отданы под командование ген. Крымова; но, несмотря на это, Корнилов назначил Крымова командующим и послал вместе с ним «дикую дивизию». Хотя он имел разговор с Львовым перед от'ездом последнего в ставку, но он не давал ему никакого поручения; и в телеграфном разговоре, который он имел с Корниловым по возвращении Львова, он поставил первому вопрос совершенно ясно, в выражениях, не допускавших недоразумения, и получил утвердительный ответ. Так как он знал, что войска Крымова уже достигли Луги, и что в Петрограде подготовлено восстание, которое должно было вспыхнуть, как только он выедет в ставку, то у него не было никакого иного выхода, кроме об'явления Корнилова изменником.

В двух приказах по армии, опубликованных 10 и 11 сентября, Корнилов привел версию, которая изображает его поведение в совершенно ином свете.

По получении телеграммы Керенского, предлагавшей ему подать в отставку, Корнилов должен был сделать выбор между полным подчинением и открытым мятежом; и он предпочел последний, будучи добросовестно убежден, что продолжение нерешительной политики правительства будет только усиливать бедствия России. Нижеследующие выдержки из моего дневника и телеграфных сообщений в министерство иностранных дел показывают, как тяжело было положение в течение последующих критических дней.

10 сентября.

«Зайдя к Терещенко сегодня утром, я нашел его очень озабоченным тем оборотом, который приняли события. По его словам, в полночь приехал генерал Алексеев и настоятельно требовал примирительной политики. Правительство было занято обсуждением этого вопроса, как вдруг оно получило сообщение, что Корнилов провозгласил себя диктатором и в выпущенном им манифесте обвинял правительство в том, что оно вызвало кризис, послав Львова в ставку в качестве провокатора. Затем он дал приказ генералу Крымову двигаться на Петроград с кавалерийским корпусом и артиллерией, которые находились в Луге в нескольких дневных переходах от столицы. Это означало начало гражданской войны, и поэтому правительство уже не могло вести с ним дальнейшие переговоры. Наступлению на Петроград будет дан отпор силой, но он боится, что прекращение снабжения, которое произойдет вследствие этого, вызовет большевистское восстание, которое закончится коммуной. Поэтому он советовал бы дипломатическому корпусу немедленно выехать в Москву или Финляндию; при этом он обещал сделать все необходимые распоряжения в этом направлении, выслушав предварительно мое мнение по этому вопросу. Я сказал ему, что для меня невозможно уехать и оставить британскую колонию без защиты, и что теперь нет времени для того, чтобы подготовить эвакуацию всех союзных колоний. Я созову собрание глав миссий и поставлю его в известность об их пожеланиях, но в то же время я должен настаивать перед правительством на необходимости примирения с верховным главнокомандующим и на командировании генерала Алексеева в качестве посредника для выработки соглашения с ним. Так как он не выражал никакой надежды на то, что будет предпринят какой-либо шаг в этом направлении, то не остается ничего иного, как выжидать событий и верить в то, что Корнилов окажется достаточно сильным, чтобы преодолеть всякое сопротивление в течение нескольких дней.

«По возвращении домой я старался убедить свою жену и дочь уехать в Финляндию, но они с характерным для них мужеством наотрез отказались покинуть меня. На собрании глав миссий, состоявшемся в английском посольстве после полудня, было решено, что мы должны остаться в Петрограде, чтобы обеспечить защиту нашим соотечественникам. В то же время союзные представительства приняли резолюцию, в которой предлагали свои добрые услуги в качестве посредников в конфликте, вспыхнувшем между Временным Правительством и верховным главнокомандующим, с единственной целью предотвратить гражданскую войну и служить интересам России и ее союзников».

10 сентября.

«Вручая Терещенко сегодня вечером резолюцию, принятую союзными представительствами, я сказал ему, что, не имея ни малейшего желания вмешиваться во внутренние дела России, мы хотим, как друзья и союзники России, предоставить в распоряжение правительства наши услуги, если только мы в состоянии каким бы ни было образом помочь избежать того, что может оказаться непоправимым бедствием.

«Выразив благодарность и заявив, что он немедленно уведомит министра-председателя о предпринятом нами шаге, он сказал, что, по его мнению, конфликт в настоящее время неизбежен. Социалисты-революционеры вместе с Керенским считают, что в настоящее время остается только решить спор оружием, так как события зашли слишком далеко для того, чтобы допускать какой бы то ни было компромисс. С другой стороны, кадеты настроены в пользу того, чтобы правительство уступило и предоставило Корнилову составить министерство. Сам Терещенко всегда был горячим поклонником верховного главнокомандующего и готов был итти очень далеко для того, чтобы спасти страну от гражданской войны. Однако он не может относиться без серьезных опасений к мысли о том, чтобы передать судьбы России в руки людей, окружающих Корнилова. Его главный советчик Завойко предназначен на пост министра финансов, но его прошлое таково, что к нему нельзя питать ни малейшего доверия. Его будущие коллеги, в том числе Аладьин, которому предстоит стать министром иностранных дел, немногим лучше. Терещенко прибавил, что лично он все еще старается достичь примирения и настаивает, чтобы как Керенский, так и Корнилов ушли, и чтобы новое правительство было образовано из представителей умеренных партий с исключением представителей Совета».

11 сентября.

«Министр иностранных дел уведомил меня сегодня утром, что министр-председатель поручил ему благодарить союзных послов за их выступление, которое очень его тронуло, и выразить сожаление, что позиция верховного главнокомандующего делает невозможным для правительства попытки притти с ним к соглашению.

«Терещенко сообщает мне, что петроградский гарнизон высказался за правительство, и что единственные войска, на которые может опереться Корнилов, составляют три кавалерийские дивизии под начальством Крымова. Все министры подали в отставку, хотя и продолжают работать во главе своих ведомств, и Керенский является настоящим диктатором».

12 сентября.

«Вследствие медленности продвижения Корнилова правительство имело время организовать гарнизон, привести солдат и матросов из Кронштадта, вооружить тысячи рабочих и арестовать многих сторонников Корнилова».

12 сентября.

«Терещенко говорит мне, что Корнилов окончательно вышел в отставку, что Керенский принял верховное командование над армией с генералом Алексеевым в качестве начальника штаба верховного главнокомандующего, и что генерал Верховский, главнокомандующий московского округа, будет назначен военным министром.

«Выступление Корнилова с самого начала было отмечено почти детской неспособностью его организаторов и, в конце концов, потерпело полное крушение. По прибытии на станцию на расстоянии около 25 верст от Петрограда его войска были встречены Черновым, а так как их держали в неведении относительно цели их похода, то Чернов убедил их высказаться за Керенского. Их командир Крымов был доставлен в Петроград на моторе и после беседы с Керенским застрелился. Корнилов был арестован и отдан под суд по обвинению в государственной измене, но после большевистской революции ему удалось бежать.

«Хотя все мои симпатии были на стороне Корнилова, однако я все время старался изо всех сил бороться с идеей военного переворота, так как наилучшую надежду на спасение России дало бы тесное сотрудничество между Корниловым и Керенским. Корнилов вовсе не был реакционером, он добросовестно верил, что Львова командировал Керенский с целью выяснить его взгляды на политическое положение; и он высказал их со своей обычной прямотой, не придавая им формы ультиматума. Совершенно нельзя об'яснить роли, сыгранной в этом деле Львовым. Он извратил позицию Керенского перед Корниловым и позицию Корнилова перед Керенским. Но я не могу сказать, был ли он мошенником или глупцом. Во всяком случае, он оказался зловредным интриганом. Корнилов решился на выступление, только получив предложение Керенского подать в отставку, и им двигали при этом исключительно патриотические мотивы. Но в то время, как лично он был готов работать с Керенским, за его спиной стояли люди, уже в течение нескольких недель до того устраивавшие заговоры с целью низвержения правительства и желавшие воспользоваться им как своим орудием и заставить его плясать под их дудку.

«О тайне этого контр-революционного движения знало столько лиц, что оно перестало быть тайным. Керенский знал о нем, так что, когда Львов передал ему то, что было истол-

ковано, хотя и совершенно неправильно, как ультиматум Корнилова, то он уже был настроен подозрительно и был предубежден против Корнилова. Хотя Керенский, несомненно, считал его опасным соперником, который, получив однажды власть над армией, мог бы использовать ее против правительства, однако я не думаю, чтобы он намеренно подставил ловушку Корнилову с целью убрать его с дороги. Однако и за его спиной, как и за спиной Корнилова, стояли дурные советники, которые ради личных или партийных побуждений подстрекали его удалить верховного главнокомандующего. Что он еще колебался сделать это, показывает то обстоятельство, что в телеграфном своем разговоре с Корниловым он обещал приехать в ставку, и только Некрасов окончательно убедил его об'явить Корнилова изменником. Вся его политика была слабой и колеблющейся. Страх перед Советом, повидимому, парализовал всякий его шаг. После июльского восстания ему представлялся случай подавить большевиков раз навсегда, но он отказался им воспользоваться, а теперь, вместо того, чтобы постараться притти к соглашению с Корниловым, он уволил в отставку единственного сильного человека, способного восстановить дисциплину в армии. Кроме того, в целях защиты революции, которая всегда у него была на первом плане, он сделал дальнейшую ошибку, вооружив рабочих, и прямо сыграл таким образом в руку большевикам. В письме в министерство иностранных дел от 21 сентября я говорил: «Как сказал мне вчера один известный иностранный государственный деятель, у Керенского две души: одна — душа главы правительства и патриота, а другая — социалиста и идеалиста. Пока он находится под влиянием первой, — он издает приказы о строгих мерах и говорит об установлении железной дисциплины, но как только он начинает прислушиваться к внушениям второй, его охватывает паралич, и он допускает, чтобы его приказы оставались мертвой буквой. Боюсь, кроме того, что, подобно Совету, он вовсе не хочет создать сильной армии и что, как он однажды мне заметил, никогда не станет ковать собственными руками оружие, которое может быть некогда использовано против революции».

ГЛАВА XXX

1917

Совет получает перевес. — Демократическое Совещание принимает коалиционное правительство. — Беседы с Терещенко и Керенским. — Правительство созывает Временный Совет Республики в качестве совещательной палаты. — Представительство России на Парижской конференции.

Неудача корниловской попытки государственного переворота, как я сказал Терещенко, разрушила мои последние на-

дежды на улучшение положения как на фронте, так и в тылу и лишила офицеров того небольшого авторитета, которым они пользовались раньше, восстановив в то же время падавшее влияние Совета. Последний принял резолюции, требовавшие отмены смертной казни, об'являвшие все существующие тайные договоры недействительными и требовавшие немедленного заключения всеобщего демократического мира. Совет, сказал я, стал господином положения, а правительство он только терпит вплоть до того времени, когда он решит взять в свои руки. Терещенко попытался успокоить меня, сказав, что он заявил министрам-социалистам, что строгие дисциплинарные меры должны быть приняты немедленно, и что всякое большевистское восстание должно быть сурово подавлено.

Ближайший шаг, предпринятый Советом, состоял в том, что он отказался признать вновь образованное Керенским коалиционное правительство и созвал Демократическое Совещание с целью определения состава правительства, способного осуществить программу революционной демократии. В течение сессии этого Совещания управление страной было вручено совету пяти, главными членами которого были: Керенский, Терещенко и военный министр (Верховский), при чем этот совет должен был поддерживать тесный контакт с Советом рабочих и солдатских депутатов. В то же время 15 сентября была провозглашена республика, смысл которой был тот, что революция продолжается.

Сначала Керенский намеревался поставить Совещание, собравшееся 27 сентября, перед совершившимся фактом, но у него не хватило мужества, и 3 октября он представил президиуму Совещания имена лиц, которых он намеревался включить в свой кабинет. В то же время он произнес речь, в которой, обрисовав положение в самых мрачных красках, он настойчиво указывал на то, что только коалиционное правительство, представляющее все партии, может спасти Россию. Тем не менее, Совещание продолжало принимать ряд противоречивых резолюций за и против коалиционного правительства, которые в действительности не допускали участия кадетов в каком бы то ни было министерстве, и только 9 октября, после продолжительных переговоров между Керенским и президиумом Совещания, было образовано коалиционное правительство, в которое было включено шесть кадетов и промышленников. Петроградский Совет, исполнительный комитет которого был переизбран, при чем большевики оказались в нем в большинстве, а председателем его был избран Троцкий, немедленно же высказался против правительства.

В письме в министерство иностранных дел по поводу Совещания я говорил:

«Первоначальная мысль его инициаторов заключалась в том, чтобы дать демократии возможность выступить об'единенным фронтом против несоциалистических партий, но единственным результатом его было расщепление демократии на бесчисленное множество мелких групп и подрыв авторитета ее признанных вождей. Одни только большевики, составляющие компактное меньшинство, имеют определенную политическую программу. Они более активны и лучше организованы, чем какая бы то ни было иная группа, и пока они и представляемые ими идеи не будут окончательно раздавлены, до тех пор страна будет оставаться добычей анархии и беспорядка. К несчастью, более умеренные социалистические вожди, вроде Церетели и Скобелева, миссия которых состоит в борьбе с крайними большевистскими доктринами в Совете, никогда не могут совершенно позабыть о том, что как бы ни была глубока пропасть, отделяющая их от большевиков, тем не менее они являются товарищами-соратниками в деле социализма. Поэтому они никогда не санкционируют принятие строгих мер против большевиков, как партии, которая привела Россию на край гибели, но только против отдельных их членов, оказавшихся виновными в изменнических поступках. Если правительство не будет достаточно сильно, чтобы раздавить большевиков силой, рискуя раздавить вместе с ними и Совет, то единственной возможностью будет большевистское правительство.

«Министры стараются как можно более оттянуть процесс Корнилова, чтобы дать улечься общественному возбуждению. Защищаясь в Демократическом Совещании против обвинений в том, что он сам был до некоторой степени сообщником Корнилова, Керенский не пролил нового света на то, что произошло в действительности. С другой стороны, он выбивался из сил, чтобы доказать, что все чрезвычайные военные мероприятия были приняты правительством под давлением ультиматума, пред'явленного ему Корниловым».

Хотя Терещенко согласился сохранить за собой пост министра иностранных дел в преобразованном правительстве Керенского, однако он сделал это не без протеста. Он питал серьезное раздражение против военного министра, невольной причиной которого был я. Я пожаловался Терещенко на статью, помещенную в одной московской социалистической газете, в которой говорилось, что британские бронированные автомобили принимали участие в злосчастной авантюре Корнилова, и вследствие этого Керенский приказал закрыть газету. Вместо того, чтобы выполнить это приказание, Верховский удовлетворился возбуждением судебного преследования против издателя, и статья, на которую я жаловался, была при этом напечатана вторично. Верховский был молодым интеллигентным человеком и выказал себя с хорошей сто-

роны во время командования московским округом. В 1903 г. он был исключен из пажеского корпуса, в котором обучался, за то, что во время каких-то беспорядков собрал солдат кавалерийского полка и убеждал их не стрелять в народ. Его программа реорганизации армии путем демобилизации максимально возможного количества солдат и путем сформирования более мелких, но более сильных частей из наилучших элементов была довольно разумна, но в нем было слишком много энтузиазма для того, чтобы он мог сделаться действительно деловым военным министром.

В разговоре со мной 8 октября Терещенко сказал, что, хотя он остался министром иностранных дел, но отказался взять на себя обязанности заместителя председателя совета министров и принимать участие в заседаниях кабинета, кроме посвященных внешней политике или вопросам, по которым коллеги найдут особенно желательным его мнение, пока правительство не выработает окончательной программы. Он прочитал мне письмо, отправленное им Керенскому с просьбой об отставке, — письмо, в котором давалась уничтожающая критика как правительства, так и Совета. В течение шести трагических месяцев, писал он, прожитых Россией со времени революции, они ничему не научились и ничего не позабыли. Вместо того, чтобы стараться спасти Россию, демагоги думали только о своих собственных партийных интересах и о том, чтобы контролировать и ставить препятствия работе правительства. В заключение он говорил, что контр-революция, хотя и не непременно монархическая, представляет единственную надежду на спасение родины. Чтение этого письма, которое он грозил опубликовать, произвело потрясающее впечатление на его коллег. Кадеты, которые прежде были его самыми резкими оппонентами, заявили, что они не войдут в правительство, если он оттуда выйдет, и он, в конце концов, взял назад свое прошение об отставке.

Немедленно после выступления Корнилова я обсуждал со своими коллегами, французским, итальянским и североамериканским, вопрос о том, чтобы сделать русскому правительству коллективное представление по поводу как военного, так и внутреннего положения. На совещании, созванном мною с этой целью, мы выработали текст ноты и условились получить от наших правительств полномочия на представление ее тогда, когда мы сочтем момент для этого удобным. В этой ноте, выразив надежду на то, что в настоящее время, когда опасность гражданской войны предотвращена, правительство будет в состоянии сосредоточить всю свою энергию на продолжении войны, мы подчеркивали необходимость для правительства реорганизовать все военные и экономические силы России путем решительных мероприя-

тий для поддержания внутреннего порядка, увеличения производительности промышленности, улучшения транспорта и восстановления строгой дисциплины в армии. Так как посол Соединенных Штатов по какой-то необ'яснимой причине не получил от своего правительства никаких инструкций, то мои французский и итальянский коллеги и я решили действовать без него, и 9 октября мы были приняты Керенским, Терещенко и Коноваловым (заместителем председателя совета министров). Я начал с об'яснения, что мы получили несколько недель назад инструкции просить приема с целью обсудить вместе с ним положение, но что мы не могли сделать этого вследствие недавнего министерского кризиса. В настоящее же время, когда под его председательством сформировалось новое правительство, мы сочли момент удобным для выполнения наших инструкций, тем более, что это дает нам случай приветствовать его, как главу республиканского правительства, и принести ему наши искренние поздравления. Затем я, в качестве старшины дипломатического корпуса, прочел ему нашу коллективную ноту.

Керенский отвечал по-русски, а Терещенко переводил сказанное им на французский язык фразу за фразой. Он начал с того, что заявил нам, что он сделает все, что может, чтобы предупредить ложное толкование, которое могут дать другие сообщению только что нами ему прочитанному. «Настоящая война, — продолжал он, — является войной народов, а не правительств, и русский народ знает, что он принес несказанные жертвы. Царский режим оставил страну в плачевном состоянии дезорганизации, и было бы лучше, если бы союзники в свое время выказывали меньше уважения к чувствам царского правительства и чаще призывали бы его к ответу за его грехи. Кроме того, они были плохо осведомлены и после революции колебались, продолжать ли им доставку военного снабжения России. Между союзниками, — продолжал он, — должно существовать полнейшее единение, их интересы одни и те же, и отпадение одного из них будет однако фатально для всех. Необходимо постоянство в политике; несмотря на все свои затруднения, Россия решила продолжать войну до конца». Вечером он уезжает на фронт с целью немедленно же начать работу по реорганизации армии. В заключение он напомнил нам, что Россия все еще — великая держава.

Едва Терещенко кончил перевод последней фразы, Керенский встал и сделал знак рукой, показывающий, что наш прием закончился. Он торопливо пожал нам руки и направился к выходу. Так как мне надо было передать ему некоторые документы, то я последовал за ним и, об'яснив их содержание, я сказал, что я хотел бы дать ему понять, что наше выступление внушено исключительно желанием укре-

пить его положение. Керенский всегда был страстным любителем театральных эффектов и, очевидно, хотел показать свое неудовольствие наполеоновской манерой, с которой он с нами простился. Когда я после того заметил Терещенко, что Керенскому не зачем обращаться с союзными послами так по-кавалерийски, он сказал, что Керенскому было досадно, что мы делаем такие представления как раз в тот момент, когда он делал все возможное, чтобы исполнить наши желания. Он сказал мне далее, что Керенский немедленно после нашего приема посетил посла Соединенных Штатов и благодарил его за то, что он не был вместе с нами. Впоследствии Набоков получил предписание заявить г. Бальфуру формальный протест по поводу нашей коллективной ноты, тогда как письмо, написанное Керенским г. Ллойд Джорджу по поводу военного положения, было задержано. Когда Терещенко рассказал мне об этом, я заметил, что если он намерен был этим наказать нашего первого министра за шаг, который серьезность положения вполне оправдывал, то это совсем детский поступок с его стороны. Г. Ллойд Джордж, — прибавил я, — несомненно не станет считаться с его неудовольствием. Письмо было отправлено несколькими днями позже.

Около середины октября германцы произвели морскую демонстрацию у острова Даго и Эзеля и высадили десант на последний в количестве около 12.000 человек; вследствие этого русское правительство обратилось к нам с просьбой послать наш флот в Балтийское море, — требование, которого мы не могли удовлетворить по очевидным основаниям. Следующая выписка из моего дневника дает понятие о существе собеседований, которые я имел по этому поводу с Терещенко и Керенским.

25 октября.

«Указав на то, что морская демонстрация в Скагерраке могла бы скорее отвлечь на себя неприятельские силы, чем какие-либо операции, которые мы могли бы предпринять в Немецком море, Терещенко сказал, что он чувствовал большую неловкость, обращаясь к нам за помощью, когда Россия сама не делает никаких усилий, чтобы спасти себя. Однако ему дало смелость сделать этот шаг блестящее сопротивление, которое оказал русский флот гораздо более сильному врагу.

«Я возразил, что хотя я вполне признаю доблестное поведение флота, участвовавшего в последнем сражении, однако Россия едва ли может ожидать, что мы рискнем принести в жертву наш флот, пока ее армия, численно превосходящая силы противника, оказывает лишь слабое сопротивление продвижению германцев.

«В дальнейшем разговоре Терещенко сказал, что в речи, которую он намерен произнести в Совете Республики, он предполагает дать оценку роли, которую Россия сыграла в войне. Он постарается указать, что Франция, он уверен, никогда не забудет, что Россия принесла в жертву 300.000 человек, чтобы спасти Париж, и что Италия будет с благодарностью вспоминать, что давление на ее фронт было облегчено великим наступлением Брусилова. Он надеется, что сможет прибавить, что Россия также никогда не забудет помощи, оказанной британским флотом, когда ее собственному флоту грозило уничтожение.

«Я сказал Керенскому, которого увидел позже в тот же день, что если бы наш флот, как уже об'яснил адмирал Стенли начальнику генерального морского штаба, вошел в Балтийское море, то германский флот немедленно же удалился бы в Кильский канал, и так как наш выход мог бы быть блокирован посредством потопления германцами нескольких кораблей, то мы попались бы в ловушку.

«Выражая удовлетворение проектированной нами диверсией в Немецком море, Керенский не скрывал своего разочарования. Он лично, сказал он, понимает наше положение, но трудно об'яснить его все возрастающему числу лиц, которые постоянно жалуются, что союзники повернулись к России спиной. В некоторых кругах даже опасаются, что союзники замышляют заключить мир за счет России. Я ответил, что мы уже категорически отвергли это обвинение, и что он может быть уверен, что мы никогда не покинем России, если сама она не отречется первая от себя. Заключить мир на ее счет было бы самоубийством с нашей стороны. Однако едва ли можно ожидать, что мы будем доставлять ей большое количество военного снабжения, пока мы не будем иметь некоторой гарантии того, что русская армия использует его целесообразно. В ответ на выраженное им опасение, что как в Англии, так и во Франции сильно раздражены против России, я сказал, что хотя британское общество готово оценить затруднения последней, однако вполне естественно, что после падения Риги оно должно было оставить всякую надежду на то, что Россия будет принимать в дальнейшем активное участие в войне. Кроме того, некоторое раздражение, которое, быть может, оно чувствует, вызвано тем обстоятельством, что русскую армию с легким сердцем разрушают в качестве боевой силы те, кто боится, что она может быть использована против революции. Керенский возразил, что не будь выступления Корнилова, дисциплина была бы уже в значительной мере восстановлена, но что теперь всю работу восстановления приходится начинать сначала. Я сказал, что мы высоко оцениваем усилия, которые он делает для того, чтобы вдохнуть

жизнь в армию, и я верю, что он может еще добиться успеха. Однако уже не остается времени для полумер, и железная дисциплина, о которой он так часто говорил, должна быть установлена во что бы то ни стало. Большевизм является источником всех зол, от которых страдает Россия, и если бы он только вырвал его с корнем, то он перешел бы в историю не только в качестве вождя революции, но и в качестве спасителя своей страны. Керенский признавал справедливость высказанного мною, но заявил, что он может это сделать только в том случае, если большевики сами вызовут вмешательство правительства путем вооруженного восстания. Так как он прибавил, что они, вероятно, устроят восстание в течение ближайших пяти недель, то я выразил надежду, что он на этот раз не упустит случая, как это он сделал в июле».

Я должен теперь возвратиться несколько назад и дать краткий очерк борьбы партий, происходившей на политической арене Петрограда. Правительство Керенского незадолго до того признало полезным призвать к жизни совещательное учреждение, которое могло бы оказать ему моральную поддержку и в то же время служить буфером между ним и Совстом. Московское Государственное Совещание оказалось неудачным в смысле состава, тогда как Демократическое Совещание было отпрыском Совета. Но Предпарламент, или Совет Республики, созванный правительством в качестве предшественника Учредительного Собрания, должен был, по мнению правительства, укрепить его позицию. Эта идея, обсуждавшаяся еще в то время, когда заседало Демократическое Совещание, получила осуществление, и, прежде чем раз'ехалось это Совещание, было образовано ядро Предпарламента избранием 300 делегатов Совещания в качестве представителей различных демократических групп, тогда как 150 представителей так называемых буржуазных партий были введены впоследствии. Функции Предпарламента никогда не были ясно определены, но правительство дало понять совершенно ясно, что оно отнюдь не считает себя в какой-либо мере ответственным перед учреждением, которое было задумано как чисто совещательный орган.

21 октября Совет Республики был открыт Керенским речью, в которой он останавливался, главным образом, на необходимости созыва Учредительного Собрания в течение ближайшего месяца, восстановления боевого духа армии и подавления анархии. После избрания председателем умеренного социалиста Авксентьева, состоявшего министром внутренних дел в одном из кабинетов Керенского, Троцкий выступил с сильными нападками на правительство и заявил, что максималисты не будут работать ни с ним, ни с Советом Республики. Затем он оставил заседание в сопровождении

тридцати своих непримиримых последователей. Первым вопросом, который обсуждал Предпарламент, был вопрос об эвакуации Петрограда; и вначале существовала большая надежда на то, что буржуазные и умеренно-социалистические группы будут работать сообща и составят прочный блок против большевиков. В самом деле, образование такого блока давало единственную надежду на избавление от надвигавшихся опасностей. Однако критическим вопросом, на котором сосредоточился всеобщий интерес, оказалось представительство России на конференции союзников, которая должна была собраться в Париже в ноябре. В своей политической декларации, обнародованной в начале октября, правительство извещало о своем намерении принять участие в этой конференции и включить в число русских представителей делегата, пользующегося особым доверием демократических организаций страны. Эти представители, заявляло далее правительство, не только будут обсуждать вместе с представителями союзников военные вопросы, поднимаемые на конференции, но и будут также стараться выработать соглашение, основанное на принципах, провозглашенных русской революцией. Выступая с этой декларацией, правительство хотело умиротворить Совет Р. Д., не только требовавший гарантий в отношении вопросов, которые должны были рассматриваться на конференции, но и претендовавший на право быть на ней представленным. Терещенко всегда соглашался с тем, что главной работой конференции является рассмотрение вопроса о том, как могла бы быть приведена к быстрому и победоносному концу война, но в то же время он считал, что обсуждение вопроса о средствах необходимо связано с обсуждением целей. Он признавал также, что Россия не может говорить двумя языками и что он, как глава русского правительства, должен быть единственным представителем этого правительства и русского народа. Поэтому представитель демократии, как говорил Терещенко социалистам, будет играть лишь пассивную роль на-ряду с делегатом, назначенным правительством, и хотя он будет иметь возможность выражать ему лично взгляды русской демократии, но ему не будет разрешено проводить их путем голосования на конференции. Совет, державшийся совершенно иного взгляда на вопрос, уже избрал Скобелева, бывшего министра труда, своим представителем и снабдил его инструкциями, отражавшими ультра-пацифистские взгляды Совета. С другой стороны, союзные правительства, будучи готовы обсуждать положение с русскими делегатами не формальным образом, не хотели, чтобы вопрос об условиях мира был поднят на конференции официально. Кроме того, им не нравилась идея о присутствии на такой конференции представителя Совета. Я лично думал, что будет ошибкой с нашей стороны как воспрещать обсуждение мирных условий, так

и затруднять присутствие на конференции Скобелева. Такое обсуждение, как я указывал, никоим образом не должно нас связывать, и в то же время мы можем рассчитывать, что Терещенко сумеет держать Скобелева в надлежащих границах. Я имел двоякого рода основание желать угодить социалистам. Во-первых, хотя нельзя было ожидать, что Россия будет играть более нежели пассивную роль, однако нашим долгом было попытаться удержать Россию в войне для того, чтобы ее богатые рессурсы не были использованы Германией. Во-вторых, я боялся, что если мы оттолкнем более умеренных социалистов в оппозицию, то мы будем способствовать победе большевизма.

31 октября Терещенко произнес в Совете Республики речь, в которой не только определенно выступал против претензий Совета Раб. Депутатов на отдельное представительство на конференции, но и порицал в не очень сдержанных выражениях инструкции, которые Совет дал Скобелеву. Тогда как его речь не шла настолько далеко, чтобы удовлетворить правых, социалисты выражали неудовольствие по поводу того, что его непримиримая позиция по вопросу об их инструкциях сделала сотрудничество между правительством и демократией почти невозможным. В последовавших прениях Терещенко подвергся резким нападкам, и на следующий день Скобелев заявил Керенскому, что если правительство не пошлет в Париж кого-нибудь другого, то революционная демократия откажется от всякой мысли о представительстве на конференции. Лидеры различных демократических групп, с которыми советовался Керенский, единогласно поддерживали Скобелева и предупреждали Керенского, что если на конференцию отправится Терещенко, то отношения левого крыла Совета Республики к правительству будут серьезно испорчены.

ГЛАВА XXXI

1917

Слухи о большевистском восстании. — Поражение правительства во Временном Совете. — Выступление большевиков. — Исчезновение Керенского. — Бомбардировка Зимнего дворца. — Арест министров. — Образование большевистского правительства. — Конец Керенского. — Большевики становятся хозяевами севера России.

Слухи о большевистском восстании циркулировали уже в течение нескольких недель, и все ожидали, что оно произойдет за несколько дней до Всероссийского С'езда Советов. Терещенко даже полагал, что большая часть войск гарнизона стоит на стороне большевиков, но Керенский держался более оптимистических взглядов. В наших последних разговорах

с ним он не раз восклицал: «Я желаю только того, чтобы они вышли на улицу, и тогда я их раздавлю». Я уж приготовился к тому, что Терещенко выедет в Лондон 8 ноября по пути на Парижскую конференцию, и что мы будем сопровождать его, так как правительство желало посоветоваться со мной по вопросу о положении в России.

Мне кажется, что я помогу читателям проследить развитие событий в течение двух последних месяцев, которые я провел в России, если я изложу их в виде нижеследующих извлечений из своего дневника:

2 ноября.

«Терещенко, которого я встретил сегодня после обеда в Совете Республики, сказал мне, что Скобелев сегодня говорил более примирительно и заявил, что инструкции, полученные им, представляют собою не требования, но пожелания русской демократии относительно позиции, которая должна быть занята ее делегатом в том случае, если затронутые в этих инструкциях вопросы будут обсуждаться на конференции. Вопрос о том, будет ли сопровождать его Скобелев в Париж, как он добавил, не будет решен до окончания прений в понедельник, 5 ноября. Терещенко очень расстроен сделанным недавно в палате общин заявлением, что конференция будет обсуждать исключительно вопрос о ведении войны. Это заявление, сказал он, усугубило затруднительность его положения, потому что, хотя ведение войны, конечно, должно составить главный предмет обсуждения, однако не было необходимости говорить русской демократии в столь критический момент, как настоящий, что никакого обсуждения наших целей войны не будет допущено».

3 ноября.

«Военный министр Верховский подал в отставку. Он всегда заявлял, что для того, чтобы удержать войска в окопах, им необходимо сказать, за что они воюют, и что, следовательно, мы должны опубликовать свои условия мира и возложить ответственность за продолжение войны на германцев. На последнем заседании президиума Совета Республики вчера ночью он, повидимому, окончательно потерял голову и заявил, что Россия должна немедленно заключить мир, и что когда мир будет заключен, то должен быть назначен военный диктатор для обеспечения поддержания порядка. Когда Терещенко, поддержанный всеми прочими членами президиума, потребовал, чтобы это заявление было взято обратно, то он подал в отставку, которая была принята».

3 ноября.

«Сегодня после полудня для охраны посольства прибыл отряд кадет из военного училища, что указывает на приближение бури».

5 ноября.

«Сегодня утром я слышал, что Исполнительный Комитет Совета постановил образовать правительство, а в 12½ часов один из кадет сообщил мне, что большевики сгонят министров с их постов в течение двух ближайших дней.

«В час дня трое министров — Терещенко, Коновалов и Третьяков, которых я пригласил к завтраку, явились совершенно спокойными. В ответ на мое замечание, что после того, что я слышал сегодня утром, я уже почти не ожидал их видеть, они заявили, что эти слухи по меньшей мере преждевременны. Терещенко, затем, сказал мне, что вчера вечером он зашел к Керенскому и убедил его издать приказ об аресте Исполнительного Комитета Совета. Но после того, как он ушел, этот приказ был уничтожен по совету третьего лица. Они все трое уверяли меня, что правительство имеет за собой достаточную силу, чтобы справиться с положением, хотя Третьяков отзывался о Керенском очень презрительно, говоря, что он слишком социалист для того, чтобы можно было надеяться, что он подавит анархию. Я сказал ему, что не могу понять, почему правительство, уважающее себя, позволяет Троцкому возбуждать массы к убийству и грабежу, не арестовывая его. И Коновалов сказал, что он с этим совершенно согласен. Он заявил, что русская революция прошла через несколько фаз, и что теперь мы подошли к последней. Он думает, что, прежде чем я выеду в Англию, я увижу большие перемены. Обращаясь к Терещенко, я сказал: «Я не поверю, что мы действительно уедем, прежде чем мы сядем в поезд». — «А я, — возразил он, — не поверю, пока мы не переедем за шведскую границу».

«Если Керенский не согласится безоговорочно связать свою судьбу с теми из своих коллег, которые защищают твердую последовательную политику, то чем скорее он уйдет, тем будет лучше. Правительство является таковым только по имени, и положение не может быть много хуже, чем в настоящее время; даже если оно уступит дорогу большевикам, то последние не будут в состоянии продержаться долго и рано или поздно вызовут контр-революцию.

«Терещенко снова выступал сегодня вечером в Совете Республики, но когда вопрос был поставлен на голосование, то большинство оказалось против правительства. Хотя резолюция, принятая, в конце концов, осуждает замышляемое большевиками восстание, однако она возлагает ответствен-

ность за кризис на правительство. Она заявляет, что положение может быть спасено только передачей распоряжения землей в руки земельных комитетов и побуждением союзников к опубликованию своих условий и к открытию мирных переговоров. Сверх того, чтобы покончить со всяким контрреволюционным или мятежным движением, резолюция предлагает образовать Комитет Общественного Спасения, составленный из представителей органов революционной демократии, который должен действовать в согласии с Временным Правительством».

6 ноября.

«Терещенко говорит мне, что вчера ночью происходили беспорядки в пригородах и других частях города; что большевики намеревались организовать вооруженную демонстрацию; что в последнюю минуту у них не хватило храбрости, и она была отменена. Кроме того, они организовали военно-революционный комитет, издавший приказ к войскам, воспрещающий им исполнять какие бы то ни было приказы, не контр-ассигнованные этим комитетом.

«Сегодня в три часа утра были заняты типографии, в которых печатается несколько большевистских газет; последние правительство решило закрыть, и Терещенко ожидает, что это вызовет большевистское восстание. Он побуждает Керенского арестовать членов военно-революционного комитета и ни в коем случае не выедет в Лондон, пока положение не выяснится».

7 ноября.

«Вчера вечером Исполнительный Комитет Совета решил арестовать министров и образовать свое правительство. Запросив сегодня утром по телефону министерство, я был уведомлен, что Терещенко отказался от всякой мысли ехать в Лондон, и что он не может меня видеть. Несколько позже я услышал, что все войска гарнизона подчинились распоряжениям большевиков, и что весь город, включая Государственный банк, вокзалы и почтамт, находится в их руках.

«Все министры находятся в Зимнем дворце, а их автомобили, оставленные без охраны в соседнем сквере, либо попорчены, либо захвачены солдатами. Около десяти часов утра Керенский командировал офицера, с поручением отыскать для него новый автомобиль. Офицер встретил Уайтгауза, одного из секретарей посольства Соединенных Штатов, и убедил его одолжить Керенскому свой автомобиль под американским флагом. Они поехали вместе назад в Зимний дворец. Керенский сказал Уайтгаузу, что он предпола-

гает выехать в Лугу, чтобы присоединиться к войскам, вызванным с фронта; затем Керенский попросил его передать союзным послам просьбу не признавать большевистского правительства, так как он надеется возвратиться 12 числа с достаточным количеством войск для того, чтобы восстановить положение.

«В 4 часа сегодня утром Временное Правительство вызвало казаков, но последние отказались выступить в одиночку, так как не могли простить Керенскому того, что после июльского восстания, во время которого многие из их товарищей были убиты, он помешал им раздавить большевиков, а также и того, что он об'явил их любимого вождя Корнилова изменником. В 8 часов утра из Кронштадта прибыл крейсер «Аврора» и три других корабля и высадили десант из матросов, между тем части автомобильной роты, первоначально об'явившие себя за правительство, затем примкнули к большевикам. Хотя в течение дня происходила небольшая стрельба, но большевики практически не встретили никакого сопротивления, так как правительство не позаботилось о том, чтобы организовать какие-либо силы ради своей собственной защиты. После полудня я прошелся пешком по набережной в направлении Зимнего дворца и наблюдал с некоторого расстояния войска, окружившие одно из правительственных зданий с требованием очистить его. Вид самой набережной был более или менее нормален, если не считать групп вооруженных солдат, стоявших постами близ мостов».

8 ноября.

«Вчера в 6 часов вечера бронированные автомобили заняли позиции на всех пунктах, командующих над подходами к Зимнему дворцу, и вскоре затем туда явились делегаты от революционного комитета с требованием его безусловной сдачи. Так как на это не было дано никакого ответа, то в девять часов вечера был дан сигнал к атаке холостыми выстрелами из орудий с крепости и с крейсера «Аврора». Последовавшая бомбардировка продолжалась непрерывно до десяти часов, после чего последовал, примерно, часовой перерыв. В одиннадцать часов бомбардировка началась снова, при чем, как мы это наблюдали из окон посольства, по Троицкому мосту все время ходили трамваи, как и всегда. Гарнизон дворца состоял главным образом из кадет военного училища и одной роты женского батальона, — русские женщины сражаются на фронте и подают блестящие примеры храбрости и патриотизма, которые должны были бы пристыдить мужчин. Однако организованной защиты не было, и число убитых с обеих сторон было незначительно. Тем временем министры должны были

пережить страшную пытку, так как они переходили из комнаты в комнату, не зная предстоящей им судьбы. В половине третьего утра партии атакующих проникли во дворец боковыми ходами и разоружили гарнизон. Министры были арестованы и отведены сквозь враждебно настроенные толпы в крепость. Повидимому, обращение коменданта с ними было хорошим, так как он, очевидно, счел благоразумным обойтись по-дружески с нечестивцами, опасаясь, как он кому-то заметил, что счастье может некогда повернуться в другую сторону, и что он сам может оказаться обитателем одной из камер крепости.

«Сегодня после полудня я вышел, чтобы посмотреть, какие повреждения нанесены Зимнему дворцу продолжительной бомбардировкой в течение вчерашнего вечера, и, к своему удивлению, нашел, что, несмотря на близкое расстояние, на дворцовом здании было со стороны реки только три знака от попадания шрапнели. На стороне, обращенной к городу, стены были изборождены ударами тысяч пулеметных пуль, но ни один снаряд из орудий, помещенных в дворцовом сквере, не попал в здание».

9 ноября.

«Авксентьев, председатель Совета Республики, который зашел ко мне сегодня, уверял меня, что хотя большевикам удалось свергнуть правительство, благодаря преступному отсутствию предусмотрительности у последнего, но они продержатся немного дней. На состоявшемся ночью заседании Всероссийского С'езда Советов большевики оказались совершенно изолированными, так как все прочие социалистические группы осудили их методы и отказались принимать какое бы то ни было дальнейшее участие в заседаниях С'езда. Совет Крестьянских Депутатов также высказался против большевиков. Городская дума, продолжал он, образовала Комитет Общественного Спасения, составленный из представителей Совета Республики, Центрального Исполнительного Комитета Советов, Совета Крестьянских Депутатов и Комитета Делегатов с фронта. В то же время войска, которые ожидаются из Пскова, вероятно, подойдут через несколько дней. Я сказал ему, что не разделяю его уверенности.

«Я получил сегодня следующий ответ от г. Бальфура на свою телеграмму, уведомляющую его, что я остаюсь в Петрограде:

«Я высоко ценю ваше намерение остаться на своем посту и хочу еще раз заверить вас в симпатии правительства его величества и в его полном доверии к вашим мнениям и суждениям. Разумеется, вы можете выехать по своему усмотрению в Москву или другое место, если

найдете это желательным сделать; вы должны обращать особое внимание на свою личную безопасность».

10 ноября.

«Большевики образовали правительство с Лениным в качестве первого комиссара и Троцким в качестве комиссара иностранных дел. Оно будет называться «Советом Народных Комиссаров» и будет действовать под непосредственным контролем Центрального Исполнительного Комитета Всероссийского С'езда Советов. Троцкий сегодня после полудня пошел в министерство и пригласил к себе служащих; он выразил надежду, что сможет рассчитывать на их сотрудничество. Все они ответили отказом, а некоторые из служащих женщин заявили ему даже, что он немец. Он спросил у Татищева, начальника канцелярии Терещенко, посетят ли его послы или он первый должен сделать им визит. Когда ему сказали, что обыкновенно новый министр уведомляет послов письменно о своем вступлении в должность, он сказал, что такой обычай был очень хорош при старом режиме, но едва ли удобен при настоящих условиях. Одна из газет сообщила, что он зашел ко мне, но не проник дальше передней. И я, хотя и незаслуженно, получил после обеда букет цветов от каких-то «молодых русских» с надписью на карточке: «Браво! благодарим вас!». Примеру, поданному канцелярией министерства иностранных дел, последовало большинство других министерств, и правительственный механизм таким образом был парализован.

«Вчера Всероссийский С'езд Советов издал декрет, приглашающий демократии всех воюющих держав помочь ему избавить человечество от ужасов войны и предлагающий немедленное перемирие на три месяца с целью дать время для заключения демократического мира без аннексий и контрибуций. Термин «аннексий», как было об'яснено, обозначает насильственное удержание всякой иностранной территории, независимо от того, когда она была занята. С'езд издал, кроме того, декрет о национализации земли.

«Комитет Общественного Спасения, повидимому, склоняется к образованию чисто социалистического правительства, из которого кадеты были бы исключены, но которые на них опиралось бы. Они об'единились в желании подавить большевиков, но на этом их единение и кончается, так как некоторые из них склоняются к принятию большевистской программы в отношении мира и земли, тогда как другие выказывают резко отрицательное отношение к такому направлению.

«Паже телеграфирует из Копенгагена, что один бежавший русский пленный сообщил нашему военному атташе, что он нанят германцами в качестве агента для антибританской

пропаганды в Петрограде. По его словам, ему поручено войти в контакт с большевиками и организовать, между прочим, мое убийство. Я получил также копию листа, который недавно разбрасывался германцами с аэроплана среди русских войск на южном фронте, и в котором говорилось, что хотя они освободились от царя Николая, но британский посол сидит еще на престоле в качестве царя в Петрограде, что он навязывает свои желания русскому правительству и что пока он будет царствовать в России и пить русскую кровь, до тех пор они никогда не получат мира и свободы.

«Корнилову удалось бежать, и он прибыл на юг к Каледину. Они уверены, что завладеют Донецким бассейном. Керенский окончательно потерял кредит среди всех партий, и войска, если они войдут в Петроград, будут сражаться не ради восстановления его правительства, но ради поддержки социалистических групп, выступивших против переворота».

11 ноября.

«Последние два дня беспорядков не происходило, и вчера все думали, что войска Керенского теперь же вступят сюда, и что положение будет ликвидировано. Под влиянием такой уверенности Комитет Общественного Спасения побудил кадет военных училищ занять центральную телефонную станцию и предпринять выступление в других частях города. Вследствие этого положение еще раз стало острым, и теперь происходит стрельба по всему городу.

«Наша стража из восьми кадет отличилась на-днях присвоением ящика виски и ящика кларета, принадлежащих секретарям. Большая часть из них на следующий день захворала, а некоторых рвало в вестибюле. Они не только не оказывают нам никакой защиты, но, напротив, мы их защищаем. К счастью, в пятницу нам дали дополнительную охрану из польских солдат с офицером, и мы благополучно отправили кадет по домам, переодев их в штатское платье».

12 ноября.

«Телефонная станция была вчера снова отбита соединенными силами солдат, матросов и рабочих, но не без жертв с обеих сторон. Затем отряды войск с полевыми орудиями окружили некоторые военные училища и потребовали от них безусловной сдачи. При осаде одного из них, где было оказано серьезное сопротивление, как говорят, число жертв превысило двести человек, и несколько кадет было выброшено из окон верхних этажей. Около десяти часов вечера большевики снова завладели всем городом».

13 ноября.

«Керенский снова потерпел неудачу, как это было с ним во время июльского восстания и выступления Корнилова. Единственная его надежда на успех заключалась в том, чтобы ударить на Петроград с теми войсками, которые ему удалось бы собрать, но он тратил время на разговоры, выпуская приказы и контр-приказы, возбуждавшие неприязнь в войсках, и двинулся только тогда, когда было уже слишком поздно. Большевики снова заняли Царское и теперь уверены в победе. В Петрограде их поддерживают корабли, которые они привели из Кронштадта, и один из которых бросил якорь как раз против посольства. Если бы казаки попытались теперь вступить в город, то последний, вероятно, был бы подвергнут бомбардировке. Мы до такой степени отрезаны от внешнего мира, что знаем очень мало о том, что происходит в провинции; но в Москве, где в течение последних нескольких дней происходило настоящее сражение, большевики одержали верх. Число убитых, как говорят, достигает нескольких тысяч, и город, как кажется, был отдан на разграбление пьяной черни, завладевшей винными складами.

«Никто из посольства или колонии покамест не пострадал, но мы все еще переживаем очень тревожное время. Вчера из двух источников до нас дошли слухи, что на посольство ночью будет произведено нападение. Кроме польской охраны, у нас в доме оставалось на ночь шесть британских офицеров, и Нокс, исполняющий обязанности главнокомандующего, является в эти тревожные дни несокрушимым оплотом. Хотя большевики, которые хотят сохранить хорошие отношения с союзниками, едва ли могут одобрять такое нападение, однако всегда можно опасаться того, что германские агенты подстрекнут красную гвардию к набегу на посольство, чтобы вызвать трения между Великобританией и Россией. Несмотря на меры, принятые для поддержания порядка, жизнь в настоящее время не находится в полной безопасности, и сегодня утром перед нашими окнами один русский унтер-офицер был застрелен за отказ отдать свою шашку нескольким вооруженным рабочим».

14 ноября.

«Сегодня ко мне заходил Верховский. Он сказал, что Керенский не захотел, чтобы казаки сами подавили восстание, так как это означало бы конец революции. Он заявил, что умеренным социалистам еще, может быть, удастся образовать правительство, и сказал, что если бы ему позволили заявить войскам, что союзники обсудят и об'явят свои условия мира для представления германцам, то ему удалось бы отбить много солдат от большевиков».

17 ноября.

«Казаки под командой Краснова, которые должны были вступить в Петроград, заключили соглашение с большевиками, и Керенский бежал, переодевшись матросом.

«Положение в настоящее время безнадежно, так как большевики захватили север и Москву; и хотя Каледин держит в своих руках юг, однако нет никакой надежды на то, что ему удастся пробиться на север».

ГЛАВА XXXII

1917

Предложение перемирия Троцким. — Его нападки на союзников. — Троцкий отказывает британским подданным в разрешении на выезд из России.

Правительство Керенского пало, подобно царизму, без борьбы. И император, и Керенский намеренно закрывали глаза на угрожавшие им опасности, и оба допустили, чтобы положение вышло из-под их контроля, прежде чем приняли какие бы то ни было меры для своей собственной защиты. Император согласился даровать конституцию только после того, как его час уже пробил, и когда, выражаясь словами телеграммы Родзянко, было уже слишком поздно. То же самое было и с Керенским. Он выжидал и мешкал. Когда же, наконец, он настроился действовать, то оказалось, что большевики обеспечили себе поддержку гарнизона, и что не им, а ему предстоит быть раздавленным. Если бы я должен был написать эпитафии царизму и Временному Правительству, я написал бы два слова: потерянные возможности.

С самого начала Керенский был центральной фигурой революционной драмы и единственный среди своих коллег пользовался явной поддержкой со стороны масс. Будучи горячим патриотом, он хотел, чтобы Россия продолжала войну, пока не будет достигнут демократический мир. В то же время он хотел бороться с силами, создающими беспорядок и разруху, не желая, чтобы его страна сделалась добычей анархии. В первые дни революции он выказывал энергию и мужество, отмечавшие его, как единственного человека, способного обеспечить достижение этих целей. Но он не делал того, о чем говорил, и всякий раз, когда наступал кризис, он не умел воспользоваться случаем. Как доказали последующие события, он был человеком слова, а не дела. Ему представлялись благоприятные возможности, но он никогда не использовал их. Он всегда готовился нанести удар, но никогда не наносил его. Он думал больше

о спасении революции, чем о спасении своей родины, и кончил тем, что дал погибнуть и той и другой. Но хотя в качестве главы правительства, наделенного всей полнотой власти, которую он так печально использовал, он должен нести главную ответственность за выдачу России большевикам, другие партийные вожди также не могут быть оправданы. Умеренные социалисты, кадеты и другие не социалистические группы,— все они внесли свою долю в дело окончательной катастрофы, ибо в течение кризиса, взывавшего к их тесному сотрудничеству, они не сумели оставить свои партийные разногласия и со всею искренностью работать сообща ради спасения своей родины.

Социалисты, одержимые страхом перед контр-революцией, боялись принимать меры, которые одни только и могли сделать армию действительно боевой силой. С другой стороны, кадеты настаивали, и вполне справедливо, на восстановлении дисциплины в армии и на поддержании порядка в тылу. Но вместе того, чтобы попытаться корректностью своего поведения убедить социалистов в том, что последним нечего бояться дисциплинированной армии, они сошли с этого пути и создали впечатление, что они тайно работают в пользу контр-революции, в которой армия должна сыграть главную роль. К несчастью, партийные страсти слишком разгорелись для того, чтобы возможно было их обдуманное коллективное выступление против общего врага. Неспособность русских к дружной совместной работе даже тогда, когда на карте стоит судьба их родины, достигает степени почти национального дефекта. Как сказал мне однажды один из русских государственных деятелей, когда дюжина русских собирается за столом для обсуждения какого-нибудь важного вопроса, то они будут говорить целыми часами, не приходя ни к какому решению, а в заключение рассорятся друг с другом. Единственным членом правительства, который все время старался, но безуспешно, держать своих коллег на правильном пути и побуждал их вести твердую, устойчивую политику, был Терещенко. Не принадлежа ни к какой партии, он думал только о своей родине; однако под влиянием своей несчастной веры в Керенского, он держался слишком оптимистических взглядов на положение, а иногда внушал их и мне. Только тогда, когда уже было слишком поздно, он понял, как слаб тот тростник, на который вздумал опираться его любимый вождь.

С другой стороны, большевики составляли компактное меньшинство решительных людей, которые знали, чего они хотели и как этого достигнуть. Кроме того, на их стороне было превосходство ума, а с помощью своих германских покровителей они проявили организационный талант, которого у них сначала не предполагали. Как ни велико мое

отвращение к их террористическим методам, и как ни оплакиваю я разрушение и нищету, в которую они ввергли свою страну, однако я охотно соглашаюсь с тем, что и Ленин и Троцкий — необыкновенные люди. Министры, в руки которых Россия отдала свою судьбу, оказались все слабыми и неспособными, а теперь, в силу какого-то жестокого поворота судьбы, единственные два действительно сильные человека, которых она создала в течение войны, были предназначены для того, чтобы довершить ее разорение. Однако, когда они пришли к власти, то они были еще неизвестными величинами, и никто не ожидал, что они долго продержатся на своих постах. Перспективы были столь темны, что можно было только пробираться ощупью, во тьме. Я записывал только свои общие впечатления о настоящем, не пытаясь предугадать будущее, и, как это видно из нижеследующих моих извлечений из дневника, эти впечатления не всегда были правильны.

18 ноября.

«Большевики приобрели себе больше сторонников на фронте, и украинская партия действует с ними сообща. Они роздали рабочим оружие».

19 ноября.

«В деле образования коалиционного социалистического правительства нельзя отметить никаких успехов. С другой стороны, в рядах большевиков произошел серьезный раскол, и восемь из четырнадцати комиссаров подали в отставку в знак протеста против произвола, проявляющегося в подавлении свободы печати и проч. Правительство находится в настоящее время в руках небольшой клики экстремистов, которые хотят навязать свою волю стране террористическими методами. Замечаются признаки растущего недовольства вследствие затяжки кризиса как среди войск, так и среди рабочих, и некоторые фабрики послали делегатов в Смольный институт к большевикам с заявлением, что они должны притти к соглашению с другими социалистическими организациями. Некоторые из них говорили без обиняков, резко, что Ленин и Троцкий, подобно Керенскому, хотят только спать в постели Николая. Сначала существовала надежда, что отход столь многих большевистских лидеров приведет более умеренных членов этой партии к соглашению с представителями других социалистических групп, и что будет организовано правительство, из которого Ленин и Троцкий будут исключены. Эта надежда не осуществилась, и в настоящее время экстремисты употребляют большие усилия, чтобы завербовать на свою сторону левое крыло социалистов-революционеров и побудить откололвшихся членов своей пар-

тии вернуться. Если им это удастся, то они укрепят свое положение на время. Но если мир, который они обещали, будет отложен надолго, и если подвоз хлеба, с каждым днем уменьшающийся, прекратится, то массы могут восстать и свергнуть их. За исключением военного министерства, большая часть государственных служащих еще продолжает забастовку. Подвоз угля к железнодорожным линиям сократился до опасных размеров; армия и большие города находятся под угрозой голода, и рано или поздно вся правительственная машина должна распасться. Что тогда случится — сказать невозможно. Некоторые говорят, что через несколько месяцев у нас будет монархия. Однако хотя значительная часть населения разочаровалась в революции, я не вижу, каким путем может произойти такая перемена, если только Каледину не удастся собрать вокруг себя армию, а это представляется мало вероятным. В настоящий момент можно рассчитывать только на силу, а так как буржуазные партии пренебрегли возможностью организоваться с целью самозащиты, то большевики имеют полную свободу действий. В течение недавних боев в Петрограде и Москве только кадеты военных училищ были на стороне правительства, но так как они были без офицеров и безнадежно малочисленны, то они напрасно принесли в жертву свои жизни. В Москве, как говорят, число жертв достигает пяти тысяч, при чем вследствие беспорядочной стрельбы красной гвардии гражданское население понесло тяжкие потери.

«Сейчас здесь полное спокойствие, но если подвоз продовольствия прекратится, то положение будет очень серьезно. В качестве меры предосторожности мы сделали в посольстве запасы продовольствия, разместили в нем всех служащих, а также собрали здесь офицеров, принадлежащих к различным военным миссиям с целью иметь здесь, в случае необходимости, сильный гарнизон для защиты».

20 ноября.

«Мне неудобно покинуть Петроград, так как мое присутствие здесь успокаивает колонию, и мне лучше остаться и ждать событий. Мои союзные коллеги, с которыми я обсуждал вопрос о позиции, на которую мы должны стать по отношению к вновь образовавшемуся правительству, все соглашаются с тем, что мы не можем признать его официально, но расходятся по вопросу о том, должны ли мы вступить в неофициальные сношения с ним или нет. Я лично держусь того мнения, что мы должны установить с ним контакт с целью ведения некоторых текущих дел.

«Г. Бальфур согласился с тем, что это представляется существенно важным в интересах союзных колоний, и было

решено, что наши консулы, в случае необходимости, будут служить посредниками между нами и правительством».

20 ноября.

«Сегодня ко мне зашли бывший министр труда Скобелев и председатель Совета Республики Чайковский, представляющие, по их словам, рабочий класс и крестьянство. Они сказали мне, что предстоит образование социалистического правительства, куда не войдут большевики, и которое будет включать представителей казачьей демократии и будет поддерживаться кадетами. На мой вопрос, каким образом они предполагают свергнуть большевиков, они сказали: силой. Они уверяли, что могут рассчитывать на некоторые войска, достаточные для этой цели, так как армии нет никакого дела до большевиков, и она хочет только мира. Россия истощена и совсем не может больше воевать; но чтобы добиться успеха, они должны получить полномочия заявить армии, что союзники готовы обсуждать условия мира с целью привести войну к скорому концу. Такое заверение, сказали они, даст им большое преимущество над большевиками, с которыми союзные правительства не захотят вступить в сношения.

«Я ответил, что хотя союзные правительства могут согласиться на обсуждение условий мира с таким правительством, когда оно, наконец, образуется, но они не могут дать никаких гарантий быстрого окончания войны, так как после всех своих жертв они не могут принять преждевременного мира, который не давал бы никаких гарантий за будущее. Россия может купить мир лишь на условиях, гибельных для нее, и безусловно в ее интересах приложить усилия к тому, чтобы держаться на месте, не пытаясь предпринимать наступления, пока мы не разобьем Германии. Посоветовавшись между собой, они сказали, что если они получат гарантии, что союзники пойдут на конференцию для обсуждения условий мира и постараются притти к соглашению относительно этих условий, то, быть может, им удастся сформировать небольшую армию для защитительных целей. Скобелев, который должен был вечером выехать в ставку, чтобы встретиться там с прочими социалистическими вождями, спросил, может ли он от моего имени дать предварительные заверения в вышеприведенном случае. Однако я сказал ему, что все, что я могу сделать, это — передать такое предложение своему правительству».

21 ноября.

«В ночь на 20 число прапорщик Крыленко, на основании инструкции Ленина, послал радиотелеграмму генералу Духонину, верховному главнокомандующему, с приказанием

предложить перемирие германским командирам с целью открытия мирных переговоров. Союзные представители в Петрограде, говорилось в телеграмме, уже получили сообщение о шаге, который готовится сделать правительство. Это последнее утверждение было неверно, потому что только поздно вечером 21 числа я получил ноту от Троцкого с уведомлением об образовании правительства и с предложением перемирия и немедленного открытия мирных переговоров. В тот же день Троцкий заявил о своем намерении опубликовать все тайные договоры. Телеграфируя о вышеизложенном в министерство иностранных дел, я советовал оставить ноту Троцкого без ответа, правительству же его величества следует заявить в Палате Общин, что оно готово обсудить условия мира с законно образованным правительством, оно не может обсуждать их с правительством, нарушившим обязательства, взятые на себя одним из его предшественников в соглашении от 5 сентября 1914 г.

«Генерал Духонин ответил, что хотя заключение мира необходимо в интересах России, но он считает, что мирные переговоры могут быть ведены с успехом лишь правительством, признанным всей страной, как целым. Вследствие этого он был замещен прапорщиком Крыленко. Последний выпустил воззвание, приглашающее комитеты всех армий избрать своих представителей и открыть переговоры для заключения немедленного перемирия.

«Чайковский снова зашел ко мне сегодня перед от'ездом на фронт, куда, как он мне сказал, выехало уже около 20 делегатов с целью сформирования нового правительства и организации достаточной силы для подавления большевиков. Он говорил с большой уверенностью о близком падении последних. В ответ на мои слова, что я не разделяю его уверенности, он должен был согласиться, что большевики, предложив перемирие, опередили его и его друзей».

24 ноября.

«Сегодня зашел ко мне петроградский городской голова с целью заверить меня, что русская демократия сурово осуждает открытие переговоров о сепаратном перемирии, а также опубликование наших тайных соглашений. Он держится чрезмерно оптимистических взглядов на политическое положение. В течение нашего разговора он заметил, что если бы союзные представители покинули Россию, то это было бы суровым ударом для истинной демократии и для всех классов в стране, за исключением большевиков».

25 ноября.

«Союзные военные представители в ставке заявили официальный протест Духонину против нарушения сентябрь-

ского соглашения 1914 г. и сказали ему, что оно может иметь самые серьезные последствия. Скрытая угроза, содержавшаяся в последних словах, была истолкована в том смысле, что мы намерены предложить Японии напасть на Россию. Это был неудачный шаг, который причинил нам немало вреда. Троцкий по этому поводу выпустил горячее обращение к солдатам, крестьянам и рабочим, направленное против нашего вмешательства в русские дела. Он говорил им, что наше империалистическое правительство пытается загнать их кнутом обратно в окопы и превратить их в пушечное мясо. Он приглашал солдат избрать своих представителей и немедленно открыть переговоры с германцами.

«Сегодня начались выборы в Учредительное Собрание. На вчерашнем митинге гарнизона, на котором присутствовали представители всех политических групп, большевики фактически получили вотум доверия».

27 ноября.

«Троцкий сообщил союзным военным атташе ноту с уверением в том, что его правительство желает отнюдь не сепаратного, а всеобщего мира, но что оно решило заключить мир. Это будет ошибка со стороны союзных правительств, — говорит в заключение нота, — если в России, в конце концов, придется заключить сепаратный мир».

27 ноября.

«Я пришел к тому заключение, что единственное, что для нас остается, это—faire bonne mine au mauvajs jeu (делать хорошую мину при плохой игре). Следуя мысли, первоначально поданной Ноксом, я отправил в министерство иностранных дел следующую телеграмму:

«Я разделяю взгляд, уже высказанный генералом Ноксом, — что положение стало здесь настолько безнадежным, что мы должны пересмотреть свою позицию. По моему мнению, единственный правильный путь, оставшийся для нас, состоит в том, чтобы возвратить России ее слово и сказать ее народу, что, понимая, как истощен он войной и дезорганизацией, неразрывно связанной с великой революцией, мы предоставляем ему самому решить, захочет ли он добыть себе мир на условиях, предложенных Германией, или продолжать борьбу вместе с союзниками, которые решили не складывать оружия до тех пор, пока не будут обеспечены твердые гарантии всемирного мира. Моим единственным стремлением и целью всегда было удержать Россию в войне, но невозможно принудить истощенную нацию сражаться вопреки ее собственной воле. Если еще что-нибудь может побудить Россию сделать еще одно усилие, то это сознание

того, что она совершенно свободна действовать по собственному желанию, без всякого давления со стороны союзников.

«Существуют данные, доказывающие, что Германия старается довести дело до непоправимого разрыва между нами и Россией для того, чтобы подготовить почву для германского протектората, который она надеется, в конце концов, установить над этой страной. Для нас требовать своего фунта мяса и настаивать на том, чтобы Россия исполнила свои обязательства, вытекающие из соглашения 1914 г., значит играть в руку Германии. Каждый день, что мы удерживаем Россию в войне вопреки ее собственной воле, будет только ожесточать ее народ против нас. Если мы освободим ее от этих обязательств, то национальное чувство обратится против Германии, если мир будет оттягиваться или будет куплен на слишком тягостных условиях. Для нас вопрос жизни и смерти — отпарировать этот последний ход Германии, так как русско-германский союз после войны будет представлять вечную угрозу для Европы, особенно же для Великобритании.

«Я вовсе не защищаю какого-либо соглашения с большевистским правительством. Напротив, я думаю, что принятие указанного мною курса выбьет из их рук оружие, так как они уже не будут в состоянии упрекать союзников в том, что они гонят русских солдат на убой ради своих империалистических целей».

28 ноября.

«Я получил ноту от Троцкого с требованием освобождения двух русских — Чичерина и Петрова, интернированных в Англии за пропаганду против войны, которую они, очевидно, вели среди наших рабочих. Русская демократия не потерпит, — заявляет нота, — чтобы двое ни в чем неповинных русских подданных находились в заключении в то время, как британские подданные, ведущие активную пропаганду в пользу контр-революции, остаются безнаказанными».

3 декабря.

«Троцкий, как я слышал, очень раздражен на меня, за то, что я не ответил на его ноту. Когда я послал консула Будгауза за получением необходимого разрешения на возвращение на родину некоторых из наших подданных, он сказал, что решено не позволять ни одному британскому подданному выехать из России до тех пор, пока не будет удовлетворительно разрешен вопрос о двух интернированных русских. Он прибавил, что Чичерин — его личный

друг, и что он, в особенности, озабочен его освобождением, потому что предполагает назначить его дипломатическим представителем в одну из столиц союзных государств. В случае, если наше правительство откажется освободить его, он угрожал арестовать некоторых британских подданных, известных ему за контр-революционеров. Около девяти с половиной часов в тот же вечер ко мне зашел генерал Ниссель, французский военный представитель. По его словам, Троцкий сказал одному французскому офицеру, социалисту, находящемуся в тесном контакте с большевиками, что он питает особую неприязнь ко мне не только потому, что я восстанавливаю свое правительство против него, но и потому, что я все время после свержения последнего правительства не только нахожусь в постоянном контакте с Калединым и Комитетом Общественного Спасения, но и снабжаю последний средствами. Поэтому он думал арестовать меня, и если бы это повело к разрыву отношений между двумя нашими правительствами, то он задержал бы некоторое количество британских подданных в качестве заложников. Генерал Ниссель не думает, чтобы Троцкий осмелился арестовать меня в посольстве, но так как он знает, что я имею привычку ежедневно гулять пешком, то он может арестовать меня на улице. Чтобы утешить меня, генерал прибавил, что согласно наведенным им справкам, он думает, что наиболее удобными камерами в крепости являются номера от 30 до 36, и что если случится худшее, то я должен иметь это в виду.

«Я не принял чересчур всерьез угрозу Троцкого и продолжал свои обычные прогулки без всяких неприятных последствий. Только однажды, когда я повернул в боковую улицу от набережной, я чуть не попал в центр сражения, которое происходило на другом конце. К счастью, я был во-время остановлен одной нашей приятельницей, княгиней Марией Трубецкой, которая случайно попалась мне навстречу. Она уверила меня, что спасла мою жизнь, и пожелала непременно проводить меня до самого посольства, так как никто не нападет на меня, — говорила она, — если я буду с дамой».

4 декабря.

«Наше положение становится весьма затруднительным; тогда как наше правительство не может уступить перед угрозами; нашим подданным, приехавшим сюда из провинции для от'езда на родину, приходится очень круто, так как им приходится расходоваться, оставаясь тут, без конца. Сверх того, я вовсе не хочу дожидаться ареста членов нашего бюро пропаганды. В аргументации Троцкого, в конце концов, есть нечто справедливое: если мы претендуем на

право арестовать русских за пацифистскую пропаганду в стране, желающей продолжать войну, то он имеет такое же право арестовать британских подданных, продолжающих вести пропаганду в пользу войны в стране, желающей мира. Далее, в его власти не допустить приезда или отъезда наших курьеров и даже задержать нас здесь, если мы будем отозваны. Нуланс слышал от французского консула в Гельсингфорсе, что есть мысль об аресте нас, когда мы будем проезжать через Финляндию по пути на родину. Наш консул в этом городе также узнал от одного финского банкира, что один германский агент, эксперт по бомбам, недавно прибыл туда. На него, между прочим, возложена миссия взорвать наш поезд, когда мы будем проезжать через Финляндию.

«Чтобы положить конец неопределенности нашего положения, я в сообщении прессе об'яснил, что мы не можем признать настоящее правительство, и что я получил инструкции воздерживаться от всякого шага, который мог бы обозначать признание. Нота Троцкого, предлагающая всеобщее перемирие, как указал я, была доставлена в посольство только через девятнадцать часов после того, как генерал Духонин получил приказ открыть переговоры с неприятелем. Таким образом союзники были поставлены лицом к лицу с совершившимся фактом, о котором с ними не посоветовались. Хотя я телеграфировал в министерство иностранных дел содержание всех нот, направленных ко мне Троцким, однако я не мог отвечать на ноты правительства, которого мое правительство не признало. Сверх того, правительство, которое, подобно моему, получает свои полномочия непосредственно от народа, не может принять решения по вопросу столь важного значения, не удостоверившись заранее, что решение это получит одобрение и санкцию народа».

6 декабря.

«Троцкий опубликовал ответ с указанием на то, что союзные правительства были поставлены в известность о его намерении предложить всеобщее перемирие обращением Совета к демократиям мира от 8 ноября. Если его нота пришла в посольство довольно поздно, то это было всецело обусловлено второстепенными причинами технического характера. Мне передают, что Совет не одобряет последнего выпада Троцкого против меня».

7 декабря.

«Мнения относительно силы большевиков настолько расходятся, что очень трудно предсказать ближайшее будущее. Тогда как пессимисты предсказывают резню и убий-

ство, оптимисты уверяют, что царствование большевиков приходит к концу, что они не осмелятся распустить Учредительное Собрание, если последнее выскажется против них, и что если только мы продержимся до открытия этого Собрания, то положение изменится в нашу пользу. Я скорее склонен сомневаться в этом, так как много большевиков выбрано в провинции, а так как они представляют собою единственную партию, имеющую за собою реальную силу, то они, вероятно, сохранят за собою власть еще в течение некоторого времени. В течение последних нескольких дней наблюдались признаки желания с их стороны установить лучшие отношения с союзниками, и некоторые советы относительно условий перемирия, которые сербский посланник частным образом сообщил Троцкому, были последним хорошо приняты.

«Вчера я послал капитана Смита (переводчика посольства) к Троцкому, чтобы выяснить, возможно ли притти с ним к какому-нибудь соглашению относительно британских подданных, желающих выехать из России. Я поручил ему об'яснить, что я не могу посоветовать своему правительству уступить перед угрозами, но я попросил бы его пересмотреть вопрос о двух интернированных русских гражданах, если Троцкий, с своей стороны, отменит приказ, воспрещающий от'езд наших подданных. Троцкий ответил, что в ноте, которую он мне адресовал, он не намерен был прибегать к угрозам, и что я должен принять во внимание незнание им дипломатического языка. Он хотел только сделать ясным, что русские в Англии должны встречать к себе такое же отношение, как и англичане в России. Только четыре дня спустя после того, как он не получил никакого ответа на свою ноту, и после того, как он прочел в газетах, что я не намерен передавать его ноты своему правительству (это сообщение газет было неверно), он издал приказ, о котором идет речь. Он считает также целесообразным предостеречь меня, что ему фактически известно, что я нахожусь в сношениях с некоторыми агентами Каледина, хотя он не хочет называть их имена. Он не может, заявил он, поступить так, как я ему советую, и сделать первый шаг, но он тотчас же разрешит от'езд британских подданных, как только я опубликую сообщение в петроградской печати о том, что правительство его величества готово пересмотреть вопрос о всех интернированных русских и разрешить возвратиться в Россию тем из них, которые не будут уличены в каких бы то ни было незаконных деяниях. Он прибавил, что он вполне понимает затруднительность моего положения. Как он осведомлен, я был в близких отношениях со многими членами императорской фамилии; но после революции мне давали плохие советы

и плохо меня осведомляли, что в особенности надо сказать о Керенском. Я делаю вывод, что он намекал на то обстоятельство, что я недооценивал силы большевистского движения, и в этом он был прав. Керенский, Терещенко и некоторые другие министры всячески вводили меня в заблуждение в этом пункте и неоднократно заверяли меня, что правительство будет в состоянии подавить большевиков».

Вышеуказанный вопрос был, в конце концов, урегулирован правительством его величества, согласившимся на возвращение на родину интернированных русских на том условии, чтобы для британских подданных в России была восстановлена свобода передвижения.

7 декабря.

«Все время со дня большевистского восстания ходили упорные слухи, что их операциями руководят переодетые германские офицеры генерального штаба. Теперь я получил сообщение, хотя и не могу ручаться за его достоверность, что шесть германских офицеров прикомандировано к Ленинскому штабу в Смольном институте.

«Ленин выпустил прокламацию ко всем мусульманам Востока, в частности же к мусульманам Индии, с приглашением восстать и освободиться от ненавистного ига чужеземных капиталистов».

ГЛАВА XXXIII

1917—1918

Моя беседа с журналистами о нашем отношении к переговорам о перемирии. — Подписание перемирия. — Разрастание анархии в Петрограде. — Призыв Троцкого к союзным народам. — Цели большевиков. — Последний день в Петрограде.

Мой дневник продолжает давать полезные памятные записки о событиях:

8 декабря.

«Несколько дней тому назад я получил телеграмму от г. Бальфура, дающую изложение наших взглядов по вопросу об открытии переговоров о перемирии. Оно основано на решении, принятом Парижской конференцией, предложить союзным послам довести до всеобщего сведения о том, что их правительства готовы рассмотреть вопрос о целях войны, а также о возможных условиях справедливого и прочного мира, как только в России появится устойчивое правительство, признанное народом. Эту телеграмму, в несколько видоизмененной форме, я облек в форму первых трех параграфов следующего сообщения, которое я предполагаю сде-

лать представителям печати сегодня вечером. В пяти других параграфах я отвечаю на нападки, произведенные на меня Лениным и другими большевистскими вождями:

«Судя по недавней практике, тайная дипломатия вскоре станет достоянием прошлого, и потому дипломаты должны более, чем когда-либо, прибегать к прессе, как к посреднику для связи с народом. На этом основании я приветствую ваше посещение, желая при вашей любезной помощи апеллировать к русской демократии против тех, кто намеренно изображает в ложном свете политику моего правительства.

«Вы спрашиваете меня, каково наше отношение к России, и как мы смотрим на переговоры о перемирии, открывшиеся на русском фронте? Что касается первого из этих вопросов, то я могу заверить вас, что мы питаем симпатию к русскому народу, истощенному тяжкими жертвами, принесенными им в эту войну, а также общей дезорганизацией, являющейся неизбежным следствием всякого великого политического под'ема, какой представляет собой ваша революция. Мы не питаем к нему никакой вражды, равным образом нет ни слова правды в циркулировавших слухах о том, будто мы намерены прибегнуть к каким-то мерам принуждения и наказания в случае, если Россия заключит сепаратный мир. Что касается второго вопроса, то Совет Народных Комиссаров, открывая переговоры с неприятелем, не посоветовавшись предварительно с союзниками, нарушил соглашения от 23 августа — 5 сентября 1914 г., о чем мы имеем право сожалеть.

«Мы не можем в настоящую минуту признать основательность утверждения Совета Народных Комиссаров, что договор, заключенный самодержавным правительством, не может иметь обязательной силы для демократии, заменившей это правительство, ибо если принять такой принцип, то он подорвал бы прочность всех международных соглашений. Однако же, отвергая эту новую доктрину, мы не желаем заставить союзника против его воли продолжать нести свою долю общих усилий обращением к нашим правам, основанным на договоре. Существуют еще более высокие принципы, к которым мы могли бы апеллировать, если бы пожелали этого, — к тому же, это — принципы, вполне признаваемые Советом Народных Комиссаров. Это — принципы демократического мира, мира, согласующегося с желаниями малых и слабых народностей. Такой мир отвергает мысль об ограблении побежденного врага под предлогом возмещения военных убытков или о включении в состав больших государств территорий не желающих того народов.

Таков в общих чертах тот мир, который мое правительство, равно как и русская демократия, хочет обеспечить миру.

«Однако Совет Народных Комиссаров ошибается, думая, что он может обеспечить такой мир, требуя немедленного перемирия, за которым должно последовать соглашение. Совет Народных Комиссаров, употребляя грубое выражение, поступает шиворот навыворот. Напротив, союзники желают сначала притти к общему соглашению в гармонии с об'явленными ими целями, а затем уже обеспечить перемирие. Покамест ни один германский государственный деятель не сказал ни слова, которое доказывало бы, что идеалы русской демократии разделяются германским императором или его правительством, а ведь переговоры о перемирии должны вестись с германской автократией, а не с германским народом. Представляется ли вероятным, чтобы император Вильгельм, узнав, что русская армия перестала существовать в качестве боевой силы, был расположен подписать демократический и прочный мир, какого желает русский народ? Нет. Мир, к которому он стремится, есть германский империалистический мир. Хотя союзники не могут послать своих представителей для того, чтобы принять участие в переговорах о перемирии, однако же они готовы, как только установится прочное правительство, признанное русским народом, как целым, рассмотреть совместно с этим правительством цели войны и возможные условия справедливого и прочного мира. Тем временем они оказывают России наиболее действительную помощь, удерживая на своих фронтах огромную массу германских армий. Важные победы, недавно одержанные британскими войсками близ Камбре, являются хорошим предзнаменованием для будущего, ибо демократический мир, которого мы все столь горячо желаем, никогда не будет достигнут, пока не будет сломлена военная сила кайзера.

«Надеюсь, я показал, какие дружественные чувства мы питаем и с какою искренностью мы желаем помогать России в этот час кризиса. Позволю себе спросить: можно ли сказать то же самое о чувствах России к нам? Разве не правда, что не проходит почти ни одного дня без того, чтобы моя родина не подверглась какой-нибудь ожесточенной атаке со стороны органов печати, которые в настоящее время являются официальными? Читая их, можно было бы подумать, что Великобритания вызвала войну ради своих собственных империалистических, капиталистических целей и что она ответственна за всю пролитую кровь. Я не собираюсь

повторять часто рассказываемую сказку о происхождении войны. Я позволю себе только спросить, каково было бы положение России в настоящее время, если бы мы не вмешались, когда Германия нарушила нейтралитет Бельгии? Без британского флота и наших недавно сформированных армий, в которые записалось 3 миллиона добровольцев, Россия была бы в настоящее время вассалом Германии, и самодержавие было бы наивысшей силой в Европе. Если бы мы остались в стороне, то в России не было бы ни революции, ни свободы для народа. Об этом позаботилась бы германская армия. Без содействия Англии в войне Россия никогда не завоевала бы себе свободы.

«Не в праве ли мы поэтому претендовать на то, чтобы с нами обращались, как с друзьями, а не делали бы нас предметом грубых нападок? В своем призыве к мусульманам Востока г. Ленин говорил о нас, как о жадных эксплоататорах и грабителях, и подстрекал в то же время наших подданных, индусов, к восстанию. Он ставил нас в некотором отношении на более низкий уровень, чем турок, которым он хочет подать руку через Армению, совершенно забывая об ужасных зверствах, которые там уже учинены. Совершенно неслыханная вещь, чтобы человек, претендующий на направление русской политики, говорил таким языком о дружественной и союзной стране. Как может он думать, что тираническая Британия силой навязывает свою волю Индии, где 300 миллионов жителей? Знает ли он, что британский гарнизон, достигавший перед войной 75.000 человек, с тех пор сокращен до 15.000 благодаря лояльной поддержке со стороны туземных народов? Знает ли он, что одной из наших главных целей является подготовить разноплеменные и зачастую враждебные племена к самоуправлению, и что наше правительство поощряет образование индусских обществ и комитетов для этой именно цели? Едва ли хоть один из них носит антибританский характер и ни один не приближается по характеру к Совету.

«Положение англичан в России в настоящее время незавидно. Они подвергаются нападкам, и на них смотрят с подозрением. Наше бюро пропаганды, основанное с целью дать возможность обеим странам получше ознакомиться между собой, обвиняется даже в союзе с контрреволюционерами. Для такого обвинения нет ни малейшего основания, если не считать таковым преступление, состоящее в защите своей родины против клеветы и извращений, распространяемых германскими агентами. Пока Россия принимала активное участие в войне, до

тех пор наше бюро, что совершенно естественно, также вело пропаганду в пользу войны, но оно не делает этого более теперь.

«Я хочу, чтобы русский народ знал, что ни я сам, ни кто бы то ни было из находящихся в моем распоряжении агентов не имеем ни малейшего желания вмешиваться во внутренние дела России. В течение семи лет, что я был здесь послом, я работал со всею искренностью для того, чтобы достичь теснейшего сближения между Россией и Великобританией; но, хотя я имел связи, как того требует мой долг, с членами всех партий, я всегда со времени февральской революции держался строго нейтральной позиции. Раньше этого, я, правда, старался употребить все свое влияние на бывшего императора, чтобы склонить его в пользу некоторого рода конституционной формы правления, и я неоднократно советовал ему уступить законным желаниям народа. В настоящее время, когда его суверенные права перешли к русскому народу, последний, я верю, простит меня за такое отступление от строгих правил дипломатического этикета.

«В заключение я позволил бы себе обратиться к русской демократии со словами предостережения. Ее вожди, я знаю это, воодушевлены искренним желанием создать братство между пролетариями всего мира с целью обеспечения всеобщего мира. Я вполне симпатизирую преследуемой ими цели, но я хотел бы попросить их рассмотреть, удобны ли их настоящие методы для обращения к демократиям союзных стран, особенно же Англии. Они, несомненно, ненамеренно создают такое впечатление, что они придают большее значение германскому пролетариату, нежели британскому. Их отношение к нам более рассчитано на то, чтобы скорее разрушить, чем привлечь к себе симпатии британских трудящихся классов. В течение великой войны, последовавшей за французской революцией, речи, произнесенные против Великобритании, и попытки вызвать революцию в нашей стране только закалили решимость британского народа вести войну до конца и об'единили его вокруг тогдашнего правительства. История, если я не ошибаюсь, повторяется в настоящем, XX столетии».

10 декабря.

«Более двадцати пяти журналистов, представляющих газеты всех оттенков, за исключением большевиков, ожидали интервью, для которого я пригласил представителей прессы. Оно стало для меня своего рода пыткой, потому что после того, как Гарольд Вильямс прочел мое сообщение по-русски,

и после того, как журналистам были вручены копии, представители буржуазной печати задали мне ряд ненужных и компрометирующих вопросов, на которые я не мог отвечать, не подавая повода к еще более затруднительным вопросам со стороны социалистов. Затем корреспондент «Новой Жизни», газеты Горького, пожелал узнать, что означает выражение: «правительство, признанное народом», а также захотят ли союзники немедленно же открыть мирные переговоры после того, как такое правительство будет образовано. Я ответил, что законно образованное правительство должно, строго говоря, получить свои полномочия от Учредительного Собрания, но что Россия является страной таких неожиданностей, что мы не будем считать себя связанными такого рода определением. Мы готовы обсуждать вопрос о мире с таким правительством, но прежде чем могут быть открыты переговоры с неприятелем; союзники должны сперва притти к соглашению между собой, ибо, пока такое соглашение не будет достигнуто, они не могут выступить перед Германией с какой бы то ни было надеждой на успех. Этот ответ был подвергнут резкой критике «Новой Жизнью» и некоторыми большевистскими газетами, как показывающий, что мы не хотим пойти навстречу желаниям русской демократии. С другой стороны, мое сообщение нашло себе горячее одобрение среди дипломатических кругов и вызвало сердечное выражение благодарности со стороны русской колонии в Лондоне. Троцкий ссылался на него в речи, произнесенной им вчера. Он сказал, что я выразил свою любовь к России на пяти газетных столбцах, и теплота моих чувств его радует. Однако он предпочитал бы дела словам».

18 декабря.

«Неделю тому назад я свалился с ног. Поднявшись поутру, я увидел, что я не могу ходить прямо, но шатаясь, идя по комнате, как будто бы я находился на борту корабля. Я думаю, что причиной этого было головокружение. С тех пор я все время должен был лежать, и мой доктор говорит мне, что мои силы пришли к концу. Поэтому я просил по телеграфу разрешения вернуться домой и теперь получил позволение выехать, когда я этого пожелаю. Сегодня я чувствую себя лучше и предполагаю остаться до тех пор, пока Учредительное Собрание не соберется или не будет разогнано. Последнее кажется более вероятным, потому что большевики выпустили прокламацию, приказывающую арестовать кадетских вождей и заявляющую, что враги народа — помещики и капиталисты — не должны участвовать в этом Собрании. Они уже арестовали шесть кадетов, избранных в Учредительное Собрание».

19 декабря.

«Сегодня после полудня Троцкий зашел к французскому послу и сказал, что союзники все время отказывают пересмотреть свои цели войны, и что, так как он не желает быть сброшенным со своего поста подобно тому, как это случилось с его предшественниками, то он решил открыть мирные переговоры. Однако они будут отложены на неделю для того, чтобы дать возможность союзникам принять в них участие. Он был вполне корректен и вежлив. Он не сделал мне чести посетить меня, так как боялся, что я откажусь его принять.

«Около недели тому назад Троцкий возбудил вопрос о дипломатических визах на паспортах его курьеров и угрожал, что если мы не окажем ему полной взаимности, то он запретит курьерам английского короля в'езд и выезд из России. В разговоре с капитаном Смитом он сказал, что он имеет полное право так поступить, потому что я аккредитован правительством, не признавшим настоящего русского правительства, притом правительством, которое уже не существует. Поэтому я, в техническом смысле слова, представляю собою лишь частное лицо. Как я сообщил министерству иностранных дел, мы в полной его власти, и если мы не придем к какому-либо дружескому соглашению, то мы не только лишимся возможности посылать курьеров, но и подвергнемся риску других неожиданностей, вроде отказа в пропуске наших шифрованных телеграмм или в признании нашего дипломатического статута. А если это случится, то союзным правительствам придется отозвать своих послов».

23 декабря.

«Московский городской голова Руднев, Гоц, принадлежащий к левому крылу социалистов-революционеров, и петроградский городской голова на-днях сообщили мне, что они хотят меня видеть и предлагали мне встретиться с ними в Летнем Саду, чтобы не привлекать внимания. Я отказался от такого рода тайной встречи с ними, но сказал, что если они явятся в посольство, то я буду рад их видеть. Руднев и Гоц пришли сегодня поздно вечером, повидимому, приняв всяческие меры предосторожности к тому, чтобы не быть прослеженными. Весьма симптоматично для времени, в которое мы живем, что социалист с крайними взглядами, каков Гоц, должен приходить в посольство тайком из опасения быть арестованным как контр-революционер. Они сказали, что явились спросить меня, каково было бы наше отношение, если бы Учредительное Собрание пригласило нас превратить настоящие переговоры о сепаратном мире в пере-

говоры о всеобщем мире. Затем они обратились ко мне со следующим вопросом: если России, которая не может продолжать войны, придется заключить сепаратный мир, то не можем ли мы чем-нибудь помочь ей в том отношении, чтобы она не была вынуждена принять условия, вредные для интересов союзников? В заключение они пожелали узнать, является ли серьезным или представляет собою простой блеф по отношению к германцам заявление г. Ллойд Джорджа о том, что Англия намерена продолжать войну до конца. Я дал необязывающие ответы на все эти вопросы, и после того, как я об'яснил основания, вынуждающие нас продолжать войну, они заверили меня, что социалисты-революционеры считают не Англию, но Германию ответственной за продолжение войны. Когда они уходили, то Руднев сказал мне, что мое кресло в зале городской думы всегда в моем распоряжении, так как Московская дума не большевистская. Однако меня не очень соблазняет занимать его при настоящих обстоятельствах».

28 декабря.

«В Рождественскую ночь в нашем посольстве был устроен вечер, которому суждено стать последним и на котором присутствовало свыше ста наших служащих и членов разных военных миссий. Мы начали с концерта и разного рода дивертисментов, организованных полковником Торнгиллом, а закончили обедом. Несмотря на крайнюю скудость припасов, мой повар изготовил нам самое пышное угощение.

«Вследствие репрессалий, которыми угрожал Троцкий британским подданным в случае, если его курьерам не будут немедленно выданы дипломатические паспорта, мы должны были уступить, и я получил полномочие дать необходимые визы без всяких условий. Уведомляя его об этом, капитан Смит выразил от моего имени надежды на то, что он в будущем попытается найти способ дружественным образом улаживать всякий спорный вопрос, который может возникнуть, прежде чем прибегать к произвольным мероприятиям. Троцкий ответил, что он всегда готов был действовать примирительно, но что он убедился на опыте, что такая политика не вознаграждается и приводит только к длительным дискуссиям.

«У меня был рецидив болезни, и мой доктор настаивал на моем от'езде на родину, не ожидая открытия Учредительного Собрания. Поэтому я решил выехать 7 января. Линдлей, который все время с момента своего назначения советником в 1915 году оказывал мне столь ценную помощь, останется здесь заведывать делами посольства. Однако в согласии с решением, принятым Парижской конференцией, — чтобы союзные правительства, отнюдь не прощая

измены России, вступили в неофициальные сношения с петроградским правительством, Локкарт, развивший столь блестящую деятельность в Москве, будет сноситься с этим правительством в качестве нашего неофициального агента».

30 декабря.

«Троцкий выпустил обращение к народам и правительствам всех союзных стран. Русская революция, заявляет он, открыла двери для немедленного всеобщего мира, и если только союзные правительства пожелают воспользоваться настоящим благоприятным случаем, то всеобщие переговоры могут быть начаты немедленно. С другой стороны, если они откажутся от участия в переговорах, то трудящиеся классы в их странах должны восстать против тех, кто отказывается дать народу мир. В заключение он обещает первым свою полную поддержку».

5 января.

«Троцкий возбудил еще один опасный вопрос, предложив назначить русского представителя в Лондон. Для нас очень трудно согласиться на это, между тем как, если мы откажемся, то он может отплатить тем, что лишит союзных представителей дипломатического иммунитета. Я указал министерству иностранных дел, что должны сделать выбор и либо притти к какому-нибудь деловому соглашению с большевиками, либо совершенно с ними порвать. Полный разрыв предоставил бы германцам свободу действий в России и лишил бы нас возможности оказывать нашим интересам ту защиту, которую может дать им посольство. Поэтому, по моему мнению, мы можем прибегнуть к такому выводу лишь на последний конец.

«Троцкий, выехавший в Брест-Литовск для возобновления мирных переговоров, теперь обвиняет нас в том, что мы намерены заключить мир за счет России. Вчера он сказал моему приятелю, что это ясно из последней речи Ллойд Джорджа, в которой он заявил, что союзникам будет приятно видеть, что Германия заключит мир «с аннексиями» с Россией, так как они надеются, что, насытившись по горло на Востоке, она будет более расположена к уступкам на Западе. Это ясно показывает, что он готовится к отступлению и к принятию германских условий».

6 января.

«Наш последний день в Петрограде. И все же, несмотря на все то, что мы здесь пережили, у нас грустно на душе. Почему это Россия захватывает всякого, кто ее знает, и это непреодолимое мистическое очарование так велико, что даже тогда, когда ее своенравные дети превратили свою столицу в ад, нам грустно ее покидать? Я не могу об'яснить

причины, но нам действительно грустно. Сегодня после обеда я сделал печальный прощальный визит своему другу великому князю Николаю Михайловичу. Хотя он смотрит на будущее с обычной своей бодростью и был столь же остроумен и очарователен, как всегда, но, я думаю, у него есть предчувствие того, что его судьба будет раньше или позже решена. И оба мы чувствовали, что никогда больше не встретимся. И когда я с ним прощался, то он обнял меня по старому русскому обычаю и поцеловал в обе щеки и лоб (великий князь Николай Михайлович, два его брата и великий князь Павел Александрович были расстреляны большевиками следующим летом). Возвратившись в посольство, я написал прощальное обращение с выражением сердечной благодарности членам моего посольства за их многочисленные услуги, оказанные в течение этих тяжелых годов войны и революции, и с указанием на то, как горячо я ценю лояльную поддержку и многочисленные доказательства личной привязанности, которые они мне дали. Я только что получил очаровательный ответ, написанный от их имени Линдли и глубоко меня растрогавший. Сегодня вечером мы обедаем у Бенджи Брюса, который в качестве главы канцелярии должен был нести бремя и труды этого дня. Он был в полном смысле моей правой рукой, он всегда старался снять с меня как можно больше труда, он был верным и преданным другом, к которому я питаю искреннюю привязанность».

ГЛАВА XXXIV

1918—1922

Наше путешествие на родину через Финляндию. — Телеграмма военного кабинета. — Моя неофициальная работа по русскому вопросу. — Англо-русский клуб. — Мои взгляды на положение в России и на политику интервенции.

От'езд из посольства в ранний час того зимнего утра не мог доставить нам удовольствия. Электрического освещения не было, и свечи, расставленные там и сям по лестнице и в коридорах, только подчеркивали темноту. А затем, когда медленно двигавшийся автомобиль подвез нас по глубокому снегу к Финляндскому вокзалу, то угрюмый вид и мрачные взгляды красногвардейцев, стоявших там на карауле, заставили меня сомневаться, удастся ли нам спокойно закончить свое путешествие. Троцкий не ставил никаких затруднений моему от'езду и предоставил мне обычные удобства. Однако он отказался распространить эту льготу, как акт любезности, на генерала Нокса, адмирала Стенли и пятерых других офицеров, которые ехали с нами, в случае,

если я не гарантирую ему подобных же облегчений для военных атташе или офицеров, которых он, быть может, пожелает командировать в Англию. Я сказал ему, что не могу этого сделать. Я указал, что наши офицеры возвращаются домой после того, как прослужили несколько лет в России, а так как у него нет в Англии русских офицеров, которые желали бы возвратиться в Россию, то никакого вопроса о взаимности здесь быть не может. Комиссариат иностранных дел также отказался сделать какие-нибудь шаги, чтобы обеспечить какие-нибудь удобства для нас в поезде; но так как мы покорили сердце начальника станции, подарив ему две бутылки старой водки, то нам удалось получить целый спальный вагон, предоставленный в распоряжение нашей компании. Несмотря на ранний час и на трескучий мороз, большинство моих коллег, а также члены посольства и некоторые друзья из английской колонии пришли проводить нас и пожелать нам счастливого пути.

17 января мы прибыли в Англию. Только после пяти недель отдыха я оказался в состоянии снова взяться за активную работу. Хотя теперь у меня не было официальных обязанностей, но мое время в течение ближайших полутора лет сполна поглощалось сотрудничеством с женой в деле оказания помощи британским и русским беженцам и освещением русского вопроса перед британской публикой. Я был председателем полудюжины комитетов, занимавшихся различными сторонами русского вопроса. Я был также президентом англо-русского клуба, основанного несколькими коммерсантами, имевшими интересы в России, которые понимали, что они могут надеяться спасти хоть что-нибудь от кораблекрушения только путем об'единенной и координированной работы. Клуб мало-по-малу сделался сборным пунктом для всех, имевших интересы в России, и так как большинство его членов было на практике знакомо со всеми условиями экономической, промышленной и финансовой жизни России, то он был в состоянии давать правительству его величества весьма ценную информацию. Я глубоко симпатизировал большинству его членов, понесших потери, и горячо его поддерживал, при чем принимал участие на его обедах всякий раз, когда клубу оказывал честь своим посещением какой-нибудь почетный гость, как, например, г. Винстон Черчиль.

В первых своих беседах с г. Бальфуром и другими членами правительства я высказывался против полного разрыва с большевиками на том основании, что это предоставило бы германцам полную свободу действий в России. С другой стороны, я усиленно подчеркивал то обстоятельство, что тогда как нам нечего ждать от социалистов-революционеров. Ленин и Троцкий, хотя они и очень крупные люди, пред-

ставляют собою разрушительную, а не созидательную силу. Они могут разлагать, но не строить. Их конечная цель состоит в низвержении всех старых так называемых империалистических правительств, и, как я говорил тогдашнему первому министру, они никогда не будут работать вместе с человеком, в котором они видят подлинное олицетворение империализма.

По мере того, как положение изменялось к худшему, я видоизменял взгляды, которые первоначально высказывал. Мы должны были выбрать одно из двух: либо притти к соглашению с большевиками на основе полной взаимности во всем, либо совершенно порвать с ними и отозвать наше посольство. Я сильно склонялся в пользу последнего выхода, особенно в виду некоторых надежд, которые, казалось, подавала оказываемая союзниками материальная помощь лойяльным элементам на юге России, которые еще не подчинились ни большевикам, ни германцам.

Во всех речах, произнесенных мною в течение следующего года как в русском клубе, так и в других местах, я всегда защищал политику вооруженной интервенции. Русский вопрос, утверждал я, является доминирующим фактором интернационального положения, и до тех пор, пока он остается не решенным, не может быть устойчивого мира в Европе. Сверх того, предоставление России ее собственной участи могло бы привести к тому, что Германия могла бы в один прекрасный день обеспечить за собой распоряжение огромной людской силой России и ее неслыханными минеральными богатствами. В то же время, позволить большевикам упрочить свое положение значило бы позволить их агентам распространять разрушительные коммунистические доктрины в большей части Азии и Европы. Я не защищал обширной экспедиции с той целью, которую противники интервенции называли завоеванием России, но отстаивал подкрепление армии генерала Деникина и прочих противобольшевистских армий посылкой небольших добровольческих частей, которые легко могли бы быть собраны после перемирия среди наших и колониальных войск. Большевистская армия не была тогда настолько сильна, как в настоящее время, и просто-таки горсти британских войск с танками и аэропланами было бы достаточно для того, чтобы генерал Юденич мог бы взять Петроград. С другой стороны, если бы мы, помимо снабжения генерала Деникина военным снаряжением, послали бы британского генерала во главе небольшого экспедиционного корпуса для контроля над его операциями и с целью настаивать на том, чтобы он вел примирительную политику по отношению к крестьянам, то Москва была бы также взята; а большевистское правительство не долго пережило бы падение двух этих столиц. Я охотно допускаю, что финансовый вопрос

необходимо было принять во внимание, так как при подоходном налоге в шесть шиллингов на фунт мы не легко могли бы ввязаться в такого рода предприятие. Но если бы цель этого предприятия была достигнута, то деньги, которых оно стоило бы, оказались бы помещенными в хорошее дело. Мы достигли бы открытия торговли с богатейшей страной в Европе, мы спасли бы многие важные британские интересы в России, и с устранением большевистской угрозы миру мы получили бы больше оснований смотреть с доверием на будущее, чем в настоящее время.

Но я сознаю, что лишь немногие согласятся с моими взглядами на этот вопрос, потому что наша интервенция оказалась на практике столь неудачной, что была осуждена в принципе всеми, как ошибочная политика. Проводимая на самом деле скрепя сердце, она, несомненно, была ошибкой, и затраченные на нее деньги были выброшены на ветер. Союзные правительства, не имея ясно определенной политики и, боясь себя скомпрометировать, прибегли к полумерам, неудача которых была почти предрешена. Одной рукой они поддерживали Деникина, а другую протягивали большевикам. Они снабжали первого военными материалами и приглашали последних на конференцию на Принцевы острова, — предложение, на которое падает прямая вина за отпадение большого отряда Донских казаков и за быстрый и значительный отход на юге, который явился следствием этого. Если бы интервенция проводилась иначе, то и результаты ее могли бы быть совершенно иными. Она не служила бы к тому, чтобы загонять лойяльных русских в большевистский лагерь, как это часто утверждают.

Неудача интервенции была вызвана другими причинами. Тогда как план Принкино не нравился многим из наших друзей и сочувствующим нам, признание кавказских республик и балтийских государств, в связи с необоснованным подозрением в том, что мы поощряли поляков к аннексии территории, которая этнически является русской, вызвало негодование у многих русских патриотов. Ряды Красной армии усилило опасение того, что союзники намерены расчленить Россию, а не интервенция. Равным образом в нашем случае неприменим и прецедент французской революции. В самом деле, тогда как интервенция австрийцев и пруссаков имела ясной целью возвратить Бурбонов на французский престол, мы никогда ни на одну минуту не замышляли навязать Романовых не желавшей того России. Мы с самого начала сделали ясным, что такого рода идея весьма далека от нас и что наша цель состоит в том, чтобы обеспечить русскому народу право самоопределения, и чтобы он мог свободно избрать ту форму правления, какую сочтет наилучшей.

А. Ф. КЕРЕНСКИЙ

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ [1])

Правда ли, что мы [2]) могли и не захотели спасти жизнь царской семьи своевременной отправкой ее за границу вообще, и в Англию, в частности? — Этот вопрос интересовал очень многих, обсуждался в иностранной печати, и я считаю своевременным теперь об'яснить, почему в конце лета 1917 года Николай II и его семья оказались не в Англии, а в Тобольске.

Вопреки всем сплетням и инсинуациям, Временное Правительство не только *смело*, но и решило еще в самом начале марта отправить царскую семью за границу. Я сам 7 (20) марта в заседании Московского совета, отвечая на яростные крики: «Смерть царю, казните царя», — сказал: «Этого никогда не будет, пока мы у власти. Временное Правительство взяло на себя ответственность за личную безопасность царя и его семьи. Это обязательство мы выполним до конца. Царь с семьей будет отправлен за границу, в Англию. Я сам довезу его до Мурманска». — Это мое заявление вызвало в некоторых советских кругах обеих столиц взрыв возмущения. Не успел еще я вернуться в Петроград, как глубокой ночью вооруженная, с броневиком, как потом оказалось самозванная советская делегация ворвалась в Царскосельский дворец и требовала пред'явления ей царя, с явной целью его увоза. Сделать это ей не удалось.

Но Вр. Правительство после этого из'яло охрану царя из ведения военного министерства и ком. войсками ген. Кор-

---

[1]) В дополнение к тому, что сообщает Бьюкенен о переговорах между Временным Правительством и Великобританией по вопросу об увозе царской семьи за границу (стр. 216 — 219) мы считаем не лишним привести выдержку из статьи Керенского в его сборнике «Издалека». Эта статья не оставляет места для сомнения: Вр. Правительство приложило все старания к тому, чтобы вывезти царскую семью за границу и не его вина, что эти старания не увенчались успехом и что за границей не был создан таким образом центр концентрации контр-революционных сил для последующей борьбы против Советской России. *Ред.*

[2]) Т.-е. Врем. Правительство. *Ред.*

нилова и возложило эту тягчайшую обязанность на меня — министра юстиции.

Впредь случаев, подобных описанному, не повторялось. Однако, признавая пребывание б. царской семьи у самой столицы и вообще в России необеспеченным от всяких случайностей при всяких возможных политических потрясениях и переменах, Временное Правительство озабочено было подготовкой высыла обитателей Александровского дворца за границу и вело соответствующие дипломатические переговоры с лондонским кабинетом.

Однако, уже летом, когда оставление царской семьи в Царском Селе сделалось совершенно невозможным, мы, *Временное Правительство, получили категорическое официальное заявление о том, что до окончания войны в'езд бывш. монарха и его семьи в пределы Британской империи невозможен.*

Утверждаю, что если бы не было этого отказа, то Вр. Правительство не только посмело, но и вывезло бы благополучно Николая II и его семью за пределы России, так же, как мы вывезли его в самое тогда в России безопасное место — в Тобольск. Несомненно, что если бы корниловский мятеж или октябрьский переворот застали царя в Царском, то он бы погиб, не менее ужасно, но почти на год раньше.

Библиотека
[illegible] В. И. Ленина

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

Палеолог, М. Царская Россия. Перев. и пред. М. Павловича. Ц. 1 р. 60 к.
Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1915 г. г. Т. III. С пред. М. Н. Покровского. Ц. 5 р.
Победоносцев, К. П. и его корреспонденты. Письма и записки. С предисловием М. Н. Покровского. Т. I. Ц. 9 р.
Политические процессы 60-х годов. Материалы подготовлены к печати В. И. Алексеевым. Под ред. Б. И. Козьмина. Ц. 80 к.
Пурталес, бывш. герм. посол в России. Между миром и войной. Мои последние переговоры в Петербурге в 1914 году. С предисл. В. Кряжина. Ц. 50 к.
Ренсом, Артур. Шесть недель в Советской России. Перев. с англ. Ц. 60 к.
Семенов, С. Рядовые и взводные. (Партийные будни.) Ц. 35 к.
Свечников, М. С. Революция и гражданская война в Финляндии. 1917—1918 г. г. (Воспоминания и материалы.) Ц. 1 р.
Союзная интервенция в Сибири 1918—1919 г. г. Записки начальника английского экспедиционного отряда Джона Уорда. Ц. 1 р. 20 к.
Федосеев, Н. Один из пионеров революционного марксизма в России. (Сборник воспоминаний.) Ц. 40 к.
Фишер, А. В России и Англии. Ц. 20 к.
Чернин, О. В дни мировой войны. Ц. 1 р. 25 к.
Шелгунов, Н. В. Воспоминания. Ред., вступ. статья и примеч. А. А. Шилова. Ц. 1 р. 75 к.
Шляпников, А. Канун 1917 года. Воспоминания и документы о рабочем движении и революционном подполье за 1914—1916 г. г. Ч. I. Ц. 1 р. 20 к. Ч. II. Ц. 80 к.

Торговый Сектор Государственного Издательства

МОСКВА, Ильинка, Биржевая пл. Богоявленский, 4. Тел. 76-51.

Ленинградское представительство, **ЛЕНИНГРАД,** Пр. Володарского, 64.

ОТДЕЛЕНИЯ: Армавир, Первомайская, 54; Баку, ул. Троцкого, 14; Батум, ул. III Интернационала, 15; Владикавказ, Пролетарский пр., 38; Вологда, площадь Свободы; Воронеж, проспект Революции, 1-й дом Совета; Екатеринбург, ул. Пушкинской и Кв. Малышева; Казань, Гостинодворская, Гостиный двор; Киев, Крещатик, 38; Кисловодск, улица Карла Маркса, 7; Кострома, Советская, 11; Краснодар, Красная, 35; Нижний-Новгород, Б. Покровка, 12; Одесса, ул. Лассаля, 27; Пенза, Интернациональная, 39/43; Пятигорск, Советский пр., 43; Ростов-на-Дону, ул. Фридриха Энгельса, 106; Саратов, ул. Республики, 30 (42); Тамбов, Коммунальная, 14; Тифлис, проспект Руставели, 16; Харьков, Московская, 20.

МАГАЗИНЫ в Москве: 1) Советская пл., под б. гост. „Дрезден", тел. 1-28-94; 2) Моховая 17, тел. 1-31-50; 3) ул. Герцена, 13, тел. 2-64-95; 4) Никольская ул., 3, тел. 49-51; 5) Серпуховская пл., 1/43, тел. 3-79-65; 6) Кузнецкий Мост, 12, тел. 1-01-35; 7) Покровка, Лялин пер., 11, тел. 81-94; 8) Мясницкая 46/2, тел. 5-98-76; 9) Ильинка, Богоявленский, 4, тел. 1-01-19; 10) пл. Свердлова, 2-й дом Совета „Серп и Молот", тел. 1-32-42.

ЛУБЯНСКИЙ СКЛАД социально-экономической литературы и магазин при нем. Б. Лубянка, 12. Тел. 2-31-29.

Торгсектором Госиздата организован **ОТДЕЛ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ,** выполняющий быстро и аккуратно бандеролью и небольшими почтовыми посылками все заказы на книги Госиздата и всех других издательств а также и на дореволюционные издания.

Заказчики, **ОБРАЩАЮЩИЕСЯ НЕПОСРЕДСТВЕННО** в Отдел Почтовых Отправлений (Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4), при высылке денег вперед—**ЗА УПАКОВКУ и ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТ** и таким образом получают любую книгу по цене издательств.

Ц. 2 р.